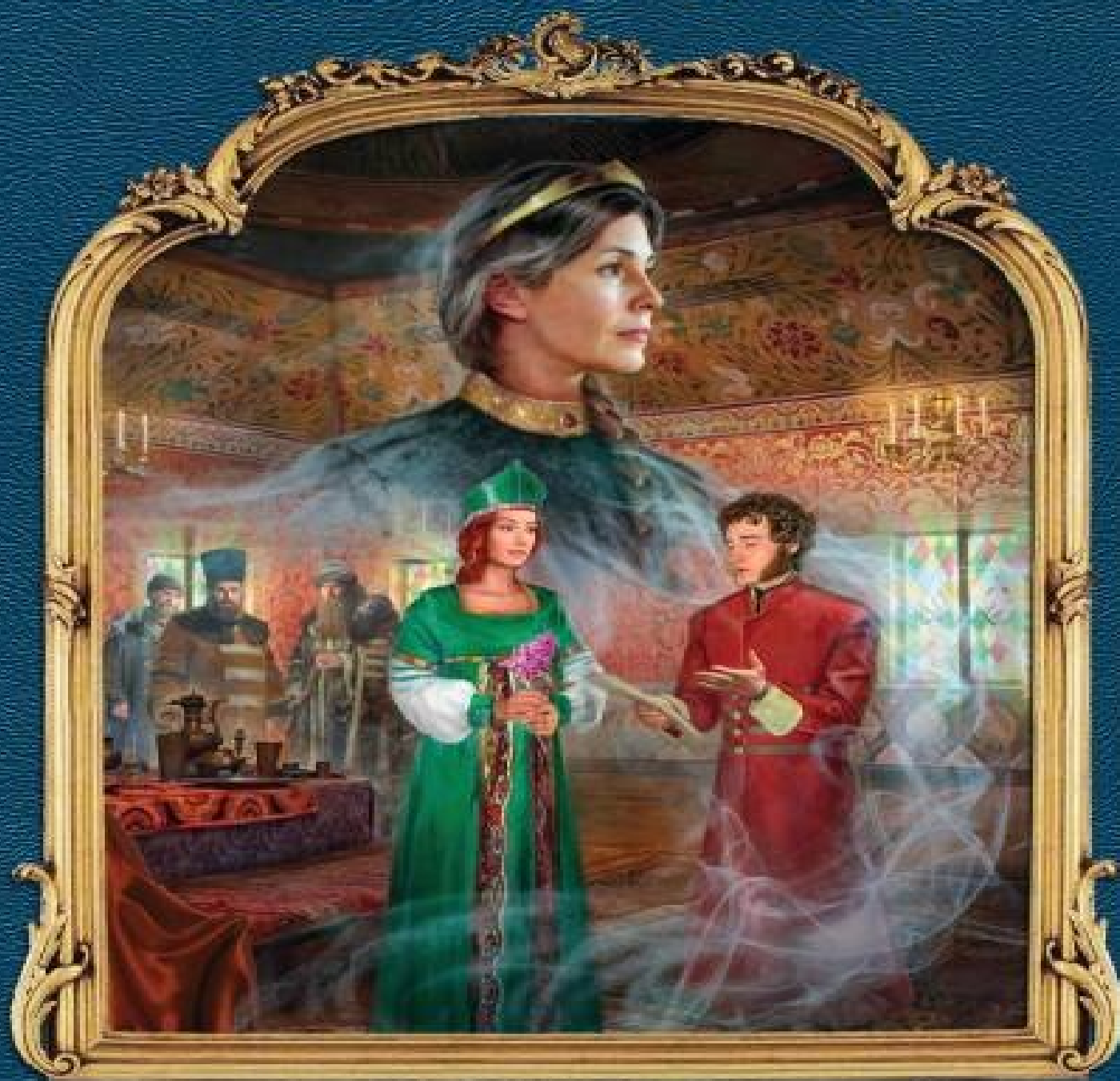


Колдовские  миры

ГАЛИНА  
ГОНЧАРОВА



Азъ есмь СОФЬЯ  
Крылья Руси

## Annotation

Последняя книга серии.

Удастся ли Софье ее затея? Станет ли Русь великой? Как оценят ее потомки?

Наверное, она об этом никогда не узнает.

---

- [Содержание](#)

- [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Эпилог](#)
- 

## Содержание

# Галина Гончарова

## Крылья Руси

*Падают мысли, падают листья  
Желтым осенним грустным дождем  
Мы не приходим, мы не уходим, мы ничего не  
ждем  
Кружатся люди, кружатся лица  
В вихре сомнений болит голова  
Правы, неправы, имели право – сила всегда  
права  
Верят чужие, верят родные,  
В страшную сказку ночью поверь  
Мы так решили. Мы заслужили. Мы –  
приоткрыли дверь.  
Кровь проливали. Жизнь отдавали.  
Ноги до кости сбивали в пути.  
Право и слава. Крест и отравы. Мы – не  
смогли уйти.*

# Глава 1

1684 год

Бунт – это всегда неприятно. А если в детских воспоминаниях у тебя числится Фронда – вдвойне противнее. Так что Людовик метался по дворцу, как дикий зверь.

– Твари! Сволочи!

Справедливости ради, христианнейший король-солнце употреблял и другие слова, но историки их не сохранили. А зря – фольклор бы сильно обогатился.

– Ваше величество, Ла-рошель, Ним, Монтобан, Кастр, Юнеза...

В Лувуа полетела чернильница, но канцлер уклонился со сноровкой опытного придворного.

– Пошел вон... и...!

Лувуа послушно вылетел за дверь. Когда король в таком настроении – тут не титулов и земель, головы лишиться можно. И, в общем-то, за дело.

При поддержке Англии (Монмут, сволочь) и Нидерландов (добьют когда-нибудь этого потомка Вилли Оранского от неизвестной шлюхи – или нет!?) французские гугеноты встали на дыбы.

Народ это был крепкий, основательный и обиду спускать не склонный. Если бы выбора не было – они бы, конечно, сдались и уехали куда-нибудь, но тут нашла коса на камень.

Просто так с государством бороться нельзя. С государственной машиной должно бороться государство. А в данном случае их вступило в борьбу аж три штуки.

Нидерланды и Англия – даже демонстративно, им Людовик был, что та кость – поперек всего пищеварительного тракта. Дания помогала потихоньку, не светясь, но и не сильно скрываясь. Примерно так же вела себя Испания. Конечно, католицизм там был в приоритете (чтобы не сказать – в авторитете) и святая инквизиция немножко не одобряла королевскую инициативу, но дон Хуан – это вам не Карлос, с ним поспорить не удавалось, да и вообще – грабить братьев-католиков не комильфо, а французы так гадили испанцам в колониях, что ей-ей, все христианские чувства испарялись.

Русь?

Ну, про Русь вообще никто не думал. Но Софья денег не жалела. На хорошее-то дело?!

На беспорядки у врага!?

Тут сколько хочешь отвалишь, лишь бы подольше и побольше!

Тем более, что под шумок продолжался отгрыз (а иначе и не скажешь) колоний от Англии. Русь уже ухватила себе Барбадос и всю там обустроивалась. Корабли испанские, солдаты – казаки, пушки – русские, кому не нравится – удавитесь. Сочетание просто убийственное. Но лучшее оружие и лучшие солдаты гарантировали безопасность земель. А корабли...

Пока у Софьи их было мало. Хватало на торговлю в Архангельске, на патрулирование Финского залива и на Крым.

Строились еще, конечно, строились. Но мало же построить как следует! Надо собрать команду, обучить, экипировать – много чего надо.

Так что деньги вкладывались во флот чуть ли не пятой частью всего бюджета, ну а параллельно – финансировались такие хорошие вещи, как бунты и восстания у соседей. Пусть разгребаются у себя и не лезут в чужие дела.

Людовик пока был не в курсе русского участия, но ему и так хватало. Все города, в которых был избыток гугенотов – полыхнули пучком солом.

Варфоломеевская ночь!?

Да гугеноты за нее с лихвой расплатились только за последний месяц! Католиков сбрасывали со стен, вздевали на вилы, жгли живьем и проделывали еще кучу неаппетитных вещей, которые мог подсказать только воспаленный разум истинного фанатика. И Людовик ничего не мог сделать! Вообще ничего! Только брать каждый город и усмирять. Но...

Для войны нужны три вещи – деньги, деньги и еще раз деньги. Кто-то приписывал эту фразу Людовику 12-му, кто-то маршалу Тривульцио, но менее правдивой она от этого не становилась. А вот деньги...

Кольбер мирно почил в своем имении, а где их взять – не сказал.

А Лувуа – сволочь, сволочь, сволочь...

Гнев опять взбурлил в крови Людовика.

*Сир, гугенотов осталось мало, все, кто хотел – стали католиками, вы примете великое решение, за которое вас будут благословлять потомки...*

Гррррр!

– Сир, вы печальны, – маркиза де Ментенон появилась из-за портьеры. После того, как из кабинета вылетел Лувуа, она решила подождать немного и попытать удачи.

Людовик ответил ей взглядом тигра-людоеда, которого повели к

стоматологу, но маркизу это не испугало. Как управлять венценосным любовником, она знала. Не учла лишь одного – в какой-то момент любой мужчина становится неуправляемым. И у Людовика этот момент был связан именно с бунтом.

Фронда...

Детские страхи, наложенные на взрослую ярость – смесь взрывоопасная.

– Могу ли я чем-либо помочь вам, сир?

– Поди прочь, – рыкнул Людовик.

Не помогло. Маркиза наоборот, прошла внутрь и стояла совсем рядом с венценосным любовником. Положила ему руку на плечо, вздохнула.

– Сир, это временные трудности. Но подумайте, сколько человек будут счастливы вашим решением? Это богоугодное дело, которое, без сомнения...

– Счастливы!? – Вепрем заревел Людовик. – Все будут довольны!? Богоугодное дело!? У меня страна полыхает, а ты...

Маркизе бы промолчать, уйти, скрыться с королевских глаз долой, но...

– Вы же понимаете, что ни одно великое решение не обходится без потрясений. Но народ будет благословлять вас...

А вот этого ей говорить и не стоило. Людовик еще от Лувуа не остыл.

– Маркиза, – вроде бы тихий голос короля заставил мадам де Ментенон съежиться, – я нахожу, что пребывание при дворе плохо влияет на ваш рассудок. А потому – чтобы через час вы уже сидели в карете, и та неслась во весь опор к крепости Ниор. Вам все понятно?

Франсуаза задрожала, как осиновый лист. Этого короля она еще не знала. Галантный с женщинами, Людовик старался не показывать им свою темную сторону. А она была, еще как была...

– Сир...

– ... и ... и немедленно!!! – взревел его величество.

Мадам Скаррон опрометью вылетела из кабинета. И, кстати, уложились в час. Жить захочешь – еще не так уложишься.

Остаться навсегда в крепости она не планировала, но судьба в лице Великолепной Анжелики решила иначе.

Маркиза де Фонтанж не была особенно умна. Но с мужчинами обращаться умела на уровне инстинкта, а потому пока Людовик бушевал – она пряталась по углам, не рискуя получить трепку. Она вышла, когда его величество успокоился – и стала активно интриговать против мадам де Ментенон. Взяла к себе детей Атенаис де Монтеспан, которые сильно

порадовались смене строгости на свободный дворцовый режим, окружила любовника заботой – и Людовик решил, что не так уж ему и нужна Франсуаза.

Нет, он ее может и вернет, но потом, потом...

Франсуаза сидела в крепости Ниор, Анжелика блистала при дворе, а время шло...

\* \* \*

– Соня, да он страшный! И дурак, к тому же!

Боярыня Морозова даже не подняла глаза на сестру, которая расхаживала по комнате.

– Фesia, милая, а где ты среди королей красавцев видела? Все они страшные, потому что столетиями на кухнях женились.

– И дурак, сама же говорила!

– Вот видишь, одно достоинство у него уже есть. А то и несколько, – Софья аккуратно поставила перо в поставец, понимая, что покоя ей не видать, и посмотрела на сестру. М-да...

Красавица.

Черные волосы, гладкие, как смоль, толстенная коса, малым не до колен, громадные синие глаза, ресницы на полщеки...

Двадцать лет?

Да что вы! Не больше пятнадцати! А то и меньше!

Если б не фигурка, в определенных местах просто рвущая сарафан, Феодосия казалась бы девочкой, настолько молодо она выглядела. Мраморная кожа, легкий румянец на щечках... хороша! Слов нет, насколько она хороша! Софья невольно смягчилась. При всем своем окаянстве, малышку Фesю она любила – насколько вообще могла.

– Подумай сама, маленькая. Ты – сестра русского государя, абы за кого тебя замуж не выдашь. А тут – наследник великого курфюрста, прусский герцог. Первый раз уже был женат, что с женщинами делать – знает, дурной болезни нет, лекари проверили, зато есть дочь. Проявишь заботу к малышке...

– Малышке!

– Девочке четыре годика, самое время стать ей мамой, – отрезала Софья. – Настоящей, заботливой. Сможешь это сделать – так тебя и ее отец полюбит, уж поверь моему опыту. А там и своих родишь, ты сможешь.

Феодосия возмущенно топнула ножкой.

– Соня, я уезжать не хочу.

– Значит, в монастырь.

– Соня!!!

– Феся, а как ты хотела? – Софья не издевалась над сестрой, она искренне сочувствовала девушке, но что тут можно изменить? В пределах родной страны жениться могут только цари и царевичи, девчонок тут замуж не выдашь. Она – исключение, и то... до сих пор! Всегда и везде! Царевна Софья! Сколь свекровка зубами не скрипела, а – царевна. – На Руси ты замуж не выйдешь, а тут вполне приличный вариант. Наследник, на пять лет тебя старше, симпатичный, податливый – лепи, что хочешь!

– Да не хочу я!

– А тогда, – жестко отрезала Софья, – тебе следовало родиться в другой семье. Царская кровь накладывает определенные обязательства, ты об этом знала. Всегда знала.

Феодосия хлюпнула носом, но сестру не разжалобила.

– Соня...

– Собирайся в дорогу, – устало сказала Софья. – И не дури. Влюбить в себя парня ты сможешь, а остальное... пока он будет развлекаться, ты будешь править. И людьми, и страной – справишься. Чего ты хочешь? Великих страстей? Они проходят, остается лишь пепел. Любовных утех? А то ты сама не видишь, чем все эти «любови» кончаются.

– У вас-то с Ваней не так!

– У нас не так, потому что мы с детства вместе, – поправила Соня. – А у тебя будет иначе. И не надо бояться. Ты справишься...

Еще полчаса она уговаривала сестру, а когда за Феодосией закрылась дверь, облегченно перевела дух.

Да уж!

Знала бы сестренка, какие интриги плелись ради ее брака!

Как пришлось срочно скомпрометировать Софию Шарлотту Ганноверскую, сколько пришлось заплатить внебрачному сыну Людовика и как капали на мозг мальчишке, внушая, что не все ж его братцу! А ты-то чем хуже? Тем, что родился не от той женщины? Но ты же достоин! Не меньше достоин!\*

**\* Луи-Огюст де Бурбон, герцог Мэнский, внебрачный сын Людовика XIV от мадам де Монтеспан. На два года младше Софии Шарлотты, но по тем временам такие мелочи не учитывались, прим. авт.**

В итоге, герцог Мэн соблазнил Софию Шарлотту, женился, и активно делал ей ребенка. Людовик Четырнадцатый, кстати, против не был. Не один сын, так другой, все равно в его казну прибыток. А прусский курфюрст, то



есть его наследник, остался без невесты, да еще с оскорблением от Франции, вот тут-то и подвернулась Феодосия. И Русь роднится еще с Пруссией, а это хорошо, это очень даже неплохо, это большие перспективы в будущем.

Софья здраво оценивала сестру. Конечно, Феодосия поломается, покапризничает, но согласится и поедет. И постепенно заберет себе всю власть в герцогстве, она сможет. Так вот и будем прирастать, то друзьями, то союзниками...

\* \* \*

– Да, Имре?

Имре Текели посмотрел на жену. За время их брака красота Илоны не увяла. Впрочем, она была из тех женщин, что и в девяносто будут приковывать к себе внимание. Осанка, тяжелые косы, громадные глаза, правильные черты лица – как есть, королева.

Да она и в самом деле – королева, просто пока не коронована. Ракоци и Зриньи в Венгрии – это как бы не повыше императорского титула.

– Мне пришло письмо от Леопольда.

– Что ему нужно?

– Вену они отбили, у себя порядок хоть как-то навели и сейчас он хочет пойти против турок. Мы должны беспрепятственно пропустить его войска через свою территорию, помочь оружием, людьми и вообще – принять участие, как его вассалы.

– Но мы не его вассалы!

– Вот это я и отвечу. Пусть пишет Михайле, если король согласится, так мы поможем...

– Но мы же тоже отпишем?

Имре улыбнулся.

– Разумеется, любовь моя.

Родственные отношения с двумя государями давали надежду. Ввязываться с драку с Турцией? Из-за ненавистного Леопольда?!

Да гори он ясным пламенем! Пусть разбирается сам. К тому же, сей император всю жизнь действовал по принципу: «дайте попить, а то так кушать хочется, что переночевать негде...».

Нет уж.

Пусть разбирается сам. А Венгрия будет держать нейтралитет. Пропустит его войска, но пропустит и турецкие войска, и поддерживать

никого не будет.

Надоели!

Людям нужна спокойная жизнь, а не война за чужие интересы! Вот!

\* \* \*

– Дорогая супруга, благодарю вас за дочь.

– Мой возлюбленный муж, я счастлива исполнить свой долг перед вашим родом..

От слов за версту тянуло пафосом, но куда деваться?

Испания...

Его высочество дон Хуан благодарил свою жену за подаренного ребенка именно так. И за первого, и за второго, и за дочку... да, за несколько лет Мария родила ему троих детей. Теперь можно и отдохнуть. Сын – наследник, сын – запасной и дочка на закуску. Теперь если рожать, то года через два, чтобы тело успело отдохнуть.

Все-таки беременность, даже если ее легко переносишь, плохо сказывается на организме. Она его изнашивает.

И сейчас измученная Мария просто выполняла ритуал. Она знала, что после мужа в комнате окажутся Карлос и его супруга – Мария-Луиза. И та будет смотреть ненавидящими глазами.

Увы...

Дон Хуан в свои года был куда как больше мужчиной, чем его младший брат. Мария знала достоверно, что ни один половой акт с участием Карлоса не был доведен до конца, хотя супруга старалась! Искренне старалась!

А толку? Карлос физически не мог ничего, хоть ему всю «Камасутру» по листику скорми, как цинично выразилась сестрица Соня!

Сделать ребенка от кого-то еще у ее величества возможности тоже не было, разве что Хуан постарался бы, но дражайший супруг и в мыслях не имел наставлять рога нежно любимому и всячески опекаемому братику. Что вы, как можно-с!?

Да и сама Мария позаботилась.

Какой лучший способ от загулов супруга? Да сделай ты так, чтобы у него на других сил не осталось! Не умеешь? Учись! И сама удовольствие получишь, и насчет мужа спокойна будешь. Скандалы – это не метод, любовью надо и только любовью! Лаской и нежностью.

Карлос старшую сестру (пусть Мария была примерно его ровесницей,

но замужем за старшим братом – значит, старшая сестра) поцеловал в щеку. И подарил гарнитур с рубинами.

Мария поблагодарила вполне искренне.

Она привязалась к этому уродцу. Карлос, несмотря на все его недостатки – то есть дурную кровь, беду с разумом и телом и дворцовое воспитание (только сейчас Мария понимала, что сделала для нее сестра и как уродуют во дворцах тела и души власть имущих) был милым и добрым парнем. Даже скорее мальчиком. Ума-то Бог недодал...

Глуп он не был, но наивен – да! Мария иногда поражалась, какими заковыристыми путями идут мысли в этой несчастной голове.

– Милая сестрица...

Протокольные фразы – и искренняя приязнь в глазах, на которую она и отвечала таким же теплом, заботой, участием. Не жалостью, вот жалости у нее не было, недаром говорят, что дети и животные не обманываются. Карлос чувствовал отношение женщины к себе, и в ответ дарил Марии искреннюю симпатию. Дон Хуан видел, как жена относится к его несчастному братишке, без брезгливости, без отвращения, с сестринской заботой – так сможет не всякая женщина, и он искренне уважал Марию за эти чувства.

– Ваше величество....

Мария отвечала вежливыми заковыристыми фразами, с трудом (после родов-то!) подбирая слова, но в ее глазах было настоящее тепло, которого так мало получал бедный испанский мальчик. И Карлос улыбался в ответ.

А вот Мария-Луиза так и сожрала бы!

Ну и шут с ней, пусть злобится. Главное, чтобы не укусила.

\* \* \*

– Что случилось?

Павел Мельин смотрел на боцмана, отмечая и каменное выражение лица, и злые глаза, и стиснутые губы. Ох, непростое что-то случилось. Но что?

Петр Игренов сплюнул за борт, избегая попасть на чисто выскобленную палубу – за такое могли и корабль драить заставить от носа до кормы. Боцман ты там, не боцман...

– Да юнга этот...

– Меншиков? – тут же вспомнил Павел.

– Он, стервец!

– Что натворил этот щенок?

Неприятнь Павла была оправдана. Ну не любят люди «протекционистов». Нигде и ни в какое время!

А Меншиков попал на флагман именно что по протекции. Выгнанный за воровство из царевичевой школы, он вообще-то должен был отправиться куда-нибудь на галеру на веки вечные – пусть не гребцом, но юнгой там немногим лучше. Вместо этого царевна Софья лично попросила Павла приглядеть за парнем. Мол, коли исправится – хорошо, ну а если нет – пусть суд ваш будет короток и справедлив, слова не скажу.

Уж чем этот сопляк заинтересовал царевну?

Но Мельин честно приглядывал за мальчишкой, и друга приставил, ну и что? Трех месяцев не прошло...

– Воруется он. У команды крысятничает....

– Не оговор?

– Нет. У Мишки браслет пропал, с боя взятый, уж он убивался. Деньги пропадали, а тут...

Павел кивнул.

Ну да, деньги – дело такое, на них же не напишешь, где чьи. А вот браслет – вещь памятная, трофейная...

Турки последнее время сторожились и старались не задевать русских, но стычки иногда происходили. И трофеи, конечно, были. Поль у команды по карманам не шарил, справедливо рассудив, что от медяков казна не обеднеет, а матросам приятно будет. Что с боя взято, то свято. Ну и...

Браслет – и браслет, что в этом такого?

В браслете-то ничего, но в его пропаже!

Петр, не поднимая шума, и принялся обыскивать корабль, рассудив, что посреди моря спрятать уворованное особенно некуда, а умному человеку все тайнички завсегда откроются.

И – нашел в небольшом тайничке. Тот, кто его оборудовал, явно был новичком, не подумав, что свой-то корабль и капитан и боцман до досточки знают. А как иначе? Ты ж ему жизнь доверяешь, хоть в шторм, хоть в бой – и платить обязан любовью и верностью. Пусть береговые смеются, но для моряка корабль – это как жена, любовь, дом...

Одним словом, боцман проследил за тайничком – и увидел Меншикова. А в тайнике добавилось монет.

Так что делать-то с мерзавцем?

А что тут сделаешь? Снисходительность проявлять – только мерзавцев плодить. А потому Алексашка был выпорот кнутом без всякой жалости и выкинут в лодку. А ту оттолкнули от корабля.

Коли верно, что оно не тонет – может, и выплывет. Да и не звери моряки, бурдюк с водой и несколько сухарей негодяю оставили.

Скатертью дорога, а на Русь не возвращайся. Кто увидит – ноги выдернет.

\* \* \*

– Чума! Жуан, мне страшно!

– Белла, нам надо уехать.

Иван смотрел серьезно и строго. Принцесса всхлипнула, вытерла слезы и посмотрела на почти мужа.

– Куда, Жуан?

– Из города – обязательно. И подальше, пока эпидемия не пройдет.

– Почему же?

– Потому что если мы тут останемся – шанс заболеть очень велик. Я не хочу рисковать твоей жизнью, ты мне слишком дорога.

– Ты знаешь, отчего болеют чумой?

Педру в этот раз не подслушивал, просто шел к дочери. Но после слов Ивана решил прояснить ситуацию. Чума набирала размах, вспыхивая пожарами по городам и деревням, косила косой людей, заставляя церковников молиться за грешные души – напрасно! Все было напрасно. Но если на Руси знают, как это остановить...

– Знаю. На Руси то давно известно.

– И отчего же? – тут уж не вмешаться в разговор молодых было невозможно, но Иван смущаться и не подумал. Личный духовник его величества, отец Фернанду\* смотрел строго, только Ивана взглядами было не напугать.

***\* автор не уверен, что это был именно отец Фернанду, но без личного духовника тогда дело не обходилось, прим. авт.***

– От грязи и крыс, святой отец.

– Вот как? Расскажи подробнее, сын мой.

Иван согласно кивнул, предлагая слушателям устроиться поудобнее, вино, фрукты....

Педру был весьма и весьма неглуп, поэтому и духовника он себе подобрал соответствующего. Не архиепископа, не кардинала, а просто – обычного монаха, не карьериста, но очень умного и образованного человека. Верующего истово, но с широким кругозором. А такие люди Ване всегда нравились.

Бог есть? Безусловно! И спасибо ему за все! Но главное, что он сделал для человека – это дал ему жизнь и разум. А коли у тебя не хватает ума применить второе, чтобы сберечь первое – кто ж тебе виноват? Даже родители тебя всю жизнь за ручку не проводят.

А потому Иван и рассказал, как мог.

Чума?

Крысы, насекомые, грязь, нечистоты, плохая вода, воздушно-капельный путь передачи заразы в том числе... Методы борьбы?

Маски, подобные лекарским – безусловно. Костюм чумного доктора – идея неплохая. Но и остальное должно соответствовать. Не построишь корабль с помощью одного топора, так и тут – от одного метода много пользы не будет, комплекс нужен. Бани, омовения, обязательное кипячение воды, изведение крыс, вшей, блох... Ваня говорил долго. И когда закончил, удостоился пристального взгляда монаха.

– Так делают на Руси?

– Нам легче. У нас, почитай, каждую зиму морозы, вот болезнь и не выживает. А у вас ей самое раздолье. Не говорю, что выживут все, но если делать, как я рассказал – число погибших уменьшится.

– М-да, – Педру был задумчив. – Это большие деньги, но... я найду их. А вот вы...

– Отошлите Беллу из города? Я могу остаться, но её жизнью я рисковать не согласен.

Педру усмехнулся.

– Отошлю. В удаленный замок в горах. А ты, Жуан, оставайся, если хочешь. Думаю, твои советы будут ценны...

Иван поклонился.

Конечно, за себя он тоже боялся. Оспа – дело другое, от нее он был привит. А вот чума...

Но семи смертям не бывать, а одной не миновать. Белла должна быть в безопасности, а он – мужчина. Он справится.

Педру, глядевший на будущего зятя, одобрительно покачал головой.

А ведь молодец парень. Неглуп, не труслив... м-да. Королевская кровь.

\* \* \*

Контроль – это хорошо. Но вот полноценным его сделать никогда еще не удавалось.

А потому...

*Мой любезный дядюшка!*

Перо летало по бумаге, времени у женщины было очень мало, а написать требовалось так, чтобы было понятно, но не давало точных указаний на адресата или отправителя, буде оно попадет не в те руки.

*Спешу сообщить, что на этот раз двор порадовался дочери Короля Морей.*

*А король не может порадовать свою жену тем же сокровищем. Если все продолжится так же, брак их останется бесплоден. Кого же назначит наследником Карлос?*

*У небезызвестного Вам князя есть еще и сыновья, и король задумывается...*

*Задумайтесь над этим и Вы.*

*С молитвой о Вашем здоровье.*

*Преданная Вам племянница.*

Письмо, больше похожее на записочку, сворачивается в тугую трубочку и прячется в рукав. Потом его передадут одной из свитских дам – и оно полетит в la belle France\*, где его и прочтут. И сделают выводы!

**\* прекрасную Францию, прим. авт.**

А вот последствия...

Пишущая отчетливо осознает, что эти строки могут грозить смертью женщине, которой она недавно желала счастья в связи с рождением дочери. Ну, так что же?

Почему эта стерва уже извела радость материнства трижды, а она...?

Неважно, это неважно! Какое бы решение не принял его величество, женщину это не касается. Она просто подсказывает и направляет. Отчитывается. А остальное от нее не зависит!

Вот.

\* \* \*

– Алеша, поздравляю! Уля, милая, ты чудо! Сын – просто богатырь!

Ульрика ответила улыбкой. Да уж, если бы сейчас ей дали выбор – выходить замуж в Швецию или на Русь, она бы и минуты не колебалась. И письма, которые она писала брату, были искренне пронизаны счастьем.

Муж, любимый и любящий, замечательные дети, большая семья, в которой никто не держит в кармане нож, в которой приняли ее как родную,

нашли ее собственное место, на котором она – именно она! – незаменима, разве этого мало?

Да это безумно много!

– Сонечка, а от вас мы еще детей дождемся?

Софья пожала плечами.

– Как получится.

Не то, чтобы она специально избегала зачатия, но после дочери пока не беременела. И не жалела об этом. Дела отнимали столько времени... они втроем, с Алексеем и Иваном едва тянули этот неподъемный воз! И не факт, что с течением времени станет легче!

Хорошо хоть Уля умничка, отлично включилась в цепочку и воспитывает всех детей в нужном ключе. В результате, Александр, старший сын Алексея, был твердо уверен, что ему надо учиться и учиться, чтобы стать хорошим правителем. У Ангелины проявились незаурядные актерские способности – хитрая лисичка могла очаровать кого угодно. Софья считала, что это полезно. Выйдет замуж – так особо оценит. Второй сын Алексея – Михаил, чуть ли не с рождения тянулся к кораблям и всему водоплавающему. Вот пройдет царевичеву школу – и добро пожаловать на флот.

Да и ее собственные дети не отставали. Правда, склонностей к войне не было ни у одного, но вот математические способности мальчишки унаследовали в полном объеме, уже сейчас решая в уме задачки и перемножая трехзначные числа. Ну и ладненько, будет кому Ваню заменить, когда тот на покой уйдет.

А вот кто заменит ее?

Пока в молодой поросли Софья не видела никого подходящего. Тут нужен особый склад ума, сочетание холодной расчетливости с жестокостью, при этом человек должен применять оба качества без наслаждения, просто по необходимости и математическими способностями. Плюс импровизация...

Но время еще есть.

Может, что-то подобное получится из Ангелины. Или из ее собственной дочери, которая уже сейчас обожает тавлеи, или из этого малыша...

– Как назовете?

– Дмитрием, – пожал плечами Алексей.

Ну, почему бы и не Дмитрием. Хорошее имя, царское.

Были уже на Руси такие царевичи...



– В монастырь? Женский? Банщиком?

Софья не собиралась церемониться с братом. Федор надулся, как крыс на рис.

– Соня, твои шутки неуместны.

– Федя, неуместно твое поведение. Какой монастырь, когда у тебя ребенок? Ты на кого его оставишь?

– На тебя. Соня, милая, ты же понимаешь, что мне жизнь не в радость...

– Да мало ли кому она не куда! Живут же люди, а ты с жиру бесишься!

– Соня...

Протопоп Аввакум вошел в комнату как раз вовремя, помешав сестрице оторвать любезному братику голову. Ну надо же – монастырь! Вместо работы на благо общества и лично Руси!

Мало ли у кого жена умирает!?

Так все ж потом живут! И ничего, нормально! Работают, детей растят... а этот – то в алкоголизм, то еще куда. Что за наглость?!

– Сонечка, отпусти его.

Аввакум был неотразимо убедителен. Но не для царевны.

– Нас не так много, чтобы принцами разбрасываться. Дети когда еще в возраст войдут, а Федя уже сейчас помочь может.

– Пусть примет послушание, а там и постриг. Тяжело ему в миру, я же вижу...

– А кому сейчас легко, отче? – Софья топнула ножкой в дорогой туфельке. – Федя, хоть звезд с неба и не хватает, а все ж его присутствие в тех или иных местах полезно!

– У него другое призвание...

– У всей царской семьи одно призвание – родине служить. Иного и быть не может.

Софья уперлась бараном, Аввакум настаивал, Федя просил... одним словом, через два часа обе договаривающиеся стороны пришли к консенсусу. Еще десять лет Федя добросовестно пашет на благо родины и брата. Потом – хоть в монастырь, хоть куда. Сейчас ему тоже никто не мешает готовиться к постригу, но так, чтобы это делу не мешало. Лучше бы, конечно, еще раз жениться и детей нарожать, но тут Софья настаивать не будет. Имеющегося воспитаем, а там – кто знает? Может, еще и передумаешь?

Федор передумывать не собирался, но об этом собиралась позаботиться Софья.

Надо бы наведаться в школу, есть там такая Марфуша Апраксина – красавица, аж глаз не отвести. Попала к царевне после смерти отца, семья бедная, в долгах, как в шелках, но боярыня ведь, не кошка безродная! В жены царевичу сгодится, ежели что...

Вот и подумаем, как их правильно подвести друг к другу. Девочка хорошая, умненькая, правильная... хватит горевать по почившей китаянке! По ней даже родной брат не горюет, а муж никак в себя прийти не может!

Софья ее вообще-то хотела выдать замуж за другого человека, но чего не сделаешь для родного брата?

\* \* \*

Мария кормила дочь. Сыновья играли у окна. Фрейлины были безжалостно выставлены за дверь. Ворчите, не ворчите – мне все равно. Пусть здесь Испания, но я – русская! И попробуйте только мне возразить! Мигом со двора выгоню!

А потому дети проводят много времени при матери, которая учит их говорить, в том числе и по-русски, рассказывает сказки своей родины, поет песни, учит играм...

Дверь скрипнула.

– Дорогой!

Мария улыбнулась супругу. Дон Хуан выглядел уставшим и осунувшимся – и она еще раз подумала, что правильно нарожала детей. Так вот стукнет супруга инфаркт, а у нее наследники останутся. Законные – и единственные из Габсбургов, кто будет иметь права на престол после смерти Карлоса.

– Налить тебе вина?

– Корми ребенка, я сам.

Супруг удобно разместился в кресле, потянулся...

– Куда бы сбежать от этих государственных дел?

– У меня так брат всегда говорит, – улыбнулась Мария, – так ведь все равно не сбежите, потому как это – ваш долг.

– Да, ему надо написать...

Разговор шел своим чередом. Русь, политика, Франция, война с турками, Испания, колонии...

Потом муж ушел к себе, а она осталась. Все равно супружеские

отношения им пока не грозили – слишком мало времени прошло после родов.

Дети играли у окна, смеялись, шутили, она уже собиралась спать...

Мария так и не поняла, в какой момент насторожилась. Но... будь она кошкой – у нее бы вся шерсть распушилась и спина выгнулась.

Потом уже, вспоминая, она поняла – шаги.

Ее насторожили именно шаги. Быстрые, уверенные, ничего общего с тем, как ходят во дворцах. Тем более – на женской половине дворца.

Мария схватила детей, быстро впихнула их в гардеробную, сунула старшему дочку.

– Что бы ни было – не вылезайте, пока я вас не позову. Или отец. Поняли?

Во дворцах взрослеют быстро. Мальчишки кивнули, прячась в платьях матери. Они не выйдут, а она...

*Господи, помоги!*

*Не за себя прошу, но переступив через мой труп, они пройдут к моим детям...*

*Только после моей смерти!*

За дверью послышался лязг металла... охрана дорого продавала свою жизнь. Мария рысью метнулась по комнате. Когда-то ее учили защищаться тем, что есть под рукой. И умирать, как овца на бойне она не собиралась. Сверкнул нож, распарывая неудобные юбки, остатки ужина еще не унесли – и слава Богу!

Первый вошедший поскользнулся на жирной подливке и умело разложенных фруктах – и достаточно неудачно упал навзничь. Сейчас бы и добить, но...

Шестеро...

Мария трезво оценивала свои шансы. Ей не справиться. Но один временно выбыл из строя. Она хотя бы выиграет время, потому что ее смерть – это и гибель детей. Но если она протянет время – может прийти помощь. Главное поднять шум, позвать на помощь. Это нападающие надеются убить ее и уйти. Она уйти не надеется. Ей – некуда.

За своего ребенка любая женщина кинется зверем. Мария же, загнанная в угол, была вдвойне опасна.

Лица мужчин были закрыты масками, в руках – кинжалы. Это хорошо, значит, им надо подойти поближе, а она должна держать дистанцию. И еще хорошо, что в ее комнате было оружие. Хотя какое-то...

Грохнул пистоль.

Пятеро.

И еще один выстрел. Вот сейчас Мария и оценила подарок сестры. Спасибо тебе, мастер, придумавший многоствольный пистоль! Жаль, что стволов всего четыре, а нападающих шесть. Жаль, что давно не практиковалась, говорила же Соня...

Спасибо тебе, сестрица...

И еще выстрел.

Трое оставшихся бросились вперед – и четвертый выстрел пропал втуне. Мария отбросила пистоль и выхватила саблю. Небольшую, как раз по руке, богато изукрашенную, выглядящую игрушкой. Но это вполне боевое оружие...

В головы нападающим полетел тяжелый серебряный канделябр. Свечи в полете тоже вылетели, сбивая бросок. Все-таки горящая свеча – это всегда неприятно, особенно когда она летит тебе в голову. И второй туда же!

Еще минута выигрыша.

Мария прекрасно понимала, что не справится. Погибнет, наверняка. Но пока она жива – к ее детям не подойдет ни одна тварь!

Впрочем, вид принцессы в одном корсете и чулках на миг ошеломил нападающих – и Марии удалось нанести удар. А вот потом удача ее покинула.

Звякнули, сталкиваясь, клинки.

Раз, другой, правое плечо пронзила резкая боль, рука повисла плетью.

Мария упала на колени. Звякнула выпущенная из рук сабля.

– Проклинаю!

Сверкнула шпага, но женщина уклонилась.

Рана в плечо чертовски болезненна, но сознания она не лишает. А благородства в женщине отродясь не водилось. Ты слабее мужчины?

Ну, так и будь слабой! Умоляй, плачь, лишь бы тебя подпустили поближе. А там – вцепляйся врагу в горло хоть зубами, все средства хороши для победы.

Блеснул кинжал, пущенный в полет умелой рукой. Неважно, что левой, она все равно попала, хотя и не туда, куда целилась. Не в живот. В пах.

Впрочем, врагу от этого легче не стало.

И тут везение нападающих закончилось.

Грянули выстрелы. Мария упала навзничь, понимая, что пуля – дура, а на пороге комнаты возникла ее личная охрана. Девушки от царевны Софьи, в количестве двух штук.

– Государыня? Вы как?

Успели! Помощь – пришла!

– Ранена, – огрызнулась Мария. – Помогите подняться и проверьте, все ли сдохли.

Этим девушки и занялись. Одна подняла Марию и потащила почти волоком на кровать.

– Сейчас перевяжу плечо, а чуть позже обработаем.

Вторая прошла по комнате. Добавила одному подобранным клинком в горло, а второму – рукоятью в голову. Допросить сгодится.

– Отличная работа, государыня.

Мария улыбнулась. Приятно все-таки... она ничего не забыла из полученных уроков. А как ругалась, как возмущалась... зачем это может понадобиться, на нее никто покушаться не будет... Как насмешливо улыбалась тогда сестра.

Как же! Не будут!

Не зарекайся, вот и не будут!

– Мария, ты жива!?

О, а вот и любящий супруг. И тоже весь в крови.

– Да.

Дон Хуан подошел к кровати – и аж переменялся в лице.

– Ты ранена! Боже!

– Все в порядке, девочки окажут мне помощь, – успокоила супруга Мария. – Ты не ранен?

– Нет.

– А меня вот едва не достали. Кстати... дети, вылезайте!

Выгонит она к чертовой матери всех горничных, в гардеробной – хоть брюкву сажай! И где они так перемазаться успели? Зато вылезли целы-невредимы, только грязные по уши.

– Ну и поросята! Отмывать вас....

Хуан заулыбался, понимая, что если супруга шутит, то жить точно будет.

– Кто на нас покушался?

– А вот это нам предстоит узнать. У тебя все мертвы?

– Государыня одного ранила. Может, и не сразу сдохнет, в Турции такие годами живут, – вмешалась одна из девушек. Одернуть ее никто и не подумал – форс-мажор.

Князь Морей оценил рану и уважительно покачал головой.

– Дорогая, напомни мне тебя не сердить?

– Я в живот целилась, просто промахнулась, – обиделась Мария.

Но на душе у нее было спокойно. Она жива, муж жив, дети целы... ну

а кто покушался и кто за этим стоит...

Разберемся и ноги переломаем, чтобы стоять было не на чем! А лучше – и некому!

\* \* \*

– Кто посмел!? Какая...!?

Гнев Алексея был непритворным. И – неудивительно.

Если бы Мария с детьми сейчас погибли, дело обернулось бы куда как невесело для Руси. Вот считайте – дону Хуану сейчас пятьдесят пять годочков. Очень почтенный возраст для этого времени-места, недаром Мария так с детьми торопилась. Если сейчас что с ней случается – не факт, что и с благородным доном все будет в порядке. И дети... в чьи руки они попадут? Кто вырастит из них свое подобие? Карлос, который до двадцати лет и читать-то не умел?

Вот спасибо!

– Я выясню, – Софья тоже была зла.

– Выясни, – Алексей сверкал глазами. – И чтобы эта тварь своими кишками подавилась!

– Подавится.

Когда Соня говорила таким тоном, ее начинали бояться даже безмозглые мухи. Потому что она была убийственно серьезна. До убийства.

Сегодня Маша, завтра Ваня, послезавтра – кто?!

Нет уж, вы у меня на всю жизнь запомните, европейские, что лучший способ самоубийства – это посягнуть на одного из членов русской царской фамилии. Вас от слова «русские» еще корчить и крючить будет! Вы еще сами с доносами прибегать будете, ежели кто худое на русского замыслит. Потому что каждый, живущий на Руси должен знать – за ним стоит государство.

Его обида – это обида государства.

Покусился на русского – получи. С избытком.

Вот она и отсыплет. Надо начинать вырабатывать условный рефлекс у всяких подлецов, надо! Здесь – и сейчас!

– Маша прислала письмо. И приложила копию допроса убийц.

– А скольких удалось допросить?

– Двоих. Один уцелел у нее, второй и дона Хуана.

– Больше взять не могли?

– Алешка, окстись! Машка одна оказалась против шести! Хорошо хоть

отбилась!

– Да уж мне не надо рассказывать, на что твои девочки способны. Софья скромно потупилась. А что?

Женщина, конечно, пол слабый, но недаром же д'Артаньян от миледи Винтер без штанов сбежал? Когда разозлил хрупкую женщину?\*

**\* в платье служанки Кэти, прим. авт.**

И не подумал, что он там герой, гвардеец и прочее – шкура бы уцелела!

То же самое и здесь. Если умеешь защищаться... почему чаще всего проигрывает человек, на которого напали? Софья это из опыта двадцать первого века знала. У порядочного человека как стопор – он не может причинить зло другим. А вот у отморозка такого нет. Поэтому своих людей Софья учила бить первыми. Потом грехи отмолим!

Лезет к тебе отморозок – пни его так, чтобы коленную чашечку из титанового сплава заказывал! Ступню шпилькой пробей и скажи, что случайно каблуком наступила! Глаза выдави! Да много чего! А не хлопай ресничками, ожидая, пока тебя изнасилуют или искалечат!

– Алешка, я узнаю – кто...

– Заранее даю добро на самый жесткий ответ.

Софья кивнула. Хотя пока она не могла ничего выудить из протоколов допросов. Мало ли, что покушались именно эти! Важно, не в чьей руке кинжал, а кто заказал и оплатил. А этого испанец и сам не знал.

Придется отправлять туда кого-нибудь ради дознания (если негодяев еще не сожгут к тому времени), раскапывать самые важные документы – банковские, беседовать с людьми...

Но она дознается – кто. И этот кто-то заплачет кровью.

\* \* \*

– Ваше величество, спешу сообщить, что ваша супруга в тягости.

Его величество Карл Одиннадцатый расцвел улыбкой. Стянул с руки дорогое кольцо и протянул лекарю.

– Отличная новость. Просто отличная.

– Наследник появится через семь месяцев, если Бог будет милостив.

– Вы же будете наблюдать королеву, Густав?

– Как прикажет ваше величество.

– Считайте, что я уже приказал.

Осталось обрадовать мать этим известием. Впрочем, Гедвига Элеонора

не обрадовалась.

– И пяти лет не прошло! Посмотрим, что она еще выродит!

– Мама!

– Я не доверяю этой английской девке!

– Это моя жена. И она ждет моего ребенка, – чуть надавил голосом

Карл.

Гедвига тут же перестроилась и сахарно заулыбалась.

– Разумеется, мальчик мой. И мы все сделаем, чтобы он появился на свет крепким и здоровым! Такая радость! Тем более, что у Анны до сей поры только дочки рождались...

– И у Якова – тоже. Хотя с молодой женой...

– Кто бы признал эту безродную девку!

– Мама!

Спору нет, Гедвига была мила, умна и очаровательна, но... если человек ей не нравился, она упорно красила его в самые черные тона. А невестка ей решительно не нравилась.

– Между прочим, у русского царя уже трое!

– И что?

– Если бы ты женился на Ульрике Элеоноре...

– Она бы не нравилась тебе точно так же. – Карл рассмеялся и приобнял мать за плечи. – Мама, милая, я все понимаю. Ты у меня самая лучшая, но иногда...

Гедвига покачала головой. Да, они с сыном отлично понимали друг друга. И потому....

– Русские должны нам за все заплатить!

– Обязаны. Но пока еще рано. Еще года три придется ждать, не меньше.

О, три года Гедвига готова была подождать. Она бы и больше подождала, лишь бы сквитаться с обидчиками.

Русь!

Эта страна становилась для женщины просто символом ненависти. Невеста сына, которая вышла замуж на Русь и сейчас плодovита в браке, немалый кусок территории, союз с Данией... тут было, за что ненавидеть.

И она отомстит!

Страшно отомстит!

Они вернут себе все утраченное, а русские еще горько пожалеют о своей наглости.



– В чем дело, Аглая?

Когда государыня Софья говорила таким тоном, девочки искренне старались слиться со стеной. На них не ругались, не повышали голоса, не бранились. Но вот это осознание, что ты не оправдала оказанного тебе доверия...

Вот что жгло хуже крапивы!

– Государыня, я виновата...

– Шан уже мертва. Неужели так сложно вытеснить ее из человеческой памяти?

– Да, государыня.

Аглая могла бы сказать многое.

И что она, хоть и подхватила Федора на взлете отчаяния, все равно осталась лишь заменой, и что хуже нет – сражаться с памятью умершей, потому что мертвый всегда идеален, и что...

Могла бы.

Не сказала, потому что Софья и сама это понимала. Читала сейчас по ее лицу – и задумчиво перебирала пальцами косу.

– Твой вердикт?

– Отпустите его, государыня. Благочестивый отшельник или монах будет вам более полезен, чем достаточно бездарный управитель на месте.

Софья покачала головой.

– Настолько бездарный?

Ну да, Федя и тяготел больше то к науке, то к религии... вот Ваня, в отличие от брата, весь был в учебе, а Федя... слишком он был отвлечен от мира, чтобы копаться в его делах – и не всегда чистыми руками.

– Ему это просто не дано. Он хороший, но слабый. Вот как проверяющий, может быть, но управлять ему сложно. Он слишком добрый и мягкий для этого.

Ругаться на девушку не стоило – Софья всегда требовала от своих людей честности. Не нравится – не кушай, но прятать голову в песок и утверждать, что этот человек самый лучший, просто потому, что это – он? Нет уж, не стоит.

– А его сын? Из маленького Юрия получится что-то хорошее?

– Сложно сказать, государыня. Задатки пока неплохие. Он хорошо учится, интересуется всем новым, но возраст мал.

– Подлость в любом возрасте видна...

– Это – нет. Не злой, не подлый. Но вот что выйдет?  
– Как воспитывать будем. Спасибо, Глашенька.  
Девушка улыбнулась.  
– Рада служить, государыня.  
– Если Федя уйдет в монастырь, как хочет, тебе нужно будет новое дело.  
– Все в вашей власти, государыня.  
– Не устала пока? От моей-то работы?  
– Бог даст, еще лет пять бы покрутиться, а потом и замуж можно, – лукаво улыбнулась девушка.  
– Покрутишься, – задумчиво пообещала Софья. – Работы у нас много.  
Аглая бросила взгляд на стол царевны, где лежала и ее докладная записка по Федору. Ну и по Юрию Федоровичу. Что нужно, что не нужно, что любят, к чему тянутся...  
– Разрешите идти, государыня?  
– Пока – разрешаю...  
Познакомить Федора с первой московской красавицей Софья все равно собиралась. Так, на всякий случай. Получится – хорошо. Нет?  
Ну... пусть идет Богу служить. Здесь и сейчас – это и неплохо.

### 1687 год

Шотландия оделась в траур.

Умирал его величество Яков Стюарт. От чего? Якобы, от водянки, а уж что там и как точно? Бог знает... Может быть, сказалось бегство из Англии, может, то, что мужчина «жег свою свечу с двух концов», а может, и отравили чем? Правды было не доискаться. Яков умирал, не оставляя законного наследника. Дочери были, а вот сына, которому можно бы оставить трон...\*

***\* в реальной истории это произошло в 1701 году во Франции, но начиная уже с 1690 года Яков не играл особой роли в жизни Англии. Вильгельм Оранский, которого пригласили на замену, не давал. Прим. авт.***

В трауре была его супруга, в девичестве леди Винтер, а ныне ее величество Анна Стюарт. В трауре были его дочери – Мария и Анна...

Справедливости ради, были и довольные. Например, Джеймс Монмут, которому Яков оставался бельмом на глазу. Протестанты, которым было все

равно, кто из них двоих помрет – Яков ли, Джеймс ли, они любому обрадуются.

А вот Шотландия... Шотландии грозил клановый передел. Или – беспредел. Приглашать кого-то со стороны на трон Стюартов шотландцы не хотели. И государство не то, и силы не те, и вообще... вот если бы кто пришел, из потомков Якова, отвоевал Англию, опять соединил ее с Шотландией...

А кто?

Шведам не до того. Датчане? Георг? Тот сам по себе ни на что способен не был, разве что брат займется. Но Кристиан вовсе не хотел воевать за чужие интересы. Ему приятнее было отгрызать себе кусочки от английских колоний и богатеть на поставках оружия и продовольствия. Пригласят – придем. А так...

Лезть в чужую свару?

Вот еще не хватало...

Анна де Бейль скользнула в спальню к мужу, выставила за дверь доктора, присела рядом на кровать... М-да, как меняются люди. Яков сгорел буквально в полгода от какой-то внутренней хвори. Ничего не мог есть, иссыхал на глазах, не удерживал в себе даже вино...

Но в ответ на нежное пожатие руки, муж открыл глаза.

– Энни...

– Я здесь, любовь моя.

Улыбка леди Винтер была очаровательной. Никто бы и не догадался, что под сердцем она носит ребенка, о котором не собирается говорить даже умирающему супругу. Под местными платьями – хоть поросенка прячь, не то, что месячную беременность.

– Я скоро умру.

– Ты поправишься. Обязательно поправишься.

Анна не верила в это, но не говорить же умирающему правду? Ты умрешь, а я уеду. И увезу с собой кровь Стюартов. Куда?

А посмотрим, куда будет выгоднее. Здесь я точно не останусь, здесь у меня нет таких союзников. Меня просто уничтожат, а ребенка воспитают под свой клан. А потому... смотря, что прикажет государыня Софья. Франция?

Возможно.

Или Испания, или... короче, помер бы ты быстрее, муженек, чтобы я сбежать успела.

Она и не сказала. Слушала Якова, который, искренне любя молодую жену, инструктировал ее, куда поехать, на кого можно положиться, на кого

нельзя, кто поможет с деньгами, на какие имена и в каких банках открыты для нее счета... она это уже знала. Но почему бы и не послушать о хорошем?

А вот про ребенка она не скажет. Благо, муж с ней давно не спит.

Да-да.

Именно так.

А кто спит?

Ну, клан Стюартов большой. Подобрать подходящего парня, похожего внешне на короля, оказалось несложно. И бедняга даже толком не понял, с кем встречался. Он-то, наивный горец, думал, что Мэри – служанка. Переспали пару раз, да и уехал себе. Но ей хватило...

Леди Винтер не затевалась бы с ребенком вообще, но царица прислала письмо. А раз так...

Поиграем.

– Ты поправишься, любовь моя. Я так хочу, чтобы ты выздоровел, хочу от тебя сына...

\* \* \*

– Вот оно как? – недобрая ухмылка озарила лицо Алексея. – Сонь, ты точно уверена?

– Головой отвечаю, – сестра скалила зубы. – Думаешь, легко было найти концы?

– Думаю, что тяжело.

– Потому и искали, чуть не два года. Но покушений на свою семью я спускать не собираюсь.

А жена регента Испании была ее сестрой. Этого достаточно.

Да, наконец-то запутанная цепочка размоталась до конца. И оказалось...

На одном ее конце была ее величество испанская королева Мария-Луиза. На другом – будущий Людовик XV, ныне великий дофин.

Мало кто знал, но еще до замужества, Мария-Луиза обожала своего кузена. Да и он тоже был не прочь. До главного у них не дошло, но...

Сказать, что молодая принцесса была недовольна своим замужеством? Это все равно, что промолчать! Сплошные ограниченной, негодный и больной муж, ни семьи настоящей, ни детей... Она бы вытерпела все! Но рядом оказалась Машка!

Красивая, умная, обаятельная, живущая так, как хотелось бы самой

королеве. И зависть разыграла так...

Да за меньшее ненавидят и убивают!

Одна из камеристок Марии-Луизы писала своему дяде, тот пересылал письма племяннику и уже племянник отдавал их Людовику-младшему. А тот распорядился...

В итоге, Мария спать теперь не ложится без пистолета под подушкой, детей от себя не отпускает, хоть покушений больше и не было. Дон Хуан вообще охраной весь дворец заставил. А ларчик просто открывался...

– Что ты хочешь с ним сделать?

– С Людовиком? Убить.

– Людовик-Солнце нам этого не спустит.

– Если узнает.

– Соня, это громадный риск.

– Да, я знаю. Ты даешь добро на адекватный ответ?

– Да. Но не рискуй лишний раз.

– Братик, если бы мы узнали и ударили сразу – да, Людовик мог бы заподозрить неладное. Но сейчас, чуть ли не два года спустя... я постараюсь сделать так, что подозрение падет на гугенотов.

– Да, еще и эти...

Последние остатки мятежей давались Людовиком по всей Франции. Гугенотов было не так много, чтобы доставить королю серьезные неприятности, но несколько относительно спокойных лет у Европы получились. К тому же самые умные успели за это время перевести капиталы и производства за границу, нанеся при этом мощный удар по экономике Франции, а кое-кто и удрал поближе к своим деньгам. На Русь – в том числе. Так что скоро уже должны были открыться первые мануфактуры... Софья довольно потирала руки.

Пусть работают. Проживут здесь поколение, два, кто женится, кто замуж выйдет, дети при монастырях поучатся – и не таких ассимилировали! Приехали гугенотами, станут православными, были французами, обрусееют за милую душу, еще и оскорбляться будут, если их в иноземцы запишут!

– Я справлюсь.

Вот уж в чем Алексей не сомневался. Справится, еще как справится. И все же, все же...

– Если Людовик узнает – это будет война не на жизнь, а на смерть.

– Не узнает.

И Алексей поверил сестре. Пусть никто не узнает, а сто лет спустя его осудят потомки, прочитавшие в архиве о жестоком приказе, но... не

оставлять же наглое покушение безнаказанным?

– А жена Карлоса? – для проформы уточнил он, не сомневаясь, что если Софья уничтожит Людовика, то уж подстрекательницу – тем более. Ан нет. Царевна покачала головой.

– Он ее любит.

– И что?

На губах Софьи возникла ехидная улыбка.

– Братец, она уже наказана! Куда еще-то?

Алексей подумал о жизни Марии-Луизы – и согласился. Пожалуй, что и верно. Больше – некуда.

– Ладно. Даю добро. Действуй.

Софья чуть улыбнулась. Ни к чему брату знать, что акция уже готовится. Он здесь главный, а она будет просто исполнять его распоряжения. И не будет она подсылать никаких наемников с кинжалами, вот еще! Ядом обойдется!

\* \* \*

Луиза Амалия шла по коридору, умело покачивая бедрами. Личная и любимая фрейлина ее величества королевы Испании пребывала в прекрасном настроении. Что нужно для счастья?

Молодость, красота, милость королевы и знатный идадьго в женихах. Живи и радуйся.

Но вот первого ей сделать и не дали.

От стены отделилась такая же женская тень.

Это в кино человек может увидеть своего убийцу, начать орать, сопротивляться, а в жизни, если операция подготовлена правильно – так не бывает. Кинжал вонзился Луизе под левую лопатку, безошибочно нашарив сердце. Женщина осела на пол, даже не захрипев. Чисто сработано. Шум? Тревога? Это когда работают непрофессионалы, а из рук царевны таких не выходило. Тем более – в заграничные командировки.

Выдергивать оружие труда убийца не стала. Мило улыбнулась – и отправилась дальше по тому же коридору. Ну кто заподозрит одну фрейлину в убийстве другой? Тем более, таком циничном и жестоком убийстве?

Это работа для итальянских брави, а не для хрупкой русской дворянки.

А ты не пиши писем... дяде.

Карл Одиннадцатый довольными глазами смотрел на мать.

– Ну что ж, все готово для наступления.

– Наконец-то! С чего мы начнем?

– С моря, мама. Одержим победу на море – и сможем продолжать на суше ...

– Эти наглые русские!

Гедвига шипела не зря. За прошедшее время русские оч-чень неплохо укрепились на всем завоеванном пространстве. Настроили крепостей, завезли оружие, поставили свои гарнизоны, лихо проредили шпионов... да что там! Эти негодяи даже церкви свои понаставили – и теперь смущали добропорядочных лютеран и протестантов своей православной схизмой. И ведь соблазнялись отдельные нестойкие личности! И было тех личностей куда как больше, чем хотелось бы добрым пасторам.

Отвратительно!

Даже попытки взбунтовать народ ничего не дали. Бунты подавлялись жестоко, быстро и кроваво. Выжившие ссылались куда-то далеко, на север, в какую-то Сибирь,\* которую Гедвига даже не представляла, а на освободившееся место заселялись русские люди. И уж эти-то служили своей короне не за страх, а за совесть. Такими темпами, скоро на завоеванных землях и шведов не останется.

***\* конечно, Сибирь не на севере, но откуда это знать шведской королеве? Варварская страна – и все тут. Прим. авт.***

Шведам приходилось терпеть и смиряться. Единственное, где они могли поспорить с Русью – это на море. А с датчанами можно поговорить и на суше.

Но кроме этого...

– Яков умирает. Ты не хочешь предложить шотландцам своего второго ребенка?

Первый сын у Карла таки появился. Тоже Карл, только Двенадцатый по порядковому номеру. Слабый и хилый мальчик неотлучно находился при матери, которая по такому поводу даже прекратила грызться со свекровью. Не до старухи, сын бы выжил! И сейчас ее величество Мария Шведская опять была в тягости.

– Пожалуй, что стоит. От той девки он никого не прижил, так что...

– Думаю, ему недолго осталось.

Карл молитвенно возвел глаза к небу.

– Что ж, попробуем. И тогда подождем с наступлением. У Англии хороший флот, нам он окажется не лишним...

Гедвига посмотрела на сына. Ну что еще надо? Красавец, умница, талантливый полководец... чудо! Еще бы внук в него пошел, а не в дуру-невестку...

\* \* \*

Людовик Великий Дофин...

Ну, что тут скажешь?

Тень отца. Но в то же время тень достаточно умная и храбрая. Тень образованная, любящая искусство и охоту, отлично проявляющая себя на поле боя... просто от Людовика Четырнадцатого так сияло, что никто другой не мог с ним сравниться. С супругой дофин особенно счастлив не был, изменяя ей если и не так откровенно, как его отец, то достаточно спокойно. Виктория Баварская грустила, тосковала, болела и, по мнению многих, была откровенной вяленой рыбой, совершенно не способной удержать супруга.

Что бы они сами делали на месте девушки, злопыхатели не задумывались. Мало того, что Людовик ее не любил, по разговорам, он искренне, детской любовью, любил свою кузину Марию-Луизу, ставшую нынче женой испанского короля. Или был привязан к девушке?

Впрочем, детские воспоминания – они самые крепкие. Так что ничего супруге тут не светило, проживи они вместе хоть двадцать лет. Просто изменять ей бы стали чаще.

Тот день у Людовика ничем не отличался от остальных.

С утра назначена была охота! Одно из тех занятий, которое Людовик искренне любил.

Придворные кавалеры и дамы, егеря, собаки, флаги развеваются, рога трубят, кони бьют копытами... ах, какое это красивое зрелище! Тем более, что в лесу ждут несколько волков...

Одного из них Людовик даже добыл собственноручно! Так что вечером Великий Дофин был в замечательном и чудесном настроении.

Вечером был бал.

Музыка, танцы, дофин искренне веселился, приглашая то одну, то другую даму. А уж потом отправился в спальню...

Кстати – не один. С любовницей, мадам Резен.

Вот ее-то криком и был разбужен двор. Истошным, диким,



нечеловеческим.

А кому понравится – проснуться в одной постели с трупом?

Великий дофин утра не увидел, поскольку был безнадежно мертв.

Ах, рано, рано во Франции забыли «дело о ядах», рано похоронили милые традиции родов Медичи и Борджиа. А вот на Руси ими не побрезговали, грех ведь – не перенять полезный опыт. И восточные традиции, опять же...

Людовика не травили, Людовика мирно усыпили, чтобы не вздумал проснуться раньше времени, и испортить убийце всю обедню. И его метресса тоже спала, как сурок, а в двух шагах от нее...

Так казнили Равальяка.

Хотя...

Равальяка казнили постепенно, а Людовика – нет. Его убили одним ударом в сердце, а потом отсекали ему правую руку, как цареубийце Равальяку. Четвертовать его, правда, не стали, слишком грязно и долго, да и шумно, кстати. Человека разрубить на части не так просто. Но дофину вспороли живот, вырезали сердце, и разрубили оное на четыре части. Как символ.

Вот это метресса и увидела в одной кровати с собой. И орала так, что дворец сбежался. Поддержать и поорать.

Людовик был в шоке, но дознаться ничего не мог. И ничего, и никого...

Софья бы с удовольствием устроила дофину какую-нибудь пакость похлеще, вроде несчастного самоубийства шестью кинжалами сразу, с оглашением на всю Францию, но – не стоило. Людовик XIV – это вам не абы кто.

Такую пощечину он проглотит, выбора нет. Сам понимает, мальчик его не в куколки заигрался, задумал убить женщину, мать будущего короля, да и возможно, будущего короля Испании, тоже. Вот и получил. Но хоть умер мирно, во сне.

Король-Солнце рвал, метал, искал, подозревал, но доказать не смог ничего. А в политике без доказательств не кусают. Или кусают не сразу. Так что утерся, получил, кстати, соболезнавания из Испании, и стал править дальше. Хотя мадам Режан выслали из Парижа и даже из Франции – чтобы глаза безутешному отцу не мозолила.

Горе-то какое! Бедная Франция.

Следующим наследником стал его сын – также Людовик, герцог Бургундский.\*

**\* В реальности Людовик великий дофин не правил ни единого дня, равно, как и его сын. Наследником Людовика XIV – Людовиком XV стал**

*его правнук, после того, как половина семьи монарха вымерла от болезней и несчастных случаев еще при жизни короля-солнца. Сам дофин сильно ничем не прославился, так что и его смерть на исторические процессы вряд ли повлияет. Прим. авт.*

\* \* \*

Алексей тронул поводья, и послушный конь прибавил шаг.

Выбраться сейчас за город, да и пустить его в галоп! Чтобы ветер бил в лицо, чтобы сладко и остро пахло травой, чтобы небо и облака неслись с тобой в одной карусели, стирая все происшедшее.

Бешенство туманило голову, сдавливало клещами грудь, застилало глаза кровавой пеленой, требовало мести и боли.

Чужой боли.

Крови и смерти тех, кто поднял руку на его сестру.

Пусть и свершилось уже, и кровью заплатили те, кто посмел, и время прошло, а все одно – накатывало. И приступ бешенства стискивал сердце когтистыми чугунными лапами.

Больно...

Памятно, ох как памятно было мужчине его возвращение из шведского похода.

И смерть Катеньки, и отчаянные глаза Софьи, которая держалась на людях каменной статуей, а потом рыдала у него на груди, повторяя безостановочно одно и то же «прости, не уберегла, прости...». А он стоял, гладил ее по волосам и понимал, что своими бы руками...

Не просто убивал бы – медленно, мучительно, кнутом бы забивал до смерти, посыпая раны солью, на кол сажал, огнем жег – и рука бы не дрогнула. Потому что это – святое.

Это – его семья.

Тот светлый и чистый уголок детства, который есть в душе каждого человека. У кого-то он исчезает, когда уходят родители, кто-то прощается с ним, когда рождается первый ребенок, но Алексею повезло. Его опорой была Софья, и она всегда была рядом. А если бы – ее? Если бы покушение удалось, если бы его встретила та же Катька, воя над телом Сонечки?

Да встретила бы – или нет?

А ведь единственная, кто способен удержать страну, кто не станет интриговать в свою пользу, не пожелает потянуть на себя одеяло, не станет воровать – это его сестра. Именно благодаря ей он до сих пор может

воевать сам, может позволить себе не вникать в какие-то дела, может... может оставаться человеком, а не царем. А случись что с Софьей...

Рядом с ним будут люди, будут сестры, любовницы, только вот свет погаснет, и он останется в темноте. Навсегда в темноте.

– Стой же ты, окаянная!!!

Задумавшись, Алексей и не заметил возок, расписанный красными цветами и диковинными птицами. Лошадь, запряженная в него, оказалась молодой, горячей и бестолковой, чего-то испугалась – и принялась биться, пытаясь встать на дыбы, запутывая упряжку, рядом метался кучер, пытаясь ее успокоить, но лошадь уже вошла в раж.

Что ж, это было ничем не хуже.

Алексей спрыгнул с коня, жестом останавливая охрану, и сильной рукой перехватил поводья.

– Кончай шалить, волчье мясо!

Вот теперь лошадь повиновалась.

И то сказать, государь был на голову повыше кучера, и точно – сильнее. Животное, дрожа, замерло на месте, и Алексей потрепал ее по морде.

– Хорошая девочка, хорошая...

А в следующий миг едва не ослеп.

Бывает же в жизни такое...

Идешь ты по улице, и сто раз по ней проходил, но в этот раз тебе навстречу идет человек – и все, как удар молнии. И ты понимаешь, что ближе и дороже у тебя уже не будет.

Или раскланиваешься с гостями, и тут тебе представляют незнакомца, и вокруг все останавливается. А вы смотрите друг на друга, и понимаете, что вы не просто знакомы, вы осколки одной души.

Или...

Да, и так вот бывает. С задурившей лошадью на дороге и выглянувшей из окошка девушкой.

Незнакомка была хороша, как ангел, какими их представляли художники.

Громадные голубые глаза на бледном лице, словно выточенном из лучшего мрамора. Высокий лоб, с выбившимися каштановыми прядками, тонкий прямой носик, алые губки, которые так и целовать бы, пока не станут темно-вишневыми, а потом и всю ее зацеловать, тонкая бледная рука, коснувшаяся занавески...

Алексей не мог сказать, что любил жену, но уважал ее, понимал, жалел, привык к ее внешности, только рядом с этой девушкой любая

показалась бы уродливой, не то, что Уля.

Даже Любава, с ее слишком яркими красками...

Любава была эмалью по золоту, девушка – тонким фарфором с чуть намеченным рисунком, потрясающе красивой и утонченной...

И она тоже замерла у своего окошка, придерживая занавесь.

Голубые глаза встретились с синими – и молния, таки, грянула.

До боли, до искр в очах...

Что бы сделал или сказал государь, он не знал и сам, но вовремя на плечо опустилась тяжелая рука.

– Государь, разрешите помочь?

Дмитрий Рытов, один из выпускников царевичевой школы, понял, что происходит. Этому их тоже учили. И поняв, решил оборвать нити прежде, чем они протянутся накрепко, вrastут, оставят по себе неизбывную тоску...

Не стоило бы даже дотрагиваться до государя, никогда б себе Митя такого не позволил, разве что в учебных поединках, да и заговаривать первым...

Столько всего Митя нарушил своим поступком, что хоть сам на Соловки уезжай, но... не след государю такое на людях являть. Сплетни поползут, слухи, а – нельзя. Никак нельзя.

Пусть государь хоть скажит, а только неправильно это, когда он столбом верстовым застывает средь дороги и смотрит на девицу. Кстати, с точки зрения Дмитрия не слишком и примечательную. Симпатичненькая, конечно, но не красавица. Так себе, слишком бледная и какая-то... не от мира сего? Словно о чем-то своем думает.

Алексей вздрогнул, словно разбуженный, вздрогнула и девушка, а в следующий миг государь сам отвернулся, хлопнул Дмитрия по плечу.

– Да. Помоги тут, чем надобно. А мы поедем, пожалуй...

Кавалькада сорвалась с места, а Дмитрий остался у возка, Посмотрел еще раз на девушку, которая глядела вслед уезжавшему царю тоскливыми глазами, подумал...

Надо обязательно сказать государыне Софье.

\* \* \*

– Любопытно. Весьма любопытно. И Алексей... заинтересовался?

– Да царица.

Уж сколько лет не царица, а вовсе даже Софья Алексеевна, боярыня

Морозова, ан нет! Все одно – царевна и царевна. Умирать, видимо, и то царевной будет.

– Точно не было подстроено?

– Никто не знал, что государю прогуляться захочется.

Софья кивнула, но решила-таки озадачить Ромодановского. Так спокойнее будет. А покамест – стянула дорогое серебряное зарукавье, протянула Дмитрию.

– Благодарю. Возьми, не побрезгуй?

Дмитрий кивнул, поклонился в благодарность. Это не подачка, нет. Такими вещами жалуют с царского плеча, и в семье такое хранится, и из поколения в поколение передается, чтобы помнили. Чтобы знали.

– Что там за девушка?

– Марфа Заборовская.

Софья быстро пролистала картотеку в своем разуме – словно десятки файлов перемотались в один момент...

– Апраксина? Красота столицы русской?

– Да, государыня.

– Ах, вот оно что...

Софья прикусила губу.

Видела, видела она эту Марфу. Даже специально интересовалась. И вот беда – попалась эта зараза на глаза Алексею.

Угораздило ее...

Так получается, что сильных мужчин часто тянет к слабым женщинам, чтобы казаться рядом с ними еще сильнее. Или чтобы оберегать, защищать, реализовать свои инстинкты хищника... Вариантов много, но в том-то и дело, что эта игра хороша до определенного предела.

Тигр может охотиться на антилопу, только вот потом ее надо сожрать, а не создать с ней семью. А если создать, то кто получится в итоге? Какими будут их дети?

Рогатыми тиграми?

Антилопами с полосками?

В любом случае – несуразная химера. Просто потому, что сильным мужчинам нужны сильные женщины, только от такой можно ждать сильных и умных детей. А не нежные лилии, которых придется оберегать всю жизнь. Дети-то тоже получатся лилиями... даже если и тигровыми, зубов у таких цветов не будет. А Марфу Софья помнила.

Милая, нежная, очаровательная... липучка. Феде бы такую, не Алешке!

Будь она другой, Софья дала бы брату развлечься. Покувыркались бы

месяца два, потом вышла бы Марфуша замуж, да и долой из столицы и из сердца. А такие прикипают, врастают, привязываются и привязывают. Если с ней так поступить, последствия могут быть самыми непредсказуемыми, вплоть до самоубийства.

Софья еще по той жизни помнила, как влип один ее товарищ. Всякое бывает, переспали, что ж теперь, жениться? Так эта дура работала в его компании. На заседании совета акционеров она просто подала себе кофе с мышьяком, выпила и заявила, мол, сейчас сдохнет на глазах у любимого, на его руках, чтобы помнить его глаза, чтобы он помнил... ну и прочие подобные глупости. Жаль, не знала, что мышьяк мгновенно не действует.

Откачали и устроили по блату в психушку. Но опозорился товарищ на всю Россию!

А здесь куда? В монастырь?

И то, там-то девяностые, никому никакого дела не было до истеричной дуры, но сплетничали несколько лет, напропалую, мужик, наверное, на узел завязал, чтобы второй раз так не попасться, а тут нравы другие! Не то время, чтобы ходить и блудить!

Уля будет переживать по-страшному, шила в мешке не утаишь. Семья трещину даст, команда распадаться начнет, репутация царя будет подорвана. И что останется?

Проблемы, сплошные проблемы...

Надо переговорить с Алексеем, посмотрим, что он скажет. Софья раздумывала, как начать этот разговор, но не пришлось – брат пришел к ней первым.

– Соня, надо посоветоваться.

\* \* \*

В изложении Алексея история была почти такой же. Но... брат не знал, что ему делать. Хотелось, очень хотелось, но пока еще царь перебарывал в нем человека. И Софья оценила.

Коснулась рукава братика, приобняла за плечи.

– Алеша, нельзя тебе с ней. Не здесь, не сейчас, ты же понимаешь? Уля тебе никогда не простит. Не сможет... Ты столько строил свою семью, чтобы потом все потерять ради сомнительной девицы?

Алексей весь аж вскинулся – и это был плохой признак, очень плохой.

– Соня, ты не понимаешь. Она такая, она... настоящая.

Соня крепко обняла брата за плечи, удерживая здесь и сейчас, чтобы

не наделал глупостей.

– Понимаю, Алешенька. Может быть, именно я и понимаю. Но – нельзя. Ты царь, своей волей ты можешь послать меня к чертям, забыть мои слова и поступить, как хочешь. Можешь заткнуть меня, упрятать Улю в монастырь, можешь привести в терем эту плаксу, приказать детям принять ее, как мать... можешь?

И Алексей опустил плечи.

– Сонь... это так гадко звучит.

– Именно. А делать это – еще гаже получится. Уля тебе доверяет. А эта?

– Она такая нежная, хрупкая...

– Алешенька, ты просто влюблен. Но и дон Хуан любил нашу Любушку. И – отказался. Ради своей страны он сделал тяжкий выбор, и принял свой крест. И они счастливы с Машей, насколько могут и умеют. Думаешь, с Любовой ему было бы лучше?

Алексей покачал головой.

– Соня, я не могу выбрать. Но и видеть ее не хочу. И... хочу. Что делать?

Соня взъерошила братцу волосы.

– Поезжай-ка ты с детьми и Улей в Дьяково? На пару месяцев. Или куда в паломничество? Хочешь?

– Не хочу, – отозвался Алексей, – но поеду.

– А я тут решу вопрос.

– Ты не причинишь ей вреда?

– Алешка! – Софья возмутилась уж вовсе ненаиграно. – За что, за то, что она тебе понравилась? Совесть поимей!

Алексей ткнулся лицом в простое темное платье Софьи, ощущая, как тонкие пальцы с парой колец – от него, да от Ивана, перебирают волосы совсем по-матерински, ласково, уютно. Да. Хорошо, что она рядом. И сможет понять, и поддержать, и помочь...

Всей правды он Софье так и не сказал. Женщина чем-то зацепила его. Было в Марфе нечто... тонкое, возвышенное, нежное. Ее хотелось поднять на руки, прижать к себе и защитить от всего мира. Унести на поляну с цветами и остаться рядом с ней навечно. Только вот...

Сейчас он безжалостно давил в себе эти мысли, рассказывая все сестре. Понимал – она сейчас встревожится, найдет Марфу и действительно займется ее судьбой. И будет у той дом, дети, супруг...

Про царя она и думать забудет. А вот Алексей сейчас отлично понимал дона Хуана.

Это могла быть любовь. Могла быть страсть.

И ее надо было раздавить каблуком, потому что есть Ульрика, дети, государство...

Будь оно все... нет!

Не смей договаривать! Даже думать о таком не смей, Алешка!

Он – царь. И это его ярмо. И долг, и честь, и люди на него рассчитывают. Никогда он не поставит даже возможность любви выше всего этого. Так уж воспитали.

А сердце все равно иногда щемит, стоит только вспомнить грустный взгляд громадных голубых глаз.

\* \* \*

Сердце щемило и в Дьяково, но постепенно встреча на дороге куда-то уходила, заслонялась впечатлениями из жизни. Вот смеются дети, вот Уле сплели венок из ромашек, и в она в нем выглядит красавицей, потому что счастлива, а счастье красит женщину, вот царевичи в лесу нашли ежика и просят его оставить...

Голубые глаза словно померкли, отошли на задний план...

Он будет, будет еще вспомнить их, но – потом. Все потом.

Он справится, он сильный.

И уж тем более не волновало Алексея, происходящее в Москве.

Он не знал, что на следующий же день Софья навестила дом Заборовских, потребовала к себе Марфу, выпросила у нее все, что могла, отметила ту же болячку – начальные признаки влюбленности в государя, плохо, очень плохо, надо пресекать, а спустя неделю нашла девушке жениха. Который, вот совпадение-то, отправлялся к новому месту службы – в Крым.

Подальше от Алексея! Чтобы ни ногой в столицу!

Говорят, Азов стал очень милым местом, вот там пусть и сидят! Точка!

Нельзя им этого, вовсе даже нельзя. Будь Марфа другой, но ведь эту липучку потом ничем не отдерешь. Да и Заборовские род обильный, уцепятся, никакие Милославские их не отдерут. Нет, так не пойдет.

Не затем они тридцать лет работают, чтобы из-за непонятной девицы все прахом пустить! Она этого не допустит!

А боль...

Природа власти такова, что ради нее приходится рвать на куски не только чужие сердца, но и свое. Успокоятся и Марфа, и Алексей, никуда не



денутся. Нет у них такого выбора. И права на любовь тоже нет. Пусть кто хочет – осуждает, а Софья выбор сделала. Да и Алексей тоже, иначе не рассказал бы ей все, не уехал... благодарен он за это не будет, и хотелось бы ему, но – нельзя.

И этим все сказано.

\* \* \*

– Мария, милая, ты не могла бы навестить Марию-Луизу?

Маша с интересом посмотрела на супруга.

– Что случилось?

– Она уже третий день бьется в истерику.

Хм-м... это было серьезно. Более чем, учитывая, что испанский двор – место своеобразное. Но если королеву не могут привести в чувство даже ее придворные дамы!?

Хотя о причинах Мария догадывалась.

– Ладно, я схожу. А что говорит Карлос?

– Племянник сам в недоумении...

Маша усмехнулась, вспоминая, как она удивлялась этому «дядя – племянник» между братьями. Потом поняла. Этикет-с...

Невежливо при живой-то королеве говорить о незаконном королевском сыне, вот и называли вежливо – племянником. Опять же, когда один брат старше другого на четверть века – отношения братскими уже не будут. А будут именно такими – опека с одной стороны и уважение с другой. Это в лучшем случае.

Маша покивала и решила сходить, навестить «племянницу». Хотя будет ли толк?

При всем внешнем обаянии, красоте и доброте, Мария-Луиза была достаточно сложным человеком. Не бывает простодушных принцесс, тем более – французских. Притворялась она виртуозно, а уж что творилось у нее в душе?

Вот и сейчас она попросту рыдала. Не кричала, не пыталась кого-то обвинить или рассказать, что ее расстроило – рыдала. В три ручья.

Маша честно попыталась ее утешить, но – как!? Как успокоить женщину, которая просто изображает слезоразлив? А из-за чего?

А неизвестно!

То ли хомячок сдох, то ли пуговица отлетела... догадка у Маши была. Но утешать женщину, которая мечтала о ее смерти? И смерти ее детей?

Мол, не страшно, что умер Людовик, все равно вы на небесах встретитесь. Так, что ли?

Неубедительно.

Так и не вышло приличного утешения.

Дон Хуан искренне расстроился – Карлоса он любил и хотел, чтобы у короля все было в порядке. А какой тут порядок? Но потом рассудил, что слез в любой женщине не больше ведра, выплачется – успокоится и вообще, истерики лучше лечить пощечинами, а не поглаживаниями – и махнул рукой.

И верно.

Спустя неделю Мария-Луиза успокоилась. Но вот прежнего огня и живости в ней не осталось. Теперь это был лишь слепок той Марии-Луизы. Оно и понятно. Насколько уж там была любовь со стороны дофина – неизвестно, но принцесса явно его любила. А может, и он тоже? Бросился ведь Людовик ей на помощь! Или это просто сработали воспоминания о счастливых детских днях? Даже если и так... Детство – важный кусочек нашей жизни. Легкий, счастливый, беззаботный, и теряя кого-то из той, счастливой поры, мы теряем часть себя. И это – больно. Очень больно.

Сочувствовала ли ей Маша?

О, нет. Слишком памятливы ей были те секунды, когда она не знала, где спрятать детей. И думала, что умрет сама, но выиграть бы время... и все это по милости позавидовавшей чужому счастью стервозы?!

Хватит с нее и того, что не злорадствовала.

\* \* \*

– Что случилось?

Алексей не любил, когда их работу прерывали. Он, Иван, Софья... время от времени им требовалось поработать вместе. И бояре давно уже знали – не стоит лезть в этот момент к государю. Но...

Видимо, что-то такое было у Федора Ромодановского, что он рискнул царской немилостью.

– Яков умер.

Иван присвистнул. Софья потерла руки.

– Подробности?

– Все сложно. Яков умер, а его вдова бежала из страны.

Софья усмехнулась. Она лично давала Анне добро на такое решение, но...

– Подробности?

– Говорят, что короля отравили. Имена называют самые разные, а уж кто там, что там...

– Пусть сами разбираются. Главное, чтобы долго заняты были.

– Монмут счастлив. Уже сделал шотландцам предложение вассалитета, но пока его никто не оценил.

– А почему бежала вдова? – заинтересовался Иван.

– Говорят, она беременна.

– От Якова? – улыбаясь, уточнил Алексей.

Ромодановский только руками развел.

– Зачат-то ребенок точно был при жизни Якова. А дальше... все в руках божьих!

Софья тоже улыбнулась.

– Где вдова – неясно. Но в Шотландии она была бы игрушкой. А на континенте... там возможны комбинации и варианты.

– Тебе – да вдруг неясно? – усомнился государь.

– Может быть, – Софья накрутила на палец кончик косы, – она объявится во Франции? Кто знает... Людовику надо чем-то заниматься. И если родится мальчик, и если родится девочка...

– Соня, ты – чудовище! – высказался Иван. Но звучало это так восхищенно, что никто не поверил.

Сколько времени собачатся англичане и французы? И тут Людовику в руки сваливается – ЭТО! И в общем-то все правильно. В Испании без него разберутся, а вот в Англии и Шотландии...

Какой простор для комбинаций! Сколько вариантов!

Например, война за Шотландское наследство!

С кем?

О, тут тоже хватает претендентов! Швеция, Дания, Монмут... восхитительно! А ведь Людовик – католик, считай, ирландцы его уже полюбят, а вот протестанты – не примут. К тому же, он не сам по себе придет, а как опекун законного короля. Последнего Стюарта! Как много интересного может получиться!

Ромодановский ушел. Алексей посмотрел ему вслед.

– Как там у него с Любавой?

– Великолепно. Душа в душу, разве что без детей. Но это им жить не мешает. У нее есть Володя с Наташей, у него жена рождает чуть ли не каждые два года – разве плохо? И никакой ревности! Человек на работе, в Кремле, все всё понимают. А чем он тут занимается между работой – его личное дело.

– И все же, дона Хуана мне жаль, – вздохнул Ваня, – там была такая любовь.

Софья подошла к мужу, приобняла его за плечи.

– Не стоит жалеть. Это не любовь, это страсть. Огонь, в котором соришь – и пепла не останется. А вырастет ли что-то на кострище – Бог весть. Любава не подходила князю морей. Слишком уж она мягкая, добрая, нежная... да и воспитание у нее другое, и дон Хуан не смог бы ставить ее интересы на первое место. Знаешь, Маша сейчас пишет, что привязалась к мужу, а он – к ней, и разница в возрасте им не мешает. Можно упоенно восхищаться котенком, но рано или поздно, тебе потребуется партнер, а не плюшевая игрушка. Любить можно разных, а вот строить будущее надо с равными тебе по силе духа, уму, характеру, иначе потом пожалеешь.

– Как мы с тобой?

– Хотя бы. Вот у Алеши чуть иная ситуация, но Уля удачно дополняет его.

– Я воюю и делаю детей. Она их воспитывает.

Глаза Алексея затуманились. По возвращении из Дьяково он не спрашивал о Марфе, но сейчас настал момент.

– Говорят, на Москве новая красавица объявилась?

– Так это естественно. Старые замуж выходят, пока окончательно не устарели, новые появляются, – Софья пожала плечами. – Дело житейское.

– Заборовская?

– Да, и она тоже. Давно уж, пару месяцев тому...

Алексей сник и вздохнул.

– Да, это жизнь...

– Зато девушка счастлива. Говорят, замуж выходила, аж светилась от счастья.

И то сказать, супруга ей Софья подобрала хорошего в меру доброго, неглупого и красивого. Справится.

Несбывшееся – оно только первое время жжет, потом привыкаешь. Ну и ничего серьезного между Марфой и царем не было, подумаешь, взгляд на дороге.

А то, что Алексей тосковал несколько месяцев...

Так ведь государь же, не сопляк какой безмозглый. Ушел с головой в работу, отвлекся, да и успокоился потихоньку. Перебесился. Уля – и та не заметила.

– Шведы скоро нападут.

– Как скоро?

Адмирал Александр Яузов, выпускник царевичевой школы и один из любимых учеников Мельина, смотрел на гонца прищуренными глазами.

– Думаю, у вас есть не больше десяти дней, прежде, чем их флот окажется у Риги.

– Твою ж!

Ярость адмирала была почти физически ощутима.

– А чем вы занимались раньше!? Почему я узнаю об этом только сейчас!? Что можно успеть за десять дней!? Повеситься!?

Гонец, он же сокурсник, он же шпион, он же Дмитрий Берестов, грустно усмехнулся.

– Санька, Карл тоже не дурак. Я чудом вырвался. Все порты закрыты, все отслеживается...

– Голуби?

– Сокола.

– Черррт! Десять дней?

– Я не знаю, что ты будешь делать. Но они идут.

Яузов и сам не знал, что именно делать. Но...

– Рига? Это – точно?

– Да. Они хотят пройти вдоль побережья, сначала разорят крепости, а потом за ними пойдут солдаты. Уже на галерах, не торопясь, не ожидая сопротивления...

Слова, которыми Яузов охарактеризовал шведов, в истории не сохранились. Пергамент было жалко.

– М-да, задал ты мне задачку.

Помощь придет, но когда?

А драться – ему, умирать – ему... Ну и пусть.

Когда-то царевич подобрал мальчишку в придорожной канаве. Саньку отмыли, дали ему фамилию, обучили, устроили в жизни... сейчас его пора отдавать долги.

Смерть?

Жалко, конечно. И жену жалко, и детей... крохи еще совсем. Но царь милостив, сколько уж народу полегло, а все одно, ни вдов, ни сирот на Руси не бросают. Кого в школу пристроят, кого еще куда, вспомоществование платят за погибшего кормильца... Так! Не умирай раньше смерти, Санька!

Он – справится. Обязательно справится.

Рига? Острова рядом?

Карта была неподалеку. Медленно, очень медленно, на ней появлялись

линии, какие-то прикидки, наброски... шанс есть?

Да.

Не у него, у Риги. У Руси. Он-то, скорее всего, тут и поляжет.

Важно ли это?

Если он заберет с собой шведский флот – нет. На лице Саньки Яузова появилась откровенно волчья ухмылка. Он – справится, еще как справится! Он уже знает – как.

## Глава 2

– Ваше величество, прошу о милости!!!

Нельзя сказать, что Людовик растаял сразу, но... была, была у него слабость к красивым дамам. А склонившаяся перед ним женщина была воздушным и неземным созданием.

Белокурые волосы, голубые глаза, шитое серебром черное платье, придающее ей вид фарфоровой куклы, и не скажешь, что беременна. Такой уж у нее вид... непорочный.

– Встаньте, сестра моя. Прошу вас...

Людовик лично подвел даму к креслу, усадил в него и даже предложил вина. Тонкие пальцы сомкнулись на прозрачной ножке бокала – и сами показались едва ли не стеклянными. Совершенство из лунного света и фарфора, иначе и не скажешь.

– Ваше величество, мой муж мертв.

Из голубых глаз выкатились две слезинки, скользнули – и пропали в складках кружевного платочка. Как и не было...

– Примите мои соболезнования, ваше величество.

Когда Людовику доложили, что его умоляет об аудиенции вдова Якова Стюарта, он сначала и не поверил. Шутки шутить изволите, она сейчас в Шотландии! Кто б ее оттуда выпустил, теряя такой ценный козырь!?

Оказалось – и спрашивать не стала. Сама сбежала, переправилась через пролив, добралась до города Парижа – и заявила в дом к Лувуа. А у того еще с прошлого раза холка болела, поэтому о появлении жены Якова он предпочел доложить сразу, не нарываясь.

Людовик удивился – и приказал организовать тайную встречу в Лувре. И сейчас смотрел на юную женщину в черном. Выглядела она... м-да, его величество понимал английского короля. В таких влюбляются насмерть. Сочетание нежности и чувственности, хрупкости и очарования...

– Ваше величество, я умоляю вас о милости. Мой муж умер, но я жду его ребенка!

Людовик только глазами хлопнул.

Поверил? Ну... вопрос сложный. Все знали, что Яков лежит и болеет. Но все также знали, что его жена ночует рядом с мужем. По ночам из супружеской спальни изгонялись все слуги, ее величество сама ухаживала за больным, словно ангел милосердия, ее ставили в пример другим...

Могло у них один раз что-то получиться?

А кто ж его теперь разберет!

В любом случае, ребенок, зачатый при жизни Якова (к тому же рядом с его женой ни одного постороннего мужчины не было, разведка доносила, что ее величество буквально на шаг от мужа не отходит), станет его наследником. Если это – мальчик. А если девочка, так там все наследование сейчас по женской линии! Нет у Якова наследника-мужчины, и у Карла не было... вспомнив и о своей потере, Людовик на миг пригорюнился. Но у него-то уже были внуки... если будет девочка, возможны варианты.

Помолвка, например.

Анна де Бейль (она же Маша) изучала его величество из-под опущенных ресниц.

Ну... что тут скажешь?

Жестокий и коварный сукин сын! И палец ему в рот не клади – мигом в желудке обнаружишься. Но выбора-то нет! Она может вернуться домой, на Русь, и государыня ее примет. Но...

Неинтересно!

Маша уже привыкла жить на острие ножа, она стала адреналиновой наркоманкой, хоть и не знала этих слов, сталкиваясь с противником, подобным Людовику, она расцветала. И отказаться от такой игры?

Пусть ставка – ее жизнь! Но разве интересно играть на что-то другое?

Ребенок?

О, вот за ребенка она не волновалась. Ее чадушко сейчас будет нужно всем, кроме родственников. Но сколько влияния у Монмута во Франции? Или у дочек Якова? Да мало, крохи... Не им с Людовиком тягаться!

Принято думать, что каждая женщина в первую очередь – мать. Увы, Маша пока в себе ничего подобного не ощущала. Может, после родов? А пока...

Пока ее грызла досада, что ребенок может испортить фигуру. Это ведь тоже – оружие! А еще надо родить его здоровым, то есть соблюсти кучу условий, которые вообще отвратительно трудно совместить со светской жизнью. А со здравым смыслом?

Дай Бог, у одной из ста женщин не сносит разум во время беременности! А остальные сильно зависят от своего тела. И вот они – скандалы, ссоры, истерики... крестьянка может позволить себе орать на мужа! Пока по лбу не получит. А вот Маша не могла потерять контроль ни на минуту. И как тут быть?

Поневоле разозлишься.

Пока что беременность воспринималась ей, как суровая необходимость, а что будет потом... видно будет!



– Разумеется, ваше величество, вы можете рассчитывать на мою помощь.

Машка опустила невинные (бесстыжие?) глаза.

– Простите, что я вот так, сир... Я боялась. Муж умер, я – англичанка и своей мне для горцев никогда не стать. Но и игрушкой в руках глав шотландских кланов я быть не хочу. Я не могу рисковать самым ценным, что оставил мне муж. Не могу рисковать моим ребенком...

По итогам разговора Людовик решил поселить ее величество с немногими верными слугами в Сен-Жерменский дворец. И под рукой, и не на виду...

Разумеется, деньгами он поможет, содержание из казны выделит... появляться при дворе?

Ах нет-нет, сир, я – вдова. Мое дело – родить ребенка и плакать о моем несчастном муже. Вы будете навещать нас?

О, сир, вы ТАК великодушны!

Это был тот редкий случай в политике, когда все остались довольны. Судьба вплетала в полотно новые фигуры – и Бог весть, что из этого могло получиться.

\* \* \*

Шведские корабли шли к Риге. Да, если начинать – то оттуда. Вел их риксадмирал Отто Густав Стенбок. Ему надо будет ударить по Риге, взять город, а потом пройти вдоль побережья, разоряя русские укрепления и уничтожая их корабли.

Что ж, у него более чем достойный флот. Десять фрегатов, почти тридцать линейных кораблей, шесть бомбардирских кораблей, гребные суда – кто сможет противостоять ему?

Как оказалось – русские.

Неожиданности у Стенбока начались почти сразу же.

Ну, кто мог знать, что у русских так поставлена разведка? О флоте узнали как бы еще не до его выхода из гавани. И о месте назначения – тоже.

А потому...

Нет, не вышел ему навстречу флот. И не прислали вызов на честный бой – о какой чести может идти речь? Шведский флот – один из сильнейших на Балтике, а русские не настолько давно принялись осваивать Финский залив, и чувствуют себя на кораблях не очень уверенно. Репутация, может, и не все, но очень многое в этом мире. Потому – только

хитростью. И никак иначе.

Показалось Стенбоку, что один раз на горизонте мелькнул парус – и все. Это уже потом оказалось, что не показалось.

Есть такое слово – диверсия. Это бывает, когда под покровом ночи несколько брандеров врезаются в середину твоего строя – и взрываются, заливая окружающие корабли жидким огнем.

Одним ударом флот лишился чуть ли не четверти кораблей и всего боевого духа сразу.

Естественно, были вахтенные, но... в такой толчее? Что там можно услышать? Что увидеть? Русские использовали подлую уловку – черные корабли, черные паруса, увидеть что-то было совершенно невозможно. И это оказалось только началом.

Русские не собирались вступать в бой, они просто применили тактику изматывания. Несколько ночей, несколько брандеров, и в итоге, к Риге подошло уже шесть фрегатов, двадцать линейных, пять бомбардирских кораблей, а число гребных судов уменьшилось чуть ли не вдвое – кстати, и за счет дезертирства!

Мерзавцы, одно слово!

Русский флот встретил врага у Риги. Даже не совсем у нее – рядом с островом Эзель. Пропускать врага к городу никто не собирался – еще не хватало!

Пусть русских было не так много, всего штук десять линейных кораблей и семь фрегатов – больше собрать просто не удалось за короткий срок, ну и мелкие суда, но были же! И стоять они собирались до последнего.

Вот тут-то Стенбок и обрадовался. Сейчас он разберется с наглыми русскими тварями!

Ну-ну, не он первый, не он последний.

Все же, шведы оказались в более удобной позиции. Стенбок поставил фрегаты полукружием, а шхерботы во вторую линию. И решил ударить в пролив. Сейчас он сомнет этих наглых русских, как бумагу!

У русских же было свое мнение.

Ударить никто не собирался. Корабли принялись сближаться – то есть шведские суда шли на русские.

Но первые выстрелы прогремели от русских. Более дальнобойные пушки давали им преимущество, которым русские и пользовались. Стреляли много и часто.

Но шведов это не остановило. Они шли вперед и вперед. Маневрировали, уклонялись, но шли, под безжалостным огнем противника.

Не прошло и часа, как корабли сблизилась достаточно для абордажных атак – и началась безжалостная резня. Шведов было больше, но русские стояли насмерть, стреляли, резали, кололи, шли на таран, мелкие суда, уже на грани гибели, объятые пламенем, врезались в борта линкоров, предпочитая положить всех, но не сдаваться.

Шведский фрегат «Элефант», на борту которого находился адмирал, сцепился с одним из фрегатов. Хотелось бы помериться силами с русским адмиралом, но в битве не выбирают, кого судьба принесла, того и убиваешь. Свалка, одна на всех. И все же адмирал пока не вмешивался в драку на палубе. Отто был полностью поглощен разворачивающейся перед ним картиной. Вот ушел в морскую пучину один русский фрегат, вот второй, объятый пламенем, внезапно стронулся с места – на шведском корабле слишком поздно поняли, что собираются делать русские – и не успели отклониться в сторону, когда корабль врезался в противника, словно таран.

Прогредел взрыв.

Отто покачал головой.

Как ни крути, но русских было за что уважать. Жизнь – ничто, родина все. Он-то видел, что с взорвавшегося корабля никто не ушел живым.

Клубы дыма застилали поле боя.

И никто не увидел, как из-за острова вынырнуло несколько остроносых хищных кораблей.

Казачьи чайки?

Нет. Не то. Похоже, сильно похоже, но эти были чуть меньше, с немного другими обводами, позволяющими им развивать еще большую скорость... а еще – с Андреевским стягом, который реял над каждым кораблем.

Та часть флота, которую русский адмирал Яузов отправил заранее в засаду.

Остров Эзель...

Он ведь не один... там есть еще и Даго, и Моон... есть, где спрятаться. Была опасность не подойти вовремя, но кто не рискует?

Яузов строго-настрого приказал не рисковать. Даже если увидят, что его корабль погиб, а сам адмирал ушел на дно со своим кораблем – неважно! Ударить надо, когда шведы соберутся в кучу и потеряют бдительность. Все сразу они в пролив не войдут, задача русского флота задержать их. А задача брандеров...

А это были именно они.

Быстрые, хищные, и что самое приятное – до краев набитые

взрывчаткой, греческим огнем, порохом, смолой – всем, что нашлось за те несколько дней, которые были у русских на подготовку.

Нашлось.

И сейчас...

Моряки знали, что идут на смерть. По пять человек на каждом корабле, больше для управления и не надо. Поставить паруса, двинуться на врага...

Подходящий момент, чтобы умереть?

Нет. Тот самый миг, чтобы остаться навечно в памяти потомков. Каждого, каждого Яузов знал в лицо, каждого отбирал сам – и все шли на смерть добровольно. Семьям героев была обещана помощь, но их вело сейчас не это.

Семьям героев...

Вот именно, семьям.

Когда твоя семья живет в Риге, а первый удар нацелен именно туда... что ты сделаешь, чтобы он не нашел своей цели? Государь милостив, не оставит сирот своей заботой.

Русские не имели права пропустить врага к людям – они его и не пропустили.

Отто Густав слишком поздно заметил скользящие по воде хищные тени. Когда они уже были в пределах слышимости. На свободной воде брандеры и перехватили бы, и расстреляли издали, но здесь и сейчас, в безумии схватки... нет! Шансов у шведов не было.

На носу одного из кораблей стоял старый моряк и что-то кричал. Что?

Риксадмирал так и не понял.

А потом корабли врезались в строй врага.

Пять взрывов прогремели практически одновременно. От красоты и гордости шведского флота «Элефанта», остался только мусор на воде. Стоящие рядом корабли загорелись.

И шведы дрогнули. Есть вещи, которые были сильнее их понятия. Ну как, как можно вот так, глупо и безрассудно отдавать свою жизнь?! Это же ненормально! Неправильно! Хотя все эти русские безумны...

Лишенные командования, шокированные и испуганные, шведы дрогнули. Ей-ей, эти русские... они все ненормальные! Страшно это – когда понимаешь, что враг не ценит свою жизнь. И отдаст ее с радостью, только вот в обмен на твою. Медленно-медленно над кораблями начали спускаться шведские флаги.

Александр Яузов, правда, этого уже не увидел.

Шальные пули не щадят никого, в том числе и адмиралов. Только вот

русских, в отличие от шведов, это не остановило. Что им делать и так знал каждый моряк, стоять – и драться. И не могли уйти с поля боя! А адмирал...

Адмиралов может быть много, а родная земля – одна. И как защищать ее – каждый знать должен. До последней капли крови так, чтобы ни один мерзавец на нее ногой не ступил. А кто посмеет – там и зарыть его. Вместе с ногами.

На острове Эзель Яузова и похоронили. Поставили храм, вокруг которого спустя всего-то лет десять стихийно выросла сначала деревенька, а потом и небольшой городок – Яузовка.

И поверье появилось – чтобы у адмирала была удача в битве, обязательно надо после производства в чин приехать – и свечку поставить в часовне.

Стоит она, сияет над морем золотыми куполами, звенит колоколами – вечная слава героям.

Да не забудут потомки тех, кто отдал жизнь ради их появления на свет.  
Вечная память.

## 1688 год

– Сын! Я поздравляю вас, ваше величество.

Машка пустила слезинку. Честно говоря, и стараться-то сильно не пришлось, так она вымоталась за время родов!

– Благодарю вас, сир. Как бы я хотела, чтобы мой несчастный муж мог увидеть малыша.

– Как вы назовете его?

– Мы с мужем обсуждали этот вопрос. Разумеется, Карл.

– Карл Стюарт. Да, Карл Третий.

Когда Людовику сообщили, что у королевы Анны начались роды, тот помчался в Сен-Жермен быстрее лани. Политика!

Мальчик был крепок, здоров и вполне симпатичен. Правда, пока неясно на кого похож, но это – потом. Потом проглядим галерею портретов, потом найдем подходящего предка, потом скажем громкие слова о крови Стюартов. Главное – мальчик. Можно сразу поискать ему невесту, заключить помолвку, а там и шотландцам намекнуть, что есть, есть у них законный король. Да и Монмута придержать за воротник не помешает, ишь, разошелся. Католичество его в Англии не устраивает, протестантское гнездо развел! Убивать пора!

После некоторых событий у Людовика на протестантов был не зуб, а клыки в три ряда.

Людовик отечески поцеловал в лоб измученную королеву.

– Отдыхайте, мадам. Вы выполнили свой долг перед Англией.

И не удержался от чисто мужского взгляда.

Даже сейчас, измученная и с темными кругами под глазами, вдова Якова была безумно хороша. И умна, что немаловажно. Франсуазу Людовик удалил сам, с Анжеликой, увы и ах, можно было говорить только о детях и прическах, а Анна была невероятно умна. И все больше привлекала его величество.

Людовик приезжал в Сен-Жермен выпить вина с любезной хозяйкой, поболтать о том, о сем – и уезжал отдохнувший и освеженный. К тому же, у Анны был идеальный вкус и чутье на все прекрасное, а его величество как раз строил Версаль. Она потеряла мужа, он – сына, он – мужчину и король, а она – вдовствующая королева и очаровательная, надо сказать, женщина...

Из этого многое могло получиться.

Сама же Мария пока просто жила и наслаждалась жизнью. Собирала информацию, передавала ее Софье – беременным женщинам не стоит активно лезть в политику. Она еще успеет наверстать упущенное.

\* \* \*

– М-да, дети...

Алексей Алексеевич сейчас тоже в растерянности смотрел на малышню.

– Так смотря *чьи* дети, – Софья усмехалась.

Время идет, дети растут – и естественно, у них проявляются определенные склонности. За своими Софья наблюдала очень внимательно – и радовалась. Малышня имела ярко выраженные математические способности, во всяком случае, Данил и Кирилл. Оттащить их от интересной задачи было невозможно. Александру же были интереснее шахматы и шашки. Но его и развивали, как стратега. Ему придется стоять во главе государства, а потому...

Алексей не повторял ошибок других королей. Сын часто присутствовал в его рабочем кабинете, слушал споры, наблюдал, как отец выносит решения.

Учиться надо на чужих ошибках! На практике!

Ангелина радовала Ульрику своей внешностью – малышка получилась

копией отца, ничего не взяв от матери. А вот кокетливости и очарования у нее на трех человек хватило бы. Замуж выдать – милое дело. Кому-то очень повезет с малышкой.

Вовсе не такой была родная Софьяна дочь. Елена предпочитала молчать, много читала, не любила играть со сверстниками. И часто задавала весьма неудобные вопросы.

Привязанность?

Вот этого у нее вовсе не было. Мать и отца она любила, братьев терпела, всех остальных... исключение делалось разве что для Александра. Софья до сих пор помнила тот разговор несколько месяцев назад.

Она как раз укладывала малышку спать, когда...

– Мам, а у тебя еще будут дети?

– Не знаю. Если Бог даст.

– А у дяди Алеши?

– Обязательно будут.

– А кто после дяди Алеши сядет на трон? Саша?

Кривить душой Софья не собиралась.

– Саша. Ты против?

– По-моему, он глуповатый.

Софья невольно фыркнула. Ага, глуповатый! Знать в своем возрасте несколько языков, читать, писать, отлично играть в стратегические игры... просто Елена была пристрастна. Ей многое давалось намного легче, и Софья иногда жалела дочь. Родись та в двадцать первом веке – мигом бы сделала карьеру, у девчонки не голова, а сложный компьютер. Здесь же максимум, чего она достигнет – это роли серого кардинала, как и сама Софья. Если пожелает.

– Мальчики взрослеют позже, чем девочки, это закон жизни. Это естественно...

– А после смерти дяди мы все будем зависеть от Саши?

Софья чуть рот не открыла. Но...

– Ты правильно понимаешь. Но он будет царем.

– А почему – он?

– Потому что он – первенец.

– Но другие дядины дети могут быть умнее, или лучше...

– Понимаешь, малыш, порядок наследования определен жестко – и это правильно. Вот если бы у Саши была неизлечимая болезнь, или если бы он запятнал себя бесчестным поступком – тогда его могли бы лишиться короны. Но лучше так не поступать. Помнишь, я рассказывала вам про Смутное время?

– Помню.

– Вот. Тогда погибло много людей, потому что кто-то решил как ты. Что другие будут умнее, или лучше, или достойнее... Царь определяется Богом. А то, что можем сделать мы... Саша ведь неглупый мальчик, верно?

Дочь наморщила нос, и Софья ласково пригладила ей темные пряди волос.

– А кто-то на его месте может быть намного хуже. Вот у нас есть дядя Алеша – он хороший?

– Да!

– А если бы на его месте был дядя Федя?

– Нет!

Сказано было абсолютно искренне. Царевича Федора, который хоть и не стал пока монахом, но и в государственные дела лезть не хотел, Елена не понимала. Хотя и признавала, что на своем месте «свадебного генерал-ревизора» царевич, безусловно, полезен.

– Понимаешь?

– Да. Мам, а если бы и правда был дядя Федя?

– Я постаралась бы помочь ему, как могу и как умею.

– А ты была бы лучше на троне...

– Нет, малышка. Женщины править не должны. Только помогать правителям, потому что рано или поздно ты полюбишь, захочешь свою семью, дом, детей...

– Наверное, – ребенок явно сомневался, но раз мама сказала – значит так и будет.

– А если ты будешь править – этого никогда не будет.

– А тетя Уля?

– Страной все равно правит ее муж. Но дядю Алешу готовили править с детства, а твоего мужа? Ты же за брата замуж не выйдешь, верно?

– Не выйду. Я вообще туда не хочу...

– И на троне окажется неподготовленный царь. А женщине придется выбирать между его решениями, которые могут быть вредны для страны – и своей любовью. Помнишь, я вам рассказывала про королевскую девственницу. Такова цена за успешное правление. А ведь она хотела любить...

– Это, наверное, больно.

– Очень. Поэтому не стоит тянуться к короне. Это не награда, а ярмо. Думаешь, дяде Алеше легко?

– Нет. Ты ему помогаешь...

– А ты можешь так же помогать Саше. Если он разрешит.



- А что для этого надо сделать?
- Стать ему хорошим и верным другом. Если сможешь...
- Смогу.
- Ну-ну...

Тот разговор, видимо, врезался в память малышке. Потому что сейчас Алексей Алексеевич наблюдал за компанией царевичей, царевен и племянников – и только головой качал. Очень четкое разделение получалось. Александр с прилипшей к нему Еленой – и Данил и Кирилл, которые вились вокруг Ангелины.

– Крутят ими малявки, как хотят!

– Они женщины, братик. И потом... да пусть крутят! Знаешь, Елена мне напоминает меня саму. Она умненькая и очень властная. Если ей такой муж как Ванечка не попадется, до конца дней в старых девах просидит. Вот и пусть брату помогает.

– Это ты-то властная?

– А что – незаметно?

Брат, как и в детстве, несильно дернул сестру за косу.

– Хотела б ты, Соня, давно б сама правила. Думаешь, я не понимаю? Но ты меня любишь, а Елена – Саньку?

– Дай время.

– Было б у нас это время...

Малышня, наконец заметив родителей, с радостным визгом повисла на ком придется – и в очередной раз Софья подумала, что это – шаг вперед и к лучшему. Вспомнила Алексея Михайловича, тихонько вздохнула...

Эх, Тишайший... Ты своих детей тоже любил, но как-то иначе, наверное. У тебя так на шее не повисеть было, не поплакаться, не пожаловаться, не открыться. Сейчас Соня точно знала, что с любой бедой дети придут к ним. Не просить о разрешении, нет! А просто – рассказать. Довериться!

Вот оно – то слово. Тишайший своих детей тоже любил, но вот доверия между ними никогда не было. Не понял бы, не принял, не смог...

А они – смогли. Но что вырастет из этих зерен?

Будем воспитывать. Иначе и не скажешь.

\* \* \*

– Мерзавцы!

Карл был в ярости – и его можно было понять. Не утешал даже второй

ребенок – и тоже мальчик. Нет, вы только подумайте! Он тратит бешеные деньги, время, силы на то, чтобы добиться доверия шотландцев, а Людовик предлагает им свою кандидатуру! Законного сына последнего Стюарта! Ну и что будут делать вожди горских кланов!?

Да попросту работать на обе стороны! Датчане-то в это не лезут, сидят тихо, только колонии себе откусывают, по кусочку то здесь, то там, а вот он – полез. Мало оказалось реформ!

Хотя и реформы... м-да...

Как русским удастся их проводить без народных смут?! И где они берут на это деньги!?

Приказы потихоньку реформируют, какой-то табель о рангах ввели, приравнивали военные и статские чины, с налоговой системой мудрят, дороги строят... и ведь всё спокойно!

Как!?

Карл не мог знать, что сейчас примерно треть разных чинов занимали уже выкормыши Алексея и царевичевой школы. Вот и проходило гладко. Знали, кто чем дышит, кто чего хочет, кого припугнуть можно, кого поддержать. Больше всего сейчас эта система напоминала паутину. Безродные дети за свое будущее готовы были кого хочешь загрызть – и грызли.

У него-то такого не было! Был риксдаг, в котором грести под себя и топить врага считалось хорошим тоном, так аристократы и действовали. Там, где Карл, образно говоря, выгребал против течения на реке с порогами, Алексей спокойно шел вброд. Дорога-то известна!

А с Шотландией!

Деньги туда шли, шло оружие, а толку – ноль! Клань разделились примерно напополам и принялись воевать между собой. И хоть бы окончательно друг друга перерезали!

– Еще и этот ублюдок!

Сына Якова почему-то вызывал особое негодование. И признавать его законным Карл отказывался, что есть силы мутя воду. Папа Римский, кстати, тоже колебался, но тут неясно чего было больше – политики или нелюбви к Людовику. Тот-то активно поддерживал малыша и его мать, злые языки шептались, что и по ночам в том числе. Так что Анжелика де Фотанж может остаться без венценосного покровителя.

С другой стороны, зачат малыш еще при жизни отца, внешне, вроде как похож, свечку над его матерью никто не держал, а что она в свое время, говорят, и с Карлом и с Яковым...

А где свидетели?

Насплетничать-то чего хочешь можно!

И все-таки наследование по мужской линии идет, чай, корона не сифилис, через баб не передастся...

Вот это Карла и бесило.

Мать, единственная, кто мог видеть сына в припадке ярости, положила ему руку на плечо.

– Милый, подумай, ты уверен, что нам нужна эта Шотландия? Кажется, свара растянется надолго...

– Уступить Людовику!?

– Ему и уступить незазорно!

– Мам, если мы получим Шотландию – то получим и Англию. Ты сама видишь, как укрепляются русские... На море мы их переиграть не смогли, на суше – тем более не сможем. А вот если за нами будут еще и английские ресурсы – пусть не я, пусть мой сын или внук, мы поговорим с подлыми москвитями на равных.

Гедвига только вздохнула. Этот разговор повторялся уже не раз. С одной стороны – Карл был прав. С другой...

Не оказалось бы лекарство злее болезни!

– А если предложить Людовику помолвку? Будет же у вас с Марией дочь, рано или поздно?

Карл хмыкнул. Учитывая его фавориток – скорее, поздно, чем рано. Но будет, надо. Вот жена оправится от родов – и можно будет опять навещать ее спальню.

– Не думаю, что он на это пойдет.

– Родство дальнее...

– А выгода?

– Выгоды у нас для него нет. Ты же знаешь Людовика.

М-да, если Швеция не откусит этот кусок – рассчитывать ей не на что.

С одной стороны давят датчане, с другой русские, и связываться с этими мерзавцами никто не хочет! Язувым детей пугают! Так-то...

Оставалось ждать и интриговать.

## 1690 год

Софья отложила перо. Потянулась от всей души.

А хорошо...

Бумаг на столе не убавлялось, но настроение было радужным.

Осваивается земелька-то! Осваивается! Строился и развивался Троицк в Оренбургском крае, при впадении Увельки в реку Уй, не дожидаясь г-на Неплюева, активно развивалась переселенческая программа. Крестьяне получали подъемные, командировочные, получали земельные наделы, освобождались на десять лет от налогов – и вгрызались в пашню так, что та урожай сам-трое давала!

А чтобы не тревожили земледельцев ногайцы и киргизы, башкиры и калмыки, ударными темпами строилась Уйская пограничная линия.

Так-то, Соня помнила, она строилась при Екатерине...

Даешь пятилетку на пятьдесят лет раньше?

Строились пограничные крепости, засеки, кордоны, сторожевые башни... и не стоит кривить душой, строились они не только для обороны. Софья смотрела в будущее.

Да, пока у Руси не хватит сил на экспансию, но со временем, и не с таким уж далеким, она с удовольствием сделает эту черту основой для наступления на соседние государства. Как там Пушкин писал?

*И тунгуз, ныне дикий, и друг степей калмык? \**

**\* А.С. Пушкин, Я памятник себе воздвиг нерукотворный, прим. авт.**

Вот-вот. Никуда вы, товарищи, не денетесь, от мягких лапок ласковой Руси. И вступите, и цивилизуетесь, и еще упрашивать будете, чтобы вас присоединили. Пока граница стоит на этой черте. А потом – кто сказал, что ее нельзя отодвинуть?

Можно!

Нужно!

Уже были построены Верхне-Уйская крепость и Степная крепость, строились Каракульская и Крутоярская – Софья, не мудрствуя лукаво, использовала те же названия, убирая лишних Петра и Павла.

Пусть заселяет народ междуречье Миасса и Уя. Пусть строятся, детишек рожают. Туда, кстати, можно и часть переселенцев из других государств отправлять.

И пусть ставят сразу каменные дома, коли получится. Понятно, что хибар поналепить легче, но и о безопасности ж думать надо! Полыхзнет зимой солома или дерево, и выскочишь, в чем был. А камень – хоть стены, да останутся...

Опять же, Троицк находится на одном из главных караванных путей, там и ярмарку бы организовать, а где ярмарка, там и гулянка, и пьянка (не забыть, добавить казнь похлеще за спаивание народов севера, с-сволочи, повадятся «огненную воду» на шкурки менять, и зверя изведут, и людей), там и пожары нередки...

Лучше сразу сделать на века, потом меньше тратиться придется. См. сказочку про трех поросят.

Домик поросенка обязан быть крепостью! Точка!

И крепости бы хорошие ставить, но там уж как получится. Вот, Белозерская крепость стоит себе, Утяцкая слобода, Бакланская крепость... последнюю, кстати, укрепить бы. Там же Тобол рядом, да и Поповский исток, а значит то наводнения, то подтопления – это она, как строитель, хорошо понимала. Или вообще ее перенести? Надо сделать так, чтобы крестьяне селились без опаски, то есть провести черту от Ялуторовской до Утяцкой слободы, и продолжить ее, пожалуй, на Воскресенский городок.

Потом можно будет что-то и подвинуть при ненадобности, но сейчас – строить! И войска там держать в достаточном количестве. В каждой городке, в каждой крепости, в каждом остроге... люди знать должны, что за них вступятся! И словом, и делом, и огнем, и сталью. А то что это такое? Колонизация...

Людей по сотням пересчитать можно... не пойдет так! Никак не пойдет!

Софья пометила на листке выделить деньги, завтра с Ваней посоветуется, или даже сегодня, если мальчишки еще не спят. Но скорее всего, они ее поддержат. Ване вот, тяжело. Поди, найди деньги на все их, с Алешкой, идеи!

\* \* \*

– Сука!!!

Сейчас никто не назвал бы Анжелику де Фотанж – красивой. Искрившееся лицо, оскаленные зубы, стиснутые кулачки. И верно – она фаворитка, только вот...

Эта английская сука!!!

Его величество медленно, но верно склонялся к вдовствующей королеве Анне. Вот ведь...

Тащить ее в постель внаглую он не мог – королева. Пусть не урожденная, но и не сельская девка. А по доброй воле...

Анна с удовольствием беседовала с королем, блистала на праздниках, очаровывала всех не только красотой, но и умом... и вот тут Анжелика проигрывала ей вчистую. Она не боялась маркизы де Ментенон – старуха! Но рядом с английской королевой чувствовала себя то неуклюжей, то глупой...

– Ненавижу!!! О, ненавижу!!!

Откричавшись и разбив несколько ваз, Анжелика попыталась подумать. Ненависть – это хорошо. Но... как же быть?

Как вернуть расположение короля? Ведь все чаще он просто не обращает внимания на свою фаворитку, отворачиваются чувствующие это придворные... забеременеть!?

Но король все реже посещает ее в последнее время!

Забеременеть от кого-нибудь другого?! Нет! Настолько глупой Анжелика не была.

Устранить соперницу?

А вот это... возможно ли? Но есть и кинжалы, и яды, и не всех отравителей извел ла Рейни, а уж избавившись от опасной королевской прихоти, она сможет вернуть себе расположение его величества!

Попадется?!

Такая мысль не приходила в очаровательную головку Анжелики. Там вообще было не слишком много места.

Приняв решение, маркиза уселась перед зеркалом и принялась поправлять краску на лице. Эта английская дрянь даже почти не красится... так немодно! И что государь в ней нашел!?

А где можно найти яд?

\* \* \*

– Мерзавцы и негодяи.

Леопольд Австрийский был не в духе. Хотя он в нем и не был последние лет десять, кабы не больше. Вот как турки Вену взяли – так и хрупнуло что-то, надломилось – и не починишь, не удержишь... Конечно, Вену он себе вернул. А вот Венгрию...

Эти Ракоци! Зриньи!! Текели!!!

Ох, как же он ненавидел! Из его рук вырвали то, что он привык считать своим, что принадлежало еще его предкам – и возвращать не собирались. Ни на минуту.

Поляки могли защитить то, что считали своим, Леопольд сполна оценил талант Яна Собесского, когда они шли по следам турок и далее... военный гений! Полководец от Бога!

Просто сейчас он сражается на стороне Леопольда, потому что так приказал король, а потом – прикажут, и будет он сражаться против Леопольда. И победит, потому что сам император – плохой полководец. Его

сила в другом, в интригах, он словно паук сплетает тончайшие нити человеческих судеб в одно ему ведомое полотно. А вот войска водить...

Но как вернуть свои территории?

Вообще, был один вариант. У Текели и Илоны Зриньи была общая дочь – Жужанна. А несколько лет назад его третья жена, Элеонора, подарила ему сына, Карла.

Вот если бы они оказались помолвлены, да что-то потом случилось со старшими детьми Илоны... это могло бы быть интересно! Тут был бы простор для игры.

Попробовать отписать Илоне?

Или попросту выкрасть малышку?

Венгры ведут сейчас переговоры с русскими и вроде как пытаются сговорить девочку за кого-то из сыновей государя, но тот не слишком согласен... Леопольд придвинул к себе лист. Сначала попробуем мирным путем. А потом уж можно и насильно.

Да и русские...

Император был неглуп, весьма неглуп и подозревал, что русские ко многому причастны. Доказательств не было, ну так ему и не надо.

Русские, русские...

Что можно придумать для воздействия на них? А ведь можно, еще как можно! Им хочется в Европу, хочется признания, наверняка хочется новых земель, а кто бы стал возражать? Честолюбие и жадность – вот те струны, дергая за которые, можно управлять любым человеком. И почему бы не попробовать управлять с помощью того, кому сам Бог велел?

По лицу императора расплылась едкая усмешка. Второй лист пергамента лег на стол – и на бумаге разбежались строчки.

*Ваше святейшество...\**

**\* Ваше святейшество – обращение к Папе римскому, прим. авт.**

\* \* \*

– А хорошо здесь. Только вот жарко слишком, – недавно прибывший выпускник царевичевой школы Александр обмахнулся веером. Дамская безделушка, говорите? Так ему и не кокетничать, а в жару веер весьма пригодится может. Особенно когда к климату еще не привык.

– Перетерпим. Зато для Руси тут полезного много, – Федька, то есть уже Федор Тимофеевич, к жаре уже успел привыкнуть. Да и одет был куда как проще собеседника – в белую рубаху и белые же полотняные штаны.

Может, и не роскошно, зато удобно и практично.

Остров Ява действительно славился своим жарким климатом. А еще – действующими вулканами. Но русские готовы были это терпеть. Зато здесь выращивался отменный кофе, а местные жители...

А что – местные жители?

Если бы русские поступали с ними, как те же англичане или французы, если бы считали, что мусульманин не человек, потому что кожа у него другого цвета и он не знает про Христа, если бы принудительно насаждали свою веру и утверждали свою власть...

Так никто не поступал.

Хотя исподтишка русские прекрасно срабатывали между собой фанатиков-сантриев, и почти что язычников абанганов. И пользовались результатами. Но это же втихорца, а внешне русские были само уважение. В мечети хоть и не шли, но и христианство свое не выпячивали.

Пока...

Ост-Индская компания начала колонизацию острова, и даже успела сильно попортить репутацию всем европейцам, но после известных событий в Нидерландах голландцы растерялись, а русские не упустили своего шанса.

Прибыв на остров, русские принялись вытеснять с него голландцев. Вежливо, аккуратно, исключительно добровольно. Вы же уйдете сами, правда?

Мы верим в ваше благоразумие!

И процесс этот продолжался и по сей день, с участием местных фанатично-мусульманских жителей. Можно сказать, что мешали русским и фанатики, и голландцы, оставалось аккуратно срастить их – и пусть взаимоаннигилируются.

Самые непонятливые голландцы просто исчезали в море. От неизбежных на море случайностей, так-то. Шторм налетит, али пираты, али еще чего – на все Божья воля. И Он ее проявил вполне отчетливо.

Торговля у голландцев не шла, плантации, уже разбитые ими, предлагали перекупить... одним словом – оставалось только ругаться и убираться. И ведь никто представителей Ост-Индской компании не жалел. Те еще акулы, твари хищные...

Ничего, постепенно справятся, никуда не денутся. Федька иногда думал, что под Азовом было легче. Ну что там надо было делать?

Дошел, взорвал, завоевал! Красота!

А тут?

Партизанская война во всей красе! Причем – с обеих сторон. И если б



не было у Федора за плечами обучения в царевичевой школе, если б не побывал он в свое время в Крыму – смог бы он грамотно обороняться? Наступать?

Давить конкурентов?

Гонять пиратов? Последние так особо зверствовали, нападая на русские корабли, словно те медом обмазали. Приходилось и на вооружение куда как поболее тратить, и конвой снаряжать, ну да не страшно. Государь не скупился, справедливо полагая, что жизнь одного его подданного ценнее, чем десяток ружей или пуд пороха.

Может, и смог бы Федор все сам организовать, но куда как тяжелее пришлось бы. И потери были бы куда как больше, а этого допустить никак нельзя. Свои ж люди. Православные.

Да если и не совсем свои, как те же испанцы – так что же? Они ж не виноваты, что пока истинную веру не приняли! Это батюшка Митрофан особливо объяснял когда-то мальчишкам. Все знают, что православная вера – она самая верная, правильная и честная. Но как быть, если человеку того в детстве не объяснили, да еще запутать постарались?

Тащить в рай за уши?

Ох, не поможет, только озлобит больше. С врагами – и то так поступать нельзя, а уж с друзьями или с теми, кто ими стать должен – вдвое осторожнее надо быть!

Показывать надо неразумным, как правильно! И жить, и верить...

– Пряности – разве много?

Александр пока еще в курс дела полностью не вошел, а потому Федя не видел ничего странного в его вопросе. Как не читай доклады, как не расспрашивай очевидцев, а все одно – лучше своего впечатления, на месте полученного, ничего нет.

– Да тут не только они. Каучук, например. Конечно, ждать нам еще лет десять, пока урожай достойный будет, но деревья высажены. Александр кивнул. Да уж, каучук!

И как в царевичевой школе додумались его с серой проваривать? Ох, непонятно! Но сделали. И испытания идут полным шагом. Педру дал русским разрешение и на добычу каучука в Бразилии, и на вывоз саженцев, и скоро, уже очень скоро во флот поступят непромокаемые плащи, сапоги и прочее разное, без чего обходиться можно, но нужно ли? Государю для своих людей ничего не жалко! А что самое приятное – каучука в Бразилии много и никого кроме русских он особо не интересуется. Вот и скупают за копейки! И становятся монополистами. Постепенно, шаг за шагом...

– А местные не пошаливают?

Федя расплылся в улыбке.

– Да как сказать... Мальчишки – они завсегда есть и будут, себя-то вспомни?

Мужчины переглянулись и дружно хмыкнули, припоминая кое-какие свои подвиги во времена оны.

– И пошаливают, конечно, и стянуть чего не откажутся, и всяко бывает. Но в основном – беззлобно. Мы-то тут своими становимся, на то и упор делаем. А между своими какие счеты? Недавно, вот, Тимка... помнишь его? Он на год старше тебя был...

– Рыжий?

– Нет, тот, который без одного зуба.

– А, помню. Он тоже тут?

– Государь нас сюда почитай двадцать человек послал. Так вот, завязалось у него с одной девушкой из местных. Красавица – глаз не оторвать. Туда-сюда, дошло до серьезного, жениться надо. А вера-то разная! А девушка-то – дочь местного деревенского старосты, хорошо хоть из абанган... так что ты думаешь? Два раза их венчали. Сначала им отец Питирим соизволение дал на местный обряд, они в мечеть ходили. А уж потом к нам отправились. Отпущение грехов получили, невесту окрестили Катериной – да и обвенчали их по-честному. Как у православных и полагается.

– А местные не возражали?

– Нет. Отец Питирим вообще говорит, что мусульмане, хоть народ и заблудший, да за их доброту и терпимость им многое господь простит. Потому как нет ничего хуже...

– Злобы да глупости, – продолжил Александр. И друзья весело рассмеялись. Это им в царевичевой школе повторять не уставали – и ведь давало результаты! – А я к тебе надолго, года на три-четыре, как государь повелел.

– Это хорошо. Знаешь, нас тут хоть и двадцать человек, а все мало. Так что ты у меня поедешь в султанат Бантен. Есть там такой город – Богор. Людей я дам, устроишься там, представительство откроешь, торговать начнешь...

– Это как скажешь.

– Скажу. Ты в городе пока не был?

– Нет еще, я сразу с корабля – и к тебе.

– Ну тогда я сейчас распоряжусь, переоденешься – да поедем. Покажу тебе местных, расскажу, как к кому обращаться, кому кланяться, кому наоборот, можно и пинка дать, на обратном пути заедем на плантации – дел

хватит. С месяц, пока не освоишься, побудешь здесь, а потом – в самостоятельное плавание.

– А переодеваться зачем?

Русские европейской моды не придерживались. Штаны, сапоги, рубаха и кафтан – удобно, аккуратно, натянуть можно в единый миг – что еще надо? Было б чисто да без платяных зверей!

– А затем, что у тебя одежда плотновата для местной жары. Спаришься. Так что послушай более старшего и опытного.

Александр встал из кресла и отвесил глубокий поклон.

– Благодарствуйте, дяденька за науку.

– Вот-вот, – Федор ухмыльнулся вовсе уж озорно и хлопнул в ладоши. Вошедший слуга склонился в поклоне, как-то странно, на взгляд Александра сложив руки. Федор произнес несколько слов, слуга ответил ему на том же местном щебечущем наречии и исчез. А представитель русского государя кивнул другу.

– Иди, переодевайся. Сейчас все в комнату принесут.

– Благодарствую.

Федор проводил сотоварища долгим взглядом.

Вот и еще один в их компанию. И это правильно. Чем больше их на острове будет, тем лучше. Только здесь понял Федя всю ценность полученной выучки.

Ох, не просто так их школили в царевичевой школе. Учили ведь не только наукам, но и терпимости, пониманию, как обращаться с людьми, находить свой подход к каждому... Потому что за любой наукой, за любым делом стоят люди. И если не поставить их под свое начало – ничего не сдвинется.

Голландцы произвели на яванцев не самое хорошее впечатление. А вот русские...

Дайте нам время освоиться. Уже и храмы стоят православные, пока всего два, но и то неплохо, за три-то года, и местные к русским хорошо относятся, и поработать на русских считается удачей, и султаны русских куда как больше ост-индцев жалуют. А все потому, что русские к ним относятся как к людям, а голландцы – как к источнику денег. И только-то. А кому такое понравится?

Да никому!

Подождите, развернемся... лет через двадцать вы остров не узнаете! Это будет не просто колония, как у других государей! Это будет подлинно русская территория, жители которых сами государю Алексею Алексеевичу присягнут и под чужую руку не попросятся, еще и любого захватчика сами

выгонят.

Но труда вложить придется...

Вот Сашка сейчас переоденется – и поедут они в город. Поговорят по дороге, заодно и первый урок яванского языка другу даст. Покажет местные десы\*, расскажет о сословном делении...

**\* деревни, прим. авт.**

Колонизировать новые земли надо так, чтобы люди сами к Руси тянулись. И уходить не хотели. С Божьей помощью, им это обязательно удастся.

\* \* \*

– Мне кажется, королева умирает.

Услышав это от супруга, Маша даже плечами не повела.

Ну и ей так казалось, и что? По всем признакам у королевы был «острый живот».\* Маша об этой болезни знала, но так же знала, что она неизлечима.

На Руси лекари изучали эту болезнь, пытаясь найти причину, но... тут ведь резать надо! И на Руси-то через раз получалось, а тут вообще никто и ничего не умел.

**\* аппендицит. Есть версия, что первую аппендэктомию провели аж в 1735 году, так что... прим. авт.**

– Карлос будет неутешен. Он ее так любит...

– Да уж, – дон Хуан провел рукой по седым волосам, вздохнул. – Ты побудешь с ним, когда...

– Да, разумеется. Я сейчас же пойду к нему.

Маша могла позволить себе великодушие, тем более, что наследником престола официально, с папской буллой и печатями, был назначен ее старший сын. Конечно, пока у Карлоса не появится своих детей, ну так...

– Спасибо.

Короткий поцелуй в щеку – все, что супруги позволяли себе не за дверями спальни. И частенько Маша вспоминала сестру. Когда-то она злилась на Соню, потому что та не дала ей наделать глупостей? Смешно...

Пусть между ними с мужем нет великой любви, но зато есть понимание, нежность и терпение. Они – союзники, друзья, две лошади, бегущие в одной упряжке – и это неплохо. Это куда как побольше того, что могли получить в браке большинство аристократов.

– Как маленький?

Маша коснулась живота. Да, она решила родить еще одного – в запас. Пусть будет.

– Толкается. Ты уже написал Людовику?

– Как бы он не решил, что мы специально его племянницу извели...

Маша неаристократически хмыкнула. Извели, как же! Да хотели бы – давно бы! Карлоса пожалели, вот и вся разгадка! Он-то к этой стерве всей душой прикипел, вот и терпели... Хотя было и кому, и за что! Нет, вины русских тут не было ни краешком.

В покоях королевы было душно, сильно пахло благовониями и ладаном, Карлос сидел у постели жены и держал ее за руку. На вошедшую Марию посмотрели оба. Только вот выражение лиц было разным. У Карлоса – даже радостным, пришел человек, который его поддержит. А вот Мария-Луиза...

Убила бы! Если бы не умирала, так точно убила бы. А испанская королева и правда доживала последние часы. Было что-то такое в ее лице: ввалившиеся глаза, покрытые белым налетом губы, резко запавшие щеки... за последние несколько лет королева растолстела мало не вдвое, но приближающаяся кончина словно сострогала все лишнее с ее лица – и наделила его юностью.

Ах, как быстро и безжалостно летит время!

Маша села рядом с Карлосом, положила ему руку на плечо... нарушение этикета?

О, да, и какое! Способное повергнуть в обморок половину испанского двора. Вторая побежала бы за инквизиторами.

Раньше. Еще пять лет назад. Но с тех пор многое изменилось.

Дон Хуан, наглядевшись на русские порядки, крепко прижал святошам хвост.

Аутодафе? Ведьмы? Еретики?

Замечательно. Только после многократного разбора дел. И без пыток, а то так ведь и самих борцов проверить можно! Дня не пройдет – и сознаются, и раскаются! В чем угодно, не то, что в ведьмовстве!

Инквизиторы шипели гадюками, но сильно не спорили. При доне Хуане страна хоть с колен подниматься начала, это все понимали. Активная торговля с Русью, взаимопомощь, колонии, которые чистили «на троих» – Русь, Испания и Португалия...

Раньше-то корабль и из порта выйти не мог – тут же пираты налетали! А денег в казне нет! А кушать хочется! Тут и начнешь бросаться на еретиков, чтобы церковное имущество увеличить.

Придворные тоже ругались, но с Машей спорить было сложно.

Авторитетов для нее не было, прогибаться она ни перед кем не собиралась – вторая по значимости дама в государстве, а заставить... а как?

Дикая московитка – и все тут! А раз дикая – поберегись, не то ведь и по морде получить можно! Мы, московиты, люди простые, у нас до сих пор медведи по улицам ходят, где уж нам этикетам обучаться? Не превзошли мы сию науку и не собираемся...

Мария-Луиза чуть шевельнула губами.

– Ваше величество, оставьте нас на пару минут, прошу вас?

Карлос с сомнением посмотрел на жену, на Машу, но раз уж просят...

Хлопнула дверь. И ненавидящий взгляд стал живым, острым, не одурманенным опиумом.

– Сука!

Отпираться Маша и не подумала.

– Я на твоих детей не охотилась.

– Нет у меня детей. И не будет уже никогда. Помру – и все.

– Я в этом не виновата.

– Да неужели?

Маша передернула плечами.

– Могу здоровьем детей поклясться – я не виновна в твоей смерти.

– А в его?

– Чьей?

– Луи. Моего Луи?

Умирающему не лгут. Но... а вдруг да не умрет?

– Дофина? Нет. Я не отдавала такого приказа.

– Но знаешь, кто его отдал?

Маша склонилась пониже, глаза блеснули.

– Ты думаешь, что покушение на русскую царевну должно было сойти ему с рук?

Судя по взгляду Марии-Луизы – да! Именно так она и думала! Франция – центропуп вселенной, Людовик – король-солнце и этим все сказано. Его сын – тоже что-то почти божественное. В переводе – они могут делать гадости кому и сколько угодно, но ответить им – не могли!

Жаль, что русские были иного мнения.

– Стерва! Ненавижу тебя!

– Так своему Луи и скажешь, когда в аду увидитесь. Но Карлушу мне не расстраивай! Поняла?

– И что ты мне сделаешь?

– Напекаю – у тебя сестра есть. Племянники, у Луи там сын бегают... так что никаких злобных воплей. Все исключительно пристойно. Он-то

тебя любит, хотя и неясно за что!

– Любит! Ха! Ха! – Умиравшая то ли рассмеялась, то ли закашлялась, из глаз покатились слезы. – Любит!? Да он не знает, что это такое!

– Уж как умеет и как может, – оборвала ее Мария. – Ты мне все сказала?

– НЕНАВИЖУ!!!

Шепот был настолько искренним... За что? Да за все! За мужа, детей, здоровье, жизнь... за то, что Мария приняла решение сама, а Марию-Луизу использовали, как разменную пешку в королевской игре. За то, что одна была умна и сильна, а второй не оставалось ничего, кроме ненависти и тоски.

Больно...

Мария пожалала плечами. И позвала Карлоса. Пусть побудет с женой остаток времени.

Любить он не умеет?

Нет уж, простите. Это в постели у него – ноль навечно, а душа-то живая. Любящая, чистая, искренняя... и плевка в эту душу он не заслужил.

Он его и не получил. Максимум, который позволила себе Мария-Луиза – это коротенькое:

– Никто не будет вас любить так, как любила я, сир...

И испанский двор погрузился в траур. Но новую супругу Карлосу подыскивать уже начали, а то как же! Престолонаследие обязывает!

Маша предлагала не мучить девчонок, все равно толку не будет, но тут муж был непреклонен.

А вдруг?!

А божественное чудо?

А надежда?

Нельзя ж так лишить народ Испании и Карлоса персонально уверенности в его величестве!

С точки зрения Маши, Карлосу стоило сейчас уйти в монастырь и спокойно умереть там через полгодика от горя и тоски по жене, как год назад умерла его мать. От тоски, остро связанной с пищевым отравлением поганками. Но дон Хуан на это пойти не мог. Благородство-с...

\* \* \*

– А почему умер мой отец?

Имя «Людовик» определенно нравилось французским монархам.

А то!

Великий дофин – Людовик, его сын – тоже Людовик, только раньше он был герцог Бургундский, а сейчас стал дофином вместо отца – и его первенца тоже назовут Людовиком. Традиция...\*

**\* вот этот правнук Луи 14-го и станет Людовиком 15-м, прим. авт.**

Вот сейчас маленький Луи, внук великого короля-солнца, смотрел на воспитателя – и не ответить было нельзя. Да и восемь лет мальчику, понимает уже...

– Никто не знает, мой принц. Достоверно – никто ничего не знает.

– Вот как?

Мальчишка, определенно, разозлился.

– А если не достоверно? Что вы можете мне сказать? Это – мой отец!

Мэтр Фенелон чуть помялся, но рассказывать принялся. Конечно, смерть Дофина была ужасна, и Людовик-Солнце рыл землю носом, пытаюсь найти негодяев, но – увы. Не мог он никого найти, не смог...

А потом поползли слухи.

Ну как – поползли, в Нидерландах так и впрямую об этом говорили, даже в газетах печатали. Якобы Великий дофин решил покуситься на испанскую принцессу. То есть – жену испанского регента, русскую *царевну* Марию. И русские этого не стерпели.

Почему русские?

Дон Хуан даже не знал об этих планах мести, он оказался слишком благороден. А вот русские медведи...

Кто сказал, что медведь – милое и добродушное животное? Да это одна из самых опасных и непредсказуемых тварей! И ты никогда не узнаешь, что он с тобой сделает. Удерет ли, задерет ли...

Киплинг еще не написал свое знаменитое «не доверяйте медведю, что ходит на двух ногах...», но мэтр Фенелон уже предостерегал маленького Луи. Слишком уж опасны эти существа. Пусть он и маркиз, но это же не означает, что он глуп или безрассудно храбр!

– А почему мой дед не отомстил?

– Потому что известно стало не так давно. Сплетни, слухи... это всего лишь разговоры. А достоверно ничего не известно.

– Я бы отомстил за отца.

– Месть разрушает, ваше высочество...

Только вот хоть и был маркиз де ла Мот-Фенелон хорошим учителем, хоть и написал «Приключения Телемака», которые были с восторгом восприняты обществом, а убедить ученика не смог. Никак.



Семена были посеяны. Нарочно ли? Нечаянно?  
Уже неважно.  
Они взойдут.

\* \* \*

Маша, она же Анна де Бейль, она же вдовствующая английская королева, готовилась ко сну. Убрала с лица краску, распустила волосы, помассировала уставшую от пышной прически кожу головы. Анжелика просто не замечала, как красится соперница. Очень аккуратно, совсем чуть-чуть, подчеркивая то, что дано природой. И то сказать – натуральная блондинка при черных бровях и ресницах в искусственной краске нуждалась мало. Так, морщинки замаскировать, а губки подчеркнуть. И здоровее будет! Она-то видела, как с этой местной свинцовой пудрой быстро увядали женщины, как травились белилами и киноварью, как почти что убивали себя... но кто ж им расскажет? Это не занятия у царевны Софьи, где Ибрагим подробно рассказывал, какой компонент красок на что влияет, как именно, как нейтрализовать этот яд...

Ладно!

Сейчас она примет ванну – и пойдет посмотреть на сына.

Нельзя сказать, что рождение ребенка вызвало у Маши острый приступ материнских чувств. Мать-ехидна, мать-авантюристка, и этим все сказано. Малыш Карл был ухожен, присмотрен верными людьми и уже внесен в планы французского государя, это было важно, потому что обеспечивало малышу безопасность. Но вот инстинкта схватить кровиночку в зубы и спрятать где поглубже – этого у Маши не было. Наоборот.

Не наигралась, видимо. Недаром же говорят, что первый ребенок – последняя кукла.

Хотя с полчаса в день она малышу уделяла. Приходила, играла, гладила по головке, приносила сладости... сладости?

Да, надо бы приказать служанке...

В комнату внесли деревянную ванну, лакеи принялись носить ведрами воду...

Наконец Маша осталась одна. Принимать ванну в присутствии слуг она все-таки не любила.

Горячая вода приятно обняла тело... да уж! Зато «любимый» не моется, с ним рядом постоишь – так потом блевать охота.

Маша поморщилась. Да уж, русские дикари! А ничего, что его величество Людовик ванну принимал два раза в жизни? И воняет от него... его обнять-то страшно, хочется сначала откопать, а потом поплакать! И вот это – монарх! Да еще его милое развлечение – портить воздух при всем народе! Пффф!

Да чтоб на Руси так государь-батюшка сделал?!

Позорище!

А деваться некуда. Не так давно Маша получила указание от царевны. Не приказ, нет. Царевна вежливо осведомлялась, не надоела ли Марии просвещенная Европа, и если не надоела, предлагала ей вплотную заняться Людовиком. Есть такая штука – морганатический брак...

А в ее случае даже не очень и морганатический. Если Анна де Бейль оказалась хороша для одного короля, кто сказал, что она плоха для другого?

Но жить с Людовиком? Ложиться с ним в одну кровать? Оххх...

Впрочем, время подумать еще было. Маша отлично понимала, что если она пожелает – царевна вытащит ее отсюда. Несчастный случай на охоте, горе, слезы, похороны, а сама Маша уже через пару месяцев окажется на Руси. Может, даже ребенка оставлять не придется, он пока еще мелкий и подменить малыша будет несложно.

Можно.

А хочется?

А ведь не хотелось, еще как не хотелось! Интереснее было остаться в Европе и играть дальше, запутывая кошачьей лапкой клубки интриг! А еще...

Вот щелчок был бы всем этим дворянам по носу! Русская девчонка чуть ли не из сточной канавы – королева Франции! Ха!

А на Русь можно вернуться и после смерти Людовика. Ему сорок семь лет, ей – в два раза меньше, будем надеяться, она переживет супруга.

Маша потянулась к кофе, который ей принесли. Пару глотков – можно. Эти минуты – ее и только ее. Крепкий черный кофе, совсем маленькая чашечка, но так приятно. Этот запах будил память о занятиях с девушками, когда Ибрагим заваривал крепкий черный кофе и начинал рассказывать что-нибудь интересное из истории и нравов гаремов.

Глоток, другой, чашка вернулась на место.

Еще несколько минут блаженства. И еще пара глотков. Погадать, что ли?

Кофейная гуща вылилась на блюдечко. Маша вгляделась в черные разводы – и внезапно похолодела. А откуда на дне *такой* осадок!? Женщина приняхалась – и чашка полетела в стену. Ее вдовствующее

величество опрометью вылетело из ванны и сунуло два пальца в рот.

Кофе почти сразу вылетел назад, но не весь! К сожалению – не весь! На истошный звон колокольчика прибежали слуги и тут же заметались вокруг Маши, слушая короткие указания. Спустя четыре часа злая как черт женщина вытянулась в постели, размышляя – кто посмел!?

Кофе с мышьяком, наглость какая!

Узнает кто – голову оторвет и скажет, что так и было! Это ж надо! Два часа тошноты, промывание желудка, молоко со взбитыми яйцами на закуску (гадость жуткая, но выхода не было) и минимум неделю теперь соблюдать особый режим питания. Маша знала, что трое доверенных слуг сейчас носятся по всему дворцу, выясняя, кто подсыпал яд, а потом дойдет и до автора затеи. И она обязательно наябедничает Людовику! Чтоб другим неповадно было!

Пусть этого негодяя казнят!

А кто-то другой мог бы и не понять. Растворили мышьяк в горячем кофе, он и так горький, запах тоже не почувствуешь, все знают, что она любит выпить чашечку вот так, в ванной... задумано было отлично! И осуши она чашку в один прием – могла бы ничего и не понять. Но кофе начал остывать, яд выпал в осадок...

Да уж!

Без той школы, которую она прошла у царевны, без полученных знаний давно бы ее в живых-то не было. Есть за что быть благодарной.

Нет, ну кто посмел!?

\* \* \*

– Ты почитай, почитай! Вот ведь... Папа!

Алексей перебрал сестре письмо с большой печатью. Софья послушно поймала его и развернула. Могла бы и раньше его прочесть, но не стала – все равно брат все расскажет.

– Папа... ох ты ёж твоё ж!

Удержаться было сложно.

Папа Римский в письме весьма витиевато сообщал, что Русь – государство великое, но увы – не европейское. Потому как не знает света истинной веры. Нет-нет, он все понимает и не настаивает, чтобы русский государь срочно переходил в католичество, но ведь общий язык с другими странами искать как-то надо?

А потому не примет ли русский государь у себя папских легатов?

Всего несколько человек? И исключительно на добровольной основе?

Нет-нет, никаких иезуитов, мы помним про господина Полоцкого, но вы же понимаете, в семье не без урода, его позиция никак не может отражать нашу...

Опять же, и его величество Леопольд рад был бы прислать посольство...

В наше просвещенное время, вы, как умный и великодушный государь – ну и еще страница такой болтовни. А по-простому, поди, откажи!

– А мы можем ему отказать? – Алексею явно не хотелось пускать на Русь кого попало. Хотя почему – кого попало!? Отборных шпионов и как бы не диверсантов!

Софья всерьез задумалась над этим вопросом.

– А стоит ли отказывать? Обидится...

– Нам на его обиду, – фыркнул братец.

– Это верно. Только вот... не мы к ним лезем. Они к нам. Много ли вреда они смогут нанести под приглядом?

– Так и пользы от них не будет!

– Будет, Алеша. Мы не можем замыкаться в себе. И считать, что мы – избранные Богом, и кичиться своей правотой тоже. Нам надо развиваться, вращаться в другие страны, перенимать у них самое лучшее... вот как шелк, как бумагу – ведь выделяют теперь все это у нас? Мануфактуры строятся, люди работу получают, а все почему? Потому что из Франции побежали гугеноты.

– Сонь, как ты думаешь, они только шпионы?

– Безусловно, шпионы. Но думаю, у них есть и другие причины сюда приехать. И хотелось бы их узнать.

– Ты склоняешься к тому, чтобы принять их?

– Да, Алеша. Ты против?

– Мне это не нравится.

– Мне тоже. Но и ссориться неохота. Вот если они сделают что-то, что нам не понравится...

– А они сделают?

В темных глазах Софьи промелькнула искорка.

– Как прикажет мой государь.

– Соня!

– Предлагаю согласиться, помариновать их в Архангельске – все равно у нас карантин обязателен, собрать о них все сведения – и спустить с цепи Ромодановского. И принять – примем, в грязь лицом не ударим. И узнать больше того, что мы захотим, они не смогут.

– Хм-м... Почему бы нет? Тогда сядь, отпиши в Рим, а мне покажешь.  
Соня кивнула.

– Как скажешь, Алеша.

Брат и сестра обменялись понимающими улыбками. Рим так Рим! И бояться тут нечего! Просто когда понимают, что русских не сломить силой – начинают войну иного рода. Информационную, дипломатическую... Письмо, которое лежало сейчас на столе и было таким объявлением войны. И Софья с Алексеем принимали вызов.

Хотите принести на Русь свою культуру? Прогнать нас под свою гребенку?

Ну-ну!

Мы еще посмотрим, кто выиграет в этой схватке.

\* \* \*

Де ла Рейни мух ртом не ловил. С преступниками у него получалось куда как лучше, да и урожай был побольше. И кому, как не ему, отдал приказ его величество, узнав про покушение на свою любовницу?

Да ведь не просто любовницу!

Королеву Англии!

Тут политика-с...

Одно дело – травить соперницу, это все понимают, это нормально. А если тут английские корни? И отравить хотели мать английского принца? А там и самого малыша?

Гнев Людовика, умело подогреваемый иссиня-бледной Анной де Бейль, был страшен. Французские придворные жалели только о том, что они не змеи. Как хорошо бы сейчас заползти куда в щель – да и спрятаться. И не выползать месяц.

Все слуги ее вдовствующего величества были допрошены с пристрастием, кроме трех самых доверенных (с пристрастием – означало и дыбу, и пытки водой и прочие милые радости в застенках Бастилии) и наконец сознался один из поварят. И что получил, и от кого получил – ла Рейни подхватил ниточку и принялся рыть.

И – остановился.

Говорят же, что в жизни все повторяется дважды, но один раз трагедией, а второй – фарсом. В тот раз король пощадил мадам де Монтеспан.

А герцогиню де Фонтанж?

А вот тут – извините.

И детей у нее было куда как поменьше, всего двое от короля, и надоесть она Людовику успела хуже зубной боли. Глупа ведь...

В постели хороша, но и только. И сам Людовик, скажем честно, уже не был таким сатиром, как в молодости, потихоньку снижая постельную активность и задумываясь о душе.

Приговор был жестоким и страшным.

Плаха и топор.

Анжелика бросилась в ноги возлюбленному, умоляя о милости. Не получилось.

Памятно королю было дело о ядах, ой как памятно. И как шатался трон – тоже. Какое там милосердие? Зарыл бы! Собственноручно!

Повезло ли герцогине – сказать сложно, потому что ее недотравленное величество решила, что лучше быть милосердной. Немного. И тоже упала в ноги королю, прося о милосердии к дурочке. Людовик рыкнул, сверкнул глазами, топнул ногой... потом посмотрел на иссиня-бледную интриганку и чуть смягчился. Ладно уж... пускай живет.

В одном из дальних монастырей, где-нибудь в Оверни или еще где подальше...

Милосердие выходило сомнительным. Никто и не сомневался, что Анжелика де Фонтанж не проживет там слишком долго, скоропостижно скончавшись от какой-нибудь чахотки или несварения желудка. Монастыри – они вообще очень вредны для опальных королевских фавориток, и мадам де Монтеспан тому пример. Но вслух все восхваляли доброго короля и милосердную вдовствующую королеву.

Анна де Бейль постепенно приобретала все большее влияние на Людовика и собиралась его использовать исключительно в своих целях.

Франция?

Англия?

Русь и только Русь.

\* \* \*

Его величество Джеймс Стюарт благосклонно взирал на жену и детей.

Нельзя сказать, что он сильно любил свою Энни, но все же... Они столько лет вместе, у них четверо детей, и еще троих прибрал к себе Господь, они отлично понимают друг друга.

А женщины...

Почему бы и нет? У короля могут быть фаворитки, все равно ни одна из них не встанет на место королевы.

Да, король и королева...

И до сих пор Джеймс не мог поверить в свое счастье. Пусть трон весьма зыбок, пусть казна не особенно наполнена, пусть по стране возникают мятежи, а Уэльс – это вообще осиное гнездо, но он воссел на трон своих предков.

Теперь надо удержаться и передать его сыну. Получится ли?

Зыбко, все так зыбко...

Джеймс Монмут был по-житейски неглуп и понимал, что на трон его практически *возвели*. Подготовили почву, подтолкнули, а то и еще чего... Кто стоит за этим? Он не знал. Голландцы?

Да, безусловно, там и их руки.

Испанцы? Тоже возможно. Во всяком случае, несколько колоний у него уже откусили, а что он может сделать?! И хочет ли что-то сделать?

Честно говоря, не очень. Джеймса устраивала роль короля. И вообще – на его век хватит, а дети... разберутся, куда они денутся! О нем что-то родной отец не позаботился!

Его величество отбросил неприятную мысль в сторону и пригласил жену на танец. Энни вспыхнула и заулыбалась.

Да, фаворитка будет ждать Джеймса в спальне, но на людях... о, здесь и сейчас – он примерный семьянин! Никакой череды любовниц, как у отца с дядюшкой, никаких ценных подарков за счет казны... титул – можно. Или замуж выдать повыгоднее, но эти милости короне ничего не стоят. А золото или земли – нет уж! Самим мало!

Джеймс улыбался, танцевал с супругой, потом смотрел фейерверк и чувствовал себя счастливым. Видела бы мама... но Люси Уолтер умерла, когда он был еще малышом.

Джеймс и не знал, что рядом с ним нарывом медленно зреет заговор...

\* \* \*

– Что скажете, Чарльз?

– Что у меня не меньше прав на престол, чем у этого выскочки, Джон. Да и у вас тоже...

Кроме Монмута у Карла было еще тринадцать внебрачных детей. Признанных и произведенных им в графы и герцоги. И с точки зрения закона, имеющих такое же право на престол, как и Монмут.

А почему – нет?

У них матери и познатнее были. Что мать-герцогиня Чарльза Леннокса, что графиня Кастлмейн у Джорджа Фицроя. И что?

Более знатные матери, более высокие титулы, должности при дворе – и все закончилось в единый миг!

Когда стало ясно, что Монмут побеждает, братья собрали все маленькое и ценное, что помещалось в седельных сумках – и рванули к границе с Шотландией. И правильно сделали.

Те, кто не успел, сейчас обживали Тауэр.

Казнить единокровных родственников Джеймс все-таки не мог, но всем было ясно, что Тауэр – это та же смерть. Просто чуть замедленная и отсроченная. Кто там будет проверять, скончался ли граф Плимут от болезни легких, или эта чахотка разгуливала на двух ногах и подливала яд в пищу?

Кому пожаловаться?

Только Богу в храме, но вот беда – не ответит. И гром небесный, чтобы покарать мерзавца Джеймса не пошлет!

Вот и бежали братья туда, где их не должны были выдать. В Шотландское Нагорье.

Но и здесь... а кому они были там нужны? Ладно еще Яков! При нем они были племянниками, о них как-то заботились, их ценили, а потом?

У шотландцев было полно своих проблем. После побега королевы Анны, да еще с ребенком Якова под сердцем, горцы просто кипели, что тот ведьмин котел. Настроения различались от «как она могла, мерзавка!?» до «и поделом вам, а то размечтались...». А уж когда королева обнаружилась при французском дворе...

Это давало простор для комбинаций и предположений. В том числе, были и лэрды, которые хотели послать к Людовику посольство и умолять его вмешаться. Свергнуть мерзавца Монмута и посадить малыша Карла (имя ребенка чуть примирило шотландцев с побегом его матери) на трон его предков. Чарлз и Джон к этой группе не принадлежали. Свергнуть Монмута было бы неплохо, но вот посадить на трон Карла?

Э, нет. Им самим хотелось бы править. И если уж трон один раз был взят «на шпагу», грех не повторить это второй раз! Но надо найти помощь, деньги, наемников...

Как не предоставить шанс хорошему человеку?



– Соня, ты уверена, что нам нужна смута в Англии?

– Более чем.

Софья теребила конец косы, сидя в кресле, чуть щурилась на яркий свет из окна, но глаз не отводила. Если царю угодно сидеть на подоконнике и вести интеллектуальную беседу с сестрой именно оттуда?

– Деньги мы найдем, – Иван был спокоен и невозмутим. – А причины все же поясни?

– Их несколько. Первая – колонии. Чем дольше смута в Англии, тем выгоднее нам. Сами знаете, Индия. Я вам рассказывала...

Рассказывала. И у мужчин давненько руки чесались.

Дели, Мадрас, Бомбей... нужна ли там Англия? Да помилуйте! Ничего хорошего и толкового англичане туда не принесут. Будут уничтожать уникальную культуру, даже не понимая, что именно теряют и хищнически выдирать из тела Индии то, что копилось столетиями.

Уже выдирают. А, между прочим, там шикарные месторождения селитры. Может, они и русским пригодятся? И хлопок есть! Даешь хлопковые маечки на триста лет раньше?

Пора прекращать этот процесс и доказывать, что не все бледнолицые одинаково плохи. И не надо путать индейцев и индийцев. Хотя, в данном случае – можно. Что в Индии, что в Америке Англия с ее пуританским подходом добра никому не принесла.

– Принимаю. Еще что?

– Пока Англия занята внутренними делами, она не лезет во внешние. К тому же, на престол есть права у многих. У Карла Шведского с супругой, у Георга Датского – также через супругу, у сына Анны де Бейль...

– Еще б он был сыном короля, – фыркнул Алексей.

– Непринципиально. Главное, что его таковым считает Людовик и будет отстаивать права малыша. А это дело богоугодное.

– Ага, считает. С твоей легкой руки...

– С руки Анны. Кстати, вполне возможно, что малыш действительно Стюарт. Эти шотландские кланы так перероднились между собой, что родословную и представить нельзя. А еще, кстати, Карл наплодил кучу детей, и кое-кто из них уже готовится сбросить Монмута с трона.

– А получится? – прищурился Иван.

– С нашей и Божьей помощью – вполне. Надо ли нам это? Конечно, надо! Англия тонет в смуте, под шумок распадаясь на десяток мелких островных королевств, которые будут воевать друг с другом, мы отгрызаем себе колонии, Людовик смотрит на остров вместо континента...

– Он и так смотрит только в декольте своей метрессы.

– Возможно, будущей жены, – Софья пожала плечами.

Историю она знала отвратительно, но уж «Маркизу Ангелов» и Франсуазу Скаррон, которая вышла замуж за короля, стыдно было не помнить. Почему бы Анне де Бейль и не повторить ее подвиг?

К тому же Анна моложе, красивее и намного умнее. Пусть подталкивает Людовика к браку, то, что удалось одной стерве, другая всегда осилит.

– Думаешь, ей удастся? – глаза Алексея загорелись веселыми искорками.

– Я бы не стала отрицать такую возможность.

– И чьи интересы будет продвигать королева Франции?

– Разумеется, свои. Ну и наши... немножко.

Софья уже раздумывала над этой ситуацией и пришла к выводу, что ей выгодно продолжение политики Ментенон. Пусть Анна тоже травит гугенотов. Народ они умный, крепкий, сильный, а если еще побегут в нужном направлении – в Нидерланды, например, чтобы Людовику окончательно там увязнуть, в колонии, на Русь... Англия?

Раньше – да. Но сейчас, если поджечь островок со всех восьми концов, туда ни один умный человек не поедет и семью не повезет.

– Вернемся к Англии, – Алексей решил не отвлекаться на Людовика. – Значит, помогаем англичанам. Кто там бунтовать вздумает, кстати?

– Старшие дети Карла. Герцог Ричмонд и герцог Нортумберленд.

– Оба сразу?

– Как ни странно, братья довольно-таки дружны. Что они предпримут, дорвавшись до трона, я не знаю, но посмотреть будет любопытно. То ли поделят территории, отдав Ричмонду Англию, а Нортумберленду Уэльс, то ли подерутся. И вообще, пусть будет с запасом. Одного убьют, второй останется...

– Думаешь, убьют?

– Тянуть руки к короне занятие сложное и неприятное. Могут и укоротить на голову. Монмут только-только распробовал власть – и отдавать ее не захочет. Пусть братцы вцепляются друг другу в глотки, пусть лорды поддерживают их... гражданская война – самая страшная из всех.

– Жалко их...

Софья бросила взгляд на мужа. Потом встала из кресла, подошла к Ивану, который удобно устроился за письменным столом лично государя всея Руси, и чмокнула его в макушку.

– Тебе дай волю – ты всех зажалеешь. Насмерть.

– Соня!

– Ванечка, милый, мне тоже простых людей жалко. Но свою страну я люблю больше, чем чужую.

Аргумент был принят.

– После того, что вспыхнет на острове, им еще долго не до нас будет. И укрепиться успеем, и с Турцией разобраться, и Сибирь под себя подмять.

– Нас не поймут.

– Пусть осуждают. Неважно. Лишь бы жили...

И стояла перед глазами Софьи та самая гражданская война. Когда по вине Николая Второго, чтоб ему черти в зад вилами триста лет тыкали, полыхнула гражданская война. И брат пошел на брата, отец на сына... а кто оплатил эти развлечения?! Кто подкидывал деньги на революционеров?!

Кто поставлял оружие?!

В этом мире еще не прозвучало высказывание про капитал и триста процентов прибыли, но Софья его помнила. Сама такой была когда-то. И это было страшно. \*

***\* Нет такого преступления, на который бы не пошел капитал ради 300 процентов прибыли. К. Маркс. А до него – Т. Дж. Даннинг. Прим. авт.***

Софья не оправдывала себя, нет. За то, что она уже натворила и еще натворит, ей и триста лет с вилами в зад мало будет. Но... она гадила в других странах, уничтожала людей, стравливала их между собой, подличала и сводничала не ради прибыли. Вот на деньги ей было сейчас глубоко наплевать. Ивану было интересно их зарабатывать, возиться с инвестициями и прибылями – отлично. А ей всего-навсего надо было, чтобы стояла Русь.

Сильная, красивая, с золотыми куполами церквей, в которые люди идут не грехи замаливать, а просто – помолиться, не как рабы, а как дети Божьи, с людьми, которых будут интересоваться не триста сортов помады и двести – колбасы, а далекие звезды, с теми, кто построит до них лестницу и долетит до далей Оберона.

***\* Ю. Визбор. «Да будет старт», прим. авт.***

Неужели это не стоит ее жизни? Или жизни ее детей?

И жизни, и смерти, и посмертия – пусть. Она уже согласилась, когда легла на тот алтарь. Иногда Софья задумывалась, что же станет с теми, кто отправил ее сюда?

Если они родятся другими или вообще не рождаются? Изменение ли это истории ее родного мира, или просто иная ветвь на дереве вероятности?

Впрочем, это неважно. Мы живем «здесь и сейчас», чтобы у наших детей было «там и потом». Вот и будем жить!

Софья блеснула глазами на брата.

– Алешка, ты одобряешь?

– Ты же знаешь, что да. Пусть будет смута в Англии, а в это время вы с испанцами и португальцами...

Алексей не договорил. Не было смысла проговаривать все в сотый раз. Все трое знали, что надо делать и как.

– Да. Меня вот Леопольд беспокоит...

– Да неужели?

– Папа Римский его любит и ценит.

Да, еще и эта... зубная боль! Бенедикт Одескальки, известный более под именем Папы Иннокентия XI недавно помер и его место занял Александр VIII, в миру некогда Пьетро Витто Оттобони. Но тут все было достаточно сложно. Не то, что диким русским варварам – последнему чукче было ясно, что долго сей достойный человек не протянет. Ибо родился аж в десятом году и на настоящий момент насчитывал восемьдесят полновесных лет. Тут уже не белую шапку примерять, а с червячками вести философские беседы о том, где земля мягче. Просто духовенство, как обычно, не могло договориться – и копило силы для следующего рывка. А вот кто будет следующим... о, тут у Софьи были подозрения.

Сильнее всего мучил воду Антонио Пиньятелли дель Растрелло. Сей достойный воспитанник иезуитов был хитер, изворотлив и достаточно... нечистоплотен. А еще – отметился и в Италии, и в Польше, и принимал Русь всерьез. Очень всерьез.

Софья уже задумывалась о его устранении, но потом махнула рукой. Овчинка выделки не стоила. Одну тварь придавишь, десять других вылезет и не факт, что лучше.

Этот хотя бы умен. Очень умен – и это его главный плюс. С ним всегда можно будет договориться ко взаимной выгоде. А еще он умеет принимать жесткие решения и не боится крови.

– Мне казалось, что положительнее он относится к французам. Людовик найдет, что предложить Риму.

– У Людовика нет выбора. Сколько он воду мутит – ему поддержка Рима нужна как воздух – Иван смотрел в корень.

– Нам она тоже нужна, – Алексей привычно спорил с другом.

Софья кивнула.

Как ни крути, но им еще работать с Испанией. И если у кого в памяти быки и матадоры – так это зря. Сейчас Испания – это, прежде всего, религиозность и инквизиция. Кстати, в последней и Антонио дель Растрелло отметиться успел. Со всеми вытекающими последствиями.

Придется обложить всех папских прихвостней со всех сторон – и мило улыбаться. Даже если те будут пытаться откровенно делать гадости.

А будут?

Кто ж знает...

Зависит от того, что посулили Папе и Людовик и Леопольд... вот чего им нейдет? Хотя ответ Софья знала. Ни одному из этих монархов не нужна сильная Русь. Так что палки в колеса ставить будут.

Но вообще... позиции церкви в Испании очень сильны. И в их случае это шестьдесят процентов успеха любого дела. Раньше им не противодействовали. Если Папа будет, пусть негласно, но против русских инициатив и дружбы с Русью – считай, дело замедлится. Не остановится, нет. Но насколько ж будет тяжелее!

А если «за» – о, тут многие прикусят раздвоенные язычки. Есть ради чего прогнуться. Хотя бы немного. Или сделать вид?

Но...

– Меня беспокоит то, что вместе с папскими легатами едут и Леопольдовы слуги. Посольство...

Троица переглянулась.

М-да, рыльце у них было в пушку по самый затылок, скажем честно. Без их скромной помощи турки так и завязли бы у Вены до прихода австрийских войск. Но знает ли об этом Леопольд? И чем это может грозить?

Был только один способ выяснить.

А именно – принять посольства и поговорить по-дипломатически. С вывертами, с поиском вторых и третьих смыслов, с...

Ох и тяжело жить на свете королю. И царю не легче.

А кому сейчас легко?

\* \* \*

– Один – один.

Двое детей переглянулись. Тавлеи у русских правителей в покоях были, несмотря ни на какие запреты. И научить детей играть в эту игру было делом чести. Да и мышление она хорошо развивает.

Да и польза была немалая.

– Третья – решающая? – предложила девочка.

– А давай. Время еще есть?

Быстрый взгляд на песочные часы – и девочка кивнула.

– Немного. Потом надо идти на фехтование.

И столько тоски прозвучало в ее голосе...

– Алён, бросила б ты это дело? Фехтование, стрельба... тебе вышивать надо, к замужеству готовиться!

Ответом его высочеству стало выразительное шипение и злой блеск темных глаз.

– Сашка, не нарывайся!

Двоюродные брат и сестра ладили между собой лучше всех остальных детей в своем поколении, но споров и ссор это не отменяло. И Александр мог потягать сестричку за косу, и Елена иногда, разозлившись, устраивала шкоды, вроде запущенного в подушку мышонка, но – дружили. Елена хвостом таскалась за двоюродным братом, а тот вначале принимал восхищение и любовь малышки как должное, а потом...

Как-то оно так получилось, что Елена стала частью его мира. Пусть небольшой, но важной. И ему было неудобно без темных глаз сестренки.

Как так?

Старожилы Кремля могли бы многое рассказать на эту тему. О том, как повторяется история, и по этим же коридорам ходили двое детей – светленький царевич Алексей и рядом с ним темноволосая малышка Сонюшка.

– А если подумать?

– Не хочу я замуж. Вообще.

– Ты еще маленькая, чтобы судить. Вон, твоя мама тоже, говорят, не хотела. Но вышла же?

– Вот если такой, как папа найдется... – на губах девочки вдруг скользнула улыбка. – Сашенька, я ведь и приглядываюсь. Вот ты ворчишь, что у меня забавы не женские, а где вас, мальчишек еще увидишь да разглядишь? На фехтовании – в том числе. Сразу видно, кто серьезно подходит к делу, кто ленится, кто красуется, кто на что горазд...

– О как!

– Даже если потом и не пригодится, а знания я все равно приобрету. Знаешь, как мама говорит?

– Знаю. Лишние знания лишними не бывают.

Подхватив вредную поговорку от Софьи, ее поминали все жители Кремля. От поварят до царевичей.

Языки болтали, а руки действовали. И фишки уже расставить успели, и вперед двинуться...

Елена прищурилась на доску. Да, вот сейчас она пойдет в атаку и пропустит одну удачную возможность. Пусть Саша за нее ухватится. Надо

дать ему возможность выиграть. Все-таки в их связке он должен быть ведущим, а она – тенью за плечом брата. Как мама и дядя.

Если она хочет добиться той же власти, что и мама, братец должен быть свято уверен в своем превосходстве. Ну и пусть.

Елене решительно не хотелось быть просто женой и матерью. Не понимала она этого. Сиди в тереме, носы детям вытирай... а жить как? И когда?

Кому-то для счастья больше и не надо, чем за счетами следить да дворню гонять, а ей вот хочется. Не так, как в Европах, нет. Там, говорят, бабы до полного бесстыдства докатились, чуть ли не мужиками переодеваются да по полям скачут, амантов меняют, что те перчатки... неправильно это.

Не по-людски.

А вот стоять за плечом у брата, как ее мама...

И Софья в последнее время отличала девочку. Давала ей читать то договора, то законы, то устав армии (хотя к чему бы последнее малышке?!), спрашивала, что Елена поняла, как бы девочка поступила – и та старалась. Объясняла, отвечала, думала...

Все дети Софье были дороги, но старшие мальчики больше тяготели к миру цифр и науки и проводили больше времени в Университете. А вот дочь – в ней Софья видела продолжение себя. И надеялась не разочароваться. Пока Елена повторяла ее путь. Приручала брата, училась, работала над собой. А вот что будет?

Бог ведает...

\* \* \*

В Архангельске посольство задержалось ненадолго, уже через три дня выехав в Москву. Пока не зарядили дожди, пока хороши дороги...

Да, дороги.

Это было первым, что поразило кардинала Руффо, первым, о чем он напишет в своих мемуарах.

Дороги, построенные по типу Римских, даже лучше, потому что шире, прочнее, на них легко может разъехаться четыре телеги – зачем!?

В Европе таких не было, а здесь – вот?

На этот вопрос легко ответил тот же переводчик. Так и так, дороги строят по приказу государя Алексея Алексеевича. Именно такие. Зачем?

Царю виднее. Но эти дороги обеспечивают людям работу и заработок.

Бывает ведь так, что не в силах терпеть, бежит от своей жизни человек. Или оказывается на дне жизни?

Вот таких и отправляют на строительство дорог. Кормят, поят, платят деньги – и не такую уж маленькую. После пяти лет на строительстве дорог спокойно можно купить себе домик.

Есть и другой вариант – когда человек совершил какое-либо преступление не из особо тяжких. Что его – в остроге держать? Или уродовать? Нет уж, приятель, принеси-ка пользу государству. И опять – на дорожные работы. Таким платят сущие гроши, но в течение установленного срока они все равно получают деньги. А потом – на свободный выбор. Хочешь – останься, еще поработай, как вольнонаемный, хочешь – уходи...

Чаще остаются. Женятся, семьями обзаводятся...

Побеги? Бунты?

А зачем?

Людей не притесняют, не бьют, просто не заработал – денег не получишь.

Преступники?

Ну, действительно опасных туда не направляют, а всякая шелупонь на серьезное сопротивление не способна. Опять же, трактиры...

Второе, что поразило кардинала – трактиры. Бывал он в таких в Европе.

Грязь, мыши, крысы, тараканы, солома несвежая под ногами валяется, а чем кормят... ей-ей, иногда начинаешь верить в печальную судьбу пропавших путников.

Те трактиры, которые стояли вдоль государевой дороги были совершенно иными.

Золотистые срубы, с добротной покрытой крышей, яркие вывески, а внутри!

Кардинал был неглуп и понимал, что телесная чистота не обязательно от дьявола, но чтобы вот так?

Скобленные дощатые полы, чистая, пальцем проведи – заскрипит посуда, добела оттертые столешницы и даже салфетки!

Салфетки!!!

Коих иногда и у баронов победнее на столах не было!

Кардинал специально просил останавливаться то в одном трактире, то в другом, но различий нигде не было! Строились по одному приказу, по одним чертежам, доботно и аккуратно, хозяева платили налог короне, обязались содержать лошадей для государевых нужд, кормить бесплатно



гонцов (только гонцов, остальных, будь там хоть трижды боярин, могли и попросить), да и сами хозяева...

С одним кардинал даже умудрился побеседовать.

А дело было так.

Они как раз решили остановиться пообедать. Слуга, поднесший им воду для омовения рук, случайно споткнулся, и жидкость плеснула на пол. А хозяин рывкнул на него – по-французски!

Тут же извинился перед господами за неуклюжесть деревенского дурачка, пригласил проходить и располагаться, но кардинала уже заело любопытство. И он пригласил хозяина отобедать с ними.

Тот глянул на толмача – и отказываться не стал.

Звали хозяина Пьер Летелье, был он французом, причем православным и жил на Руси уж лет двадцать. Приехал сюда еще при Алексее Михайловиче, послужить в полку – и служил честно, пулям не кланялся. Женился тут, окрестился, стал православным, даже денег прикопил. Участвовал в компании со шведами, там и ногу потерял, хорошо хоть чуть повыше колена. Так бы спасти попытались, да сустав раздробило.

Ногу ему отняли и Пьер, которого на Руси быстро переименовали в Петра, задумался, как жить дальше. Воевать-то он умел, а остальное?

Надолго ли сэкономленных денег хватит?

Милостыню просить не хотелось, а тут в их лазарет явились ребята из государевой школы. Из Дьяково!

Вот тут кардинал и насторожился. Про этих государевых воспитанников ходило много слухов, но что они делают – не знал никто.

По словам Пьера выходило, что молодые, лет тринадцати-четырнадцати, ребята составляли списки, имя, прозвище, где служил, за что пострадал, расспрашивали, что делать человек далее будет... Пьера тогда тоже расспросили. Он и ответил честно, мол, служил, лет уж пятнадцать как, а теперь что и делать – неясно.

А спустя месяц к нему и пришли. И предложили поехать сюда, трактиром заведовать. Трактир этот его собственный. Сначала-то он побаивался, а потом, когда прибыл, осмотрелся, продал свое подворье, да и выкупил у казны трактир. И ему с семьей тут места хватает, и тихо тут, и буянить никто не буянит – в охране-то у него такие же отставные вояки!

Пару раз шиши налететь пробовали, так им досталось, что по сию пору, небось, в остроге чешутся. Когда в трактире с десятков крепких мужиков, да каждый знает с какого конца за оружие браться... так-то охрана здесь постоянно не живет. Тут деревенька рядом, там кое-кто из отставников уже себе и жен приглядел, уж и дети пошли. Живи да радуйся.

Продовольствие казна поставляет хорошее, цены умеренные, один раз, было, привезли ему кислое вино, так он знал, кому словечко шепнуть – месяца не прошло, на хорошее заменили. Еще и деньги возвернули, подрядчик-де оказался вороватым. И что людям надо?

Ведь дали ж возможность заработать, так захотелось умнику не две копейки с гривенника получить, а пятак. Вот и погорел, что та свечка. А так – жить и работать можно. И хорошо жить.

Чистота?

Да, это обязательное условие государево. За грязь и свинство и оштрафовать могут. Поднимут подати в три раза, а это уж тяжело покажется. Есть список, который исполнять надобно – вот Пьер и старается. Например, нужной домик сделал на заднем дворе, облегчаться можно только там, будь ты хоть и боярин, а за свинство и ответить можно. Тем же рублем.

Рукомойство обязательное. Чистота – раз в неделю, хочешь, не хочешь, вся таверна должна быть со щелоком выскоблена. Ежели кто из государевых людей избяного зверя таракана увидит, али крысу какую – Пьер немалый штраф заплатит. Готовить только свежее, тухлятиной людей не кормить. Коней содержать... ну, это уж было оговорено.

Спервоначалу тяжело было, потом Пьер привык – и понял, так-то оно лучше. В чистоте и дети меньше болеют, и животные...

Да и те, кто останавливаются, мало ли что с собой принесут. Вон, у двери веничек. Считай, сейчас сухо, а осенью-зимой кто войдет обязательно грязь обметет, а то и сапоги обмоет, чтобы навоз не нести в дом.

Кто заезжает? Да почитай все, кто по дороге ездит. Поначалу-то народ повздыхал о государевом начинании, приготовился пояса затянуть потуже, а потом, как поняли, что с них деньги драть не будут, да как пользу от дороги поняли... Ой, не зря государь ее такой широкой сделать приказал! Поначалу тут мало народа ездило, а сейчас в трактире только успевай поворачиваться. Пока всех обслужишь – к вечеру с ног валишься, вот и приходится деревенских нанимать.

Дворяне? Купцы?

Тут государь различий не делает. Вот, почитай месяц назад заехали в трактир трое молодчиков, выпили хорошенько, куражиться начали, к девкам приставать, за косы ловить... Девки в визг, те за оружие – ну, пришлось успокоить. Потом оказалось что один из них купеческий сын, так его отец приезжал со стражей, Пьеру кланялся, чтобы тот деньги принял. Пьер не отказался, сейчас вот еще пару пристроек сделает. Семья-то

растет...

Да, так вот. Наказали недоросля не плетями, а рублем. Да на строительство дорог на три месяца отправили – пусть на людей посмотрит. Купец хоть и охал, а все ж на пользу то пойдет. Почему Пьеру деньги отдавал?

А кому?

Кто пострадал от бестолкового сопляка, тому и деньги пошли. Все в дело... нет, в казну там тоже штраф уплачен, иначе никак. Но в таких случаях на Руси и пострадавшему платят.

Ну, в этом для кардинала ничего удивительного не было, такое встречалось.

А вот то, что католик веру свою предал... нехорошо это перед Богом. Что кардинал и высказал, думая, что Пьер смутится, или как-то начнет оправдываться, но старый вояка только плечами пожал.

Православие?

Так его ж никто не принуждал, он сам для себя выбрал перейти в другую веру. На Руси это дело такое: будь хоть мусульманином, только другим свою веру не навязывай. Но, конечно, на Руси к православному и доверия больше, и опять же, детей обязательно окрестить надобно, и в учение они пойдут к попу – тоже православным быть лучше, и жена у Пьера русская – так все одно к одному и сложилось. Да и един Бог. А уж как ему молиться, на то богословы есть. Пьер вот точно знает, что главное – сволочью не быть, тогда Он тебя хоть откуда услышит.

Вот это кардиналу резко не понравилось.

– Бог-то един, чадо, но предать веру родителей своих, в которой они растили тебя...

– Вот-вот, растили, – Пьер только усмехнулся. – Кюре, как сейчас помню, о громе небесном, да о еретиках покричать горазд был, особенно как напивался по выходным – так на всю округу звон шел. А чтобы реально пользу принести – этого от него не дожидаться было! Купил должность, да и сидел, как сын, только что глазами хлопал.\* А поп наш, батюшка Алексей, даром, что православный, а по домам ходит. По субботам-воскресеньям детей счету-грамоте учит, опять же, при Храме лазарет есть, крохотный совсем, да нам хватает. И случись что – позвать его можно, в ранах он разбирается. Говорит, чтобы Богу молиться – не только вера нужна. Богу и дела угодны. Патриарх так и распорядился, говорят, чтобы в церковь можно было и с телесной – и с душевной хворью прийти.

***\* в те времена торговля церковными должностями уже запрещалась, но так просто коррупцию из церкви было не вытравить,***

**прим. авт.**

– Болезни нам Богом посланы во испытание... – мягко намекнул кардинал.

– Это верно, – Пьер усмехнулся. – Только вот как разобрать, что где? Батюшка рассказывал, как дьявол строил козни против Иова. Неужто помочь несчастному – будет супротив воли божьей?

Для кардинала не составило бы труда ответить, но в богословский диспут имеет смысл ввязываться с равным, а не с невежественным воякой. Да и не за обедом, а потому Томазо перевел разговор на другое.

Мягко выпросил у Пьера много ли таких, как он, делает ли государь различия между инородцами и русскими... нет? И карает и награждает равно милостиво? Хорошо. Есть ли пути, кои закрыты для католиков, а открыты только для православных? Нет? И при царе есть советники из поляков, и воеводы есть разные, и адмирал, между прочим, француз – Павел Мельин, а в Университете там и вообще никого о вере не спрашивают...

Кардиналу было о чем поразмыслить в дороге.

Евгению Савойскому – тоже. Он ведь хотел править... как умудрился это все продумать русский государь?!

А сделать!?

Это же громадная работа! Каторжная! Кою одному человеку в жизни не потянуть!

Сопровождающие посольство ученики царевичевой школы могли бы объяснить сей феномен, который гласил – сначала вырасти себе помощников, а потом берись за дела. Тогда они тебе и удадутся.

Пусть и сейчас встречается и местничество, и казнокрадство, и злоупотребления, но когда воспитанников царевичевой школы много, когда они повсюду, кто-нибудь обязательно да заметит. И подаст докладную государю. А там уж дело будет рассмотрено – и колесо завертится. Вот и стараются лишний раз не злоупотреблять, потому как раньше можно было откупиться взятку дать, запугать кого, а сейчас – не знаешь и кому, и кого... Одного-то купишь, второго запугаешь, а третьего и не заметишь. И займется тобой князь Ромодановский.

Он таких любит, ох, любит! В пыточном приказе.

\* \* \*

– Ну что, нас можно поздравить?

Софья была довольна по уши. Алексей, который сидел над бумагами, посмотрел на нее с неудовольствием. Тут еще работать и работать, а сестра аж сияет. И Ванька удрал по делам! Ух!

– С чем?

– С тем, что ныне есть Анна де Бейль, королева французская.

Алексей едва мимо стула не уселся.

– Твоя девочка? То есть – наша?

– Именно. Можно сказать, карьера у нее состоялась, не каждой удастся за свою жизнь аж с двумя королями обвенчаться.

– А вроде бы...

– Брак морганатический, так что пышного празднества не было и не будет. И вообще пока все держится в тайне.

– Это возможно при французском дворе?

– Вряд ли. Если она уже переехала в Версаль и заняла покой неподалеку от короля – сам понимаешь, разоблачение только вопрос времени. Анна пишет, что их венчал Арле де Шанваллон в присутствии личного королевского духовника, отца де Лашеза.

– Свидетели отличные.

– Кой там свидетели! Людовик ей даже предложение сделал через отца де Лашеза! Представляешь?

Алексей помотал головой.

– Подожди. Ты хочешь сказать, что не сам его величество явился с предложением, а его духовник...

– Абсолютно верно.

– А что Анна?

– Просила передать королю, что все во Франции – в его власти. Ну и она тоже.

– А ничего, что она – вдовствующая королева Англии?

– Мужа она никогда не забудет и любить станет вечно, но жизнь-то продолжается!

– У меня нет слов.

– Их найдут французские придворные, когда поймут, как их обставили, – коварно улыбнулась Софья.

– Не отравят нашу девочку?

– Пытались. Сам знаешь, не получилось. Мы ее хорошо выучили.

– Не скромничай, Соня. Ты выучила.

– В твоей школе, на твои деньги, твоими учителями... Алеша, ты себя слышал?

– Мне бы в жизни в голову не пришло учить таким образом девушек.

Так что это – твой праздник и твоя победа.

Софья широко улыбнулась.

– Наша, Алешенька! Наша!

И было от чего радоваться. Получая рычаг влияния на Людовика, Софья получала возможность влиять и на политику Европы.

Она отлично помнила, как мадам де Ментенон стала королевой. Та была допущена на заседания Государственного совета, более того, на Совете она могла сидеть в присутствии не только министров – много их перебывало, но и самого монарха. И Людовик к ней прислушивался.

Правда, бывали и разногласия, но в какой семье их не бывало?

– Анна точно с ним справится?

– Я уверена в нашей девочке.

Оставалось как-нибудь поладить с Леопольдом.

– Кстати, ты знаешь, кто к нам едет?

– Кто?

– Ваня и Белла.

Алексей расцвел улыбкой. Ваньку он любил, да и на его невесту полюбовался бы.

– Замечательно!

– Обещали к зиме быть.

– Поди, замерзнут? У нас тут не Португалия.

Софья беззаботно махнула рукой.

– Молодых любовь греет.

– Скоро свадьбу играть будем?

– Да уж через год-другой и будем. Жаль, что нам побывать не удастся.

– Тебе бы хотелось поездить по миру?

Софья тряхнула длинной косой. Вопреки всем обычаям, прическу она не меняла, выйдя замуж – еще ей кикю носить не хватало или венец. Вы их видели? Взвешивали в руках? Такое на голову наденешь, так к вечеру к палачу кинешься, болеть будет так, что только топора и не хватит.

Поездить по миру?

Не говорить же братику, что она и ездила, и видела, и вообще... Любила когда-то Софья Романовна туризм.

– Алеша, нам это все равно недоступно. Мы к Руси цепями прикованы, хорошо хоть ты вырвался, в Крыму побывал, в Польше, пока отец жив был, в Швеции, опять же...

– Наступит ли время, когда мы будем по всему миру ездить – и не тратить на это месяцы?

– Наступит. Только работать ради этого много придется.

– Вот уж чего русские никогда не боялись! – фыркнул Алексей.  
Напугала! Работать!  
А то сейчас они ничего не делают, разве что семечки лузгают! Ха!  
– У Феди там как дела?  
– Начинает получать удовольствие от жизни. Сразу надо было его в путешествия разогнать!  
– Вот даже как? – глаза Алексея смеялись.  
– Если получится, может, нам его потом в Померанию определить? Западную отвоюем у шведов, восточную выкупим у Пруссии – и пусть сидит наместником? Годика через два-три в самый раз будет, как раз перебесится.  
– В монахи больше не рвется??  
– Даже о Юрике вспомнил, представляешь? Мальша к нему и отправили, конечно, с хорошими воспитателями, но пусть при папаше будет. Авось, забудет, как от мира бегать.  
– И воспитательницами?  
– Разумеется! – глаза Софьи смеялись. С Апраксиной не получилось, так мы и других красоток для Феди найдем! Перебьются монастыри! Вот! Алексей согласно тряхнул головой.  
– Кстати, мне тут из Венгрии отписали.  
– Не хочется никому опять под власть Австрии.  
– Ох как не хочется.  
– А мы и не отдадим. Это наше, кровное, Ферек-младший на Наталье женится – и вообще родня будет.  
– Вот и давай прикинем, что сделать, чтобы не отдавать. А то уже кружат... стервятники.  
Две головы, светлая и темная, склонились над листом бумаги. Пока он был белым и чистым. Потом покроется пометками, схемами, кружочками и загогулинами, которые будут понятны только троим – Алексею, Ивану и Софье. Даже если Иван не принимал участия в сегодняшнем разговоре – так и что с того? Все равно он все узнает. Глядишь, еще и советом поможет.  
Алексей покосился на сестру.  
М-да. Надо и сыну внушить, и внукам завещать передать. Коли хочешь долго и успешно править – не плоди вокруг себя дураков. И умных людей не бойся. Главное, чтобы преданными были...  
Где только таких взять?

Чем дальше двигалось посольство по Руси, тем больше изумлялись принц и кардинал.

Варвары?

Да, безусловно! Но дороги! Города, в которых почти не было нищих и через которые можно было проезжать, не зажимая нос! Более того, города, в которых было строго запрещено выливать нечистоты на улицу, и не раздавались то и дело крики: «Поберегись!!!».

За такое могли и плетей всыпать.

Кардинал поверил бы, что для них это все устроили специально, чтобы произвести впечатление, но с каждым днем его уверенность таяла, словно ложка меда в горячем вине. *Столько* – не устроишь.

А их чистоплотность?

А лекари?

Когда один из слуг кардинала, неловко споткнувшись на мостовой, рассадил себе ногу, так, что кровь хлестала, как из зарезанной свиньи, кто оказал ему помощь?

Вмиг нашли лекаря, который – вот ведь ужас! – перед тем, как приступить к работе, тщательно вымыл руки грубым мылом, а потом так же тщательно промыл рану и только потом наложил какую-то мазь и забинтовал. Дал скатку бинтов, залитую воском, и строго-настрого приказал перед каждой перевязкой мыть руки и протирать их крепким вином.

Зачем?

Кардинал попытался расспросить толмача – и получил вежливый ответ.

«Государево распоряжение».

Да и сам толмач.

Кардинал уже понял, что часть их сопровождающих – государевы воспитанники, но как ни пытался он их разговорить, как ни расспрашивал про Дьяково – все было бесполезно.

По изворотливости его собеседники могли дать фору всему ордену иезуитов. Очень вежливо, очень корректно, очень безразлично они отвечали на любые вопросы так, что он не мог сложить целостную картину. В крайнем случае – притворялись, что не поняли вопроса, или их призывают дела, а допрашивать и давить кардинал опасался.

Странное это место – Русь.

Принцу тоже пришлось нелегко. Вначале.

Потом он сошелся с боярином, который, как и сам принц, обожал охоту – и тут боярин обронил, что после охоты очень душевно в баньку



сходить...

А вот про баню Евгений только что слышал. Бывать не доводилось.

Боярин только головой покачал – и пообещал гостю невиданные впечатления. В первом же городе, где они остановятся.

\* \* \*

Для принца Евгения наступило время потрясений.

Вы были в настоящей русской бане? А вот принц решился попробовать.

Сначала было жарко, дурно, странно с непривычки, но потом...

Это ощущение, когда проходятся по телу веником! Когда выходишь из парной и бросаешься в холодную воду, когда делаешь глоток ледяного кваса и расслаблено возлежишь на лавке...

Сначала – странно. Но потом, на следующее утро!

Евгений чувствовал себя так хорошо, как уже давно не приходилось, наверное, с начала путешествия и укоризненный взгляд кардинала, мол, непотребство творишь, чадо, уже не слишком его трогал. Непотребство?

Грех сладок, а человек падок! Определенно, русские знали толк в удовольствиях. Евгений подумал, что эта баня, наверное, по подобию тех самых знаменитых римских терм. Может, и римляне дураками не были?

В своем замке он обязательно устроит нечто подобное. Выпишет мастеров с Руси – и пусть работают. А как хорошо это расслабляет после охоты! Псовой, да с соколами, ах, какое чудесное чувство!

Правда, был и минус. Или плюс?

После бани погибли жестокой смертью все платяные звери, проживающие на принце. Что блохи, что вши не перенесли тягот парной – или снадобья, которым обильно натирались мужчины? Принц, правда, не подозревал, зачем, но и не протестовал, а боярин объяснять не стал, опасаясь вызвать дипломатический скандал. И вообще, блохастый принц на Руси – это почти подрыв авторитета царствующего дома. Хватит и блохастого кардинала. Там-то все ясно – не православный, значит – сам дурак. И со вшами. Вот.

Когда зарядили дожди, посольство было уже в Москве. Им отвели подворье и попросили подождать, как только государь сможет, так сразу их и примет.

Пришлось ждать.

– Ты уверена в своем брате?

Михаил нервничал, иначе в жизни не задал бы Марфе такого вопроса. Женщина только улыбнулась.

– Любимый, мой брат никогда нас не подведет.

– И все же... Папа Римский может многое.

– Мы же схизматики, что для нас тот Папа Римский.

– Мария...

Женщина пожала плечами. Мужа она любила и ценила, Михайла тоже платил ей взаимностью, но иногда...

Понятное дело, что в политике друзей не бывает, но кто будет более выгоден русскому царю? Его шурин – или какой-то там Папа, хоть бы и Римский? Да и отдавать Венгрию не хотелось.

Венгры сейчас принесли вассальную присягу Михайле, но сам по себе польский государь не удержит эту страну. Только с поддержкой русского царя.

А посольство туда отправлено.

И от Леопольда – тоже. Понятно же, о чем они будут говорить...

Михайла нервничал. Уже усилены были караулы во дворце, тщательно проверялась вся еда – мало ли! Не застрелят, так отравят!

Нервозности немало способствовали и грозные письма от Папы Римского. Впрямую в них угроз, конечно, не было, но подтекст прослеживался четко.

Михайле надлежало вернуть Венгрию законному владельцу и послать войска в поддержку Леопольда. Тот собрался идти воевать турок, вот и...

Ни первого, ни второго полякам решительно не хотелось, да и не нужно было. И венгры самим пригодятся, тем более, они народ благодарный и благородный, и помолвка уже заключена, так, что они с Ракоци, почитай, родственники, и вообще – сдались ему те турки? Раз сунулись, получили на орехи, второй подумают.

Вопрос стоял – как сделать так, чтобы и ничего не делать и ничего за это не было? По совету жены и с разрешения шурина, Михайла сослался на русского царя с коим у него союзный договор – и теперь сидел, как на иголках. Неприятно зависеть от чужого решения, зато так безопаснее. Марфа только посмеивалась про себя. Пусть и католик, но что-то Михайла мало доверялся святости Папы Римского, справедливо подозревая, что для того свой кошелек ближе к телу, чем чужая жизнь. А что?

Папе ведь уже отпустили все грехи. Вообще все. Значит – твори, что пожелаешь, ничто тебя не остановит, кроме твоей совести. Иного ли ее у власть имущих?

Разумеется, к власти приходят только самые честные! И самые порядочные!

Марфа усмехнулась своим мыслям, обняла мужа и постаралась успокоить его самым старым из известных женщинам способов. На какое-то время помогло.

Далее – оставалось ждать письма от Софьи.

\* \* \*

– Сначала примем принца, потом кардинала.

Тем более, что второй просил о частной аудиенции. В составе посольства их примут обоих, а вот частным образом...

Ох, знал Алексей, что Папа Римский свою игру крутит. Но участвовать-то придется!

Кстати, Евгений Савойский ему понравился. Было видно, что человек он военный и крутить не любит.

Представ перед царские очи, Евгений поклонился, произнес все положенные по церемониалу речи – и вручил государю послание от его величества императора Леопольда. Алексей Алексеевич милостиво пообещал ознакомиться и как можно скорее дать ответ.

Кардинал вручил свои верительные грамоты и так же был награжден милостивой улыбкой.

Сначала они втроем, с Софьей и Иваном, прочтут письма, потом подумают, что ответить и что требуется, а потом уж пригласят заинтересованных лиц на частную аудиенцию. Не обсуждать же государственную политику, считай, при всех?

Боярах, стражниках, слугах.... это неправильно.

## Глава 3

Илона Ракоци, сейчас уже Илона Текели, стояла на башне. Впрочем, разве важны фамилии? Это ее дети будут Ракоци и Текели, а в ее жилах навсегда будет течь только кровь древнего рода Зриньи. И видит Бог, она оказалась достойна своих предков!

Ветер трепал платье, играл густыми черными локонами...

Муж ушел в поход, она осталась ждать с детьми, таков удел женщины. Мужчины воюют, а она... ах, если бы она родилась мальчиком! Впрочем, что жалеть о несбыточном? Им с Имре и так удалось больше, чем ее отцу и мужу! В Венгрии будет, обязательно будет король из рода Ракоци! И пусть его жена будет русской – неважно! Перетерпим!

– Государыня!

Илона обернулась на тихий голос.

– Антонин?

Своих людей она знала и в лицо, и по именам. Всех, до самого последнего стражника и писаря, а Антонин был далеко не из последних. Начальник канцелярии... хотя Илоне он не слишком нравился. Не нравились его глаза, похожие на навозных жуков, прилизанные с помощью воска усы, слишком навязчивый запах духов...

– Что случилось, Антонин?

И так хороша была она в этот миг, горделивая, на фоне звездного неба, так величественна – и в то же время так по-женски беззащитна, осиянная звездным светом, что Антонин не выдержал.

Упал на колени, целуя подол платья своей королевы и страстно признаваясь в любви.

Да, именно так.

Он полюбил эту женщину, стоило только ему увидеть, как она стоит на башне и встречает гостей. Как, очаровательная, пригубляет из одного кубка с Имре, как смеется, запрокидывая голову, как нежно относится к своим детям, полюбил без меры и без памяти.

И – без взаимности.

Речь Антонина лилась сплошным потоком, он описывал свои чувства, сулил звезды с неба, умолял, просил, клялся...

Илона молчала. Сначала она была ошеломлена наглостью мужчины, потом же....

Любовь никогда не оставляет женщину равнодушной. Пусть ей не

нужен этот мужчина, но и оскорблять она его не хотела, слишком хорошо зная цену и обиде, и обиженной верности. Наконец Антонин замолчал – и Илона чуть коснулась его плеча.

– Встань, Антонин.

– Моя королева...

– Я уже немолода. Я замужем. У меня трое детей.

Судя по горящим глазам – это Антонина не остановило. В следующий миг Илону стиснули в объятиях, а к губам прижались жадные губы, напомнившие женщине двух жирных слизняков.

В тишине башни пушечным выстрелом прозвенела пощечина.

Антонин отшатнулся на миг, тут же дернулся вперед – схватить ее, объяснить, что она неправильно все поняла, но только с ним Илона может быть счастлива. Только он сможет дать ей – весь мир.

Поздно.

– Не смей никогда ко мне прикасаться. Убью.

Перед глазами мужчины сверкнуло лезвие кинжала. Держала его Илона очень умело – и в ход пустила бы, не раздумывая.

Илона ушла, оставляя за собой мужчину, чья любовь медленно перерастала в ненависть под звездным светом. Ишь ты, какая!

По-хорошему не хочешь!!?

Так ты еще умолять меня будешь!!!

\* \* \*

– И что у нас тут?

Первым было вскрыто письмо от Леопольда.

М-да, изворачивался венценосный коллега, что тот уж на сковородке. Писал, что Венгрия вообще-то исконно его владение и поддерживать смутьянов и бунтовщиков нехорошо, а то ведь и с русским государем такое может случиться. А помолвки... ну, вместо уже заключенных, Леопольд может поспособствовать... ведь и брат русского государя с невестой счастлив в Португалии?

Найдутся и другие женихи с невестами!

Так что не надо поддерживать поляков и венгров. Вместо этого можно употребить русские войска с большей пользой – воевать турок. Это дело богоугодное, нужное и важное. Для всех.

Алексей только фыркнул.

– Он думает, мы тут идиоты?

– Варвары. И что?  
– Обидно, знаешь ли...  
– Алеша, пусть нас считают идиотами, и недооценивают. В могилках раскаются!

– А кто их туда укладывать будет? По могилкам? – поинтересовался Иван.

Софья задумалась. Леопольда трогать... да можно! Но сложно и есть опасность засветиться! Такого ей точно не простят!

– Сам помрет рано или поздно.  
– И что нам делать, если поздно?  
– Тянуть время, – Софья пожала плечами, – а заодно заняться Эженом. Он, говорят, хороший полководец, хоть и молод. Приглядеться, познакомить его с паном Володыевским, с Воином Афанасьевичем, а то и вовсе в Крым убедить съездить. Чтобы посмотрел, как у нас там набег пышным цветом цветут.

– Леопольд, по-моему, на то и рассчитывает. Что я ему дам войска – и пойдет Эжен на османов через Крым, Молдавию и Валахию, аккуратно на соединение с Леопольдом. А по дороге и Венграм плохо придется. Моими руками, между прочим!

– Ну, рассчитывать-то не грех. А в остальном – до весны ему никуда не деться, а там посмотрим.

– Думаешь, до весны его удастся обработать?  
– Посмотрим, стоит ли он того, и сможем ли мы предложить ему больше. Может, проще завербовать, чтобы работал и на нас, и на них.

Софья не стала говорить, что молодой человек явно честолюбив. А честолюбие – это такая струнка, на которой можно сыграть любую мелодию. Вообще любую.

Только пообещай ему власть. А дать ли ее... ну, как повезет. Эжен не первым будет, кто останется служить на Руси. А что не русский...

Да тьфу на ту национальную принадлежность! Багратиону скажите, что он не русский, Пушкину, Беллинсгаузену, Крузенштерну, Далю... каких только корней у них не было, а родина – Русь! И точка! Неважно, что они еще не родились, Софья-то о них знала! И скажи неизвестный самоубийца этим людям, что они – не русские... Ха! Софья даже пожалела бы таких экспериментаторов. Недолго.

– Это то, на что он рассчитывает. А обещает он что?  
Ваня, как всегда, зрил в корень. Царь – не карась, да и тот на голый крючок не клюнет.

– Обещают нам... ну, что нам обещают? – Алексей еще раз пробежал

глазами письмо, чтобы точно ничего не упустить. – Выгодные браки для детей. Это первое. Трофеи от похода на турок. Ну и земли, если завоюем.

– Неубедительно.

– Так Леопольд же! Что он сейчас нам может дать, кроме обещаний? Под ним самим трон шатается!

Софья передернула плечами. Поддерживать Леопольда не хотелось, оставалось тянуть время. Раньше весны все равно никто никуда не пойдет, а там – видно будет.

– А Папа Римский?

– А у этого все намного интереснее. Ты же в курсе, что к нам за последнее время сбежала куча народа?

Софья фыркнула. Ей ли не быть в курсе? Сколько она ради этого пахала, сколько агентов рассылала, сколько умов вербовала...

– Во-от... Католики – в том числе. Ну и гугеноты. И Папа Римский пеняет, что это – нехорошо.

– Что они бегают?

– Что они без храмов.

Софья фыркнула.

– Да прямо уж без храмов? На каждом шагу храмы стоят.

– Не католические же...

– Ну, тогда несправедливо получается. Католикам мы храмы строить разрешаем, а гугенотам – нет? Или Папа за всех радуется?

– Нет, только за католиков. Просит, чтобы я разрешил, да и намекает, что Леопольду помочь – дело важное и нужное.

– Пффф... Давай отпишем, что это неполиткорректно.

– Что?

Софья чертыхнулась про себя. Вот ведь... иногда расслабишься – и вылезает эта чертова память! Как наслушаешься ахинеи, еще в двадцать первом веке...

– Ну, то есть неправильно. Мы – православные христиане, соответственно, если разрешать строить свои храмы католикам, то и гугенотов уважить надо, и мечети хорошо бы поставить, и капища... а что? Старым богам же до сих пор кое-кто поклоняется.

– Сонь, имей совесть.

– Но принцип-то именно такой. Если не давать никому – то никому и нельзя. Если одному разрешить – то и всем можно. Так что... никак мы не можем разрешить строительство чужих храмов на православной земле. Сам понять должен.

– А он и понимает. Но намекает, что Ванька у нас тоже вроде как

католиком считается...

Софья хрустнула суставами пальцев. Намекает, ага...

Вы не согласитесь, так я вашему братику жизнь попорчу, знаем, плавали. И ведь может попортить. Если Белла будет короноваться, если что-то и как-то... Папа Римский – серьезная величина. И просто так ему отказывать нельзя. Но и соглашаться – тоже.

Русь – православная. Точка.

Не то, чтобы Софья в свое время видела много разницы между разными ветвями религии – ее это вообще не интересовало, чай, не курс доллара и не индекс Доу-Джонса, но здесь и сейчас это было более чем серьезно. Речь ведь не о храме, нет. А о точке... вот именно, что точке!

И шпионы там собираться будут, и заговоры плестись, и иезуиты подтянутся, и вообще – Папе дай палец, так Ватикан руку по плечо отжует!

А вывернуться как?

Оставалось только вздохнуть.

– Давайте потянем время? Все-таки у нас не корову просят...

И Алексей, и Иван были согласны. Подождем немного, до весны все равно ни войны, ни поездок не предвидится, а там... кто знает? Найдем и как поторговаться, и что запросить! Найдем!

Да, и оповестить союзников. Если не удастся ничего сделать ни с принцем, ни с кардиналом... а кто сказал, что с ними не может ничего случиться *потом*?!

Шел командир, впереди войска, а тут раздался выстрел, пуля просвистела, и командир, как скошенный, упал...

Где-нибудь в Крыму, чтобы войску далеко ходить не пришлось, или уже на землях Венгрии, или Хорватии... да смотря, как пойдут войска. Жаль мальчишку, талантливый парень, но своя шкурка ближе к телу.

\* \* \*

Антонин мрачно наливался пивом в корчме.

Сука!

Вот ведь... он бы для нее, а она...

Стерва, гадина... с-старуха!!!

Увы, обругать Илону не получалось. Стоило прикрыть веки – и вот она вновь стоит перед глазами. Тонкая, гордая, изящная, невыразимо красивая на фоне звездного неба, как ни убеждай себя, что это самообман – но любишь!



Или уже ненавидишь?

Антонин и сам не знал ответа. Любовь, да еще отвергнутая, давала простор для предположений, то стискивая когтистой лапкой сердце, то радостно плеская вина в костер ненависти.

А ведь он и дальше будет служить в Мукачево, видеть ее каждый день, а потом приедет ее муж...

Антонин аж взвыл, представляя, как они будут ложиться вместе в постель, как Имре... да чем он лучше него!?

Никогда этот Текели не любил и не будет так любить Илону, как он, Антонин! Никто не будет!

За печальными размышлениями, Антонин и не заметил, как к нему за стол скользнул неприметный такой человек.

– Позвольте, господин, составить вам компанию?

Антонин поднял мутные от хмеля глаза.

– А ты кто такой?

– Ваш друг, господин. Только друг...

– Нет у меня друзей. Вот...

– Конечно, есть.

Как-то незаметно на столе появился кувшин с вином, наполнились кубки, разговор пошел свободнее, сначала о друзьях, потом о женщинах – и как тут было не пожаловаться такому внимательному и умному собеседнику?

Надо, надо пожаловаться!

Слово за слово, кубок за кубком, Антонин выложил все. И про любовь, и про пощечину – и встретил сочувствие и понимание. И... предложение помощи?

Ну да. Хочешь ты эту стерву?

Так возьми!

Есть одна вещь, ради которой любая женщина украдет, убьет, сделает что угодно – ее ребенок. В обмен на сына или дочь, Илона Зриньи пойдет куда угодно.

С этим Антонин был согласен. Как Илона любила своих детей...

Сердце бы из своей груди вырвать позволила раньше, чем дать волоску с их головы упасть. Любила без меры и без памяти... а ведь и правда...

Антонин спал на столе – и в пьяном сне ему виделось, как Илона раскаивается, глядя на него. Она была так неправа, отвергнув его любовь, она была...

А «друг» тихо растворился в ночи, кивнув кабатчику. Словно его здесь и не было. И если бы кто-то заглянул ему под одежду, увидел бы там

католический крестик.

Илона была протестанткой. Естественно, она поддерживала свою религию, прижимая самых наглых священников, католическая церковь теряла свое влияние на землях Венгрии...

А иезуитам это было поперек горла. Наглую женщину предстояло проучить так, чтобы другим впредь неповадно было!

\* \* \*

– Госпожа...

Илона смотрела на Прокопия Аввакумовича с легкой улыбкой.

– Письмо от государя русского?

Ответом ей стал низкий поклон.

Илона быстро сломала печать на конверте, вчиталась, потом медленно положила письмо на стол, потеряла виски, словно внезапно у нее заболела голова.

Еще раз взяла письмо и прочитала. Уже внимательно, каждое слово.

Подняла глаза на Прокопия.

– Государь велел мне что-то передать на словах?

– Да. Что политика диктует подлые решения, но своих он никогда не предавал и не предаст.

– А свои ли мы?

– А разве нет, госпожа? – улыбка мужчины была в нужной мере тонкой и понимающей. Но не панибратской, ни в коем случае не наглой...

Просто сошлись двое умных людей.

– Ваш сын с русской царевной помолвлен, дочь – с польским королевичем, считай, три страны рядом стоят. Грех им вместе-то не быть! Конечно, свои вы для государя. А вот те – кивок в сторону, в которой, Илона знала, располагалась Австрия, – нет. Просто надо подумать, как бы так сделать, чтобы на себе вины не иметь.

Илона перевела дух.

Кажется, все не так страшно, как она возомнила.

Ну, Леопольд. И что?

А вот то.

Казненный отец. Убитый брат. Погибший от руки Леопольда (плевать, что не сам травил, приказ-то он отдавал!) муж. И – дети, ее дети...

Про Имре Илона сейчас и не подумала – предводитель куруцев сам был зубастым и хищным. И кто кого еще сожрет, если дойдет до дела.

– Что хочет делать русский государь?

Илона отчетливо понимала, что если дать Евгению Савойскому военную силу, то... куда будет направлен первый удар?

На турок ли?

Или на ее земли?!

Вполне возможно, что второе, особенно с подачи иезуитов...

– Тянуть время. Но возможны... проблемы.

Это Илона понимала.

– Я буду настороже. Обещаю.

Она сегодня же напишет Имре. И русскому государю. И...

– Вы побудете здесь еще пару дней?

– Да, госпожа.

– И я бы хотела, чтобы вы составили мне компанию. Расскажите мне о русской царевне Наталье?

Прокопий повиновался с готовностью. А почему бы и не рассказать? Малышка была очаровательна. Золото волос, синева глаз, добрый и покладистый материнский характер, отличное образование... да уж найдется, что рассказать!

Так и вышло, что к обеду Илона спустилась в сопровождении Прокопия, не замечая потемневших от ярости глаз Антонина.

Значит, ему нельзя, а какой-то бродячий фигляр, шут, скоморох, тварь презренная и низкая... ему – можно!?

Мечь!

Кровная мечь!!!

\* \* \*

Ярость Антонина была так сильна, что долго ждать он не мог. Не прошло и четырех часов...

Илона как раз была на кухне, когда к ней примчалась испуганная служанка.

– Госпожа!!! Дети!!!

Илона побелела, словно мел – и метнулась в детскую, где ее и ожидало страшное зрелище.

Ее дети, все трое, стонали от боли, хватаясь за животы. Ферека рвало, малышка Жужанна билась в припадке, изо рта у нее шла пена...

– Боже...

Кто бы осудил несчастную мать?

На миг, только лишь миг, Илона потеряла над собой контроль, колени подкосились, по замку понесся вой раненой волчицы...

Резкая пощечина оборвала ее крик.

Стражники бросились к Прокопию – и тут же разлетелись в разные стороны, а мужчина уже склонился над детьми. Коснулся лица Юлианы, оттянул ей веко, зачем-то поводил рукой перед лицом...

– Не трогать! – остановила стражников Илона.

Пощечина оказала воистину волшебное действие. Женщина понимала, что детей отравили, но каким ядом?

Что, как... она не знала. Лекарь?

А можно ли ему доверять? И где этот негодяй!?

А вот посланник русского государя, который сейчас так уверенно что-то спрашивает у Ферека, поворачивая тому голову набок, чтобы мальчик не захлебнулся рвотой...

– Воды сюда! И чай покрепче!

Служанку вихрем снесло по лестнице. А Прокопий уже доставал из кармана какой-то пакетик.

– Мало, черт побери, слишком мало! Ну, ничего... Бог милостив... – и на слугу, который придерживал бьющуюся в судорогах Жужанну. – Зубы ей разожми, идиот! Еще не хватало, чтобы ребенок язык себе откусил! Да голову набок поверни, а то захлебнется, не ровен час!

– Что...

Илона не знала, что спросить первым. Что это? Что с детьми? Что делает Прокопий? Но мужчина понял.

– Это цикута. Нас учили. Если успеем вовремя – выживут. Молитесь, Бог милостив.

Илона не стала падать на колени и взывать к иконам. Села рядом с Фереком, погладила его по кудрявым волосам.

– Спасите моих детей...

И столько было в этих словах...

Если не будет их, так и Илоне жить незачем.

Прокопий ловко перехватил из рук служанки кувшин с водой, сделал глоток, прислушался к ощущениям.

– Чисто... Пей!

Ферека Илона поила сама. Юлиана, слава Богу, была в сознании – и пила воду большими глотками.

– Затошнит – блюйте!

Прокопий пытался напоить Жужанну, но девочка была самой маленькой, плюс припадок – большая часть воды выливалась наружу.

Все же мужчина не сдавался. Спустя десять минут и громадное количество выпитой и изbleванной воды, он осторожно развернул пакетик из провощенной бумаги.

– Дайте детям.

Илона приняла из рук посланника какие-то странные кусочки черного цвета.

– Что это?

– Это внутрь. Съесть. Впитает яд, если он там остался.

Илона протянула несколько кусочков Юлиане, Фереку, осторожно придерживая, чтобы проглотили.

На Руси уже умели изготавливать активированный уголь. Да и несложно это – прокалить в нужной посуде, да без воздуха, а потом хранить как можно герметичнее, воском залить, чтобы не попортился...

Дети кривились, но ели. Запивали водой, скрипели зубами, да уж, не шоколад, но – надо.

Потом настал черед горячего крепкого чая, благо, он был у Илоны.

Спустя шесть часов стало ясно, что опасность миновала.

Для Ферека и Юлианы.

А малышка Жужанна...

Илона не молилась, сил не было. Она видела, что Прокопий делал все возможное для девочки. Но Ферек и Юлиана были старше, доза яда получилась меньше, а вот малышка...

Справится ли ее организм?

Этого сказать не мог никто. Потянулись часы... старшие дети отказались куда-нибудь уходить и просили оставить их рядом с сестрой – Илона разрешила.

Она потом подумает, откуда взялся яд.

Потом, потом...

Впрочем, за нее уже подумал капитан замковой стражи, Андрей Радич. И к вечеру...

– Госпожа...

Илона подняла глаза на капитана.

– Это не подождет?

– Этот... уверяет, что у него есть противоядие.

Капитан держал за шкурку Антонина Облонского. По штанам писаря расплывалось мокрое пятно – Андрей был страшен в эту минуту.

– Противоядие?!

Илона взлетела с колен птицы. Схватила пузырек из темного стекла, бросилась к Жужанне... сильная ладонь Прокопия как-то так перехватила

кисть женщины, что пузырек оказался у него в руке.

– Противоядие, говоришь? А как по мне, – мужчина принялся к содержимому, лизнул краешек флакона и тут же быстро сплюнул, – та же цикута.

– Яд!?

Лицо Илоны стало таким... куда там несчастной Горгоне Медузе! Та лишь окаменяла взглядом. Эта же способна была и испепелять.

– В пыточную его! Да следить, чтобы не сдох раньше времени!

Вот уж это приказание Андрей исполнил с радостью. В замке любили и госпожу, и ее детей, а малышка Жужанна вообще была светлым солнышком, которое обожали все – вплоть до собак на заднем дворе...

И отравителя не ждало ничего хорошего.\*

**\* в реальности Антонин Облонский во время осады замка Мукачево, отравил колодец с питьевой водой, чтобы заставить Илону сдаться – и замок пал. Причина, впрочем, та же. Любовь-с безответная. Прим. авт.**

\* \* \*

«Солнышко» закатилось под утро.

Илона до последнего держала дочь за руку, плакала, умоляла не уходить, но тонкие пальчики в ее ладони неумолимо холодели, повергая женщину в отчаяние.

Они сделали все, что смогли, но этого оказалось мало, мало...

За плечи женщину обнимал Прокопий, которого как-то враз признали все обитатели замка. Никому бы не спустили, а ему... ему сейчас все было можно. Все понимали, что кабы не этот менестрель, пришлось бы им троих отпевать.

– Ей не было больно, – шепнул он, – закрывая малышке глаза. – Говорят, этим ядом отравился Сократ. Это просто... холодно.

И все же, по щеке мужчины тоже сбежала слезинка. Присутствующие сделали вид, что ничего не было – страшно было смотреть, как плачет сильный мужчина. И «не заметили», как он перекрестил тело малышки на православный лад и зашептал молитву на русском языке.

Нет, никак не заметили...

Илона слушала с каменным лицом, а когда Прокопий закончил, коснулась его плеча.

– Цикута?

В дверях чуть кашлянул Андрей Радич.

– Антонин сознался, госпожа...

История была проста. Писарь получил возможность стать героем в глазах своей госпожи... или отомстить? Он и сам не знал, чего желал более.

Отрава была подлита им в кувшин со сладким ягодным взваром, который давали детям, а противоядие он собирался дать спустя час, когда Илона испытала бы настоящее отчаяние. Тем больше она ценила бы спасителя детей.

Но подвернулся мерзкий менестрель...

Да и противоядие было тем же ядом, так что дети умерли бы на месте. А разгневанная Илона, или слуги тут же свернули бы подонку шею. И – обрубив последнюю возможность узнать истинного виновника.

Сейчас же...

Андрей уже побывал в том кабаке, уже допросил всех, кого мог – и достаточно быстро нашел «друга». Жил сей достойный человек при католическом монастыре и был австрийцем. Коренным, из Вены...

За яд стоило сказать большое спасибо Леопольду, благо, императору не впервые было травить неугодных людей. Ой, не впервые...

Признания всех замешанных в это дело, были записаны, засвидетельствованы – и Прокопий собрался на Русь. Отвезти их государю.

Эти свитки меняли многое в мировой политике, очень многое.

Илона не плакала на могиле дочери, как и спешно примчавшийся Имре. Они уже знали, что потом планировали сделать с ними. Политика – это грязь?

Кто бы спорил.

После смерти детей, Илона или отравилась бы, или кинулась вниз головой с башни замка – тут уж как повезет. Имре ненадолго пережил бы жену. И не таких в спину убивали.

С этой секунды не было у Австрии более страшного врага. Более непримиримого и ненавидящего.

Есть вещи, которые не стоит делать, потому что их не смогут простить.

Ни человеку, сотворившему зло, ни его потомкам.

\* \* \*

Узнав о случившемся, Софья только головой покачала. Ну надо ж так подставиться? Хотя идея была неплохая, исполнение подкачало.

Лишись Венгрия сейчас своего знамени – Зриньи, Ракоци, Текели –

там начнется бардак. Передел территорий, определенно, склоки между знатью, в это время очень удобно ввести «миротворческую дружескую помощь» и так прогнуть под себя страну, чтобы там и пикнуть не посмели.

Не повезло Леопольду. Хотя его ли это слуга, или кто-то из местных решил интриговать, или...

Да это уже неважно!

Не за то бьют, что украл, а за то, что попался. Софье решительно не хотелось влезать в войну с турками на стороне Вены. Алексею тоже туда не хотелось – и повод был просто отличным.

Сообщения полетели по всем странам, по газетам, по рыночным площадям...

А Алексей Алексеевич пригласил к себе его высочество Эжена Савойского. И вежливо высказался на эту тему.

Все понятно, политика, жестокость, коварство... Но покушение на членов моей семьи?

Одной рукой Леопольд просит у меня помощи, а второй – покушается на мою семью?

Робкие возражения Эжена, что на минутку, Ракоци пока еще не семья, были отменены взмахом царственной длани. Ну, не семья. Но помолвка-то уже! Подписи стоят, печати висят... сам факт пока не состоялся? Так и жених, и невеста маловаты еще, но как только – так сразу же!

И вообще, где гарантия, что Леопольд потом такое и с русским государем не провернет?

Нет гарантии.

А еще...

Есть вещи, которые Алексей Алексеевич Романов делать не будет. Хватит ему и греха предков, который искупать еще пару веков придется. Какой?

Да сын Марины Мнишек и Лжедмитрия.

Дед Алексея, Михаил Романов, отдал приказ о его казни. Маленького ребенка! Почти как Жужанна Текели... Хватит!

Лично Алексей не готов взвалить *такое* на потомков.

Эжен кивал и поддакивал. Ну... он бы смог, он подозревал, что и русскому государю было бы все равно, сколько там детей перемрет, но... Эжен был неглуп. И отчетливо понимал, что Алексею Алексеевичу здесь и сейчас эта война не нужна.

Хотя зачем приглашали именно его – непонятно. Но обидно.

Дочь Леопольда ему теперь не достанется, император прогневается – и мало озаботит Леопольда тот факт, что не Эжен провалил порученную



миссию.

Но Алексей Алексеевич не торопился отсылать посла обратно. Вместо этого он смотрел, думал, а потом поинтересовался:

– Скажите, Эжен, а как вы видите свое будущее?

Как его видел Савойский?

С удачным браком побороться за кусок земли, что тут непонятного. Правда, сейчас это будет намного сложнее, но – вдруг?

Алексей выслушал принца, подумал, а потом сделал ему простое такое предложение. Нет, не русской царевны в жены. И не службы на благо Руси.

Своих талантов хватает.

Но и от этого предложения Евгений отказаться не смог.

Ты хочешь корону? Ты можешь ее отвоевать с нашей помощью. Когда Карлос умрет, скорее всего, не оставив детей, начнется война за испанское наследство. И ты можешь в ней поучаствовать.

Есть Бельгия.

Есть Люксембург.

Хочешь?

Хотел ли Евгений?

Да, и желательно прямо сейчас. Но отчетливо понимал, что земли в Европе поделены. Что стать наместником где-нибудь в Венгрии ему сейчас точно не удастся. И что синица в руках покамест лучше журавля в небе. Намного лучше.

Это – работа на перспективу, но русские обещают хоть что-то. Сдержат ли они свое слово – Бог весть, но здесь и сейчас... за десять лет много воды утечет. Может, у них и будет возможность как-то повлиять на ситуацию, все-таки, Испания, Португалия... не просто ж так там находятся члены русской королевской семьи? И все же, все же...

– Я понимаю, зачем это нужно мне, государь. Но зачем это нужно вам?

Алексей Алексеевич посмотрел на Евгения. И принц словно впервые увидел темные тени под синими глазами, морщины на высоком лбу, усталую складку в уголках рта...

– Я уверен, что война начнется. Посмотри, Эжен, вот карта...

Мужчины прошли к макету Европы, искусно вырезанному из дерева, раскрашенному, с обозначением границ, гор, рек... мастера постарались.

Мужчины склонились над макетом. Алексей взял лежащую рядом указку.

– Эти земли... Людовик на них зарится давно и всерьез. Но если он получит и то, и другое... не много ли будет королю-солнце?

О, вот Людовика Эжен не любил. Ни капельки. За французским

королем числился долг еще за мать, между прочим...

– Испанцам их не удержать. А нам будет выгоднее лояльное государство, а не сателлит Людовика. К тому же моя сестра сейчас в Пруссии, вторая – в Испании, а я обязан поддержать родных.

Это Эжен понимал. Но... гарантии?

Алексей Алексеевич только рассмеялся.

Гарантии?

А что они сейчас могут гарантировать друг другу? Это – дележка шкуры неубитого медведя, так-то. А зверик пока еще жив и достаточно опасен. Вот пять-шесть лет спустя, или сколько там еще Карлос протянет... вообще, после смерти любимой жены он сильно сдал – там да, речь пойдет и о гарантиях, и о многом другом. А пока – что они могут дать друг другу?

Эжен может быть безусловно лоялен к Руси.

Шпионить?

Простите, принц, вы себя переоцениваете. Или думаете, у Руси шпионов нет? Некому заняться? Еще как есть. Но в какой-то момент вы можете высказаться в пользу Руси, а можете и во вред ей. Вот второго и хотелось бы избежать.

С другой стороны, Русь тоже может или поддержать... или не поддержать вас в нужный момент. Деньгами, войском, да и просто связями.

Хотите – поработаем вместе. Не хотите – воля ваша, до весны у вас еще есть время решиться или отказаться. Неволить никто не будет.

Да, и предлагать выгодный брак, или кучу денег и кусок земли – тоже. Сначала докажите, что вы на что-то способны.

От государя Евгений ушел сильно озадаченным. Ему было над чем подумать.

\* \* \*

– Какой ужас! Луи, любовь моя, ведь это они могли сделать с любым ребенком! И с нашим, если Бог пошлет нам сына!

Людовик и Анна прогуливались в Марли. Придворные взирали завистливыми глазами, не смея приблизиться.

– С нашими детьми этого не случится, мадам. Я сумею защитить их, обещаю.

– О, я верю вам, Луи. Но мне страшно... я так боюсь за малыша Карла...

– Он в полной безопасности, как будут и наши дети, Мадам.

– О, я верю вам, Луи, верю. Если Вы не сможете защитить детей, то кто сможет это сделать?

– У нас будет ребенок, Мадам?

– Я буду молиться о чуде.

– Мы обязательно помолимся вместе, – Людовик многозначительно улыбался. – Сегодня же вечером.

Анна мысленно скривилась, но улыбка е была по-прежнему очаровательной.

– Я так счастлива с вами, Луи. В Англии я никогда не была в безопасности до конца. А вы, словно солнце, согреваете меня своим теплом – и я расцветаю под лучами вашего внимания.

– Я сделаю все, чтобы вы чувствовали себя в безопасности, дорогая мадам.

– Я так счастлива рядом с вами, Луи, что мне совестно, ведь я знаю, что в моей родной несчастной Англии опять назревают беспорядки.

Людовик усмехнулся.

– Да, что-то такое там собирается.

Монмут оказался достаточно бездарным правителем. Пока рядом с ним были умные советники, он еще как-то сдерживался, а последнее время...

Словно он забыл, что казна пуста, что страна разорена, что Смутное время – оно не обязательно бывает на Руси, что у него хватает соперников...

Пуритане начинали роптать.

Пока еще тихо, но французское золото и французское оружие творило чудеса. Скоро, очень скоро, Англия полыхнет.

Людовик отчетливо понимал, что Карл пока еще слишком мал, но воевать начать можно уже сейчас. Равно, как и растить из мальчишки хорошего профранцузского правителя. Когда малыш вырастет и захочет вернуть себе трон, ему должна достаться страна, у которой не останется сил для сопротивления. А в идеале, чтобы Англия стала верным вассалом Франции. Ее сателлитом, тенью, отражением – хватит этих войн, которые выматывают уже не одно поколение французских королей!

– Это ведь вы, Луи? Правда?

Людовик снисходительно улыбнулся любимой женщине и получил новую порцию восхвалений. Анна привычно восхищалась, ахала и хлопала глазами, а сама прикидывала, что надо бы побывать на ближайшем заседании Государственного совета, благо Людовик даровал ей право сидеть даже в присутствии монарха. Хотя как вдовствующая королева она

все равно имеет право...

Но надо быть очень осторожной. И так принцы и принцессы крови смотрят на нее крайне неодобрительно, особенно внук Людовика.

Впрочем, ей есть куда отступить.

Анна улыбнулась королю, который взирал на нее с умилением, но видела она сейчас не Людовика. Словно живые, перед глазами плыли золотые купола церквей, белые стволы берез, синие реки... Русь. Любимая и родная. Пока недостижимая, но если Анна пожелает...

Это помогло.

Улыбка женщины стала просто ослепительной.

– О, Луи...

И Людовик Четырнадцатый улыбнулся в ответ. Он ни минуты не жалел о своем тайном браке. Рядом с Анной он чувствовал себя таким молодым...

\* \* \*

– Карлос, тебе надо жениться вторично.

– Разве в этом есть смысл, дорогой брат?

– Смысл есть всегда, – Мария улыбнулась юноше. – Семья – это прекрасно.

– После моей милой Марии Луизы...

– Но нельзя же горевать вечно? К тому же, ты должен иметь детей...

– Ох, Хуан... разве твоих малышей нам недостаточно? Наш род будет продолжен – это уже чудесно.

– Ты же знаешь – они дети бастарда.

– Да, но и русской принцессы, это немаловажно.

– Людовика это не остановит. Да и никого другого. Карлос, ты должен попытаться.

Король Испании печально опустил плечи.

– Хуан, лекари не дают мне надежды...

– А ты меньше слушай эти клистирные трубки. Лучше посмотри сюда?

Девушка на портрете была очаровательна. Высокая, с молочно-белой кожей и рыжеватыми волосами. С первого взгляда.

А потом становились видны и капризные губы, и злые глаза... художник приукрасил все, что мог, но отразить на портрете добрую душу ему не удалось. За отсутствием доброты в оной душе.

– Кто это?

– Мария-Анна Пфальц-Нейбургская.

Карлос поник головой, словно цветок маргаритки. Мария посмотрела с сочувствием.

Обязанность короля – жениться и размножаться. Но как быть, если первое ты не хочешь, а второе не можешь?

Бедный Карлос.

Дон Хуан это тоже понимал, но политика требовала. Так что вскоре договор о браке был подписан.

\* \* \*

Нельзя сказать, что кардинал Руффо вышел от его величества довольным и счастливым. Скорее, наоборот.

А так хорошо все начиналось!

Визит в Кремль был тайным – секретарь государя объяснил кардиналу, что если обставлять все официально, то церемоний будет много, а вот поговорить-то и не дадут. Кардинал согласился – и вечером за ним приехал возок, который и заскользил по улицам Москвы.

А красиво тут все-таки...

Кремль тоже был красив. Не так, как Рим или Париж, которые кардинал любил всей душой, но достаточно, чтобы привлекать внимание. Этот странный сплав византийской роскоши и делового аскетизма! Стены, обитые тисненной золотом кожей – и в то же время очень простой рабочий стол государя и шкафы для бумаг без всяких завитушек и позолоты. Роскошные ковры – и простенькая чернильница из серебра.

Да и сам Алексей Алексеевич производил странное впечатление. Здесь и сейчас, в своем кабинете, было видно, что он молод, но устал. Безумно устал от тяжести короны. Впрочем, короны на нем как раз и не было. И пышных одежд – тоже. Штаны, кафтан, рубаха – кардинал знал, во что одеваются русские. Поражала простота одежд его величества. Ни золота, ни драгоценных камней, ни кружев, ни перьев – ничего!

Дорогая ткань, темная вышивка по воротнику и манжетам – и все. Как бы кардинальская ряса не выглядела роскошнее наряда короля. Уж украшений на кардинале точно было больше – русский государь не надел даже корону, показывая, что все неофициально. Этакая милая, почти семейная беседа.

– Вы не возражаете, кардинал, если при нашем разговоре будет

присутствовать моя сестра?

Вопрос был чисто риторическим. Да и то, после Франции, где Людовика повсюду сопровождала его новая фаворитка, после Испании... что удивительного?

Разве что – не жена. Но о роли царевны Софьи ходило много сплетен.

Кардинал поклонился.

– Ваше величество, ваша воля – закон. Ваше высочество...

И, будучи мужчиной, склонился над изящно протянутой ему рукой царевны.

Какая она – Софья?

Тридцать с лишним лет – возраст старости для женщины в Европе, это так. Но царевне никто не дал бы ее возраста. Стройная фигура, простая темная одежда, впрочем, целомудренно закрывающая все, что нужно – ни вырезов, ни украшений, пара колец на руках и венец на темных волосах. И то – скорее показатель статуса. Гладкое лицо, темные брови вразлет, яркие темные глаза – брат и сестра не слишком похожи друг на друга, если первый может быть олицетворением мужской красоты, то вторая даже не пытается себя чем-то украсить, и в то же время...

Поставь их рядом – и почувствуешь породу.

В повороте головы, в движениях рук, в улыбках – эти двое одной крови. И иначе тут не скажешь.

– Мы обдумали предложение Святого Престола. И склонны пойти на некоторые уступки, – Алексей Алексеевич скромно умолчал, что сначала хотел гнать кардинала чуть ли не палкой – много таких умных!

Кардинал насторожился. После развернувшегося скандала в Венгрии, он ничего хорошего не ожидал. Миссия, которая могла стать для него ступенькой вверх, грозила обернуться хорошим таким ледяным катком, по которому он и скатился бы вниз. А не хотелось...

Зря он, что ли, ехал к этим варварам?

Но если...

Итог оказался куда как лучше, чем рассчитывал кардинал.

Католическим храмам на Руси – быть. Правда, их будет не так много, они будут открыты только в строго определенных местах и, конечно, в них должны будут служить только благонадежные люди. Малейшее подстрекательство, крохотный намек на рознь... ну, вы же помните, как закончил свою жизнь Симеон Полоцкий?

Кардинал помнил. И бросил осторожный взгляд на царевну – не обидится ли? А то по Европе такие слухи о ней ходят после того случая – чуть ли она не кровь несчастного пила, или проклятие насылала... Царевна

безмятежно улыбалась.

Неожиданно для кардинала, она оказалась очаровательной собеседницей. В меру ироничной, умной, образованной...

Чудовище?

Если кто-то боится умных женщин – безусловно! Страшные существа! А слух о том, что страной управляет царевна и вовсе к концу визита показался кардиналу нелепым. Как и любой священник, достигший определенных высот, он неплохо разбирался в людях. И мог определить, что главный в этой паре – государь. Царевна же покорно следовала за братом, исполняя его волю.

Безусловно, она могла советовать, подсказывать, но решение оставалось за Алексеем Алексеевичем.

А условие было простым.

Хотите?

Открывайте миссии на Руси.

И мы обещаем, что их не тронут, не будут громить, будут относиться уважительно... пока вы будете обеспечивать то же самое для наших миссий.

Вы хотите проповедовать католичество в Москве? Тогда разрешите и православным появляться в Риме. Ну, не обязательно Рим. Мадрид, Париж, Вена...

Нельзя сказать, что это порадовало кардинала, но определенно, было лучше, чем ничего. Хоть так-то...

\* \* \*

Когда за визитером закрылась дверь, Алексей и Софья переглянулись.

– Как ты думаешь – согласятся?

– Уверена. Поломаются, но – придут. Они к нам, мы к ним, только вот от нас всяко пользы больше будет. Потому что наши люди будут лечить, учить, помогать...

– А безопасность им гарантирует Святой престол.

– Именно.

– Да и ты...

– Перестану выглядеть в глазах католиков чудовищем? Это вряд ли. Но хотя бы убедятся, что я не ведьма.

– Слухи распускать не перестанут?

– Уверена. Но верхушка будет знать «правду», а больше нам и не

нужно. Может, до отъезда, я еще пару раз побеседую с кардиналом – пусть уверится в своих предположениях.

Алексей одарил сестру улыбкой.

– Делай, как знаешь.

Софья кивнула.

Она вообще собиралась создать нечто вроде Святейшего Синода. Не совсем то, что создал Петр, не нужно им такое под боком, но некий церковный орган, который будет ведать храмами – запросто! Пусть решают, где можно ставить храмы, где нельзя, сколько за это взять, с кого взять... с иноземцев, например! Братъ, братъ и еще раз братъ! И кстати, финансировать на эти деньги строительство православных храмов за рубежом. Не на свои ж строиться?

Дорого это.

А тут как удачно. Хочешь костел? Плати, гад! И местечко мы тебе хорошее выберем, в болотистой низинке, чтобы у тебя по ночам в кровати лягушки с карасями плавали, а музыка сопровождалась комариным аккомпанементом. А захочешь перенести костел или новый построить – опять плати! Втрое! И взятки, взятки не забудь!

А то Ваня плачется, что в казне на войну не хватает...

Надо драть с иноземцев, надо!

Особенно в преддверии решительного штурма Швеции. Настоящая вялотекущая война, наполовину из партизан, наполовину из пограничных стычек, плюс куча мелких пакостей надоела Руси хуже зубной боли. Надо было договариваться с Кристианом – и решительно рвать Швецию на запчасти. Да так, чтобы Карл потом сидел где-нибудь – и чихнуть боялся.

Фиг вам, а не Полтава! Найдет Пушкин про что написать, если родится в этом мире!

Алексее придется уехать, чтобы окончательно додавить Карла, это минимум полгода. Минимум! С ним поедет, кстати, и Иван Морозов. Все это время страной будет править его «группа поддержки». Регентом при царевиче будет Ульрика, это естественно. Но реальная власть будет у Софьи, Ромодановского, Аввакума, Ордина-Нащокина, который, хоть и постарел, но ни остроты ума, ни хватки не потерял...

Понравится ли это Папе?

Понравится. Ему вообще понравятся любые гадости для лютеран, как-никак на его монополию покушаются. А тут как хорошо, два некаатолика рвут друг друга на радость Престолу. Но куда больше ему бы понравилось, если бы Русь оказала поддержку Леопольду и пошла гонять турок. Без прибыли и толка для себя.



Нет уж.

От турок они что могли оторвали, на ближайшие лет десять – хватит. Пусть Разин и Мельин поддерживают равновесие в Крыму, чтобы мусульмане там не разгулялись, а Алексею надо разобраться с севером. Присоединить еще земли, сколько удастся, закрепиться на море, и вообще – зачем Карлу флот?

Перебьется без флота!

Кристиан это очень одобрял, прусский курфюрст тоже готов был помочь, чем может... вдвоем они порвут Карла на тряпки.

А вот чтобы в столице было тихо...

Нет, Софья не боялась. Но и рисковать не хотела. Сейчас она выводила из-под удара свою семью.

Она – просто сестра. Нет смысла угрожать ее близким.

– Уля опять беременна.

– Алешка, это же замечательно!

– Вы-то с Ваней не думаете? Еще парочку?

– Троих – мало?

– Нас у матери побольше было.

– И умерла она родами, – помрачнела Софья. – Нет, Алеша. Мне троих хватит. Ребята умные, Аленка за мной тянется – что еще надо?

– Ну... Ваня бы порадовался?

Софья махнула рукой. Рожать ей больше не хотелось. Главное ж не нарожать, главное – воспитать! И почему она в той жизни не понимала этой истины?

\* \* \*

Какой может быть реакция родителей, потерявших ребенка?

Да разной.

Можно плакать, молиться, пребывать в депрессии и даже биться головой об стену, если последней не жалко – на выбор.

Еще как можно.

Но это когда родители – обычные люди.

А когда они – правители?

Да еще из семьи Зриньи и Текели?

А вот тут – простите. Титул обязывает, и еще как обязывает. Там, где обычный человек может пойти на поводу у своих чувств, правитель обязан держать лицо и просчитывать каждый шаг, потому как малейшая

неосторожность дорого обойдется его стране.

Илона это понимала.

Сквозь горе, боль, тоску... да, и Прокопий Аввакумович тут тоже добавил свои пять копеек, убеждая сначала связаться с русским государем. А уж потом решать как мстить и когда.

Венгрия взбурлила, словно котел с ведьминым варевом. И как не хотелось Имре броситься вперед в порыве мести и горя, пришлось успокаивать народ.

Илона потемнела от горя.

Она держалась, она по-прежнему была ласкова и милостива, она даже улыбалась на виду у людей, но в черных волосах проскользнули первые ниточки седины. А чего ей стоило удержать мужа и детей...

Да, и детей тоже.

Фереку не понравилось, что его хотели отравить. А характером сын пошел в отца. Да и в нее саму...

Каково это – терять дочь?

Илона пережила это трижды. Она умирала тогда, с каждым из своих детей умирала, и то, что два раза этого не произошло... а легче ли?!

Есть ли разница – руки ты лишишься, ноги... ты все равно уже не целый. Тебе все равно больно и ты истекаешь кровью. А приходится держать голову повыше и никому, ни словом, ни жестом не дать понять, что за ад у тебя внутри.

Если бы все ее дети умерли, она бы умерла тоже. Смерть стала бы для нее милосердием.

Но и так...

Малышка Жужанна, такая добрая, ласковая, чистая...

Илона страстно желала мести! И так же страстно молилась за Леопольда... чтоб он сдох, скотина! В мучениях!

Или чтоб дети его так же...

Нехорошо такого желать?

А делать такое? Чужих детей травить можно?!

Вот и не надо тогда говорить....

Пусть тот, кто пережил подобное горе, говорит про подставленную вторую щеку. А лучше, чтобы никто такого не переживал.

Илона ждала весточки от русского государя.

Английский адмирал Эдвард Рассел без особой приязни смотрел на сидящего перед ним человека.

Бастард, да...

Ублюдок его величества Карла, упокой господь светлую душу короля несчастной Англии. Чарлз Леннокс, первый герцог Ричмонд. Неглуп, опасен, мечтает занять место своего отца.

И все же, это лучше, чем Монмут. Или нет?

Эдварду предстояло решить... или решиться? Пять минут назад ему было сделано предложение, от которого было сложно отказаться. Только вот и согласиться было не проще.

Предложение поддержать Чарлза Леннокса в его притязаниях на трон. Зачем Англии Монмут, когда есть такой умный и замечательный Чарли? Кстати – старший, более высокородный и вообще лапочка и душка? И главное – готовый платить за оказанную ему услугу?

Эдвард был неглуп, талантлив и добивался в жизни всего сам. И в адмиралы его произвели не за красивые глаза – последних-то ему и не досталось. Внешность у мужчины была самой обычной, а вот талант флотоводца – незаурядным. Но когда это можно было оставаться на высокой должности, не будучи политиком?

Когда к власти пришел Монмут, Эдвард объявил сразу, что дело флота – море.

Не ввязываться в то, что творится на суше, а охранять берега Англии. Не нравится?

Не смотри!

Но финансирование советую из казны выделять, а то ведь флот... он такой. Раз не дашь денег, два, а потом он на самообеспечение перейдет. Корабль захватит и забудет отчитаться, или чисто случайно груз до места не довезет...

Монмут внял предупреждению. Нельзя сказать, что выделялось много и регулярно, но деньги шли.

Сейчас же Эдварду предлагали ввязаться в авантюру. Шансы на успех?

Ну, если он ее поддержит – шансов будет куда как больше. А если нет...

Честно говоря – не хотелось. Капитально.

Сейчас одного поддержишь, потом второй явится – у Карла внебрачных детей, что тех поганок, и в глазах Эдварда все они были примерно равны. Флот вам не шлюха, под каждого кто заплатит ложиться.

Но и отказать?

От выстрела в спину никто еще не уберется. Или ножа. А что будет с

флотом?

Что будет с Англией?

За себя Эдвард был спокоен, а вот кто может стать его преемником? Киллигрю? Делаваль? Шовелл?

Те еще твари, честно говоря. Никому из них он бы и старых подштанников не доверил.

Но что же делать, что делать...

И тут Эдварда осенило.

– Ваше высочество, я был бы счастлив поддержать вас, но есть одно препятствие.

– Какое же, адмирал?

Чарлз чуть расслабился.

Препятствие? Так на то они и существуют, чтобы их преодолевать!

– Его высочество Карл Третий. Сын его величества Якова.

Лицо Чарлза было неопишным. Просто иллюстрация к картине «съешь лимон». Причем кусанули оный фрукт всей пастью и большими зубами.

– Еще неизвестно, сын ли он моему дяде...

– Он был зачат в законном браке, рожден через несколько месяцев после его смерти и ни у кого нет сомнений относительно его происхождения. К тому же Людовик Четырнадцатый подал прошение Папе, чтобы признать малыша королем Англии, Шотландии и Ирландии. Как мы будем выглядеть, когда Папа его одобрит?

– Может и не одобрить...

Судя по тону, в такую возможность Чарлзу не верилось. Король-солнце своего добивался всегда – и намерения прослеживались четко. Сначала объявить мальчишку королем, потом воспитать под себя, а потом и...

Нет, с Францией ему не потягаться.

Но...

– Мало ли в мире происходит несчастных случаев...

– Ваше высочество, если Богу будет угодно оборвать ниточку жизни бедного малыша – на то Его воля. А я... как это будет выглядеть, если его признают законным королем? Мы станем мятежниками.

И печально вздохнуть.

Да, именно так. И «ваше высочество», хотя ублюдок, он и есть бастард, и «мы», и искренняя грусть в глазах...

Сейчас Эдвард ничего и не теряет. Если у Англии появится законный король, хотя и признанный католиками – он просто будет соблюдать нейтралитет. Флот – он кому хочешь пригодится.

Если Чарлз будет предпринимать все усилия, чтобы уничтожить мальчишку... ну, тоже не так плохо. Пауки в банке будут жрать друг друга, пока не останется сильнейший. Вот и пусть жрут, а Эдвард полюбуется. Главное оказаться с правильной стороны банки – там, где не достанут.

То, что он подставляет почти младенца...

А у него мать есть. И отчим. И вообще... что еще может хорошего получиться из короля, воспитанного исконными врагами?

Хотя мать Карла Второго тоже была француженкой. Ну...

На все воля Божья.

Нельзя сказать, что Чарлз был доволен таким исходом разговора, но главное Эдварду донести удалось. Флот, разумеется, на его стороне. Но сначала докажи, что ты можешь править.

Детоубийство?

Пфффф.... какое грубое и гнусное слово.

Несчастный случай – и только-то. И не первый в истории, кстати. Так что...

Подождем, помолимся.

Главное, что теперь Эдвард может пока не опасаться за свою жизнь и флот, а остальное...

На все воля Божия.

То, что беседа вельмож может стать достоянием посторонних ушей, им и в голову не пришло. Но стала. Уши... они же такие. И из стен растут, и из потолка, и слышат, что им не надо. Тут слуги, там матросы, здесь камердинер... вот и складывается у неприметного человечка полная картинка происходящего. И ой как она ему не нравится.

Или нравится?

Смотря что будет выгоднее для Руси.

Стоит ли упоминать, что весточка тут же отправилась с почтой через пролив, а оттуда, с голубями и гонцами и на Русь-матушку?

О таком афронте государь знать должен, иначе в жизни нерасторопных не простит!

\* \* \*

– Ванька! Вырос-то как!

Ну да, в этом парне чуть ли не на полголовы выше старшего брата и не узнать было уезжавшего мальчишку. Крепкий, загорелый, волосы выгорели чуть ли не в белизну...

И рядом – прехорошенькая девушка. Громадные черные глаза, черные косы, робкая улыбка – Изабелла была очаровательна.

– Здравь... здравствуйте...

Акцент у нее тоже получался премиленьким. Алексей Алексеевич не удержался – и расцеловал красавицу в обе щеки.

– Добро пожаловать, сестренка!

– Так-так, – Иван извлек невесту из рук братика. – Ты вообще женат!

– И что с того? Белла – твоя невеста, значит – моя сестра. Так что не ревнуй.

– Вот еще!

– Так, иди-ка сюда! – Софья поспешно заключила младшего братца в объятия и крепко расцеловала. Пока чего не ляпнул. – Эка вымахал! Каланча!

– Сонечка!

Старшую сестру Иван обнял так, что у той ребра хрустнули. От всей души.

– Полегче, медведь! Раздавишь! Лучше невестой похвастайся!

Изабелла единогласно понравилась всей семье. Милая, неглупая, обаятельная – и искренне любящая своего жениха. Что еще надо?

Свадьбу! И поскорее!

А еще детишек, штук десять!

– А мне сказали, что с тобой целый кортеж приехал? – поддразнила Софья. – Что, без свиты никуда?

Иван прищурился в ответ.

– Да пес бы с ней, со свитой! Со мной столько интересных людей! В Университете оценят! Винченцо Вивиани! Ян Сваммердам! Вильгельм Хомберг!

Софья этих имен отродясь не знала, но, надо полагать, баранов Ванька на Русь не потащил бы!

– Замечательно! Но раньше, чем через десять дней ты в Университет не попадешь! Иначе мы тебя точно не увидим.

Ваня надулся, но было видно, что в синих глазах проскакивают веселые искорки.

– Вредная ты, сестренка!

– Я – что? Мы тебя еще со всеми племянниками не познакомили! А уж они...

Софья посмеивалась, отгоняя мысль, что... а хорошо бы Белла стала правительницей, а Ванька – консортом, а? А то Педру женился второй раз на Марии-Софии Пфальц-Нойбургской – и та вроде как была в тягости...

ну к чему им еще наследники престола?

К чести Софьи, мысли «помочь» бедняжке с родами у нее не возникло. Воля Божья – это хорошо, но и пределы жестокости у нее тоже есть.

Пусть все идет, как идет. А брат с невестой побудут пока на Руси. Ведь несколько лет не виделись!

\* \* \*

*Прими все усилия для охраны сына. Англия не оставит его в покое.*

Анна знала этот почерк. Эту бумагу с тонкими сиреневыми прожилками, этот запах духов...

Хочешь что-то скрыть?

Положи на видное место.

Записочка, переданная украдкой, всегда вызывает подозрения, если это не любовное письмо. Или сонет. Или мадригал.

Вот последний и был начертан на листке изящными буквами. Воспевалась красота Анны, ее глаза, приносились соболезнования Англии, которая лишилась своего главного украшения... А точки над некоторыми словами – это просто капельки чернил. Наверное, с пера стекло.

Бывает.

Анна мило запунцовела, бросила мадригал в камин и обмахнулась веером.

– Нет, это слишком плохо написано. Я не знаю от кого это, но пусть сей милый человек оттачивает свое искусство стихосложения.

А сама Анна этой же ночью выберется из дворца, чтобы получить более подробные инструкции. Или хотя бы информацию.

Что же произошло такого, что англичане зашевелились?

Что!?

\* \* \*

Ответ Анна узнала той же ночью.

И про беседу адмирала с принцем, и про итоги ее...

И выругалась.

Не то, чтобы она была сумасшедшей мамашей, нет. Но убивать ее ребенка?!

Да вы хоть знаете, каково это?!

Сначала сделать его так, чтобы никто не заподозрил измены! Потом носить девять месяцев, а лодыжки отекают, и спина болит просто безбожно, и выспаться не всегда удастся, потому что твои внутренности – это полигон для отработки пинков, да и нервы не в порядке, потому что во время беременности ни у одной женщины они не в порядке.

А ей-то надо было быть не просто бабой – королевой. То есть – даже истерику не закатаешь!

А роды?

Между прочим – больно! Очень больно! Так, что второго в ближайшее время и рожать-то не хочется, хотя и надо бы, пока Людовик не впал в полное бессилие. И так-то раз через три удастся. Эх, спасибо тебе, Ибрагим!

Настоечки у тебя чудеса творят, и мази с притираниями, тут главное – подать правильно. Но это – другой вопрос.

А главное сейчас – ее ребенок!?

Твари, сволочи, негодяи!

Их бы рожать заставить, а до того чугунное ядро привязать к пузу, и пусть ходят так цельный год!

Ее ребенка!

Гррррр!!!

Вслух Анна этого не высказала, но, возвращаясь со встречи с агентом, кипела возмущением. И ведь Людовику не пожалуешься – тут же возникнет вопрос, откуда дровишки? То есть сведения?

Ему-то пока ничего подобного не доносили.

А, впрочем, впервые ли ей рассчитывать лишь на себя и доверенных людей? При ней есть двое слуг и служанка, все – ее однокашники, из царевичевой школы, просто выпуском кто постарше, кто помладше, это уже само по себе грозная сила.

Она справится.

Они справятся.

А английский адмирал Рассел ей еще ответит! Шкурой ответит, тварь такая! *Ее ребенка* подставлять!?

Голубиной кротостью Софьины воспитанницы отродясь не страдали. И всепрощением – тоже.

*Уничтожу, мразсссссь!*



Кристиан Датский читал письмо русского государя с громадным удовольствием.

– Дорогой?

Супруге Кристиана позволялось многое. И спокойно входить в его кабинет без доклада, и отрывать мужа от любых дел, да что там! Шарлотта Амалия даже веру не поменяла! В отличие от всех остальных датских королев.

– Вы так увлечены этим письмом...

Кристиан подарил жене улыбку.

– О да.

– Я могу узнать...?

Вопрос был понятен: «Что же там такого, в этом письме?!». И Кристиан не разочаровал супругу.

– Если Бог даст, весной мы начинаем новую войну.

– Мы?

– Мы, русские вместе с нами, ну и еще найдутся союзники.

– Войну? А с кем?

– Мы должны окончательно раздавить Швецию.

Вот уж кому Шарлотта Амалия не сочувствовала, так это Карлу.

– Удастся ли?

– Безусловно! Я хочу оставить Фредерику сильную страну.

– А Франция? Людовик не вмешается?

– Мой брат пишет, что Людовику будет, чем заняться. И я склонен ему верить.

Супруга спорить не стала. А почему бы и нет? Пусть муж додавливает Швецию на пару с русскими, дело хорошее. Только бы никто не помешал.

\* \* \*

– Что будем делать с Леопольдом?

– А что мы с ним сейчас можем сделать?

Софья задумчиво теребила кончик косы. Вот что тут сделаешь?

И венгров на короткий поводок не посадишь, слишком свободолюбивый народ. И спускать подобное Леопольду нельзя. И... убивать его сейчас и невыгодно и не получится.

Месть – блюдо, которое подают холодным, но как объяснить это родителям, которые потеряли ребенка. За себя Софья в такой ситуации не отвечала бы.

– Надо подождать. Немного.  
– А потом? – Иван серьезно смотрел на жену.  
– Или падишах умрет, или ишак сдохнет, – пожала плечами супруга.  
– Можем ускорить свадьбы, – пожал плечами Алексей. – Пусть осуществление будет потом, но на основании брака мы сможем поддержать венгров. Пусть защищают границы, пусть готовятся к вторжению...

– К ним – или их?  
– Неважно. Пусть наращивают мощности, Леопольд сейчас и не пискнет. А через пару-тройку лет и правда посмотрим. Нам пока в ту заварушку лезть не с руки, шведов бы разбить...

Софья кивнула.

Да, брат все решил правильно. Кроме одного.

Если Леопольду спустить такое на тормозах – обнаглеет ведь. А кто бы не обнаглел?

А потому...

Можно, конечно, сполнить и отравить кого-нибудь из близких Леопольда грибами. Это скучно, и невыгодно.

А можно...

Можно так насолить самому Леопольдику, что он заречется гадости людям делать. Венгрию мы уже оторвали? Так погоди, гад! Мы тебе в Австрию порвем на составляющие! Ты не будешь последним в роду, но ты будешь императором, при котором Австрия начала разваливаться на части, и это тебе будет больнее любого яда.

\* \* \*

Идея с грибами оригинальностью не блистала и пришла в несколько голов одновременно. Уж больно удобно...

Только кто-то эти грибочки знает или на вкус, или на запах...

Ну не пришло англичанам в голову, что при маленьком Карле состоят не просто слуги, но такие, которые могут легко определить пусть не любой яд, но большую их часть. Вот и не разорились внебрачные принцы на нечто дорогое и редкое.

И – попали.

Отравителя схватить не удалось, но и затея не сложилась. Карл остался жив и здоров, а вот у приставленных к нему слуг нервы еще повибрируют. А то ж!

Когда служанка пробует на вкус детское питье, морщится, сплевывает

и требует немедля подать сюда повара! И выяснить, как в кубок малыша попала отравка!

А потом дворец наводняется людьми ла Рейни и те принимаются всех опрашивать, да как! Дело о ядах вспоминается очень быстро...

Когда Анне сообщили, что ее ребенка пытались отравить, она тут же пожаловалась Людовику. Его величество отреагировал немедленно (Бог бы с ним с ребенком, но куда деть великие планы!?) и в лучшем стиле разбуженного медведя. Сначала убить, потом разобраться.

Убивать было некого. Никто рядом с Лувром не стоял с табличкой «отравитель» на шее, а поведать о своей осведомленности Анна не могла. Пришлось искать кому выгодно.

Прикинули, нашли – и Людовик сделал единственное, что мог. Направил жалобу Папе.

Получилось очень качественно.

Чарлз Леннокс был отлучен от церкви специальным указом. И плевать, что он не католик, все равно неприятно. Да и корона ему уже не светила. Править-то не одними протестантами, а лавры Генриха Пятого ему тоже не светили. Куда уж там Ватикан воевать – бежать надо, пока из Англии не попросили с применением подручных средств.

После истории с Текели, такие номера вызывали возмущение у всей общественности. А уж от души оно там, или просто потому, что так надо – неважно! Агенты Софьи постарались на славу, устроив истерику по всем газетам Европы. Чуть ли не месяц муссировался вопрос – не собирается ли Леопольд, по примеру некой графини Батори, омолаживаться в крови младенцев? А что, убивать детей он уже начал, так может, продолжит хотя бы с пользой для себя? Чего добру пропадать?

Теперь добавилась истерика и по поводу Леннокса.

Газетчикам что, они и в глаза живодером назовут. Главное – от такого и королю не отмыться, а если ты даже не король... пффф!

Малыш Карл был утвержден Папой, как законный король Англии, Шотландии и Ирландии – это порадовало уже Людовика. Теперь, на волне народной истерии, можно было попробовать и атаковать.

Должны же англичане желать возвращения законного короля? Да еще такого...

Не учли одного – Чарлз запаниковал. Более того, запаниковал и Джордж Фицрой, справедливо опасаясь, что ведра помоев и на него хватит. А там уж...

То ли он убил, то ли по его приказу убили, но история-то была?

Деньги у него были, желание тоже, а потому...

В Англии вспыхнуло народное восстание, наполовину проплаченное, а наполовину спровоцированное, кстати, и агентами Софьи.

\* \* \*

Сэр Эдвард Рассел вежливо повел рукой в сторону столика с напитками.

– Прошу вас. Вина?

Лувуа, которого Людовик Четырнадцатый, на что-то разозлившись, отправил послом к англичанину, вежливо кивнул. Он-то отлично знал, что от этих переговоров зависит его дальнейшее благосостояние, а то и жизнь...

– Буду вам очень признателен, сэр.

Мужчины обменивались улыбками, хотя Рассел с удовольствием утопил бы и Лувуа, и корабль с белым флагом, на котором тот прибыл. В свою очередь, Лувуа искренне желал всей Англии участи Содома и Гоморры, но – дипломатия. Приходится улыбаться самым омерзительным людям!

Но вот вино было разлито по кубкам, Лувуа неискренне (ну какое может быть вино в Англии? У них и нормальных-то виноградарей нет...) похвалил тонкий вкус и букет, Рассел заметил, что во Франции великолепные вина – бордо, например...

Слово за слово, мужчины подбирались к своей цели. И наконец...

– Его величество, Людовик Четырнадцатый хотел бы, чтобы эти смуты прекратились.

– Поверьте, маркиз, мы желаем этого не меньше. Англия страдает...

– В то время, как у нее есть законный король.

– Карл Второй умер. Яков – тоже.

– Но есть сын Якова. Законный.

– И признанный Папой Римским.

Где-то это было бы плюсом. В протестантской же Англии...

Может, и признают. Но нервов потреплют...

– Карл Третий пока еще младенец.

– У него есть мать.

– Это верно, что ваш король женился на ней?

Отрицать было сложно. И женился, и влюбился, и вертит им эту стерву, которую Лувуа недолго любил. Отравил бы, да руки короткие.

– Вы прекрасно осведомлены, сэр Рассел.

– Что вы. Мое дело – плавать по морям. Ну и защищать берега родной страны от врагов.

Намек был понят.

– Врагов – безусловно. А союзников, которые хотят возвратить на трон законного короля?

Рассел прищурился.

– Который будет жить и воспитываться здесь, в Англии?

– С определенного возраста – безусловно. Но ребенку нужна мать.

– А его матери нужен муж. А мужу...

А мужу отродясь не нужна была свободная и независимая Англия. Эдвард отлично понимал, что ему предлагают. Если сейчас он пропустит французский флот к берегам Англии – ему, конечно, перепадут определенные выгоды. Но... это ведь предательство.

Если же нет...

Хотя что значит – если?!

Разумеется, нет! Даже если он тут и ляжет.

Это и было доведено до сведения Лувуа в самой изысканной форме. Правда, понимания и одобрения не получило.

– Подумайте еще, сэр Эдвард. Это ведь ничего не изменит...

– Пусть не изменит. Но моя честь останется при мне. Никто не назовет меня предателем.

– Честь важна и в жизни и в смерти, – вежливо то ли согласился, то ли намекнул Лувуа. – Но это и не предательство...

Не помогло.

Ни уговоры, ни угрозы, ни подкуп – ничего. Эдвард собирался стоять на своем до конца и клялся потопить любой французский корабль, который подойдет к берегам Англии и попытается высадить солдат. Увы...

Лувуа был вынужден убраться несолоно хлебавши. Конечно, отрицательный результат – это тоже результат, но оценит ли это его величество?

Не оценил.

Так, что в скором времени маркизу пришлось убираться из столицы в свое поместье и сидеть там, не показывая носа. Спасибо еще, что не в Бастилию.

\* \* \*

Бунт – это всегда страшно.

Когда крики, огонь, люди бегут по улицам – и в глазах у них кровь. И на оружии кровь, и на ботинках тоже кровь, и лица у них совсем уже не человеческие...

Это озверелое бешенство, когда толпа подзаводится друг от друга, когда никто и ни в чем не виноват, когда безумие передается по воздуху, словно чума, и оно страшнее всякой чумы, потому что от болезни можно выздороветь, а как ты будешь потом жить с этим днем на совести?

С кровью на руках?

Кровью твоих братьев и сестер, тех, кто с тобой одной крови, одной веры, одного языка, просто оказался не в том месте и не в то время?

Англия полыхнула стогом сена.

Монмут срочно (не забыв захватить все драгоценности, которые были) удрал из Хэмптон-корта, в котором пребывал со своей семьей – и даже не подумал объявляться.

Выйти к народу? Успокоить? Объяснить?

Шутить изволите, господа хорошие. Раздерут же на тысячу кусочков и фамилии не спросят!

Лондон в очередной раз вспыхнул спичкой. Единственный, кто мог его умирить, обладая реальной властью – сэр Эдвард Рассел, но выводить моряков на улицы он не спешил, предпочитая подождать.

Пусть сначала появится победитель, а уж потом... единственная реальная сила Британии – флот. А вы предлагаете его бросить в эту свару?

Обезумевшие люди вламывались в дома, вытаскивали хозяев, кого-то убивали, кого-то насиловали, выбрасывали мебель из окон, в огонь летели драгоценные картины и шторы...

Никто не знал, переживет ли он этот день.

\* \* \*

Джеймс Монмут посмотрел на жену.

Анна сидела бледная, прижимая к себе детей, губы ее дрожали.

На миг королю захотелось отвесить пощечину этой тупой корове. Просто потому, что руки чесались, а она еще смотрит! Остановили испуганные детские глазенки.

– Д-дорогой? Нам еще долго ехать?

– Если все пойдет как надо – через пару часов мы будем в Дувре. Сядем на корабль и покинем берега Англии.

– А п-потом?

– А это не твое дело! Сиди молча, дура! – взорвался Джеймс, барабанив по крыше кареты.

На улице моросил мелкий и противный дождь, но лучше уж под дождем, чем с этой...

Джеймс вскочил в седло – и небольшой караван из трех карет и десятка всадников тронулся в путь. Мысли, обуревающие монарха, были чернее ночи.

Как, ну как так получилось?!

Где допущена ошибка?!

Все ведь было хорошо, он выгнал Якова из страны, уселся на трон отца... и не усидел. Джеймс отчетливо понимал, что попади он сейчас в руки мятежников – и за его жизнь крысиного хвоста не дадут. Но почему!? Почему так получилось?!

Некому было объяснить Джеймсу, что на престоле в разоренной стране должна оказаться личность, а не... павлин в короне. А он, увы, не был годен ни на что серьезное. Результат не замедлил сказаться.

Недовольство, поддержанное сыновьями Карла (казнить надо было негодяев при первой же возможности, а он сплеховал!) переросло в бунт – и унять его Джеймс не мог.

Боялся.

И – бежал сейчас из Англии. А сможет ли он вернуться?

Для себя Джеймс ответ знал.

Не сможет.

Единожды сбежавший – кто тебя второй раз примет?

Впрочем, в чем-то Джеймсу повезло. Он не погиб от рук разъяренной толпы, он успел добраться до Дувра и погрузиться на корабль, он даже смог приказать капитанам примерно десятка кораблей выйти в море, и те его послушались. Ночью небольшая флотилия взяла курс на остров Мэн.

Самое удивительное, что корабли не погибли и по дороге.

Судьба была благосклонна к Джеймсу Монмуту, но что значило тихое и скромное существование колониста, когда позади была Корона Англии? А ведь к ней можно было бы и вернуться... или нет?

Монмут не смирился, но поддержать его было некому. Капитаны кораблей недолго оставались верны изгнаннику, и справедливо решили, что в пиратах заработают больше. Удержать их Джеймс не смог, так что акватория пополнилась очередными флибустьерами, а остров Мэн – очередным пьяницей.

Когда в одну из ночей под причалом обнаружили изрядно побитого жизнью утопленника, никто и разбираться не стал, от чего он там помер.

Ясно же – винища нажрался, с причала сковырнулся, да и утонул. Не первый, чай, не последний.

Супруга Джеймса, будучи не просто изнеженной аристократкой, но дочерью шотландского графа, быстро разобралась в ситуации, и отписала отцу. Граф Баклю порадовался, что дочка уцелела, написал в ответ, и прислал ей денег на спокойную жизнь. Второй раз замуж Анна не вышла, но прожила еще около двадцати лет спокойно и счастливо, вместе с детьми, успела дождаться внуков и даже пару правнуков. А что фамилия их была не Монмут, а Монт...

И что?

Не фамилия красит человека, а человек фамилию! Да, господа Монты. Зато жить будут долго, счастливо, и пес с ней, с той английской короной.

\* \* \*

– Как должно выглядеть наступление на Швецию?

Алексей, Иван, Воин Алексеевич и даже занесенный лихим ветром в Москву Петр Сирко прорабатывали план наступления. Причем последний искренне желал, что не может поучаствовать. Но – Крым.

Который хоть и почистили, но что татары, что тараканы, только отвернись, вмиг расплодятся! А потом еще, в перспективе и расширяться надо!

Там же Кавказ под боком, который надо колонизировать. Строить церкви, засылать миссионеров, потихоньку осваивать новые горские племена – и кому это делать, как не казакам? Они-то с горцами друг друга куда как лучше поймут.

Вон, Ираклий пишет, просит не то, чтобы помощи, а так, намекает, что у него-то государство христианское, а вот у соседей – нет. А христианство – великая вещь и надо бы его донести до несведущих.

Ну, огнем и мечом ли – это вопрос, а вот церкви строить, лечить, учить – это можно, еще как можно. Чтобы слово «священник» стало синонимом человека умного, образованного – и да! Приносящего людям конкретную пользу.

О Боге-то и мулла толковать может, а человека вылечить? Помолиться? Неубедительно.

Но на это нужны деньги, деньги и еще раз деньги. Ну и свои люди. Алексей вообще думал отправить на Кавказ Володю, когда тот чуть подрастет.



Но пока – Швеция.

Алексей хотел действовать из Финляндии.

Даны ударят по шведам со своей стороны, тут подключатся и пруссаки, которые весьма благодарны русским за такую хорошую и плодотворную (два сына уже есть, ждем третьего ребенка) царевну, а он пройдет по Финляндии – и плавно направится на Стокгольм. Воин Алексеевич одобрял, Иван прикидывал, что это будет долго, мучительно и затратно. А это – плохо.

Трофеи, конечно, будут, но окупят ли они войну?

Петр, в свою очередь, отстаивал вариант, при котором Алексей Алексеевич может ударить из Сконе. А потом уж и на столицу.

А что?

Рига наша, корабли есть, переправить войско всяко можно! Шведский флот сейчас и тапак с бельем не остановит, так им досталось!

Это, конечно, было интереснее. Но со стороны Сконе удобнее было действовать данам.

Если Кристиан высадится у Мальме, захватит его и пойдет через Карлскруну, Кальмар и Норчепинг – даже не обязательно захватывать Стокгольм. Пусть отвлечет на себя внимание, оттянет силы. А там временем Алексей пройдет из Финляндии...

– Финляндия большая. Пока ты ее будешь захватывать – неудобно, долго... проще сначала отрубить гидре голову, а туловище само сдохнет, – высказался Иван.

– А если переправиться через залив где-нибудь в районе Умео? – предложил Воин Алексеевич. Высадить войска, взять город – и сделать из него базу. Переправляться туда, а потом, вдоль побережья, на Стокгольм. И чтобы флот нас поддерживал?

– В принципе, можно, – задумался государь.

А что?

В Крыму воевали по тому же принципу – отчего здесь нельзя? К тому же часть остатков шведского флота оттянут на себя даны, а уж территории потом поделить... да разберутся! Не подерутся!

И пойти, захватывая шведские города. Вдоль побережья – Хернесанд, Сундсвааль, Худиксвааль, Седерхамн...

Это – реально. Но!

– Крым – там другой климат. А здесь? Когда обрушатся холода, когда нас застанет зима?

– Перезимуем в каком-либо из захваченных городов, – пожал плечами Иван. – Залив зимой не особо судорожен, но...

– Зимой тоже можно воевать, – пожал плечами Петр. – Даже если снег – так на что нам лыжи?

Алексей опасался другого.

Морской климат, влажность, холод, соль – люди, непривычные к такому, быстро начнут болеть, а на что пригодно сопливое войско? Засморкать врага до смерти?

– Это если мы там надолго задержимся, – заметил Воин Алексеевич. – А я не считаю, что эту войну надо затягивать на долгие годы. По весне выступить, осенью перезимовать и еще год – чтобы добить шведского зверя окончательно.

– Отцу моему ты бы это сказал, – буркнул Алексей. – то-то он с Польшей чаял быстро управиться!

– Уж прости, государь, а только отец твой счастлив был бы твоей удачей воинской. Ему-то она так не улыбалась, – дипломатично выразился Воин Алексеевич.

Алексей покачал головой, показывая, что ответ принят.

– Проблема в снабжении. Это первое. И второе – если мы встанем на зимние квартиры на вражеской территории, думаете, они не начнут действовать против нас?

Начнут. Может, слова «партизаны» в этом веке и не знали, но профессия-то была! И пакостили на совесть, по велению души, как и их далекие потомки...

Большое войско будет лакомым кусочком, а сие не есть хорошо.

– Если придумаем, как решить эти вопросы – можно действительно выступать в поход, как снег сойдет, через Орешек до Ништадта...

– Государь, а если...

Глаза Петра загорелись шальным огнем, палец с обкусанным кое-как ногтем уперся в карту.

– Аландские острова. Если пройти через них – и сразу на Стокгольм?

– Карл их укрепил так, что не пробьешься.

– А вот такого быть не может! – Петр стукнул кулаком по столу. – Отец еще говорил, что нет такой крепости, кою бы не взяли казаки! Да и то – остров ведь! Высадиться всегда можно!

– Высадиться можно, но обойти их намного проще, – махнул рукой государь. – Блокировать, и на столицу.

Алексей подумал о своих «закладках». Нашли – или не нашли?

Если нет – план не настолько уж безумен. Но готовиться надо к другому.

Да, пройти до Ништадта, возможно, часть войска отправить через

Финляндию, чтобы оттянуть туда часть сил Карла, а может, и самого Карла. Можно даже самому туда отправиться.

А в это время особый отряд ударит по Аландским островам, а там уже... у кого острова – у того Стокгольм. И отдавать его Данам не стоит – обожрут и обнаглеют. Вот юг Швеции им отдать – милое дело, а может, и кусок запада. Швеция пусть остается, но сильно урезанной – до центральных областей со Стокгольмом и Свеаланда, ладно уж! Себе бы Алексей забрал Финляндию, ну и Аландские острова с Готландом и Эландом. А если получится, можно и остров Борнхольм с северной Норвегией под себя пригрести, чтобы обеспечить свободный выход в Атлантику. Их даже завоевывать необязательно, можно просто взять в аренду.

А еще, когда со шведами будет покончено на их территории, надо бы приглядеться внимательно к Рюгену, Волину и Узеду. Пригрести под себя острова – и все! Отныне и навеки Балтика будет русской. Вот только сможет ли Алексей и забрать острова, и удержать? Даны-то тоже не дураки, им такое усиление Руси не слишком выгодно. Ну да ладно, договоримся...

И с Пруссией договоримся о Восточной Померании, предложим им взамен Бремен с Верденом, они и согласятся, никуда не денутся, поменяются по-родственному, и у Швеции пригребем Западную Померанию в свою пользу...

Дайте время и силы! И деньги тоже, пожалуйста.

Постепенно, план начинал вырабатываться.

\* \* \*

Как известно, бунт не бывает без вожака, а если его не было с самого начала, то он определяется потом.

Определился он и в Англии. Правда – не короновался.

Чарлз Фицрой, герцог Саутгемптон ничем особенно не выделялся, разве что был сыном покойного Карла II. Но тот наплодил столько сыновей, что еще три штуки были в запасе – и это не считая дочерей.

Нельзя также сказать, что Чарлз рвался к власти, или хотел на трон, нет. Просто больше оказалось некому.

Монмут исчез, и о его судьбе никто ничего не знал. Леннокс и Фицрой-старший, который герцог Нортумберленд, скомпрометировали себя покушением на брата. И ладно бы удавшимся!

Победителей не судят, а тут – ни украсть, ни попасться!

Братоубийства не одобрял никто, а потому незадачливые претенденты бежали из Англии и сейчас обретались в Нидерландах.

Чарлз же решительно отказался садиться на трон и объявил себя лордом-протектором Англии. До тех пор, пока не объявится законный король.

Людовик Четырнадцатый тут же написал ему, заявляя, что король – есть, нужно признание его подданными. Чарлз ответил, что младенец, которому и трех лет не исполнилось, королем быть не может, его мать – тем более, потому как ее интересы нынче далеки от Англии, а потому – извините. Давайте назначим регента. Он, к примеру, готов! Всей грудью встанет на защиту интересов и родной Англии, и малолетнего короля! Присылайте малыша на родину, можно и вместе с матерью.

Решение получило горячее одобрение английской знати. Им-то Людовик тоже был не нужен. А вот сам король-солнце обиделся, что его дураком считают. И принялся готовиться к весне.

Воевать?

Разумеется, воевать! А как же иначе? Франции наконец-то представилась возможность отплатить Англии и за Столетнюю войну, и за Жанну д'Арк, и за... да если все обиды перечислять – тут и года не хватит. Лишенная единого правителя, раздираемая противоречиями, Англия представлялась Людовику легкой добычей.

Весной он это проверит.

\* \* \*

– Здравствуй, Прокопий.

Илона протянула обе руки менестрелю. Гость изящным жестом поцеловал тонкие пальцы и был одарен улыбкой.

– Я рада тебя видеть.

И женщина не лгала. После того, как Прокопий спас ее детей – она бы что угодно для него сделала.

– А я к вам с вестями, госпожа.

На этот раз у Прокопия было целых два письма. И от русского государя, и от польского.

Два согласия на свадьбы и предложение сыграть их в ближайшее время. Ферек женится на царевне Наталье, его сестра выйдет замуж за наследника государства Польского, а для этого Юлиана должна уже начинать собираться. А Наталья...

Да, в Москве уже собирают девушку, а заодно на свадьбу приедет ее старший брат. Нет, не русский государь, просто – царевич Владимир Алексеевич, вот он будет обговаривать подробности союза, что получит каждая из сторон, и – да!

Как будем мстить.

Илона улыбнулась в ответ. И лучше бы Леопольду не видеть эту улыбку – мигом бы объявил женщину ведьмой и приказал сжечь.

– Мстить. Да, мстить...

Сколько усилий стоило Илоне удерживать Имре от мести? Да и сама она... зубами бы загрызла мерзавца, который распорядился судьбой ее ребенка, хотел уничтожить всех трех детей! Но – нельзя.

Пока – нельзя. Какое приятное слово – *пока*.

Впрочем, письмо от русского государя более ничем не порадовало.

Мечь откладывалась минимум на два года, а то и больше. Илона даже ногой от досады топнула.

– Так долго!

– А вам что нужно, госпожа? Убить Леопольда – дело нехитрое, все возможно. Да только сын у него есть, наследовать есть кому... это – неинтересно. Мертвый человек не страдает. А вот живой...

– А чего хочет русский государь?

– Чтобы еще при жизни Леопольда Австрия начала разваливаться на клочки. Чтобы ее рвали со всех сторон, а Леопольд ничего не мог сделать.

– И это возможно?

– Да, госпожа. Если правильно подойти к делу.

Илона кивнула. Задумалась.

Но... а что она теряла? Мечь? Она будет свершена. Просто отложена.

Вот удастся ли удержать Имре?

– Мечь подадут к столу холодной.

Женщина посмотрела на собеседника. На письмо. В окно. И отбросила назад прядь темных волос.

– Что ж, будем готовиться к свадьбе. Имре сопроводит Юлиану в Польшу, я полагаю.

– А заодно побеседует кое с кем... чтобы не бросался в бой очертя голову.

Улыбка на губах менестреля была достаточно тонкой – и Илона кивнула.

– Пожалуй. А мы будем готовиться к прибытию невесты.

– Я думаю, вам понравится царевна Наталья.

Илона вспомнила свою свекровь, Софию Батори, поежилась... вот

ведь! И понимала старая ведьма, что Зриньи и Ракоци должны держаться вместе, но не гадить не могла!

Никогда Илона так с невесткой не поступит!

– Если она похожа на брата – я уверена, что понравится. Какая она?

– Очень своеобразная девочка. Очень умная, начитанная, знает десяток языков, свободно читает и пишет на них...

Илона кивнула. Это было интересно.

– Вы расскажете о ней Фереку?

– Почту за честь, госпожа.

Нельзя сказать, что Ферек проникся радостью от предстоящего события, но увидев миниатюру, хотя бы призадумался. Царевна Наталья была копией матери, даже чуть улучшенной. Ярко-синие Романовские глаза, золотые волосы, умное вдохновенное лицо – даже если поделить надвое, все равно получалась очень милая девочка. А ведь миниатюра ничего не приукрашивала.

\* \* \*

Илоне досталась ужасная свекровь, это верно. А Фереку грозила кошмарная теща.

Софья выдерживала настоящие бои.

– Не отпускаю! Ни за что!

– Любава, это не в нашей власти!

– В твоей! Она же дитя еще!

– Твое дитя уже так по сторонам глазками стреляет, что скоро ковры дымиться начнут! Ты ее до старости при себе держать будешь!? Шестнадцать лет девке!

– Соня!

– И как хочешь, но этим летом Володя отправится в Крым. Ты парня уже вконец замучила.

– У тебя нет сердца!

– Зато глаза есть! Мальчишка то в Дьяково сидит безвылазно, то поручения у меня выпрашивает, лишь бы в Кремле не осесть надолго... Любава, очнись! Дети выросли, пора отпускать их от своей юбки!

– Ты не говорила бы так, будь это твои дети.

Софья невесело рассмеялась.

– Мои дети...

Она прошла через то же, что и Любава еще лет триста тому вперед. И

как же ей не хотелось выпускать сына из дому! Не отдала в армию, не отпустила в Москву, в институт, не..., не..., не...

Вот и вырос мальчишка глупым и избалованным.

Сейчас она такой ошибки не повторит. Уже не повторила.

Про мальчишек и про Аленку можно было сказать многое, но они были – самостоятельные. Случись что с ней, с Иваном – они выживут. В любом гадючнике.

И хорошо, что Наталья с десяти лет воспитывалась, как одна из ее девочек, да и Володя жил в Дьяково, приезжая домой только на лето. Любава испортила бы их своей заботой.

Да она и пыталась, но дети, глядя на хорошие примеры, тянулись за старшими.

– А если ее там отравят!? Ракоци едва спасли! Наташенька будет мишенью!

– Ничего. Я с ней людей пошлю. Девочка она умная, так что справится.

– У тебя нет сердца, Соня!

Софья честно выслушивала истерику еще часа полтора. А потом, когда Любава всласть настрадалась, удрала прочь. И приказала передать Ромодановскому, чтобы уделил внимание любовнице. Он, конечно, и так его уделит, но...

Если Любава будет так закатывать истерики до отъезда детей – Софья сама убьется! На радость врагам!

\* \* \*

Европа дымилась.

Почему-то так всегда – где чума, там и пожары.

Мертвые люди, мертвые животные, мертвые...

Это страшно. И чумные лекари, которые бродили из дома в дом – тоже были страшными. И тележки, на которые сгружали трупы, чтобы или захоронить – или сжечь, и беспомощные глаза людей, которые не знали, за кем из них придет завтра зараза, и даже колокольный звон.

Все несло оттенок обреченности.

Молись, не молись – тебя не услышат, не ответят, не пощадят...

Кто-то топил страх в вине, надеясь не увидеть или хотя бы не понять смертей. Кто-то молился. Кто-то заперся дома в надежде, что смерть не преодолеет дверей.

Болезнь не щадила никого – ни бедного, ни богатого. Пришла она и в роскошный дворец Педру, забирая с собой то, что он ценил более всего – жену и новорожденного сына.

Мария-Франциска Нойбургская скончалась, не прожив и двадцати пяти лет. Его величество был неутешен, хотя от чего более?

Утраты жены? Сына?

Педру и сам себе не признался бы, но второе ранило сильнее.

Сын, наследник, продолжатель династии, малыш Жуан....

Что ж, у него еще есть Белла, но она сейчас далеко – и это хорошо. Пусть подождут с возвращением до конца лета, чтобы зараза наверняка ушла из Португалии.

Это Педру и отписал дочери. Пусть побудут на Руси, так оно безопаснее.

\* \* \*

– Ну что, братец, готов к подвигам?

Алексей с легкой иронией смотрел на младшего брата. А ведь хорош вымахал – та еще погибель девичья! Высок, строен, широкоплеч, золотые кудри лежат волной, а взгляд синих глаз спокойный и уверенный. Есть от чего потерять голову.

Добавим еще, что это – царевич, и девушек можно штабелями складывать. Скирдовать, в снопы вязать... впрочем, была и отдельная когорта, на которую царевич просто не действовал – Софьины девушки. Та, которая теряла голову, могла вылететь за дверь, а этого не хотелось ни одной.

– Хоть головой в огонь за-ради блага земли Русской, – ответствовал Владимир. И даже улыбнулся, нахаленок.

Брата Алексей любил – насколько мог. Тут и большая разница в возрасте, когда Владимир родился, Алексею уже шестнадцать исполнилось. А потом еще столько свалилось на юношеские плечи – куда уж тут с братом возиться, выпастся бы!

– Ну, головой в огонь я от тебя не потребую. А вот в Венгрию поедешь.

– Наташку повезу?

– Ее, а то кого ж.

Владимир даже не удивился. Что-что, а следить за политической обстановкой в Дьяково учили.

– А мать что?



– Что-что, буянит. Тебе ли не знать? Требует оставить тебя в Москве, а Наталью не выдавать замуж. В крайнем случае – пусть живут с мужем в Кремле. Ее бы воля – она бы всех сюда загнала и заперла.

Володя вздохнул.

– Но ты же не передумаешь?

Алексей покачал головой. Нет, не передумает. Как не передумывал и раньше.

– Посмотрим, как ты справишься, малыш. Если все получится, дам тебе еще поручение. Пора становиться Романовым не только на словах, но и на деле.

Володя кивнул.

Это он понимал. Фамилия не определяет человека, а памяти предков надо быть достойным. Хвалиться их славой, ничего не представляя из себя – удел человека слабого и глупого.

– Что мне надо знать об этой поездке?

– Многое. И я, и Софья, и Ромодановский – мы все еще не раз поговорим с тобой. Весна будет яркой, а зима... у нас осталось очень мало времени.

\* \* \*

– Помощи ждать неоткуда.

Леопольд произнес это просто так, сам для себя.

А и правда – кто ему поможет?

Германские княжества?

Смешно даже думать об этом! Помочь-то они помогли бы, но не безвозмездно! Все эти курфюрсты, князьки, герцоги, все это лоскутное одеяло – солдат-то они дадут, но сколько за них запросят? Пока с каждым договоришься, да пока расплатишься! А казна и так дно показывает! Турки, твари, выгребли все, что могли, скоро на новые штаны не хватит, не то, что на наем войск.

Поляки не придут. Корибут высказался как нельзя более точно. После покушения на детей, которое осуждают все благородные люди...

Вот уж воистину – нет хуже дурака, чем дурак с инициативой!

Да не нужна была Леопольду смерть тех щенков! Дважды и трижды не нужна! Илона – да! Имре – трижды да!!! Он бы их в гробу увидел и порадовался. А это соплячье...

Лучше бы их родители сдохли, а он бы забрал детей и воспитывал в

нужном духе. Он сумел бы это проделать!

Так нет же!

Вместо того, чтобы отравить женщину, этот недоумок решил ударить по больному, по ее детям. Вот и результат! Детей выходили! Умника поймали – и он вовсю поет про приказания императора!

Илона жива-здорова и полна планов мести, это уж наверняка.

Венгры стали навеки врагами, а поскольку они сейчас под крылышком у Корибута, а тот является зятем русского государя...

В общем тут на помощь рассчитывать не стоит.

Французы тоже не придут.

Итальянцы?

А сколько там этих итальянцев? Даже если и дадут пару отрядов – погоды они не сделают.

Испания и Португалия? Примерно то же самое.

Но и воевать турок необходимо. Иначе они вконец обнаглеют...

Один раз они уже взяли Вену – и кто сказал, что они не попробуют повторить?

А война – это тяжелое и разорительное мероприятие. И лучше его делить на двоих-троих... как же быть, как быть?

Вот если бы Текели и правда не стало... или не стало польского короля...

Второе даже лучше, потому что оборвется ниточка, которая связывает венгров с поляками... может, попробовать?

Леопольда можно было назвать как угодно – подлецом, мерзавцем, иезуитом, но только не глупцом. Откинувшись на спинку кресла, он строил план будущей интриги, которая вернет Венгрию под его владычество.

\* \* \*

Времени и верно, оставалось мало.

Надо было готовить войско – это первое. Так что и Алексей, и Воин Алексеевич целыми днями пропадали в казармах. Постаревший, но не утративший прыти Патрик Гордон едва не на коленях упрашивал Алексея взять его в поход. Алексей пока думал.

Софья, конечно, нуждается в опоре, но рядом с ней остаются и Воин Алексеевич, и Ежи Володыевский, сильно обрусевший за эти годы, и сама она в грязь лицом не ударит.

А Патрик...

Было у него что-то личное к шведам, было. Но мужчина молчал, а Алексей не настаивал.

Леййла тоже не удерживала мужа. Софья предложила ей помощь, но женщина только головой покачала.

– Ему надо. Если я сейчас встану на его пути, он мне потом никогда не простит...

Не спросить Софья не могла.

– А если не вернется?

– Это его путь.

Этого Софья не понимала, но и спорить не могла. Да и не хотела она спорить. Если Патрик решил умереть на поле боя, а его жена не против – что ж, так тому и быть. Эта дорога не хуже остальных, и кто сказал, что умирать в постели, в окружении суесящихся докторов и рыдающих близких – приятнее? Ей не понять, но не ей тогда и судить.

Надо было собирать невесту в дорогу. И тут откровенно вредила Любава. То есть она старалась помочь, но слезливая бабская натура брала свое – и царица-мать срывалась на горестное: «как же ты там в чужой-то стране, без меня-а-а-а...».

Невесту это не радовало, так что сборы проходили в весьма нервной обстановке. Софья уж раздумывала, не попросить ли Ромодановского о личной услуге? Лучше уж беременная царица, чем впавшая в слезоразлив. Но сейчас было не до того.

Надо было в очередной раз прошерстить бояр, которые были недовольны отъездом царевны из страны – и под это дело еще раз воспитать в них патриотизм. Все-таки ей оставаться на хозяйстве. Да и повод хороший. Она – стерва и гадина, гнобит благородное сословие, а добрый государь потом приедет, погрозит сестрице пальцем и всех помилует. Как говорится, ни один добрый дядюшка Сталин не может без злого Бери.

Надо было внимательно следить за Немецкой слободой и за посольствами – шпионы не просто активизировались, они носились, как в зад укушенные. Еще бы, столько всего в воздухе носится! Но то московский воздух. А вот чтобы не перенеслось во Францию или там, Австрию – надо было проследить.

Надо было начинать готовить царевича Федора. Погоревал, помолился – пора работать! Если его действительно отправлять наместником к шведам, ему кучу всего еще знать надо.

Надо, надо, надо... Софья просто падала вечером и выключалась, словно перегоревшая лампочка.

Иван тоже сидел, не разгибая спины. Он собирался на войну, но казначейство тоже просто так не оставишь. А потому – все расписать помощникам, выдать порцию воспитательных подзатыльников, пообещать еще столько же по возвращении, приставить наблюдателей и тех, кто будет наблюдать за наблюдателями, а то дай людям волю – все разворуют. К тому же, кто-то должен организовать снабжение. Мало ли, если они на год задержатся...

Оставлять жену и детей ему не хотелось, но куда деваться?

Подходил к концу 1689 год и все готовились отмечать Рождество. А весной армии стронутся с места – и лик мира необратимо изменится.

## Глава 4

1690 год

– Зеленою весной, под старую сосной...

Софья насвистывала песенку, глядя из окна вслед войску.

Сегодня уходили последние полки. Уже три дня, как она попрощалась с братом, поцеловала мужа и попросила беречь себя.

Мальчики обещали, но Бога ради, когда это удавалось сдерживать подобные обещания – на войне? На сердце было тревожно и тоскливо, но Софья скорее удавилась бы, чем показала свое настроение окружающим.

Она – регент при наследнике. Есть еще и Ульрика, но Уля в жизни не полезет в государственные дела, а ей, Софье, надо быть сильной и спокойной.

– Вернуся я к тебе, красавица...

– Государыня...

Ромодановский подошел так тихо, словно у него в роду кошки были.

– Князь? – на лице Софьи была вежливая улыбка. А вот в глазах князя-кесаря (он-таки получил этот титул) светилась тревога.

– Государыня, это... личный вопрос.

– Мой или ваш кабинет?

– Это всего два слова. Любава в тягости.

Софья кивнула.

– Вы?

– Я.

Ну да, кто ж еще рискнет соперничать с главой *такого* приказа? Потом ни рожек, ни ножек не найдут.

– Она против?

– Нет. Но ей страшно.

Царевна усмехнулась.

– Так успокойте ее? Объясните, что никто ее ребенка не заберет. Подберем подходящую роженицу, сочиним легенду – и будет чадушко при ней. Да хоть бы она на богомолье поехала, а на обратном пути ей младенца подкинули. Наследовать трон, конечно, не будет, но и от Любавы ему денег достанется, и вырастет в роскоши и замуж выйдет, или, там, женится, как положено.

Федор Юрьевич перевел дыхание. Сомневался все-таки, ну, дело житейское. Мало кто обрадуется внебрачному прибавлению.

– Успокою. Не гневаетесь, государыня?

– Наоборот. Хорошо, что так получилось.

Володя уехал, Наташа – тоже, Любава оставалась вовсе уж без дела, пусть ребенком займется. А сплетни... на Востоке длинный язык укорачивают с головой. Вот не худо бы и здесь такую традицию ввести.

\* \* \*

Во Франции тоже было оживленно.

Людвик готовился к войне с Англией. После усмирения бунтов, нормального правления там так и не было. Был парламент, была палата лордов и палата общин – и только-то. Сыновья Карла себя дискредитировали, да так, что при одном упоминании любого сына у англичан изжога открывалась.

Хватит!

Один бежал, второй и третий – братоубийцы, какие там остальные – и подумать страшно! Были, правда, еще дочери Якова...

Но кто из них достоин занять трон?

Мария? Анна?

Тут-то и возникал сложный вопрос. Мария замужем за Карлом Шведским, Анна за Георгом Датским, а эти две страны собирались сцепиться. И кого приглашать на трон Англии?

Извините, в чужих сварах участвовать англичане не нанимались, своими уже сыты по горло. Лучшим вариантом тут было подождать и посмотреть, кто победит. А уж потом...

Так что шансы у Людовика были – и очень неплохие. Сын Якова, законный, мать – королева, причем теперь уже дважды, войска есть, а вот Англия сильно ослаблена.

Почему бы и не попробовать?

Главное препятствие представлял английский флот, но что – у французов своего флота нет? Есть, и еще как. Маркиз Сеньелэ, кстати, сын Кольбера, всю душу в него вложил. И адмирал был подходящий – де Турвилль.

В то время, как в Англии...

Сэр Эдвард Рассел мог рвать и метать, мог делать, что угодно, но – где взять деньги? Только сильная страна может позволить себе сильный флот, а

у него...

П-парламент!

Продовольствие поставляется такое, что его не всякая собака есть будет, канаты гнилые, корабли не чинятся, а моряки, не получая денег, начинают потихоньку разбегаться. Нескольких дезертиров поймали и повесили, но, положив руку на сердце, сэр Эдвард понимал, что обещаниями сыт не будешь. Семью кормить надо...

Сейчас у Рассела было порядка пятидесяти – шестидесяти боеспособных кораблей, но, опять же – это полбеда! А пушки?

Снаряды?

На эскадру приходилось порядка трех с половиной тысяч орудий. А у французов пушек было побольше, ох, побольше. Кроме того, кто сказал, что это были русские пушки?

К русскому оружию сэр Эдвард относился весьма уважительно. Много можно сказать про этих варваров, но пушки они лить умеют. Скорострельные, дальнобойные – три штуки на всю эскадру, установлены на корабле-флагмане. Стоят – чуть ли не по весу золотом, но ведь они того стоят! А остальные?

Пятьдесят на пятьдесят?

Ага, как же! Скажите, десять на девяносто! Десять процентов пушек хороших и девяносто такого барахла, что врагу б его подарить диверсии ради – да не возьмет!

А у французов?

Чего только стоит фрегат «Солей-Руаяль»! Сто десять пушек! Свеженький, недавно с верфей, да и французских адмиралов идиотами не назовешь...

Очень мало бы утешило Эдварда Рассела сообщение о том, что кормят французов не намного лучше, а порох, который им поставили, большей частью состоит из угля – и потому нужно его побольше. Да и нагар с него....

Его же выделили! И стрелять пушки будут! Вот...

К тому же, там, где англичане делали ставку на калибр пушек, французы ставили более мелкие орудия, но и более скорострельные. И на два английских выстрела могли ответить своими тремя.

Сэр Эдвард понимал, что в начале июня французский флот выйдет в море. И что битве – быть.

Кто победит?

Неважно. Свой долг он выполнит и будет стоять до последнего, что бы ни случилось.

\* \* \*

– А вырос-то как! И как на батюшку похож!

Польская королева, не стесняясь, тискала приехавшего брата. И верно, из всех Романовых, Володя был больше всего похож на отца. Те же мягкие черты лица, чуточку беспомощное выражение, добрая улыбка, лет двадцать пройдет – и не отличишь их...

Своей доли восхищения удостоилась и Наташа – и пришла очередь кузенов. Сын, сын, три дочери и еще один сын – польская королевская чета времени не теряла, преумножая число юных Корибутов.

Поцелуи, объятия, слезы, письма...

В том числе и несколько официальных, переданных Михайле. Свадьба польского королевича и княжны из рода Ракоци должна была состояться в Польше, а Наташе предстояло ехать в Венгрию. И глядя на юную царевну, Михаил не мог не подумать, что Ференцу повезло.

Красавица, умница, если она хоть чуть похожа на его, Михайлы, жену – лучшего и не надо. Сколько лет они с Марией вместе, а Михаила на других женщин и не смотрел. К чему?

Мария любила его, была умна, красива, подарила ему детей, к тому же, жену он искренне полюбил. Женился по расчету, а получилось – счастье. Вот и сыну бы так повезло! Хотя мать у Юлианы умничка, может, и дочь окажется не глупее.

Вот прибудут венгры – посмотрим. А пока можно и племянников порасспрашивать. Что на Руси делается, как, когда... Сильный сосед – это хорошо. А такой, который с тобой плечом к плечу стоит – так и еще лучше.

\* \* \*

– И даже если невеста тебе не понравится, или ты разочаруешься – все равно улыбайся. И будь милым. Ты понял?

Ферек кивнул.

Да понял, понял он все. И вообще – русская царевна им необходима. И союзник, и поддержка, и укрепление связей, да и лучше уж русская царевна, чем какая-нибудь германская или итальянская княжна. Их там столько бегают – что тараканов в бедняцкой хижине. А толку?

Эта-то уж точно родовитая.

– Юлиана, это и тебя касается. Губ не кривить, рож не строить,



ученость не показывать. Мужчины не любят умных женщин.

– Но папа же на тебе женился?

– Это был такой же политический брак. И потом, – по губам Илоны скользнула лукавая улыбка, – я его не пугала. Старалась не испугать с самого начала. Уже потом он разобрался...

В Краков они въезжали тайно. Без шума, гама, торжеств и цветов – его величество прислал письмо, а Илона и не возражала. Ни к чему.

Вряд ли Леопольд ограничится одним покушением. А дети... ее дети, последняя надежда Венгрии! Они должны жить!

Должны выйти замуж, жениться, родить и воспитать истинными венграми своих детей, добиться, чтобы их страна стала сильной и свободной...

Имре оставался дома.

Ему вовсе не хотелось участвовать в торжествах, гулять на чужой свадьбе, да и вообще – веселиться. Горе пока еще гнуло его к земле.

Илону тоже, но... Илона могла все стерпеть, что бы ей ни выпало на пути, а вот Имре – горячий, вспыльчивый, гордый, никогда не терпел того, что ему не по нраву. Ох, Жужанна, доченька...

Видимо, чем-то Илона себя выдала, потому что Ферек положил ей руку на плечо.

– Мам, я обещаю, я обязательно отомщу за нее! Клянусь!

– Вместо ответа Илона растрепала смоляную макушку сына.

Будь оно проклято, ну почему ее малыш вынужден так рано повзрослеть!?

Почему!?

И сколько еще потребует от него этот жестокий мир? Чем он заплатит за право носить имя Ракоци?

Илона не знала. Она бы всю кровь отдала по капле, лишь бы ноша ее сына оказалась чуть полегче, но... кто бы взял? Дьявол не приходит подписывать договора кровью, даже когда смертные на это заранее согласны.

А еще...

Как-то она уживется с невесткой? Как-то невестка уживется с Фереком? Будет ли счастлива Юлиана?

Известно же, что жена – это больше половины удачи мужа. Достанет ли удачи на ее сына?

Господи, помоги!

Пресвятая Богородица, ты же тоже мать...

Но небо безмолвствовало в ответ.

Французский флот вышел в море в середине мая 1690 года.

Английский флот...

О, что бы только не отдал сейчас сэр Эдвард за помощь ну хоть откуда-то! Хоть Дания, хоть Голландия, хоть бы кто...

Не дождешься.

Все заняты своими делами, никому нет дела до несчастной Англии. И чем они прогневали Бога?

Сэр Эдвард честь честью отстоял службу, помолился за победу – и английский флот также вышел в море.

Два флота сошлись двадцать второго мая в проливе Ла-Манш, неподалеку от мыса Бичи-Хэд.

В эскадре Рассела было пятьдесят семь линейных кораблей, двадцать фрегатов, почти три тысячи семьсот орудий и двадцать тысяч человек.

Французский флот, увы, превосходил англичан количеством. Семьдесят линейных кораблей, шесть фрегатов, сорок два брандера – и более четырех с половиной тысяч орудий. Более новых и лучших, чем у англичан.

К тому же – почти тридцать тысяч человек.

Авангардом французов командовал Шато-Рено, авангардом англичан – Торрингтон. И это стало решающим в битве при Бичи-Хэд.

Увы, решительностью Торрингтон и в лучшие свои дни не отличался.

У сэра Рассела мнение было вполне определенным – атаковать. И немедленно. Торрингтон же замешкался, ввиду превосходства сил противника – и это сыграло на руку де Турвиллю.

Пусть северо-восточный ветер сопровождал англичанам – у французов оказалось достаточно времени, чтобы подойти поближе.

Шато Рено отважно приблизился к английскому флоту на дистанцию пистолетного выстрела и открыл огонь.

Торрингтон, растерявшись, подал команду открыть ответный огонь не сразу и французы успели перезарядить орудия.

– ОГОНЬ!!!

Ядра выли и свистели над морем.

Эдвард Рассел буквально рычал от гнева, выводя вперед свои корабли. Торрингтон, идиот Торрингтон! Но кто же знал!?

Вообще, разведка у англичан была поставлена неплохо, но как ты проследишь за флотом – в море? Как угадаешь, куда он пойдет?

Рядовым морякам такие вещи не сообщают, да и как прислать весточку с борта корабля?

В ответ на действия англичан, французы, дождавшись, пока те выстроятся в линию (это не драка один на один, где главным является маневр, в данном случае маневрировать было негде, просто держать строй и стрелять, пока хватит боеприпасов), ответили своим огнем – и выпустили брандеры.

Благо, у французов они были.

Англичане принялись их расстреливать, но меткость канониров той эпохи была такова, что в цель они попадали большей частью случайно.

Да еще ветер, беспокойная вода...

Штук восемь брандеров и правда, взорвались, не доплыв.

Зато остальные три десятка достигли английской линии. Кто-то взорвался, кто-то честь по чести, загорелся, забросив абордажные крюки на подвернувшийся корабль врага...

Строй англичан дрогнул и принялся распадаться. Сэр Рассел пытался навести порядок, но куда там!

Один из брандеров вообще очень удачно поджег корабль Торрингтона, а в результате весь авангард потерял командующего.

Арьергард был пока загроможден основной частью флота, но кое-кто уже, подумав, пустился наутек, справедливо полагая, что сэру Расселу будет не до них, а потом – разберутся. Если будет кому разбираться.

А дела англичан ухудшались.

Де Турвилль приказал Шато-Рено продолжать обстрел, а сам двинулся вперед, чтобы обойти противника с наветренной стороны и взять «в два огня». Рассел понимал, что с ним хотят сделать, но...

Брандеры сыграли свою роль.

Авангард горел, приближаться к ним было просто опасно – и французы собирались ударить именно в этот разрыв.

Рассел угадал верно – превосходство в артиллерии также сыграло свою роль. Двенадцати и восемнадцатифунтовые орудия наносили громадный ущерб такелажу, на палубы английских кораблей летели книппели и брандскугели, и перестрелка продолжалась около трех часов.

Эдвард Рассел стоял насмерть, но французы, окружив-таки его флот с боков, стреляли, словно заведенные. Поражение было неизбежно и Рассел думал уже о том, чтобы сохранить хотя бы часть флота, но потом на помощь англичанам пришла погода.

Ветер, который так умело использовали французы, стих в одночасье.

Начался полный штиль – и тут французы приуныли.

Галер которые могли передвигаться на веслах, у них с собой не было. Впрочем, у англичан их не было тоже, но за них был начавшийся отлив, которым воспользовался Рассел.

Корабли англичан начали постепенно отходить, пользуясь шлюпками. Их буксировали к течению, французы пытались преследовать их, пользуясь тем же приемом, но шлюпка – это не корабль. Тут надо грести, а за высоким бортом не спрячешься, так что англичане принялись вполне успешно отстреливаться.

Де Турвилль махнул рукой и принялся наводить порядок в эскадре.

Никуда англичане не денутся, наступит прилив – и можно будет их догнать. Или ветер подует...

\* \* \*

Ветер не подул.

Словно издеваясь, погода дала англичанам фору в три дня. Впрочем, это их особенно не спасло.

Из семидесяти с лишним кораблей Рассела уцелело не больше тридцати, погибло около десяти тысяч человек. Раассел знал, что не меньше десятка кораблей французы просто захватили – и спустя пару месяцев английские пушки станут стрелять по англичанам. А что? Потратят время на ремонт и переименование – и добро пожаловать в открытое море.

Впрочем, отпущенное ему время Рассел использовал с толком.

Снял все флаги и буйки в устье Темзы, чтобы враг помучился, если решит высаживать десант, поднял на ноги отряды милиции и приказал строить баррикады.

Англичане нарек поняли – и из Лондона начался отток людей.

Купцы вывозили добро, дворяне кто уезжал, кто готовился к обороне... и волновались англичане не зря.

Де Турвилль потерял всего десяток кораблей, плюс изначально предназначенные на убой брандеры. Но люди, кроме полутора тысяч человек (из них около двухсот раненых), были целы и на ногах. Де Турвилль отлично понимал также, что другого шанса не будет.

Если сейчас он попробует войти в Темзу...

Может – получится, может нет, но это будет оправдано. И потом, он уже разбил английский флот. Он уже победитель.

Захват Лондона, если получится, вознесет его на пьедестал. Если же

нет – адмирал почти ничего не теряет, ну, кроме славы. Но жил он без нее и проживет, а вот возможность дать хорошего пинка англичанам – овчинка определенно стоила выделки.

Оставалось найти лоцмана. И...

\* \* \*

Как известно, кто ищет – тот обрящет, а потому, когда к де Турвиллю привели бедно одетого парня с растрепанными соломенными волосами, он сильно не удивился.

– Ты хочешь помочь?

– Да, ваша милость, – парень выглядел этаким смекалистым крестьянином, весьма себе на уме, так что доверять ему де Турвилль не собирался.

– Как тебя зовут?

– Лукас Мор, ваша милость.

– Люк, значит....

– Как будет угодно вашей милости.

А глаза серые, ясные, умные. Не бегают из стороны в сторону, нет в них этакой угодливости, отличающей тех, кто пресмыкается перед вышестоящими. Даже дерзкие немного глаза.

Но ведь сам пришел?

И отлично понимает, что в случае предательства судьба его ждет незавидная, в лучшем случае утопят или пристрелят. Так отчего...?

Это граф и спросил. И получил поразивший его ответ.

– Так ведь вы, ваша милость, все равно никуда не денетесь. Начнете искать, допрашивать, рано или поздно кто-то да согласится, не за деньги – так под пыткой. Вот я и подумал – почему бы не мне? Только за денежку, а не за плетку...

Звучало логично, но для крестьянина?

Де Турвилля так и потянуло взяться за ту самую плетку и немного вытряхнуть правду из крестьянина. Но тот словно почуял.

– А еще, ваша милость, в Лондоне сейчас мой отец.

И вот тут-то глаза парня полыхнули настоящей, неподдельной злобой, так, что адмирал мигом заинтересовался.

– Твой отец...?

Вместо ответа парень грязно выругался. История была стара, как мир.

Младший сын лорда, служанка, ребенок... правда, в этот раз ребенку

повезло больше. Его мать не выгнали из дома, она не пошла по рукам, малыш не родился в сточной канаве – нет. Просто его мать оставили в имении, но выдали замуж за рыбака, который колотил ее семь раз в неделю, а по праздникам – и два раза в день, просто чтобы не забывала своего места.

Ну и мальчишке тоже доставалось, да так, что кожа на заднице зажить не успевала. Так что любовью к родственникам мальчишка не проникся. Сбежал из дома, стал сначала юнгой на корабле, потом матросом, ходил и по Темзе, знал фарватер...

Деньги ему сейчас были не лишние.

Купить домик, забрать мать к себе, жениться, а если повезет, то и на жизнь останется, чтобы пару лет в море не ходить.

Разве плохо?

А побочно – месть.

Вот эти соображения адмирал понял и принял. И решил рискнуть.

Пусть Лукас проведет их по Темзе, а там уж они разберутся. Он даже честно расплатится, почему нет? Когда у человека только корысть – это плохо. А вот когда к ней примешиваются еще и личные мотивы – добровольный лоцман и не скрывал, что очень хочет оказаться в Лондоне во время сражения, и под шумок изничтожить своего настоящего отца. А не получится убить – так хоть дом пограбить.

Другого случая насолить и остаться безнаказанным у него точно не будет.

Адмирал еще раз подумал, выдал парню задаток и приказал запереть его покрепче и стеречь получше. А дня через два...

Де Трувилль не был бы таким спокойным, если бы узнал о выпавшем из биографии предателя эпизоде. Так-то все верно. И по Темзе ходил, и отец – сволочь, и мать забрать хотелось, но...

Деньги на это уже были.

Большая часть. И еще определенная сумма ожидала Лукаса после возвращения. Да, и так бывает. Пришли люди, заплатили деньги и предложили помочь французам. А что с лягушатников возьмешь – то и так твое будет.

Кто, зачем – в такие подробности Лукас не вдавался. И про Русь отродясь не задумывался. Какая там царица Софья?

Он и имени-то такого не знал, и ведать не ведал. А для нее все укладывалось в строку.

Французы сейчас крепко сцепятся с англичанами, и это – надолго. Очень надолго.

И те, и другие – народ крепкий, полыхнет Англия, что тот пук соломы и гореть будет долго. А лучше бы и сто лет! Или вообще пусть на рекорд идут! Столетняя война была? Даешь двухсотлетнюю! Лишь бы Людовику было не до Европы!

\* \* \*

Европе тоже не было дела до Англии, там были свои проблемы и заботы.

Женился его величество Карлос Второй. Мария-Анна Пфальц-Нейбургская была неглупа, красива, но стервозна до крайности, что и отметила жена Короля морей. Сразу же, стоило только рыженькой немке вылезти из экипажа.

Церемония венчания должна была состояться в Вальядолидо. Разумеется, брачный договор был заключен раньше, но именно здесь венценосные супруги должны были впервые увидеть друг друга.

Хотя...

Мария смотрела на Карла, который был тосклив и отрешен – и думала, что лучше бы супруг не маялся дурью. Иначе-то его затею и не назовешь.

Карлос весь в воспоминаниях по усопшей супруге, а рыженькая...

На Руси, кстати, рыжих недолюбливали. Сестра объясняла, что это предрассудки, но... иногда и они в точку попадают!

Другая женщина, может, и отогрела бы Карла, заставила забыть о Марии-Луизе, сумела бы отвлечь... не эта! Эта слишком занята собой, слишком эгоистична, жестока, сттервозна – в первоначальном понимании этого слова.

Падальщица, иначе и не скажешь. С сильным в драку не полезет, но Карлоса постарается подмять и затоптать, он-то слабее супруги.

Мария сжала руку племянника. Тихо-тихо, чтобы никто не видел и не слышал.

– Как ты, братик?

Иногда она позволяла себе такие вольности в обращении. Сейчас это возымело действие. Карл пришел в себя, посмотрел на свою жену, потом перевел взгляд на жену сводного брата.

– Плохо. Она... не та. Злая, глупая...

И что тут скажешь?

Дурачок?

Ну, в чем-то – да! Физическое развитие никакое, интеллектуальное...

писать – и то толком не умеет, но ведь разбирается в людях!

И неплохо разбирается! Сказалась жизнь придворная!

А каким мог бы быть Карлос, если бы его развивали с детства? Воспитывали? Вкладывали ума, а не пресмыкались перед наследником престола?

Уж точно неглупым парнем.

Но – принц. Так что половина его наставников точно думала не о том, как научить, а о том, что получить от своего поста. Какие выгоды, преференции, ну и упустили мальчишку.

– Может, вы сможете подружиться?

Увы, надо же было так совпасть, чтобы в этот момент Мария Анна нашла взглядом Карлоса. И такое отразилось на ее лице...

Брезгливость, надменность, презрение – и она даже не дала себе труда это скрыть. Хотя, казалось бы...

Кто ты такая есть?

Младшая дочь, не особо богатая, строго говоря, некоторые церковные крысы состоятельнее будут, из достоинств – смазливая мордашка, да сестра – императрица Элеонора, жена Леопольда, а в остальном – ноль. Гольный.

И вот, попадаешь ты в чужую страну – и даже не даешь себе труда улыбаться тем, от кого теперь будет зависеть твоя жизнь или хотя бы уровень ее комфорта?

Шикарно!

И ведь Карлос заметил. И в ответ взглянул на Машу такими глазами... ей-ей, это был взгляд спаниеля, которого злой хозяин выгоняет зимой на мороз, а собака и протестовать не может.

– Ох и наплачемся мы с ней, – подумала Маша вслух. Тихо-тихо, так, чтобы слышал только Карлос.

– Почему Хуан выбрал ее?

– Политика...

Вопрос был риторическим, ответ тоже. Леопольд подсуетился, Рим помог, ну и результат...

– Если бы на ее месте была такая, как ты...

Комплимент был приятен. Мария вздохнула.

– Надо встречать невесту, братик. Держись.

И вышла из комнаты.

Еще через четыре часа Мария-Анна Пфальц-Нейбургская стала королевой Испании.

Карлос был мрачен и холоден, не обращал никакого внимания на невесту и все внимание уделял шикарно накрытому столу. Брат пытался



призвать его к порядку, но потом посмотрел на невестку, на жену – и передумал. Потом будет время для убеждений. Потом.

А сейчас надо дать мальчишке время свыкнуться с мыслью о втором браке. Может, хоть что получится?

Забегая вперед – не получилось.

Ни в эту конкретную брачную ночь, ни в другие. До смерти Карлоса Марии-Анне, которая получила в браке имя Марианны, чтобы не путать с принцессой Марией, суждено было оставаться девственницей.

А наутро милая дама закатила первый семейный скандал бедолаге Карлосу. Увы – безуспешный.

Карлос попросту сбежал от ее истерики, зато на вопли пришла Мария, выставила за дверь всех придворных дам, смирив взглядом «сестренку» и попросила не омрачать светлый образ испанской королевы манерами рыбной торговли.

Марианна попыталась поскандальить и с ней, но куда там немецкой княжне было до русской царевны? Пара качественных оплеух быстро привела дамочку в чувство. По лицу Мария не била, чтобы следов не осталось, но на человеческом теле и так болевых точек хватает, их просто знать надо.

Марианна попыталась достойно ответить, но запуталась в юбках и чуть сама себе не разбила нос об неудачно подвернувшийся стол. А Мария вежливо попрощалась и отправилась к Карлосу. Утешать беднягу.

Да уж...

И как тут размножаться? С такой женой и здоровый мужик всяких сил лишится, а уж бедняга Карл и пальцем к ней притронуться не сможет. Заварили они с Хуаном кашу... остается только молиться, чтобы Хуан не преставился раньше Карлоса, а то с этой стервой будет куда как сложнее сладить.

Королева, мать ее...

\* \* \*

– Когда-то вы теперь приедете...

Соня крепко расцеловала Ваньку, обняла на прощание Беллу.

– Здесь вас всегда будут ждать, что бы ни случилось.

– Спасибо, сестренка.

– Спсибо, – тщательно выговорила Белла. За зиму она сильно прогрессировала в русском, но легкий акцент оставался. Хотя это ее делало

только более очаровательной.

Кремль пустел.

Ушли на войну мужчины, уехали Володя с Наташей, отправилась на богомолье Любава – решила заранее приспособливаться, а то давно никуда не выезжала, отправились в Дьяково дети...

– Ваня, ты помнишь про наш уговор.

Иван кивнул.

Помнит – и сделает. С ними в Португалию поедут десятка два Софьиных людей, которых она почему-то называла «охотники за головами». Чьими?

Ученых!

Там, в Европе, кипят войны, гибнут люди, а на Руси – тишь да гладь. Относительно, конечно, но ведь и приглашать их будут не в Крым, а в Москву. В Университет.

Ребята из царевичевой школы поездят по Европе. Каждый должен отобрать не меньше десяти ученых – и убедить их поехать на Русь.

Как?

Как угодно.

Заинтересуй, предложи грант, укради любимую собачку и пошли ее на Русь, чтобы ученый за ней поехал – твои трудности. И чем выше качество ученых, тем большую награду ты получишь.

Софья не могла сама заниматься наукой, но развивать Университет стоило.

А при чем тут Ваня?

Ребята – не ученые, они охотники за головами. А как понять, кто лучше, кто хуже, кем стоит заниматься, кем не стоит? Вот тут Иван и может помочь в сложных случаях. Обещал.

А потом заскрипели колеса карет, взметнулась пыль под копытами коней – и вот уже и нет никого на площади перед Кремлем.

Не понимают жители двадцать первого века своего счастья, никак не понимают. С поездами, самолетами, машинами...

А вот поездили бы в карете, когда путешествие из Петербурга в Москву мало не неделю – и это по царской дороге, а не как сейчас. Сейчас-то и побольше будет. Это вам не «Красная стрела».

И Софья отчетливо понимала, что может никогда больше и не увидеть брата, Белочку, тем более – их детей... тоскливо.

Боже, как же от этого тоскливо. Как птице в клетке!

Что ж. Зато она не заперта в тереме, как царевны до нее, хоть тут она судьбу переломила. И дороги строятся. Так что не стоит унывать,

государыня.  
За работу.

\* \* \*

Отправлялась на войну и датская армия.

Кристиан был доволен и воодушевлен. На хозяйстве оставался Георг, но в кои-то веки не проявлял недовольства.

– Если у нас все получится, ты можешь сесть на трон Англии, – втолковывал ему брат.

И верно, по жене. Но...

– Французы?

– Людовик своего не упустит, это верно. Но это надолго, а если что – думаешь, кого предпочтут англичане? Протестанта, который женат на дочери их покойного короля – или ставленника французского короля?

Ответ был ясен.

Так что Георг оставался дома с превеликим удовольствием и надеждой. А Кристан, во главе армии из сорока тысяч солдат собирался вторгнуться в Швецию из Хельсинборга, как и обычно. И постепенно пойти маршем по Сконе.

Алексей Алексеевич ударит с другой стороны, из Финляндии, а воевать на два фронта шведы не смогут, нет у них ни сил, ни денег. Так и до Стокгольма дойдем...

Карл, конечно, будет сопротивляться, но помощи ему ждать неоткуда, платить за нее тоже нечем – пока никто в Европе не спохватится, есть шанс поделить Швецию, как согласовано. Чтобы и Дании отошел хороший кусок, и Руси, ну и союзникам досталось. И глупо будет его упустить.

Датская армия насчитывала почти двадцать тысяч человек. Несколько десятков пушек, кавалерия...

Им предстояло переправиться через пролив, но кораблей хватало. А вот шведские суда после разгрома русским флотом особой опасности не представляли.

Карл остервенело строил новый флот, но это ж не просто лоханки? Флот – это и пушки, и матросы, а вот последних как раз был недобор. Чтобы умных и опытных. Раньше такими на шведских кораблях были все, сейчас же, в лучшем случае, каждый пятый.

Да и сами корабли...

Из сырого дерева, потому что в стране бардак, на верфях, что ни день,

пожары, а откуда доски-то везти? Из Европы? Из Колоний?

Второе и то вероятнее, но дерево-то золотым получится. Одним словом, в победе своего флота Кристиан и не сомневался – и собирался запустить его в залив. Пусть крейсирует вдоль шведских берегов.

А к тому же...

Аландские острова.

Взяв их, можно спокойно идти на Стокгольм. Прошлый раз они их захватывали, да отдали. В этот раз они такой ошибки не совершат. Не бывать больше Швеции. Натерпелись! Довольно!

\* \* \*

Илона ожидала многого. Но такого сердечного приема...

Ей-ей, можно было подумать, что она – королева Франции. Или Испании. Кто-то очень важный и нужный. Потому что столько радушия...

Илона прекрасно понимала, что поляки нужны ей больше, чем она им. Польше – что? Стояла и стоять будет, тем более, большую часть шляхты Михайла отправил воевать вместе с Собесским – и оттуда много кто не вернулся, оставшиеся паны сидели ровно и неустанно славил мудрого правителя, да и поддержка Руси кое-что значила. Польша-то выстоит.

А вот они без поддержки Руси и поляков быстро превратятся в тот же придаток Австрии, каким и являлись несколько веков.

Вассалитет был нужен больше венграм. И свадьбы эти – тоже. Какое там – отказаться? Илона так и настраивала и Ферека, и Юлиану – даже если вам кто-то не понравится, стисните зубы и терпите! Терпите, балбесы!

Жить хотите?

Тогда и на корове женишься, и за черта замуж выйдешь! Жужанны вам мало? Думаете, вас Леопольд пожалеет?

Не думали, отчетливо понимая, что жалости им от Австрии не дожждаться. Но готовы были к худшему. Что примут их... ну, не как нищих просителей, но как бедных родственников, и что за спиной будут фыркать...

Ан нет.

И сердечная улыбка Михайлы Корибута, и радушие королевы Марии, и роскошный прием – все оказалось неожиданным. Но приятным.

И шляхта не перемигивалась за спиной, обсуждая венгров, нет. Муж рассказывал, как встретили его при дворе короля-солнце. Так вот, там к нему относились, как к человеку откровенно второго сорта. В лицо не

смеялись, а то бы часть придворной швали точно не выжила, но за глаза говорили многое, Ферек знал...

Здесь же... было полное ощущение, что Михайла жестко построил своих подданных. И пообещал самые страшные кары, если кто-то чем-то обидит гостей.

Предоставленные покои, слуги, даже наряды (мало ли, вдруг что-то с дороги не годно, а тут и подогнать можно...) были выше всяких похвал. Все было устроено так, что Илона ощущала себя дорогой гостьей – и это было приятно.

Она, кстати, не ошиблась. Когда шляхта принялась судачить о роде Зриньи, да и о Ракоци, Михайла таки стукнул по столу кулаком. Да уж... это не пятнадцать лет назад, когда он был больше декоративной фигурой, сейчас его позиции заметно укрепились.

– Илона Зриньи – мать вашей будущей королевы.

Этого оказалось больше, чем достаточно.

Умные поняли и прикусили языки, тем, кто чуть поглупее – растолковали, а самых тупых пришлось временно устранить. Или не совсем временно, как повезет. Михайла отлично осознавал, что у Польши большое будущее, но только если не помешает непомерное самолюбие и самолюбование шляхты. И боролся с ним, что есть сил.

Успешно боролся.

Так что смерить Илону, которая в трауре, кстати, выглядела покрасивее половины придворных паночек, презрительным или даже непочтительным взглядом, никто не осмелился.

Но первое знакомство детей все равно прошло без свидетелей. Просто в покои Илоны явилась ее величество.

– Княгиня, я рада, что мы наконец-то познакомились.

Илона улыбнулась в ответ, чуть поклонилась, все-таки она считается чуть ниже по статусу, да и не время нос задирать, но...

– Нет-нет, что вы! Прошу вас, мы же обе – матери!

Черные глаза встретились с синими. Как много можно сказать парой взглядов? Как много можно выразить с помощью одежды, манер, даже улыбки...

Илона увидела, что Мария готова к разговору, более того, настроена очень дружелюбно. Только сделай шаг навстречу – и отношения перейдут в категорию родственников. Об этом говорило все. И нарочито простое платье с минимумом украшений, чтобы собеседница не чувствовала себя ущемленной, и улыбка, и главное – выражение лица и тон. Мария недвусмысленно давала понять что они – союзники. Потому и пришла

сначала одна, чтобы не было лишней церемониальности.

Мария же видела женщину, которой сейчас приходилось очень нелегко.

Смерть дочери, угроза другим детям, гордость, характер – адская смесь, которая бурлила в душе Илоны. Но княгиня Ракоци держалась, пока держалась. Внутри у нежной лилии был стальной стебель. Если они будут союзниками, а полякам в этом был прямой резон – их страны заметно усилятся. А разругаются...

Австрия близко. Леопольд не дремлет... (Мария понимала, что император опасен, но не могла удержаться от улыбки, вспоминая кота из сказок Софьи. Да уж, этот не предложит жить дружно, тем более мышам).

– Да. И моей дочери предстоит остаться у вас...

– Клянусь, я ее не обижу! Я понимаю, что Ежи надо жениться, а Юлиана просто очаровательна. Видимо, в мать.

Илона чуть расслабилась.

Да, очаровательна. И Юлиана, и Ферек взяли лучшее от нее с мужем. И лица, и характеры...

– Кстати, Ежи сейчас прогуливается по саду. Может быть...

Илона поняла с полуслова.

– Пожалуй, моим детям тоже не помешает подышать свежим воздухом.

Дети нашлись достаточно быстро – и были отправлены в сад. Пусть знакомятся. И пусть только посмеют губы покривить! Голову оторвет! Лично!

Мария тем временем усадила Илону рядом с собой на диван, приказал принести кофе, который (вот странность!) разбавила молоком, сладости – и потихоньку завязала беседу о самом главном.

О детях.

Ежи и Ферек, Наталья и Юлиана, привычки и вкусы, смешные истории из детства, примерно на десятой минуте Илона расслабилась, а к концу первого часа они с польской королевой уже были подругами.

Обе – матери, что тут еще скажешь?

\* \* \*

Тем временем молодежь гуляла по саду. Ференц вел сестру под руку, пока не услышал звуки музыки. Струны гитары плакали, стонали, перебор был незнакомым, но приятным.

– Посмотрим?

На скамейке у пруда оказалось трое подростков, не старше их. Юноша с золотыми волосами перебирал струны гитары, что-то напевая на незнакомом, но приятном языке. Двое – девушка помладше, такая же светловолосая, и черноволосый парень – слушали, а девушка еще и подпевала. Гостей заметил черноволосый парень – и махнул рукой, приглашая присоединиться.

Встал, освобождая место на скамье для Юлианы, помог девочке устроиться, расстелил на траве плащ, уселся и приглашающе махнул рукой Ференцу.

– Располагайтесь.

Ференц не заставил себя упрашивать, уже догадываясь, с кем их свела судьба.

– А на каком языке эта песня?

– На русском. Моем родном.

По уговору ему ответила светловолосая девочка. Ференц пристально взгляделся в знакомое по портрету лицо.

Что тут скажешь?

Художник не преувеличил. Наоборот, он не смог передать обаяния этой юной красавицы. Дерзкой улыбки, упрямства в глазах, характера... когда она чуть подрастет – дворяне с ума сойдут. Ферек знал от матери, как отец гонял от супруги самых непонятливых наглецов. Кажется, ему предстоит то же самое?

Но печальной эта перспектива мальчишке не казалась. Сейчас, глядя в синие глаза, он понимал, что его невеста очаровательна. И если она еще и умна...

– А о чем она?

Девочка лукаво прищурилась.

– О том, что век воина недолог – и потому славен. Его участь смерть, и ему не стоит обещать вечную любовь юной деве, но он останется в веках. Я могу попробовать перевести, но... на какой язык?

– А вы владеете венгерским?

Сейчас они говорили по-польски, и Ферек отмечал, что у девушки даже акцента нет. Словно это ее родной язык.

– Пока еще плохо, – призналась девушка, – я учила его и продолжаю изучать, но мне сложно...

– Отчего же?

– По-настоящему язык можно выучить, только разговаривая на нем. С теми, для кого он родной. А на Руси таких мало. Вот польский изучить мне было легче...

– Буду рад вам помочь.

– Правда? Как хорошо!

Кокетливая улыбка, легкое прикосновение руки...

Владимир, который наблюдал за сестрой, только усмехнулся про себя. Беспощадное очарование, так-то. Но хороша, чертенок? Ежи повезло не меньше. В Юлиане не было такой мягкости, как в Наталье (во многом напускной, уж он-то знал, что сестрица пошла больше не в мягкую мать, а в тетку Софью), зато чувствовалась порода. Тонкая линия носа, высокий лоб, громадные черные глаза, длинная шея... когда она научится пользоваться своими преимуществами – будет не хуже матери. А та по праву считается самой очаровательной женщиной Венгрии.

– Попробуй спеть на польском, Наташа. А я помогу музыкой.

Гитара...

На Русь она попала вместе с Николя Маттейсом, который концертировал, как скрипач, но нашел себя и как преподаватель. Вот театр на Руси особым успехом не пользовался – патриарх был против, а музыка... да что ж в ней плохого?

Красиво, возвышенно...

Николя настолько понравилось на Руси, что он так и остался в Кремле в числе прочего обучая талантливых детей игре на музыкальных инструментах.

Невместно царевичу?

Ха, попробовал бы кто-то это вслух произнести! Как повторяла постоянно тетка Софья – *знания неуместными не бывают!*

Владимир умел неплохо играть и на скрипке, но гитара нравилась ему куда как больше. И сейчас помогала знакомству. В два голоса были спеты несколько песен, потом завязалась беседа, а когда старший брат потихоньку улизнул из сада, дело, считай, было сделано.

Молодежь разговаривала о всякой ерунде, но можно было уже четко сказать, что они станут... ну, хотя бы друзьями. А это – немало.

\* \* \*

– Что мы будем делать, сынок?

Гордая королева Гедвига сейчас выглядела... жалко. Руки подрагивали, перебирая пластины веера из слоновой кости, глаза бегали, голос чуть срывался – угроза была более чем серьезной. Датчане и шведы грызлись постоянно, в этом не было ничего удивительного, но если со стороны



финнов еще ударит Русь – могут и не выдержать.

Флот сильно потрепан, в казне пусть, войск мало, нет, против двух таких хищников Швеции не устоять.

– Разумеется, мы будем драться, – для Карла этот вопрос и не возникал. Помирать, как овца на бойне, он не собирался. – Я попросил Марию написать сестре, но толку с того...

– Конечно, что может решить мямля Георг? – Гедвига скривила губы. – Кристиан на него и не оглядывается! А Мария... хорошо хоть сына родила. Жаль, что одного.

Второй беременностью у Марии родилась дочь, а третьей пока не наступало, несмотря на все старания супруга. Маленький Карл Двенадцатый сейчас бегал по дворцу и беззаботно играл в солдатики, даже не догадываясь о войнах и бедах, которые может ему оставить в наследство отец.

– Вот именно, что мямля, – Карл хищно усмехнулся. – Георг сам по себе ни на что не способен, даром, что королевской крови. Кристиан – правитель, а этот – так, при нем!

– Нам это может помочь?

– Может, мама. Если ты справишься здесь.

Гедвига вскинула голову.

– Не путай меня со своей супругой, сынок! Что я должна буду делать?

– До русских я не доберусь, но отколоть от них данов – могу. Как ты думаешь, что сделает Кристиан, узнав, что мои войска высадились в Копенгагене?

– А мы... сможем?

– У нас нет выбора. Это единственный шанс. Если даны отойдут, русских мы выбьем.

– А сил хватит?

– Не знаю. Но Георг – это не Кристиан. Он может дрогнуть, растеряться – это наше единственное спасение.

– Нас никто не поддержит?

– Некому. Эти мерзавцы идеально рассчитали время. Франция и Англия сцепились так, что пух и перья во все стороны. Людовик разве что на словах поддержит, да потом втрое запросит. Австрия воюет с турками, остальные в драку с Русью попросту не полезут. Незачем.

– Что если поляки поддержат Русь?

– Могут. Но это допустимый риск. В любом случае, воевать сразу со всеми мы не сможем. Сначала надо выбить из войны данов, а потом – взяться за второго противника.

– Я буду молиться, сынок.

– Молитесь, матушка. Молитвы нам очень понадобятся.

Сказано это было не в шутку. За последнее время боевой дух шведской армии значительно упал. Во многом ее удаля была построена на фатализме. Умер – так угодно Богу. Победили? Богу так угодно! Идем в атаку?

Господи, на все Твоя воля!

Протестантские пасторы старались от души, да вот беда – это хорошо работало, только когда войска одерживали победы. А когда проигрыш идет за проигрышем, сколько на врага рода человеческого не кивай, все одно – недовольство нарастает, люди нервничают...

Карлу срочно нужна была победа. Хотя какая, хоть самая маленькая. Но короли на мелочи не размениваются, так что выход был один – брать Копенгаген.

\* \* \*

Русское войско шло к границам Финляндии. В отличие от своего датского коллеги, Алексей Алексеевич не поскупился. Почти сорок тысяч человек, сотня кораблей...

Но первым нанес удар Кристиан.

Высадившись в Хельсинборге, он пошел маршем через Смоланд. Навстречу ему выступило войско Карла, но – не все.

Чтобы какое-то время сдержать датчан – хватит. А вот победить...

У Карла был только один выход – вывести данов из войны, а потом уже, один на один, драться с русскими. И он – попытался.

Ранним майским утром шведы погрузились на корабли – и те двинулись в Зунд. Для такого мизерного пути не нужны были ни очень опытные моряки, ни хорошие корабли, а потому все прошло без проблем. Попутный ветер словно помогал шведским кораблям, а потому, спустя короткое время на горизонте появился Копенгаген.

Корабли Карла медленно шли по проливу, обстреливая столицу. И надо сказать, что Георг храбрости не проявил.

Увы...

Будучи весьма неглупым человеком, Кристиан все же совершил одну ошибку. Он не ожидал, что атакованная кошками крыса кинется на противника и вцепится ему в морду – вот и не приготовился. Адмиралом Георг был просто по названию, а человеком, да и военным...

Одним словом, пока шведы обстреливали город, несчастный свалился

с тяжелейшим приступом астмы. Остатки датского флота попросту растерялись, и выйти в море не смогли. Карл не верил в свою удачу.

Он ожидал... да хоть бы чего, но такое!?

Шведская эскадра встала на якорь у Гумлебека, примерно в семи милях от датской столицы. Именно в этом месте датчане попытались организовать сопротивление. Собрали народное ополчение, подтянули остатки войск, которые были в городе, артиллерию, но – не главнокомандующего.

Шведский десант насчитывал четыре тысячи человек, но этого хватило.

Потому что в первых рядах пошел сам Карл.

Ему не помешали ни приступы морской болезни, ни опасность. Сейчас речь шла о его королевстве – и он готов был на все. Нетерпение его было настолько велико, что примерно в ста шагах от берега он прыгнул в воду и пошел к берегу с обнаженной шпагой наперевес.

Датчане встретили гостей градом мушкетных пуль, но Карл не собирался им кланяться. Вслед за ним в воду выпрыгивали солдаты и шли к берегу.

Датчане честно пытались сопротивляться, но силы были неравны – и после недолгого боя они дрогнули.

Побежали, бросая ружья и оставляя шведам трофеи.

Карл же, для поддержания боевого духа армии, приказал отслужить службу и сам в первых рядах восславил Бога. А потом приказал начать возводить редуты вокруг Копенгагена.

Датский флот так и не решился приблизиться на расстояние выстрела, но были и другие. Карл не обратил внимание на крохотный шлюп, который выскользнул из гавани и, прижимаясь к берегу, канул в туман. Не остановили его и шведские корабли – орел за воробьями не охотится. А тем временем...

\* \* \*

– Что делать?

Принцесса Анна была куда как решительнее своего супруга. И ее решимости на шестерых хватило бы. Но... женщина!

Будь оно все проклято – женщина! И никто ее слушать не будет!

Королева тоже не знала. Две женщины попросту растерялись, поняв, что вместо сильного плеча им подставили... гнилую тыкву. И не

обопреешься, и не поможет ничем...

Может, они и придумали бы план, но судьба помогает тем, кто помогает сам себе.

– Ваше величество, ваше высочество, – голос был тихим, но женщины сейчас и на шепот бы обернулись, Тем более, этого человека они знали.

Конрад фон Ревентлов. Политик, полковник, весьма неглупый человек, что тоже приятно. Почему он остался в Дании?

Не остался, нет. Задержался ненадолго, по случаю рождения сына. Если бы все пошло, как полагается, он бы тоже вскоре отбыл к войскам. Но...

– Да, граф? – опомнилась первой ее величество Шарлотта.

– Мы можем закрыть ворота, выступить перед горожанами, организовать осаду – и ждать, пока подойдет помощь.

Анна подумала недолго.

Георга она любила, что есть – то есть. Но в то же время отлично видела, что муж не является полководцем. Он храбрый вояка, но не командир. Сражаться будет, а повести за собой народ не сможет.

– А где комендант?

– По моим данным, он организывает делегацию к шведам, с целью уговорить их не разрушать город.

– Что!? – взвилась ее величество.

– То есть – это капитуляция.

– Расстрелять мерзавца, – голос Шарлотты Амалии был ледяным. – Я подпишу приказ. Анна, ты поддержишь меня? Я сдаваться не собираюсь, тем более – без боя.

Анна сжала кулачки. Да никогда! И ни за что! Кровь Стюартов была сильна в принцессе. Она пела, она приказывала не сдаваться врагу, не попытавшись даже поднять руку для сопротивления. Муж не справится с задачей?

Королева возьмет все в свои руки. Анна поможет по мере сил. А граф исполнит их волю!

– Лотта, я с тобой. Приказывай.

Шарлотта Амалия вздохнула. На миг сжала пальцы на веере так, что хрупкие пластинки из резной кости треснули. Безделушка улетела в угол, а королева чуть склонила голову, впиалась глазами в графа...

– Конрад, вы сможете организовать то, о чем сказали?

– Да, ваше высочество.

– Тогда действуйте. Сейчас Георг подпишет указ о назначении вас военным комендантом города – и делайте, что нужно. Если понадобится

стрелять и вешать – вешайте и стреляйте.

– Как прикажете, ваше величество. Ваше высочество...

– Анна, займешься?

Анна согласно кивнула.

Займется, да еще как! Поставить росчерк Георг способен, а документ они сейчас составят.

Кристиан обязательно придет им на помощь, надо только продержаться!

Пусть мужчины бежали с поля боя! Женщины сдаваться не собирались. За Шарлоттой Амалией были ее дети, за которых она бы кому угодно зубами глотку перегрызла, а Анна... сдаваться супругу сестры?

Вот еще не хватало!

Не прошло и часа, как в городе запели трубы, новый комендант принялся формировать ополчение, а на виселицах закачались тела бежавших с поля боя. Каждого двадцатого повесили, остальным дали возможность заслужить себе прощение в бою.

Но первым повесили коменданта города.

А нечего врагу идти кланяться, нечего!

\* \* \*

Свадьба – это всегда красиво. А когда их две, да обе – королевские...

Шляхта гуляла, иначе и не скажешь.

Гуляла вся Польша.

Венчались Ежи Корибут с Юлианой Ракоци, и Ференц Ракоци с русской царевной Натальей, и пары были настолько восхитительны, что даже те, кто не любил Михайлу – утирали слезы умиления.

Прехорошенькая Наталья в нежно-голубом платье, Юлиана в розовом, разом повзрослевшие юноши, умиленно глядящие родители...

Потом все это повторится в Венгрии, но свадьба – всегда свадьба.

– Ты-то когда женишься? – польская королева незаметно ущипнула братца за руку.

– Как только, так сразу же и женюсь. Вот надо мне тоже такую красавицу найти, как княгиня...

Владимир поцеловал руку Илоне, которая улыбнулась одними краешками губ.

– Приезжайте к нам, Володя. У нас много красавиц...

– Красота – это еще не все. Моя жена должна быть мне и другом, и

поддержкой, и детей моих вырастить, случись что. Так, как вы, княгиня...

Илона кивнула. Она понимала, чего хочет Владимир, только найдет ли?

Ее детям повезло, она видела. Она уже успела по достоинству оценить и Наталью, которая после огранки обещала затмить свою свекровь, что по уму, что по твердости характера, и польского королевича, который со временем превзойдет отца. Юлиане повезло, ее не дадут в обиду.

А вот что ждет Наталью в Венгрии?

Девочка не обольщалась. Чужая страна, чужая земля, народ, обычаи... свекровь, вроде бы, настроена положительно, но...

Что там будет, как там будет...

Несколько доверенных людей у нее есть, но это такая малость! А с другой стороны, она – сестра государя всея земли Русской! Она справится, обязательно справится!

\* \* \*

– Осада? – Карл кусал губы. – Дьявол!

Неудачно?

Еще как неудачно! Главная его беда – время. Если осада затянется надолго – датчане опомнятся, ударят, в свою очередь, по столице Швеции, и устоит ли она?

Пиррова победа.

С другой стороны, его столица укреплена куда как лучше, готова ко всему, да и мать не оплошает. А датчане...

Карл скривил губы, вспоминая, как бежали из-под огня эти трусы. Ничтожества, иначе и не скажешь! Его шведы так никогда не поступили бы...

О том, что Кристиан попросту забрал из города все боеспособные войска, оставив там одно городское бюргерское ополчение, да и пушки тоже забрал, какие поприличнее, Карл знал, но в расчет не принимал. Все равно это не шведы, вот!

Может, предложить им сдаться? Он даже большую контрибуцию не попросит, хотя деньги нужны позарез! Но главное-то тут не деньги! Хотя тысяч сто талеров, а лучше сто пятьдесят он бы взял.

Или пусть отпишут Кристиану, что его столицу осадили, а его семье грозит опасность. Пусть мчится обратно!

Карла устроили бы оба варианта. Ему не нужна была война на два

фронта, ему нужен был мир. А русские... потом он разберется и с ними!

Его величество подумал – и принялся сочинять письмо к датской королеве. Шарлотта-Амалия женщина неглупая, она и организовала сопротивление, Георг тут не при чем.

Губы Карла скривились в презрительной усмешке.

Да уж, мужчина! То он сваливается с приступом астмы, когда нужно вести войска вперед, то резко заболевает не пойми чем – шпионы донесли.

Ничтожество! Пустое место.

Оборону города организуют две женщины – его жена и невестка, ну и при них фон Ревентлов. Это, кстати, противник посерьезнее, бабы – они только бабы. А вот граф может доставить неприятности, во всяком случае тех, кто пытался дезертировать, он уже развесил на солнышке. Хорошо хоть датский флот удалось заблокировать и разоружить, но...

Сколько у него еще времени?

Неделя? Две?

Карл обмакнул перо в чернила и принялся писать, уверяя королеву в своем совершеннейшем почтении и уважении. И рассказывая, что лично он не имеет ничего ни против Дании, ни против Кристиана и мечтает только о мирном договоре, ежели его не вынудят пойти на какие-нибудь страшные меры...

Но если уж вынудят, то не пугайтесь. Камня на камне от Копенгагена не оставлю. И начну с отданного мне на растерзание флота. Были корабли датские – станут корабли шведские.

Вот на этом месте Карлу стало кисло.

Станут-то станут... если просто матросов хватит довести их до нужного места. Эти русские негодяи!

О, он мог бы штурмовать город, но как это воспримет Кристиан? Хорошо, если не упрется, а если решит отомстить во что бы то ни стало? Это же штурм! Тут возможны любые случайности, вплоть до гибели королевской семьи.

Перо мягко скользило по бумаге. Карл набрасывал черновики, рвал их, опять подбирал слова – ему позарез нужно было принудить Данию к миру.

\* \* \*

Русский флот бороздил просторы финского залива. Вел эскадру преемник погибшего Яузова – адмирал Апраксин.

Несмотря на молодые года, Федор Матвеевич также оказался

достойным учеником Мельина, а что молод – так это пройдет с годами. Главное у него было – умение не отступать и не сдаваться, моряки его уважали, в военном деле он разбирался, так чего еще?

Только воевать...

В том числе – и захватывать мелкие корабли. Пусть сами они не способны причинить ущерб флоту, но ведь могут доложить где, кого, сколько видели – и навести врага. Так что...

Адмирал уже хотел приказать догнать кораблик, но тот сам направился к русскому флоту. Брандер?

Глупо.

В любом случае, подпускать его близко к фрегатам никто не собирался, наперерез кораблю метнулись две казачьих чайки (куда без этих неугомонных?) и тот послушно спустил паруса, лег в дрейф и позволил казакам высадиться у себя на палубе.

Чтобы спустя полчаса адмирал схватился за голову.

Карл атаковал первым?

Напал на Копенгаген?!

Вот... с-сволочь!

Апраксину предстояло принять тяжелое решение.

Либо он идет на выручку Кристиану и сцепляется со шведским флотом. Либо остается в заливе и действует согласно утвержденного плана...

Послать половину флота на выручку? Мало.

Не пойти вообще? Нельзя.

Если Дания сейчас сдастся, а Кристиан может, все мы люди, все мы ради своих близких костями ляжем, и что сейчас чувствует бедолага, даже представить страшно, Русь останется один на один со Швецией, а там и еще кто-то может подключиться. Русь многим что та кость в горле, ни проглотить, ни выплюнуть.

Идти?

А что скажет государь?

Ох и сложный это выбор, особенно когда тебе только-только тридцать исполнилось, а на тебя смотрят люди чуть не вдвое старше...

Или – отсутствие выбора?

Федор Матвеевич подумал еще.

Датчане сейчас союзники. Может, они бы не сделали этого для русских, но то на их совести. А веник связкой силен, позволят они союз разорвать – всех Карл поодиночке переломает!

Апраксин вздохнул – и отдал приказ по эскадре.



Русский флот шел к Зунду.

\* \* \*

– Может быть, стоит пойти на переговоры?

Шарлотта посмотрела на деверя, как солдат на вошь. О, простите, учитывая королевский титул – вошь была из золотой блохоловки, но все-таки!

– Я не ослышалась?

Письмо Карла лежало посреди стола – и четверо людей в комнате смотрели на него с разными выражениями лиц.

Георг колебался, это было видно. Ну а что ему? Брат простит, Карл не тронет, а остальное... а что он мог сделать?

Шарлотта была в гневе. Для нее это письмо было оскорблением – и вопрос стоял иначе. Что делать с Карлом? Уж точно не сдаваться, но – что?

Анна была растеряна. С одной стороны – муж. Сейчас покажешь характер, так потом семейная жизнь не заладится. А не покажешь – и как его не показать? Кровь не водица. Она – дочь Якова Стюарта, а не абы кого! Вот! Ну а Ревентлов... для него вообще вопрос о сдаче не стоял. Кого сделают крайним?

Уж точно не королевскую семью. Именно Конраду придется отвечать, если Карл возьмет столицу, так что сдаваться он не собирался. И готов был убеждать в этом королеву.

– Лотта...

– Георг, – имя прозвучало, словно скрежет ножа по стеклу. – Ты всерьез предлагаешь мне – предать?

– Это не предательство! – взвился мужчина. – Подумай сама! Мы в осаде уже десять дней, подвозов продовольствия нет, Карл никого не пропускает к городу, скоро вспыхнут бунты....

– Нам нужно продержаться еще чуть-чуть. Нам обязательно придут на помощь.

– Кто, русские? У них своих забот хватает!

– Я верю, что нас не оставят одних, в беде. Ты ездил на Русь, они бросают своих в трудном положении?

– Своих – нет.

И тех, о чьей беде знают. Вслух это сказано не было, повисло в воздухе, но вполне отчетливо.

– Сколько мы сможем еще продержаться, Конрад?

– Сколько понадобится, ваше высочество, – Ревентлов смотрел на Анну спокойными глазами. – Сколько прикажете.

– А если рассчитывать на худшее?

– Еще недели две, – королеве Конрад лгать не собирался. – Может, даже чуть меньше, но за десять дней ручаюсь.

– Тогда мы будем держаться, – решила Шарлотта. – Письма уже разосланы, голуби улетели, остается ждать и молиться.

– Карл каждое утро и каждый вечер выходит к службе, стоит на коленях, молится...

Шарлотта топнула ногой.

– Ах так?

На следующее утро в главном соборе Копенгагена преклоняла колени вся датская королевская семья.

Сдать город?

Перед возмущением Шарлотты и при отсутствии поддержки со стороны жены, Георг стушевался. Не стал настаивать на своем, просто сделал, как всегда – положился на судьбу и тех, кто сильнее. Вникала во все тонкости...

Шарлотта же...

Она молилась в соборе, сама обходила стены, составляя компанию графу.

Даже если ей придется сдать город – это будет после боя. Она не станет стыдиться! Она сделает все возможное!

И судьба вновь помогла смелым и упорным.

Через шесть дней, когда надежда уже угасала, а Конрад с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее, с моря послышались выстрелы пушек.

Шведский флот сцепился с противником. И на мачтах пришедших кораблей были белые флаги с синими крестами.

Русские... пришли?

\* \* \*

– Они все-таки пришли!

Королева Шарлотта схватила фон Ревентлова за руку так, что на коже графа остались лунки от ногтей. Впрочем, граф не обратил на это внимания. На него сейчас можно было и потолок обрушить – ему не было дела ни до чего, кроме кораблей в проливе под белыми флагами, которые выстраивались в позицию напротив шведского флота.

– Да! Русские!

В шведском лагере играла труба, тревога пронизывала пространство, ее величество видела со стен города, как бежали солдаты...

– Конрад! Надо пробиться к флоту!

– К русским?

– Нет же! К нашему! Хоть какая-то польза будет!

Конрад кивнул.

И верно, пусть пока датский флот заперт в гавани, но разоружать его не стали. Карл не дурак, он отлично понимал, что если придется уходить – почему бы не усилить свой флот за счет датских кораблей?

А вот успеет ли он это сделать сейчас?

– Вы позволите мне, ваше величество?

– Я буду молиться за вас, Конрад.

Мужчина и женщина обменялись понимающими взглядами. Сейчас Конрад спустится вниз и соберет отряд, который возглавит. А когда начнется бой – ударит шведам в спину. Постарается пробраться на корабли и поддержать своих (неважно, что русские, важно – СВОИ!) пушечным огнем. Плохо ли, бедно ли... да хоть как-то.

Задача для смертников, особенно если шведы победят. А они могут. Тогда и город останется без защиты, и люди погибнут зря. Но русские...

Один раз они уже разбили шведов на море? Может, и сейчас повезет? В любом случае выбора у Ревентлова не было. Русские могут победить – если их поддержат в нужный момент. А если нет... какая разница – где и как погибать? Длитель агонию в осажденном городе?

Жалкая и бессмысленная смерть. Уж лучше вперед, со шпагой в руке и будь, что будет.

\* \* \*

– ваше величество, русские!

Карл и сам это видел. Все видели. Молебен прервался на полуслове, голос пастора дрогнул.

С-сволочи! Явились-таки, откуда не ждали! С моря!

– Коня!

Его величество прыгнул в седло, как был, растрепанным, простоволосым, после службы, и помчался к берегу.

Сейчас его место на флагмане эскадры, на мостике...

Проиграют они или победят – основное сражение развернется на море.

И его место именно там.

Датчане?

Карл и не вспомнил об осажденном городе. Не до того было.

\* \* \*

Апраксин с удовольствием осматривал корабли шведов, прикидывая, как красиво они будут гореть. А что? Шведы уже дальше Дании не удерут. Их просто надо прижать и расстреливать, не забывая, что они прекрасно будут отстреливаться в ответ.

Собственно, это они и делали.

Тоже выстраивались в боевые порядки. Пытались вывести вперед фрегаты – ну, оно и понятно, у них все тяжелые корабли, все орудия были нацелены на берег, оттуда ждали атаки, там готовились защищаться. С моря опасность пришла неожиданно. Поэтому Карлу срочно требовалось развернуть свои ряды...

Пусть это неблагородно, но давать ему возможность отразить атаку Апраксин не собирался. К черту рыцарство, бей, пока противник не опомнился.

– Огонь! – скомандовал Федор Матвеевич.

Первое ядро упало в воду неподалеку от шведских кораблей.

Отлично. Следующее уже долетит.

– Порох зря не тратить, бить наверняка! Вперед!! За родину, за царя!!!

Шведы пытались огрызаться. Вперед вырвался небольшой кораблик, который был тут же расстрелян в десяток стволов и полыхнул так, что сомнений не осталось – брандер. Либо, планировали его под датский флот, да не пригодился.

Бесполезно. Русские корабли расстреливали шведов как в тире. Вперед шли брандеры, подрывая шведские корабли, во все стороны летели горящие обломки дерева. Впрочем, шведы тоже не стояли на месте. Карл-таки умудрился вывести в первую линию фрегаты – и они отвечали огнем на огонь, впрочем, значительно проигрывая русским по скорострельности и дальности огненного боя. Злись, не злись...

Сам Карл метался по мостику не хуже тигра.

Маневры?

Простите, Зундский пролив не настолько удобен, да и позиция... Шведы не могли себе позволить маневров – кто бы их выпустил, а русские не собирались крутиться, чтобы удобно прижатый враг не задержался

раньше времени. Один из брандеров Карла таки прорвался к русской эскадре, но этого было мало. Два корабля горели, не в силах расцепиться, но у шведов-то горело уже шесть штук! Они проигрывали, безнадежно проигрывали...

– Ваше величество, нам надо уходить.

Карл с удивлением посмотрел на своего адмирала.

– Что?

– Мы не выстоим. А если вы попадете в плен...

– Вы хотите сказать мне, что мои солдаты не справятся с врагом? –

Карл начал гордо, а вот продолжил...

Он и сам отлично видел, что не справятся. Но... уйти сейчас? Бросить людей?

Флот?

На верную гибель?!

Адмирал словно прочитал его мысли.

– Ваше величество, мы останемся здесь, прикрывая вас. Уходите, сейчас же! Ваш плен – это будет конец всему...

Карл это понимал. И все же, все же...

Очередное ядро свистнуло над головой, проделав убедительную дыру в парусе и помогая принять решение.

– Хорошо... Принимайте командование, адмирал, нам действительно нужно временно отступить.

\* \* \*

Ревентлов наблюдал за действиями союзников с восторгом. А поделом!

Если еще и Карла прикончат – вообще будет великолепно!

Несколько кораблей помельче, спасаясь, уходили в разные стороны – русские их не преследовали, сосредоточив внимание на флагмане, фрегатах... оно и правильно. Он и сам бы так поступил. Сделать эта мелочь ничего не сможет, так что тратить на них силы и время... сами нарвутся.

А вот чем может помочь он? Да только выждать нужного момента и ударить. Что он и сделает.

Ждать пришлось недолго...

В шведский лагерь Ревентлов ворвался совершенно неожиданно, как волк в овчарню. Датчане, пользуясь тем, что все отвлеклись на сражение, сумели подобраться близко – и бросились в атаку.

Они не кричали, не провозглашали лозунгов, они просто резали, кололи, рубили, стреляли... за короля и отечество?

Э, нет. За город, в котором остались их родные, близкие, те, кто погибнут, если внутрь войдут шведы. За Копенгаген стоило сложить головы.

И шведы дрогнули.

Оставшись без командования, отвлекшись на происходящее на море, застигнутые врасплох – они побежали. Отряд Ревентлова преследовал их по пятам, поджигая все, на что взгляд упадет. Забрать трофеи все равно не представлялось возможным, а так, кто бы ни победил – жизнь шведов осложнится до предела. Без палаток, одежды, обуви, боеприпасов... наверное единственное, что не поджег Конрад – это войсковая казна. Но там было не так и много. Уволокут.

Отдать приказание – и продолжать преследование. А удачно все срастается! Короли любят тех, кто побеждает...

Ревентлов действительно победил. Спасти ему удалось даже часть датского флота.

Когда шведы бросились наутек, они открыли и проход к кораблям, и Ревентлов послал на их палубы своих людей с простым приказом – заминировать и оборонять до последнего. Если шведы попробуют захватить корабли – взорвать их.

Пусть лучше никому не достанутся, чем будут под шведскими флагами на своих нападать! Но...

Мины не понадобились.

В пылу сражения шведам оказалось не до датских кораблей, да и столько матросов у них не было. А тех, кто послан был на нескольких баркасах поджечь флот датчан, неосмотрительно оставленный без присмотра, встретили залпы пушек – и шведы ретировались.

Конечно, датский флот был не в лучшем состоянии, со многих кораблей сняли орудия, но лучше что-то, чем вообще ничего.

Ревентлов готов был благословлять судьбу, которая заставила его задержаться.

Как удачно!

Эта война приблизит его к трону и уж он-то своего не упустит.

\* \* \*

В это время Карл Одиннадцатый в бессильной злобе скрипел зубами,

стоя на палубе легкой шхуны. Кораблик уносил его к Швеции.

Черти б побрали этих русских!

Второй раз, уже второй раз они разрушают его планы!

Ну, ничего. Сочтемся!

И было, было от чего ему злиться. Из флота, дождавшись темноты, смогло уйти не более пятой части, и та была весьма потрепанна, большая часть шведского войска попала в плен, а та, которая не попала, тоже там вскорости окажется. Одно дело – продавать завоевателю продукты, когда он силен и могуч. А когда тут прячутся ошметки армии...

Их же ловить и добивать будут по всей территории.

Фактически, эти негодяи разрушили великолепный план по принуждению датчан к миру. Теперь остается только воевать. Карл знал, что надо делать и как, но все упиралось в одно и то же.

Деньги, деньги, еще раз деньги.

После того, как проредили шведский флот, с торговлей стало куда как хуже. Русские купцы стали торговать напрямую, минуя шведское купечество, которое не один век наживалось на перепродаже их товаров в другие страны.

А помощи ждать и неоткуда...

Но сдаваться Карл все равно не собирался. Драться он будет до последнего.

\* \* \*

Сами русские, то есть Алексей Алексеевич на этот момент воевал в Финляндии.

Пройдя Карелию, он направлялся к Улеаборгу. В планах числилось до осени пройти до Торнео, а потом по Турне-Эльве. В принципе, и этот кусок территории вполне устроил бы русского государя. Достаточно большой, чтобы было чем заняться, но не настолько, чтобы от Швеции вовсе уж ничего не осталось.

Иван Морозов поддерживал друга.

Жирный кусок оторвет себе Дания, но стоит ли разорять Швецию до конца? И делить между ними и датчанами? Не слишком ли будет жирно Кристиану? Так, спустя лет пятьдесят, уже его наследники столкнутся с весьма усиленной Данией, а не хочется. Но если оставить Швецию в виде небольшого кусочка территории, особенно под боком у Дании?

Пусть воюют, меньше внимания будут уделять Руси.

Что раздражало – это партизанская война.

Больших городов на финской территории было не так много, в основном деревушки, каждую осаждать не будешь. Пройти насквозь, объявить их поданными русского царя – и идти дальше.

Только вот шведов это не устраивало. Они были весьма не рады явлению русского войска на их земли – и сопротивлялись всеми способами. На финских землях бесчинствовали шведские отряды, которые нападали на обозы, отстающих, устраивали засады, да и вообще, пакостили, как могли. Уничтожались обозы, калечились люди...

Методы борьбы были просты – ловить и уничтожать. За донос – премия, за укрывание отрядов – смерть, но пока еще всех переловишь и перевешаешь!

– Беда в том, что мы здесь чужие, – Ване Морозову это тоже не нравилось.

– С этим мы пока ничего не сделаем. Так что будем ловить и уничтожать. И тех, кто воюет, и тех, кто их поддерживает.

– Жечь деревни? Уводить скот, забирать продовольствие... я понимаю, что надо, но людей жалко. Ведь и невинные погибнут... Нас тут возненавидят.

– Нас и так любить не будут, хоть ты золотом облепись. Фуражиры деньги предлагают за провиант, так им либо гнилье подсовывают, либо плачутся, что ай-ай-ай, ничего у нас нет.

– А ты и так отдал приказ не зверствовать...

– Так ведь это наша земля... будет.

– Покамест наша земля – это Крым. Сибирь осваиваем. А здесь... я боюсь, что есть только один выход. Запугать их всех до мокрых штанов и дать понять, что шведы им не помогут.

– А получится?

– Смотря что и как будем делать.

В очередной раз финансисты оказались жестче военных.

Меры, которые предпринял Алексей Алексеевич, были жестокими и беспрецедентными по тому времени, но число партизан они сразу снизили.

Резко.

Чуть ли не втрое.

\* \* \*

Партизанский налет случился в ту же ночь – и в этот раз удалось



захватить двоих нападавших – мужчину лет двадцати пяти и семнадцатилетнего щенка. Еще троих положили на месте.

Сказать, что Алексею Алексеевичу не нравился его приказ – это еще мало, но выбора не было.

Пойманных финнов допросили с применением каленого железа (на войне, как на войне), узнали имена партизан, деревню, в которой они жили – и выделив отдельный отряд, привезли их туда.

Маленькая деревушка Суомаа\* никогда не видела ничего подобного.

**\* название придумано автором, прим. авт.**

Русские солдаты прошли по домам, расспросили людей и согнали всех на площадь. Финны пытались «не понимать», но штык у спины действовал не хуже универсального переводчика, так что семьи партизан определились быстро.

На глазах у всей деревни, солдаты попросту выкинули из этих домов всех живых, включая домашнюю скотину – и запалили курные домишки.

Потом подождали, пока те догорят – и зачитали царский указ.

Так и так, за покушение на солдата русской армии, эти двое приговариваются к повешению. Их дома – сжечь. Все оружие, найденное в деревне – конфисковать. Если еще раз кто-то из этой деревни посмеет стрелять в русского солдата – они вернутся и повесят каждого десятого.

Если попробуют снабжать подобных «стрелков» оружием ли, одеждой, или не донесут о них русским – поплатятся домами. Будет сожжен каждый пятый дом в деревне.

Виселицу поставили напротив дома деревенского старосты – и на ней закачались пять тел. Три уже мертвых, двое – их удавливали медленно, чтобы померли не от сломанной шеи, а от удушья.

Жестоко?

Но лучше напугать сразу, чем мучиться потом.

Повторять жестокий урок пришлось несколько раз. Было сожжено порядка двадцати деревень, повешено больше тысячи человек, но потом финны чуть успокоились.

Они по-прежнему ненавидели русских, по-прежнему сопротивлялись, но уже не так активно. Никому не хотелось поплатиться – ладно бы своими жизнями, но жизнями родных и близких? Кнут и железо были вполне эффективными методиками дознания, отмолчаться не удавалось никому, и русские узнавали об очередном гнезде партизан.

Кто-то пробовал со всей семьей уходить в леса.

Тоже зря. Русские ориентировались в них не хуже финнов, так что беглецов находили – и вешали. Иногда целыми семьями, иногда финкам

«везло» – их забирали в обоз, для дальнейшего «употребления» и вовсе не в качестве кухарок.

Медленно, но верно Алексей Алексеевич прочесывал Финляндию, пригибая ее под себя. А что ему самому эти методы не нравились... кому ж такое доставит удовольствие? Но свои войска ему были и ближе, и дороже, чем чухонские крестьяне. Понадобится – так и всех перевешает.

Страх отлично действует там, где не помогает доброе слово.

\* \* \*

– Еще раз такое повторится – отправитесь в монастырь. Составите там компанию своей свекрови.

Королева Испании надменно вскинула голову, обожгла стоящего перед ней мужчину гневным взглядом громадных зеленых глаз, раскрыла и закрыла веер...

Не подействовало.

Дон Хуан и не таких видывал. И единственное, что ему хотелось сделать с противной рыжей немкой – это выпороть мерзавку.

Ну, надо же! Взяли чуть ли не с помойки – а она тут концерты закатывает! Вместо того, чтобы попытаться найти общий язык с мужем, принялась скандалить и интриговать. А вчера закатала бедняге Карлосу такую истерику, что несчастный прибежал прятаться к старшему брату.

Да, вот так вот.

В гневе женщина была... страшна? Нет, скорее омерзительна.

Кричала, топала ногами, швырялась вещами – и требовала. И ладно бы – платьев и драгоценностей! Нет, ей нужно было, чтобы Карлос внес в число наследников ее племянника! Тоже Карла, второго сына Леопольда и Элеоноры Пфальц-Нейбургской. И лучше – впереди детей дона Хуана.

Аргументировала она это просто. Дон Хуан – сам ублюдок, и дети у него будут не лучше, и рождены невесть от кого... да где вообще та Русь?! Там одни дикари живут и жили!

А мы – просвещенная Европа!

Нечего тут всякую шваль приваживать, когда можно кого-то из своих взять!

Естественно, бедолага Карлос не вынес такого напора. Но и вносить «племянничка» в список наследников не собирался – вот еще! Он, конечно, Габсбург по одной из линий, но...

Карлос второй умел любить и привязываться к людям. Старшего брата

он любил, к Маше был привязан, а своих племянников от старшего брата просто обожал, хоть и не мог проявить этого на людях. Ну и кровь-то одна!

Да, он не смог продлить свой род, но дон Хуан сделал так, что Карлосу не стыдно будет предстать перед предками. Все-таки их кровь останется в детях, смешанная с благородной царской кровью.

Да, Романовы – не самая старая династия. Но зато территория у них такая, что Леопольду только облизнуться остается. И военная мощь. И кровь хорошая, по Маше сразу видно.

За несколько лет приручить испанский двор – это достижение.

А вот Анна-Мария, получившая имя Марианны, снискала только всеобщую ненависть.

Маша была высокомерна? О, нет. Все познается в сравнении. Русская царица не давала забыть о своем статусе, но с ней всегда можно было договориться, она никогда не повышала голоса на нижестоящих, была мила и любезна, не закатывала скандалов и истерик, родила детей...

Ее всегда можно было попросить о помощи, а ее отношение к мужу было неизменно почтительным.

И рядом – Марианна Пфальц-Нейбургская. Которая приехать не успела, а уже начала давить на мужа.

Испанский двор оценил обеих. И принялся травить немку в меру своих сил, а сил было много.

– Да как вы смее!

– Я – смею, – спокойно отвечал дон Хуан. – Вы, сударыня, не выполнили ничего из того, что от вас требовалось. Вы не жена, не мать – и не королева.

– Я – королева Испании!

– Тогда вам стоило бы заботиться об Испании, а не о своих... бедных родственниках.

Удар попал не в бровь, а в глаз. Именно – бедных. Испания, хоть и переживала сейчас не лучшие времена, но все равно была богаче родни Марианны на несколько порядков. И это раздражало женщину.

Что там, у нее не было даже украшений, приличествующих королеве, а драгоценности ее предшественницы Карл давать второй жене отказался. Он слишком любил Марию-Луизу, чтобы теперь...

Не говоря уж о сестре русского государя, которая нагло щеголяла то драгоценными изумрудами, то сапфирами, то рубинами, размером чуть ли не с перепелиное яйцо...\*

***\* в те времена не всегда умели отличать полудрагоценные камни от драгоценных, поэтому часть рубинов или сапфиров, например,***

*оказывалась впоследствии шпателью, твердость по шкале Мооса это позволяла, прим. авт.*

Как это так, у кого-то было, а у нее – не было!?

Да и дон Хуан любил и баловал супругу. Карлос – и тот благоволил противной девке с густо-синими глазами, черными волосами и матовой белой кожей! Внешность – еще один повод позавидовать и разозлиться. Увы, веснушки не пощадили благородную даму. Как ни прячься, но на жарком испанском солнце они высыпали горстями!

– Вы... отвратительны!

– Я не бриллиант, чтобы вы меня любили, – спокойно отбрил дон Хуан. – И заботиться обязан об Испании, а не о вашей многочисленной и голодной родне. Вы меня хорошо поняли, сударыня?

Даже само обращение уже было оскорблением, но что могла сделать Марианна?

– Ненавижу!!!

– Еще один раз Карлос мне пожалуется на супругу – и вы отправитесь в монастырь.

Дон Хуан вышел, а Марианна упала на кушетку, заливаясь слезами злости и ненависти.

Негодяй, мерзавец, подлец!!!

О, он мне за все, за все заплатит!!!

Кровью заплатит!!! А не он – так его дети!

Как это должно выглядеть, Марианна не представляла. Но тут главное желать, а случай обязательно представится.

\* \* \*

Апраксина чествовали, как героя.

Ее величество Шарлотта лично принимала его во дворце, не слушая никаких отговорок. А Федор Матвеевич старался отказаться.

И некогда, и ему надо идти обратно, и даже – он человек военный, у него и придворного-то платья с собой нет...

Бесполезно.

Фон Ревентлов чуть ли не в ультимативной форме потребовал явления адмирала Апраксина пред светлы очи.

– Вы не понимаете, друг мой. Мы уже утратили надежду, ваш приход был подобен чуду. А потому...

А потому – прием у ее величества Матвею был обеспечен.

Королева оказалась симпатичной моложавой женщиной с очаровательной улыбкой и пышными золотистыми волосами, Анна Стюарт, про которую Матвей так же был наслышан – симпатичной леди с приятным тихим голосом. Георг...

Да, Матвей знал, что относится к нему предвзято. Но услышав от Конрада историю про то, как его высочество предлагал сдать столицу...

А как к нему относиться?

Сам Матвей держался бы до последнего, а потом сжег бы город вместе с собой, но не отдал врагу! А этот... одно название, что королевская кровь!

И в кого только пошел?

Кристиан – неглупый, решительный, отважный, царица Ульрика тоже женщина весьма неглупая, просто ей нет необходимости геройствовать, а этот...

Не удался братец.

Впрочем, внешне Матвей этого не показывал.

Мило улыбался, обсуждал то войну, то охоту, флиртовал с дамами – и в результате оказался в постели у симпатичной графини, муж которой был на войне. Почему бы и не улучшить людям породу? К обоюдному удовольствию?

А потом опять в море. Война еще не закончилась.

\* \* \*

– Сонечка, как же я за них волнуюсь....

Софья Алексеевна посмотрела на царицу Ульяну, в девичестве Ульрику-Элеонору. Давно ли вечерние посиделки вошли у них в обычай?

Да очень недавно. Просто Уля повадилась в кабинет к Соне, посидеть с вышиванием, помолчать вместе – и царевна потихоньку привыкла. С разговорами Уля первая не лезла, но обсудить с ней можно было многое. Да и легче так...

Недаром раньше, еще во время второй мировой, женщины собирались в избы-читальни, хоть как-то поговорить, поддержать друг друга, побыть вместе...

Так и призрак беды отступает перед многолюдством.

Любава к ним, кстати, не присоединялась. Вдовствующая царица была полностью поглощена своей беременностью. Дети были в Дьяково, родные разъехались...

– Все с ними будет хорошо, Улечка. Они победят и вернутся. Алексей

сейчас в Финляндии, Ванечка с ним, они друг за другом присмотрят...

– Мне бы твою уверенность, Сонечка.

Софья улыбнулась.

Уверенность?

Да откуда бы ей взяться!!? Просто привыкла она, что сильная, что никому и никогда не показывает своих эмоций. Вот и сейчас – улыбается, хотя иногда волком завывать хочется. Самое страшное, когда от тебя ничего не зависит.

Ты можешь поддерживать порядок в Москве, благо, твоими же стараниями и с помощью Ромодановского это не так сложно, можешь следить за финансами, приглядывать за школой, воспитывать детей, но одного ты не можешь.

Просто снять трубку и позвонить.

Узнать как там ребята, услышать голос... черт! Знала бы – учила бы физику! А то всей памяти – фамилии Попова и Белла, и те еще лет двести не родятся. Не понимала она в двадцатом веке, насколько это здорово – телефон.

А сейчас – гонцы, голуби...

Письма идут, кажется, вечность. И пишешь в ответ, как в никуда, потому что не знаешь, жив ли будет адресат, когда его найдет твоя весточка.

Случись что с ребятами – она и не узнает до последнего.

– Я их с детства знаю, Улечка. Они умные и сильные, они обязательно справятся.

А что она еще может сказать царице? Подруге, которая стала ей почти сестрой?

– А что потом они с Финляндией делать будут?

– Я думаю, надо туда Федю отправить. Наместником... приставить к нему умных людей – и пусть справляется.

Ульрика покачала головой.

– Федя... он как Георг.

На этот раз настало время качать головой уже Софье.

– Нет, Уля. Георг просто хороший вояка, но не король, а вот Федю очень сильно сломала У Шан. Его жена.

– Я ее никогда не видела.

– И не стоит об этом жалеть. Она была... большой дрянью. Очень хотела власти и шла к ней любыми путями. Ей нужен был покорный и податливый Федор, а вот Алексей – не нужен, понимаешь?

– Федя наследовал бы престол?

– А правила его жена. То, что это не удалось – дело случая. Только вот

Федя ее любил. Сильно любил, крепче себя самого, вот и сломался после ее смерти.

Софья скромно умолчала о своей причастности к данному событию, о том, как пыталась подсунуть Феде любовниц... тут китаянка ее переиграла, а в итоге все равно ушла в небытие. И не жалко, так-то.

– Хорошо, что этого не случилось...

– Если бы Алеша умер, ты, скорее всего, вышла бы замуж за Карла, была сейчас королевой Швеции....

– Не дай Бог!

– А вдруг понравилось бы? – Софья поддразнивала совершенно беззлобно, и Уля это понимала, потому что улыбнулась в ответ.

– Карл-то? Ты его портрет видела?

– Видела.

– А я его вживую видела. Я точно не была бы счастлива с ним. Я ведь ему не нужна, да и с Кристианом он бы продолжал воевать, меня бы за это невзлюбили... Сейчас он женат на англичанке – и я от души желаю им счастья.

– Особого счастья там нет, – пожала плечами Софья. – Впрочем, в Англии его пока вообще нет.

– Почему?

– Потому что там резвится Людовик. Король-солнышко.

– То есть?

– Адмирал де Турвилль сейчас занимается Лондоном. Прошел по Темзе, разнес Лондонский мост, обстрелял несколько зданий и заявил, что если они не признают малыша Карла...

– И признают?

– Парламент сейчас заседает. Что они решат – я не знаю, но дело-то не в том, что Карл – сын Якова. Это неплохо. А вот его мать второй раз замужем, за Людовиком. И регентом будет официально она, а реально...

– Людовик решил подмять Англию?

– Англия тоже не монолит. Между прочим, Ирландия, кажется, собирается поддержать Людовика. Там католиков много, им серьезно доставалось в последние лет сто – поэтому она что сухое сено, только спичку поднеси. А вот Шотландия – за малыша Карла, но без Людовика. Уэльс против всех, так что результат еще долго не определится.

– А ты бы на кого поставила?

– На Людовика. Но не сразу, далеко не сразу. Такой груз даже ему в один год не поднять.

– А лет за пять?

– Может. Он действительно великий король...

– А о его дворце ходят легенды. Версаль... вот бы посмотреть.

Софья видела его еще в той жизни – впечатление, конечно, сильное. Здесь и сейчас – тем более, что уровень развития сейчас и уровень развития двадцатого века оч-чень различны. Здесь и сейчас ни экскаваторов, ни подъемных кранов, а ведь делают! Да такое!

– Хочешь, я расскажу тебе про Версаль?

– А откуда...

– Работа такая. Мне много пишут... так рассказывать?

– Конечно!

Ульрику-то Софья отвлекла от мрачных мыслей, а вот у нее самой они из головы не шли. Как ни крути, а ребятам придется остаться зимовать в Финляндии. Не управятся они за это время, никак не управятся.

Встанут на зимние квартиры – и вряд ли наведаются домой. На Алешу это совершенно не похоже будет – бросить войско и уехать. Так что тянуть ей этот воз еще долго. Но воз-то не беда, она и не то вытянет. А вот разлука...

Полцарства за мерседеса по кличке «Макс»! И дорогу под колесами, и...

Алешенька, Ванечка, пожалуйста, возвращайтесь живыми!

\* \* \*

Война в Швеции шла с переменным успехом.

Кристиан с налета взял Гетеборг, но застрял в районе озера Веттерн. Навстречу ему вышли наспех сформированные отряды добровольцев под командованием Карла – и началась позиционная война.

Понадеявшись, что русские, не имея достаточного количества провианта (часть складов Карлу удалось сжечь) застрянут в лесах Финляндии до зимы, а там и зазимуют и их можно будет ослабить, Карл решил сосредоточиться на тех, кто был ближе – на датчанах. А поскольку талант полководца у него был – армия Кристиана быстро забуксовала в своем продвижении. Выбить их со шведской территории не получалось, но и у Кристиана не выходило ни дать решающее сражение, ни пойти напрямик на Стокгольм.

Карл решил применить тактику малых отрядов, поэтому Кристиану приходилось солоно. Пусть сил у датчан и было больше, но попробуй побороться с роем мошкары? Будь ты хоть трижды богатырь, а закусают!



Попутно Карл писал Кристиану, предлагая решить дело миром, за кусок территории. Но то ли предлагал покамест маловато, то ли несостоявшийся братец обиделся за попытку взятия Копенгагена – на переговоры Кристиан не шел. Даже и не собирался.

Пусть война затянется до зимы – ничего страшного. Все воюют, а у него тут и дом рядом... Съездит, жену навестит...

Карл был абсолютно прав в своих предположениях. Кристиану сообщили про попытку принуждения датчан к миру – и достаточно быстро. Известия от королевы ему привез фон Ревентлов, Кристиан прочитал и содрогнулся от ужаса. А ведь если бы в руках у Карла оказалась его семья – он бы на все условия согласился. И отошел бы обратно, и территорию вернул, и...

Да что прикажут тут и сделаешь!

А братец...

Ох и достанется ж ему на орехи!

\* \* \*

– Очаровательный ребенок!

По правде говоря, Софья пока не видела в малышке ничего очаровательного, но Любава расплылась в улыбке.

– Ох, Сонюшка...

– Как ее будут звать?

– Машенька. Мария, в честь царицы Марии.

*Моей матери*, – промелькнула мысль у Софьи. Впрочем, умиления она все равно не испытала.

– Разумеется, малышка не станет царевной. Царской воспитанницей – да, а там... выдадим замуж за кого поближе и получше, так что внуков ты понянчить сможешь.

Малышка, хоть и родилась немного недоношенной, была крепкой и улыбчивой.

– Я все равно боюсь, что прознают...

Софья вздохнула. А ведь Любава старше нее, но до сих пор – такое дитя! Или это опыт двойной жизни говорит за нее?

– Главное – не что знают, а что говорят. Воспитывай малышку и не думай ни о чем, с остальным я разберусь.

Уже разобралась. Всем известно, что пока царица ездила на богомолье, к дверям монастыря подкинули ребенка. Ну, а Любава, известная своей

добротой и мягкосердечием, решила взять малышку на воспитание. Москва утирает слезки умиления, Русь сморкается в платочки. Вот что значит правильно подать материал.

– Спасибо тебе, Сонюшка.

Софья погладила мачеху по длинной золотистой косе.

– Все будет хорошо. Обещаю.

И уже про себя – главное, что ты успокоишься насчет Натальи и Володи, а то у меня на них свои планы. Рожай, воспитывай, спи с Ромодановским, переживай о своей греховности, только под ногами не мешайся!

Тем более, на всех представителей династии Романовых у Софьи были свои планы, в том числе и на Владимира. И Любава... помешать она не могла, а вот перемотать нервы скандалами – запросто. И не объяснишь ей, что материнским чувствам в политике не место.

\* \* \*

– Хорошо, но мало.

У Петра и Романа Сирко была одна проблема на двоих. Отец-то... Крым брал, предателей гнал, памятник такой стоит, что завидки берут, по миру о нем легенды ходят.

Да, отец. А они что – хуже?

Они должны так прожить, чтобы ими гордиться можно было. А иначе это не жизнь, это вроде как у лопуха под забором. Вроде и неплохо ему, а и гордиться тут нечем. Так что в кои-то веки встретившиеся два брата сели, как положено помянули родителя – и принялись думать, чем бы таким его превзойти. Первым идею подал Роман Сирко.

Крым – хорошо, но баз у флота должно быть больше. К тому же это сейчас на троне Сулейман, они с Леопольдом сцепились намертво, а как расцепятся? Не обратит ли тогда султан свой державный взор на утерянные территории? Они бы точно обратили.

И не проще ли начать закрепляться сейчас, а то и атаковать самим, чем потом расхлебывать последствия?

Петр это одобрил – и братья принялись размышлять над картой. Желательна была база в районе черноморского побережья Кавказа.

Но... это же не русская пока территория?

А кто мешает?

Стоят ведь на берегах моря и Сухум, и Батуми, и хорошо стоят, уж

сколько веков!

Устроиться на побережье, укрепиться, города построить, флот пригнать, а потом потихоньку продвигаться на Северный Кавказ. А то непорядок!

Территория громадная, а из родни царской в Закавказье один Ираклий, который хоть русского царя и поддержит, да маловато его, как ни крути. И не совсем он там. А такие места пропадают!

С севера Русь, с юга Турция, на западе Черное море, на востоке Каспий... прибрать, что ли? А то ведь турки обязательно полезут, рано или поздно. В Закавказье от них уже не продохнуть, но скоро они и дальше поползут!

Татар у них отняли, а им и рабы нужны, и слуги, и девиц они красть горазды... А вот если эту территорию сделать своей, да понаставить там крепостей, да чтобы флот ходил вдоль берегов... пока турки отвоюют да сунутся, казаки уж там вовсю усядутся. Разве плохо?

И государь поддержит, наверняка. А уж Ромодановский с радостью войсками поможет.

Налететь внаглую, да занять место, пока никто другой не подсуетился?

План, конечно, был авантюрный, но... почему бы нет?

Так что братья Сирко составили докладную – и отправили ее в Москву. А сами принялись осторожно прощупывать что флот, что армию. Так вот государь одобрение выразит, а у них уж все и готово, только выступить осталось!

Вот это – дело по казачьей руке! И лишний раз думается, что веник связкой крепок. То сидели они на Дону, знай от турок да татар отбивались. А сейчас, при мудром-то государе, который понял, как и где казаков использовать, развернулись от души! Уже не они отбиваются, а от них, а это намного приятнее.

Ждем ответа, государь-батюшка.

\* \* \*

– Как свадьба прошла?

Софья прищурилась на Володю, но братец и ухом не повел. А хороший парень вырос!

– Нормально. Княгиня Ракоци – она... потрясающая!

– Понравилась?

Судя по внезапно порозовевшим ушам – еще как! Оно и

неудивительно, таких мальчишек Илона могла одним движением ресниц укладывать. Потрясающее сочетание – красивая, умная и сильная женщина, особенно в эту эпоху. Про себя-то Софья так сказать не могла, красоты ей Бог не додал – ну и ладно. Не внешностью единой...

– Наталья как?

– Когда уезжал – они со свекровью вовсю сплетничали. Мужем довольна, говорит, парень неглупый, остальное приложится.

– У сестры как дела?

– Довольна, счастлива, поцелуй тебе передает. Говорит, что Юлиана очень милая девочка, побольше бы таких. Опять же, с княгиней они подружились.

Софья цинично подумала, что для Илоны Зриньи такая тесная дружба – единственный способ отстоять свою страну. Стоит только венграм расслабиться, как Австрия тут же захочет вернуть их обратно. Тут не то, что с невесткой – с чертом целоваться будешь. Понятно же, что Леопольд никого не помилует, ни Илону, ни детей...

– Авось и впредь не раздружатся. Ты-то себе никакую панночку не нашел? А то польки – женщины красивые...

Владимир только головой покачал.

– Соня...

– Да уж сколько лет Соня. Кстати, ты к матери заглядывал?

– Конечно! Сонь, а ее воспитанница – это то, о чем я думаю?

– Ага, – Софья и не собиралась врать. – Твоя сестренка от Ромодановского. Ты против?

Володя только плечами пожал.

– Да нет. Может, им еще одного ребенка сделать? Все мне меньше достанется?

– Замучили заботой?

– Есть немного.

Софья покосилась за окно, где светили желтой листвой деревья. Надвигалась осень, и похоже, что ее брат и муж зазимуют в Финляндии. Но ей тут тоже скучать не придется.

– А ты письмецо почитай? Глядишь, что интересное найдешь?

Володя поймал перекинутую ему казачью грамотку и вчитался. Присвистнул.

– Соня, это...

– Идея-то хорошая. Да работы там не на поколение и не на два. А еще – нужен будет кто-то из Романовых. Не хочешь по весне в поход?

– Я? На Кавказ?

– А что такого? – Софья отлично помнила, сколько проблем было с этим регионом в ее время. А сейчас глядишь, и получится все антирусские настроения под корень выполоть. Главное ведь что в любой работе?

Да вовремя начать! Потому как сорняки полют, пока они мелкие, колорадского жука травят до поедания картошки, а дороги чинят летом, пока тепло (российские коммунальщики не в счет, они о смене сезонов не задумываются принципиально). Вот если сейчас начать, пока Турция свой взгляд не обратила...

– А сил у нас хватит?

– А вот ты и посидишь зимой, подумаешь. Начинать-то в любом случае надо сейчас, а как уж сложится...

– Сонь, я ж не умею ни армии водить, ни...

– А тебе это никто и не доверит. Там Ромодановский есть, Мельин, братья Сирко – тоже черти отчаянные, прекрасно справятся. Ты пойдешь вместо знамени – первое, и учиться – второе. Главное, не лезь поперек знающих людей, а смотри и учись. А там, кто знает. Ты не задумывался, что царевичей много, а трон один?

Ага, в точку. Уши стали вовсе уж багровыми, но отрицать Володя ничего не стал.

– Я знаю, что младший сын, что...

– Тебя отлично можно использовать в заговорах.

– Дед пытался.

– Да?

Вообще-то про попытки Милославских подлезть хоть к кому из царской семьи Софья знала. Но и услышать историю в изложении Володи не отказалась. Хотя что тут слушать?

Классическое обхаживание мальчишки с тем, чтобы он поспособствовал, или попросил, или матери идею подкинул, а та уж Алексею...

Давно те попытки прекратились. Даже до последних дураков дошло, что не подействует, а Милославские глупцами не были. Оставили им определенную нишу в память о Марии, ну, иногда по рукам стучали, чтобы не зарывались – и хватит с них.

– Вот и поедешь. Алексей пока еще с войны вернется, да и некогда ему будет.

– Не боишься, что я там закреплюсь и отложусь?

– Ага, – Софья ухмыльнулась с таким ехидством, что Владимир понял – вопрос глупый. – Боюсь. Хоть ты там гнездо свей и яйца отложи, под боком-то у турок! Им Романовская кровь давненько поперек горла,

мяукнуть о независимости и свободе не успеешь, как слопают.

– Злая ты...

– Не я злая, жизнь тяжелая. Так что готовься, братик, изучай языки, читай умные книжки, разговаривай со специалистами... и радуйся, что едешь в район Кавказа.

– То есть?

– Любава задумалась, что тебя тоже женить надо.

– Я согласен на Кавказ!

## Глава 5

– Придется нам тут зимовать.

Ивану этого делать явно не хотелось, но и выбора никто не предоставлял. Не помчишься же из Финляндии обратно на Русь? Осталось только печально вздохнуть.

– Карл, с-скотина...

Его величество Карл Одиннадцатый воевал, как мог, а мог он очень немало.

Затянувшаяся война с датчанами, летучие отряды, направленные против русских, проблемы со снабжением, организованные им же – как ни стерегись, а до конца не убережешься, не охранять же каждый обоз целой армией, все это немало затрудняло продвижение русских. Опять же, залив скует льдом, флот тоже встанет на прикол до весны...

– Ладно. Встанем на зимние квартиры... Софья пишет, что у нее все в порядке. Подождут нас, ничего страшного. А к той осени, Бог даст, и завершим.

– Зимние квартиры – хорошо, время терять – плохо, – мрачно проворчал Иван.

– Что ты предлагаешь? По снегу ни мы, ни Карл не повоюем.

– А что я могу предложить? Будем сидеть, на снег глядеть...

– Да уж. На лыжах тут не походишь. И на коньках не покатаешься...

На лыжах...

Мужчины переглянулись.

– А ведь может и получиться... – протянул Алексей, заражаясь идеей. Безумие?

Все гениальное сначала кажется безумным!

– А орудия как? – Ваня по своей привычке тут же принялся осаживать друга.

– Разберем – и на санки их! Зато можно будет пройти по заливу, он же все равно льдом покроется.

– А где мы столько санок, лыж и прочего возьмем?

– У местного населения прикупим! За хорошую цену нам их столько натащат, да и сделают! Может, не совсем ладно получится, зато Карл нас ждать не будет!

– Пройдем – и ударим ему в спину?

– Даже если датчане нас не поддержат, у него-то тут в основном

кавалерия. Лошади по снегу не пройдут, а мы – можем! Прежде, чем он поймет, что происходит, мы и до Аландских островов дойдем.

– Так ежели получится, мы к середине лета дома будем?

– Должно получиться!

Алексей Алексеевич смотрел твердо. Ему тоже хотелось домой, к жене, детям, сестре... Война нужна, но Господи, как же тоскливо в разлуке!

– Ладно, – сдался Иван. – Давай попробуем набросать план, а там посмотрим.

– Нет у тебя никакого полета фантазии... нет бы восхититься царской мудростью, – привычно подколот приятель – и услышал в ответ фырканье.

– Высокий полет мысли возможен только после тщательного подсчета. А то... долетаешься тут.

Ответ тоже был привычным, так что друзья уселись за подсчеты и планирование. Кого, сколько, какие отряды, как снабжать, куда идти...

Война – это кто кого передумает...

\* \* \*

– Мы письмо от государя получили.

Петр Сирко посмотрел на Григория Ромодановского ну очень пристально.

– Государя?

– Государыни Софьи. Она считает, что стоит идти на Кавказ. Мысль дюже хорошая...

Петр выдохнул. Чего уж там, что Софья Алексеевна человек в государстве не последний и без ее одобрения поход не состоялся бы, понимали даже казачьи лошади.

– И... когда?

– А вот она и пишет, что по весне пришет порох, да пушки, да приедет царевич Владимир...

– А царевич к чему?

– Для переговоров и прочего, что по дипломатической части надо будет.

Петр подумал – и кивнул. Логично. Все-таки... а кто он такой? Пока – казачий атаман, сын Ивана Сирко, но и только. На переговорах это звучать не будет. А вот царевич Владимир...

– Он же неопытный...

– А ему воевать и не требуется. Пойдет с войском, государыня вот



пишет, что поучиться ему не мешает, а командовать все равно вы с братом будете. Ты на суше, он на море, Мельин, опять же, в поход рвется, седина в бороду... Кстати... Митька!

Дмитрия Ромодановского Петр знал, давно и с лучшей стороны. Побольше б таких ребят.

– Тоже, вот. Прислали ему с десятков ребят на обучение, теперь рвется пойти с войском, чтобы они опыта набрались.

– Какого опыта?

Ромодановский только хмыкнул.

– Так сколько к нам болезней оттуда ползет? Вот Митька и рвется ребят поучить. Тебе ж лекари при войске лишними не будут?

– Не будут. Главное, чтобы он вперед под пули не полез...

– Не ползет. Ума хватит, ну и ты приглядишь. Приглядишь ведь?

Петр кивнул еще раз. Дмитрия Ромодановского он знал. Пусть мальчишка и боярич, да усыновленный. Неглупый парень, серьезный, знает с какой стороны за саблю хвататься, по-глупому подставляться не будет...

– Беру. Пригляжу.

Ромодановский перевел дух.

– Вот и ладно. А теперь давай думать, сколько и чего тебе надобно? Государыня отписала, приказала, чтобы мы все посчитали, а чего не хватит, так то она пришлет.

Мужчины переглянулись.

Ну, женщина. И что? Она ж не сама править рвется, она все делает за братом и для брата, а это вовсе даже другая картина мира получается. Все на благо, не во вред, а раз так – надо прислушиваться. И выполнять приказы.

Походу на Кавказ – быть.

\* \* \*

– Рад видеть вас, Август.

Леопольд смотрел с улыбкой доброго дядюшки. Особых родственных связей у Габсбургов с Веттинами не было, но это же не повод не дружить? Даже наоборот...

Август, уже успешно прозванный Сильным за свои таланты и способности, смотрел без особой приязни, но и без вражды.

А ты поди, повраждуй, когда Саксония входит в состав Священной Римской империи. Уже давненько входит... и до этого времени не

привлекала особого внимания Леопольда. А сейчас почему вдруг?

– Ваше величество...

На верноподданнические расшаркивания Августа и милостивые улыбки со стороны Леопольда ушло около получаса. А потом, сочтя, что он уделил достаточно времени на отвлеченное, Леопольд перешел к делу.

– Август, как вы отнесетесь к тому, чтобы стать королем Польши?

Как?

А кто бы отказался. Только вот...

– В Польше есть король.

– Это верно, – улыбка Леопольда была достаточно тонкой и в то же время наивной. – Но жизнь – такая сложная штука, все в воле божьей и мы в его деснице, и короли, и императоры...

Намек был понят.

Отказываться Август и не подумал. А почему – нет? После того, как его брат стал курфюрстом Саксонии, у юноши окончательно исчезли все границы. Разве он не достоин лучшего!?

Достоин! Это сама жизнь подтвердила! А значит – вперед!

Август Сильный, король Польши... звучит!

Леопольд смотрел на это с легкой ухмылкой, но та успешно пряталась на самом дне глаз.

Глупый ребенок, безмозглый, управляемый, податливый – что еще нужно, чтобы обеспечить Леопольду стену между ним и этой загадочной Русью?

И получить обратно Венгрию.

Понятное дело, Корибут ее добром не отдаст, уж после этой свадьбы – вдвойне. А значит – нужно менять польского короля, устраивать там смуту, а под шумок... да и вообще? К чему Священной Римской Империи сильные государства рядом?

Вот еще!

Больше смуты – Леопольду лучше.

Август подходил по всем параметрам, союзники среди шляхты тоже были, оставалось убрать Корибута с семейством и поднять смуту. А под шумок протолкнуть на польский престол своего ставленника. Да, опасно. Но если получится...

Этим действием Леопольд мог окупить все свои потери. И в войне с Турцией, и вернуть Венгрию... и Ракоци не помешают!

И русские не вмешаются, формально они тут никто. А фактически... Ради такого куша Леопольд и с турками готов был договориться. Пусть займут русских в Крыму, а там разберемся.

Одним словом – королю Августу – быть.

\* \* \*

Принц Франсуа-Луи Конти ничем особым не выделялся. Таких при французском дворе, с точки зрения Анны, дюжина бегала. Мальчишка, как мальчишка, младший сын Армана де Бурбона и Анны, племянницы кардинала Мазарини, симпатичный, неглупый, со склонностью к военной карьере, но и поспособнее есть... одним словом – серая скотинка.

И все же, именно он чем-то заинтересовал Людовика.

Чем?

Такие вещи Анна предпочитала узнавать сразу. Ну, не в Англию же его отправят? Там и так есть кому и чем заняться. С легкой руки Людовика на землях Туманного Альбиона развернулась настоящая мясорубка. Смешались в кучу сторонники малыша Карла, Монмута, королевских внебрачных сыновей, парламента и прочего. И никто, никто не собирался уступать.

– Милый Луи, вы собираетесь отослать от двора малыша Конти?

Определенные вольности Анна себе позволяла. Людовик, разнежившийся рядом с супругой, лениво приоткрыл глаза.

– Конти? О, нет. Он мне пригодится здесь, хотя, возможно, в скором времени ему придется уехать в Польшу.

– Польшу? Зачем вам эти дикие варвары, сир?

Анна не играла, она была искренне удивлена. Раньше Польша лежала вне интересов французов, с чего вдруг сейчас...?

– До меня дошли некоторые сведения...

Анна слушала – и с трудом удерживала на лице маску безразличия. Да, только ради этой информации ей стоило попасть в постель Людовика. С тех пор, как люди изобрели заговоры, появились и те, кто действовал в своих интересах.

До Людовика дошла информация, что его коллега и венценосный братец Леопольд готовит в Польше переворот. И собирается посадить на трон, который, казалось бы, прочно заняли Корибуты, своего ставленника.

Людовик не возражал ни по одному пункту, кроме последнего. Почему-то он полагал, что его ставленник на польском троне будет смотреться куда как органичнее. Так что...

Позволить Леопольду сделать всю грязную работу, а потом вывернуть перед людьми всю подноготную дела и снять сливочки – это было вполне в

духе Людовика. Он разглагольствовал, а Анна думала, как поступить.

С одной стороны – она сейчас королева Франции. Пусть не совсем официальная, пусть ее положение достаточно зыбко, но брак-то настоящий! И как королеве Франции ей это выгодно. Смута в Польше, беспорядок в Австрии, под шумок Франция себе еще жирный кусок территории прихватит, Людовик и своего не упустит и чужое не забудет.

С другой стороны...

Какая она, к чертям, королева?! Анна прекрасно понимала, кто ее сюда привел и на кого она работает. Ну, смолчит она сейчас, а дальше-то что? Если кто думает, что государыня Софья не узнает обо всем из другого источника, или что она потом простит...

Анна чуть поежилась и даже накинула на себя кружевную простыню, хотя мороз был не внешним, нет. Изморозь пробежала от воспоминания о холодных темных глазах царевны.

Эта – не помирует. И Людовик не спасет, рано или поздно предательница будет мертва. Как?

А, неважно. Анна подозревала, что никакая подготовка ей не поможет. И своим людям она ничего не сможет предложить такого, чтобы они остались рядом с ней. Кто однажды предал, и во второй раз не побрезгует...

Софья ее даже убивать не будет, просто если на свет появится истинная биография Анны де Бейль... Жена Цезаря обязана быть вне подозрений. Жена Людовика? Она обязана быть еще чище!

Момент слабости прошел, и Анна улыбнулась супругу.

– О, Луи, вы такой умный!

Произнесенные нежным женским голосом слова, сползающая простыня, очаровательная улыбка... стоит ли говорить, что о политике больше речь не заходила?

Этот разговор у Людовика еще три раза из головы вылетит. А Анна сообщит, кому надо – и скоро, очень скоро, письмецо полетит на Русь. Пусть государыня решает, как тут поступить. Анна же...

Когда-нибудь она вернется домой...

Женщина не лгала себе. Она просто не понимала, что вернуться – не удастся. Она уже выросла в эту жизнь, уже пустила корни, здесь ее сын, возможно, будут и еще дети и внуки – как их бросишь? И все же... а вдруг?

Пусть она сейчас королева Франции, но до последней капли крови, до последнего вздоха она останется русской. А слабость?

Не было никакой слабости.

Зима...

Как же Софья любила это время. Именно здесь и сейчас. Белое покрывало на крышах Москвы, розоватое небо, голубоватые дымки из труб, золотые купола храмов, кокетливо поблескивающие из-под снежных шапок...

И санки.

Проехаться под звон бубенцов, по городу, выехать в лес, покататься там, доехать до Дьяково – и ненадолго вернуться в детство. И не надо ни о чем думать, можно просто погулять по лесу, а потом вернуться домой, выпить горячего чая, посидеть с детьми...

А еще – лыжи, коньки, небольшой прудик, залитый специально для царской семьи, детский счастливый визг, снеговики и снежки...

Жаль, что это бывает так редко. Но сегодня – получилось. И Соня с удовольствием наблюдала, как носятся наперегонки дети, как скользит по льду Ульрика, как выписывает небрежные фигуры Володя...

– Это ведь и есть твое счастье, правда?

Постаревшая за последнее время, но еще бодрая тетка Анна, с улыбкой смотрела на племянницу. Недавно она женила сына и теперь ожидала внуков.

– Еще Алеша и Ваня.

Софья улыбнулась, глядя на детей. Тетка анна тоже смотрела.

– Саша будет хорошим правителем после Алексея. А кто заменит тебя? Ты уже думала?

– Алёнка проявляет отличные способности. Думаю, что при соответствующем воспитании из нее получится отличный серый кардинал.

– Серый кардинал... а семья? Дети? Кардиналам их не положено, не так ли?

– Мне это не помешало, не помешает и ей.

Царевна Анна не знала про отца Жозефа, который когда-то состоял при кардинале Ришелье, а Софья не собиралась проводить экскурс в историю. Хотя сходство и прослеживалось, даже в том, что Франсуа Леклер дю Трамбле был намного более беспринципен, чем его патрон. Во имя великой идеи!

– Не равняй себя и дочь, Соня. Ты всегда была необычным ребенком...

Софья улыбнулась. Присела рядом с укутанной в бобровую шубу теткой.

– Это было так заметно?

– Не сразу, но я увидела. И была рада, что мы живем в Дьяково, подальше от внимательных глаз.

– А Аленка? Что ты о ней думаешь?

– Умная девочка. И честолюбивая. Не захочет ли она полной власти?

Вот тут Софья была уверена.

– Нет. Не захочет. Ей не нужно царствовать, ей нужно править, а в нашей стране это может делать только мужчина. Она же будет стоять за спиной у Александра.

– А когда у него появится жена? Дети? Ночная кукушка, знаешь ли...

– Мы с Ульрикой нашли общий язык, разве нет?

Софья умолчала о еще одном обстоятельстве. Жена... У Шан тоже была женой. И где она сейчас?

– Будем надеяться на лучшее, – тетка Анна смотрела вдаль, чуть прищурившись. Что она там видела? О чем думала?

– Пока все не так и плохо?

Софья умолчала о том, что она старалась приучать детей к системе. Пусть привыкают, что в одиночку править не получится. Кто-то должен быть рядом, чтобы правитель не наломал дров, кто-то верный и неглупый, но не желающий сидеть на троне. Она подобрала себе преемницу, когда-нибудь так поступит и Аленка.

– Все замечательно, Соня. Знаешь, я иногда думаю, что если завтра умру – это не страшно. Благодаря тебе я жила и живу полной жизнью, стала женой и матерью, люблю и любима... разве мало? Я не зря была на этой земле. И Танюшка, и Ирина...

– И чего ты об этом заговорила? – Софья ворчала, отмечая и морщинки на лице тетки, и ее грустную улыбку... шестьдесят лет здесь – это как восемьдесят – там. А то и под сотню.

– Не знаю. Но это правильно. Я буду молиться, чтобы у тебя все получилось.

– Помолись, тетушка. Нам нужны твои молитвы. А муж как?

– Возраст, Соня, возраст. Но знаешь, с этими мелкими его совершенно не чувствуешь. Когда то одно, то другое... да и ежи ему хорошо помогает, и дети тянутся, кстати говоря... ты же не хочешь его отстранить?

Софья возмущенно фыркнула.

– К чему? Он со своими обязанностями справляется, так стоит ли огород городить?

– Иногда я думаю, что если бы не ты, мы и не встретились бы. И его бы в живых не было, и меня уже...

Софья взмахнула рукой.

– Тетя, довольно! Такой чудесный день – и вдруг столько серьезности? Так нельзя! Запрещаю! И вообще – помчалась я кататься дальше, а то уши мерзнут!

– Государыня, срочное письмо...

Софья прошипела что-то невнятное сквозь зубы и приняла свиток. Развернула, пробежала глазами. Царевна Анна наблюдала за изменениями на лице племянницы. Вот минуту назад это была абсолютно счастливая женщина, жена, мать, которая ни о чем, кроме детей и не думала. А сейчас....

Сошлись на переносице тонкие брови, сверкнули глаза, сжались губы – кровавая царевна выглянула во всей красе.

– Соня?

– Этого я не спущу, – прошипела женщина не хуже трех гадюк. – Много на себя берет этот мерзавец!

– Сонюшка?

Письмо смялось под тонкими пальцами, блеснуло рубином кольцо – и показалось Анне каплей крови.

– Все в порядке, тетушка. Все хорошо.

– Алеша? Ванечка?

– И с ними тоже. Это другое... политика, будь она неладна!

– Да неужели? – поддразнила Анна племянницу.

Софья бросила взгляд на детей.

– Алёна!

Царевна Анна покачала головой.

– Девочку-то зачем от игр отрывать?

– Тетя, а как еще ее учить прикажешь?

– Пусть бы хоть погуляла, подумалась...

– Она хочет править. И если захочет когда-нибудь занять мое место, пусть знает все заранее. Не будет у нее никаких беззаботных минут, ее в любой момент могут оторвать от семьи и заставить заниматься делами. И – будет заниматься, как миленькая, потому что иначе и семьи у нее не будет, и страны. А не нравится – я никого не держу.

– Мам?

Боярышня Елена улыбалась. Потом перевела взгляд на мать, на письмо в ее руке – и помрачнела.

– Что-то серьезное?

– Да.

Елена оглянулась на хохочущих друзей, на мать, опять на друзей...

- Мне с тобой?
- Как сама захочешь.
- Минуту?

Софья кивнула – и наблюдала, как Елена, подъехав к смеющимся друзьям, что-то говорит им, те кивают, а девочка опять направляется к матери.

- Я готова.

Софья переглянулась с Анной – и тетушка согласно опустила веки. Да, девочка неглупа. Не сбежать к матери и потом задрать нос – вот, мол, вы тут в игрушки играете, а я уже делами занимаюсь. Нет. Наверняка...

- А ребятам ты что сказала?
- Что переоденусь и вернусь. Ты ругаешься, у меня ноги мокрые...

Софья коснулась плеча дочери.

- Умничка. Идем?
- Да, мам...

Елена отлично понимала, что пользы от нее будет мало. Но начинать надо с азбуки, а не с греческих текстов. Вот она и будет учиться у матери. Хорошо учиться, чтобы та потом ей гордилась.

Царевна Анна оглянулась по сторонам и быстро перекрестила девочек. Пресвятая Богородица, помоги им, защити, спаси и сохрани...

Она уже не слышала разговора между матерью и дочерью.

- От кого письмо, мам?
- Читай. И скажешь, что ты о нем думаешь.

В письме было донесение от ее величества Анны де Бейль, ныне королевы Франции. Про Людовика, Леопольда и Польшу.

Елена прочитала, нахмурилась.

- Стервятники. Твари.
- Верно. Еще что скажешь?
- Что Европе не нужна сильная Польша? Безусловно. Им и сильная Русь не нужна.

- А нам что делать в связи с этим?
- Узнать все подробнее. Предупредить дядю Михаила и тетю Марфу.
- Так. А еще?
- Подготовить ответный ход. Чтобы никто и не задумывался посягнуть на то, что принадлежит русским.
- Польша нам не принадлежит.
- Но она наш союзник. А своих надо защищать, верно?
- Верно. А нам нужна сильная Польша?

Елена задумалась.



– Зависит от обстоятельств. С одной стороны, они сейчас стоят между нами и Европой. Это плюс. С другой – можем ли мы их съесть и не подавиться? Мне кажется – нет? – Софья качнула головой. Все правильно, хватит, навоевались с поляками, отцу спасибо. Сейчас и так проблем хватает. – С третьей, если нельзя их присоединить, лучше пусть там у власти будут наши родственники, чем абы кто?

– Еще какие варианты?

– Конечно, нам интереснее присоединить Польшу, но это со временем, только со временем. Сейчас мы не сможем этого сделать безболезненно, значит, надо готовиться, а пока выглядеть их друзьями. В политике ведь нет постоянных союзников, а есть только постоянные интересы?

Софья кивнула. Ну, мыслить логически ребенок учится. И начинает понимать, в каком... «розовом масле» постоянно возится мама. Теперь надо еще подумать самой. И в одном-то Елена точно права. Спускать такое Леопольду нельзя.

Туркам, что ли, помочь по-дружески? Надо подумать...

\* \* \*

– Алешка, это безумие.

– Пусть. Но выбора у нас нет. Сейчас Карл и Кристиан держат друг друга за горло. Либо мы ударим, либо... Вань, ты все сам понимаешь. Ты вообще к жене хочешь?

Хотел. Так что...

Идея была из разряда самоубийственных и безумных, но когда это останавливало русских? Тем более – нет плохих идей, есть плохая организация. Зима выдалась холодная, лед на Балтике был толстым и крепким, и вот по этому-то льду Алексей Алексеевич собирался пройти почти сто верст, поближе к Стокгольму. И ударить в тыл армии Карла.

Продумано было все возможное. От продуктов – на льду ведь не разведешь костер, а потому требовалась жирная пища, чтобы люди не перемерзли и не голодали, и валенок с меховыми шапками, до лыжных салазок.

Аландские острова звали и манили. Сейчас там не ждут врага, шведский флот встал на якорь, русский тоже пришвартован, кто в Риге, кто в Копенгагене. Опасность, впрочем, была, и немалая.

Погода.

При южном ветре лед мог взломаться и встать дыбом, торосами. Тогда

пришлось бы бросить пушки, которые встали русской казне не в один рубль, пришлось бы возвращаться назад, губя боевой дух армии. Но Алексей Алексеевич собирался пойти с войском. И если солдаты повернут назад, то только после его смерти. Алексей не настолько сильно боялся рисковать своей жизнью, как его отец. Алексей Михайлович воевал, да, но никогда не лез в первые ряды, всегда находился подальше от поля боя.

Алексей Алексеевич мог позволить себе пойти с войском. Он тоже собирался не драться, а командовать, но, случись что – и у него есть наследник. И Соня удержит власть до его совершеннолетия. Она Александра не бросит.

Его отговаривали. Но...

*Я не могу требовать от своих людей того, что не сделаю сам.*

Алексей не знал, что эти его слова станут историческими. Более того, станут путеводными для всех царей земли Русской. Он просто сказал то, что думал. И пошел с войском, в простой одежде, так же, питаться с ними солдатской едой, так же штурмовать Большой Аланд, потому что иначе нельзя.

Так его научили.

Ты требуешь верности? Тогда будь верен сам. Честности? Тогда не стоит лгать. Храбрости? Готовности отдать жизнь за свою страну?

Докажи, что сам на это способен, а уж потом поговорим. Так-то.

Спустя триста лет русские цари будут повторять эту фразу, противопоставляя ее наглости политиков. Требовать от человека можно только то, что ты готов сделать сам. И иначе никак.

Иначе ты не царь, а дрянь.

Иван Морозов шел вместе с другом. Давным-давно один мальчишка признал другого старшим, давным-давно принес клятву верности – и изменять ей не собирался. Что бы ни случилось.

Так что вскоре после Рождества Христова, войско вступило на лед Балтики.

Если кто считает, что это была ровная и гладкая ледяная дорожка – о, нет. Отнюдь.

На Балтике нередки шторма и бури, волны взламывают лед, опять застывают причудливыми монолитами, по сути, лед залива – это хаос, это ледяные торосы, трещины, полыньи...

Навсегда запомнит Алексей эти несколько дней.

Несмотря на всю осторожность – сначала лед проверялся специальными шестами, потом уже шли люди, все равно жертв избежать не удалось. Хотя и не особенно серьезных. Сломанные руки и ноги,

обморожения, носы, уши, пальцы, кое-где – ноги, хоть и предупреждали всех! Всем сказали, но «умники» всегда найдутся. Всем солдатам было выдано спиртное для «погреться», оно и понятно. Впьянь не напивался никто, но прикладывались часто, а водка – она такая. Крепкая.

Поневоле ноги будут вензеля писать.

Навсегда Алексей с Иваном запомнили этот поход. Особенно опасно было на подходе к островам – прибрежный лед не такой, как морской, вовсе не такой. Кто-то умудрился все же провалиться, и хотя их вытащили, все равно солдаты потом болели и умирали...

А иногда и вытащить не удавалось. Ледяная вода делала свое дело быстрее сабли или пули. Кто-то и вскрикнуть не успевал – холод сковывал тело, сдавливал грудь, убивал крик...

Армия шла. Медленно, но неуклонно приближаясь к Швеции.

Больше сотни человек поплатились жизнью в этом походе. Кто-то отморозил руки, пальцы... Как можно спать на льду? Хорошо в двадцатом веке – пенопласт, термоковрики и прочие радости. А тут?

Лапник, который несли с собой, звериные шкуры – и все. Страшно?

Да. Но выбора тоже не было. И люди шли вперед и вперед.

От одного острова к другому, через снег, лед, через мат и стиснутые зубы.

Второй день выдался намного тяжелее первого. Кто-то обморозился, кто-то устал, но люди не ворчали. Молча помогали друг другу, растирали обмороженные участки водкой, наносили на них гусиный жир, заготовленный в большом количестве – и шли вперед.

Снег, метель, торосы, через которые приходилось прорубать путь, дикая усталость...

Вторая ночь выдалась еще тяжелее первой, хотя бы потому, что люди уже устали. Но выбора не было. Алексей всем видом демонстрировал непоколебимую уверенность. Только Иван видел, что государь искренне сомневается в успехе своей затеи и безумно боится, что снегопад перейдет в сильный шторм. Безумно обидно будет умереть в шаге от цели.

Но мужчина держался молодцом, и стыдно было бы иначе, после тренировок в Дьяково и после всех походов. И глядя на него, держалась и вся армия.

А утром третьего дня на горизонте замаячил Большой Аланд. Крепость охранял примерно семитысячный шведский гарнизон, но могло ли это остановить русских?

Могли ли остановить их шведы, которые просто не ожидали нападения по льду?

Они даже укрепления занять толком не успели. Началась ожесточенная резня.

Алексей Алексеевич сам бы с удовольствием принял в ней участие, хоть согреться, но Иван удержал. Два часа хватило Аланду, чтобы пасть в руки русских.

Шведы потеряли более двух тысяч человек убитыми и около полутора тысяч ранеными, русские – около тысячи убитыми и больше трех тысяч человек страдали от ран и обморожений. Но отдыхать было некогда.

Заняв крепость на Большом Аланде, государь принялся распоряжаться. Тех, кто болен или ранен, оставляли ее гарнизоном. Им предстояло пройти по всем островам и привести их к полной покорности. Не одна ведь крепость!

Есть и деревушки, и мелкие крепостцы – и все их надобно прочесать частым гребнем. Прошлый раз они Аланд вернули Карлу, в этот раз так уж не будет.

Те, кто боеспособен, а это было более пяти тысяч человек, перейдут залив по льду – к городку Грисслегамен. Аккурат в паре переходов от Стокгольма.

Захватить город – и идти на столицу Швеции. И никак иначе.

Вперед и только вперед!

Карл пытался нанести удар по Копенгагену? Не получилось?

Так ты и не русский, ты швед! А мы – русские. У нас – получится.

\* \* \*

– Может, останешься?

– Вань...

– Я сам поведу войско. Алешка, пойми, это же не из трусости предложено... тебя сейчас никто не посмеет назвать трусом, даже если ты не пойдешь через пролив!

– И не из храбрости отвечено. Я не брошу своих людей. Да и... переговоры вести придется, сам понимаешь.

Иван понимал. Если удастся захватить Стокгольм, в руках Алексея окажется шведская королевская семья. И тут уж можно будет торговаться и договариваться с Карлом.

– Потомки назовут нас безумцами.

– Потомки будут нами гордиться.

Ночь русские войска потратили на отдых – и на следующий день

выступили к Стокгольму.

Стоит ли говорить, что Грисслегамен пал, даже не попытавшись оказать сопротивления? Когда на берегу, словно из льда и снега, появились русские солдаты, бургомистр так растерялся, что и не подумал оказать сопротивление. Он был занят.

Молился.

Увы, русские оказались пострашнее всякой нечисти и не развеялись ни от креста, ни от святой воды. Правда, и грабить не стали. Просто разоружили гарнизон, заточили всех, за неимением лучшего, в казармы и объявили, что отныне город находится под властью русского государя. А кто не согласен – вперед, на лед.

Несогласных не оказалось. Так что Алексей объявил двухдневный отдых. Отоспаться, подлечиться – и вперед. На Стокгольм.

\* \* \*

Нельзя сказать, что Диего Сармиенто де Вальядарес наводил ужас на Марию. Но... любить его точно было не за что. Великий инквизитор – такая должность... своеобразная. Нельзя сказать, что там все сплошь и рядом были фанатиками, нет. Фанатики – это рядовые, которых к власти и на километр подпускать нельзя. В верхи обычно выбивались властолюбцы и карьеристы, это было нормально и правильно. Но... де Вальядарес был искренне верующим. А что хуже – еще неизвестно.

Карьерист, конечно, сволочь, но он хотя бы предсказуем. А вот что можно ждать от человека, который желает только добра?

Диего Сармиенто де Вальядарес тоже смотрел на женщину без особой приязни. Нейтралитет – и только.

Не была б она женой Короля морей, сестрой русского государя – он бы... Мария отчетливо понимала, что инакомыслия и иноверия при испанском дворе Диего не потерпел бы. Просто руки коротковаты. Да и не замарала она себя ни в чем чай, не маркиза де Монтеспан...

– Ваше высочество, почему нет?

– Потому что это... характеризует нас не с лучшей стороны. Европа и так косится. Я не возражал, когда вы отлучили епископа Картахены, я не лез в ваши распри с Папой, я на многое закрывал глаза. Но рано или поздно этот разговор должен был состояться.

Лицо великого инквизитора покривилось. И повод-то был! Хотя и не самый серьезный, с точки зрения Марии. Подумаешь, захотелось человеку

аутодафе устроить! Вот, в прошлый же раз устраивал – и ничего, все горели, как миленькие! А в этот раз в честь королевской свадьбы захотелось, а дон Хуан не дает.

– Его величество...

– Предложил решить этот вопрос со мной. И я говорю – нет.

– Ваше высочество, это дело веры!

– Не сейчас. Здесь и сейчас это политика. Святой отец, вы понимаете, что занимаетесь совершенно не тем и не там?

– Мы чистим нашу землю от скверны...

– Много же в ней скверны, коли вы ее более двухсот лет чистите – и до сих пор успеха не добились.

Дон Хуан раньше и не подумал бы о таком, но после визита на Русь... воистину, эта страна обладала странным действием на людей. Она заставляла думать, приглядываться, замечать нечто новое в том, что было знакомо с детства. Неужто не знал дон Хуан, что при том же Диего де Арсе-и-Рейносо на кострах было сожжено около десяти тысяч человек?

Знал. И что? Им не нашлось бы лучшего применения?

Вот и сейчас...

Инквизитор пожелтел до цвета лимона.

– Ваше высочество, вы защищаете еретиков?

– Нет. Но я решаю, где испанцы принесут больше пользы. Поймите меня правильно, дон Диего, – глаза Короля Морей были усталыми, под ними залегли синие круги. И в юном-то возрасте власть тяжела, а в его лета? – Я не сомневаюсь в правоте матери нашей, святой инквизиции. Более того, неужели я отменил хоть один приговор? Я не вступился за Мигуэда д'Эстебана, я не мешал вам. Но сейчас назрела необходимость... чуть изменить привычный порядок вещей. И мне хотелось бы заручиться вашей поддержкой и помощью.

– Вы гладко говорите, ваше высочество...

– А вы пока не понимаете меня, святой отец. Подумайте сами, чем вы занимаетесь? Аутодафе для... кто у нас там? – дон Хуан навскидку вытащил пергамент из стопки таких же листов. – О, бог мой! Соседка Хуанита донесла на соседку Карменситу, что Карменсита ворует у нее красоту. А заодно летает на метле на шабаш... Святой отец, неужели не ясно, что одна просто завидует другой?

– Ваше высочество...

– Я не закончил, святой отец. Выслушайте меня, и если я неправ... неужели нашей матери-церкви нет иного дела, как разбирать дразги двух дур?

Инквизитора перекосило еще сильнее.

– Пусть им мужья ума добавят, а вы подумайте о другом! У Людовика во Франции смертный ужас творится! Черные мессы служатся, отравителей сотнями ловят... думаете, у нас чище?

Перекошенность инквизитора медленно сходила «на нет» Дон Хуан усмехнулся про себя, и добавил:

– Просто вы охотитесь на комаров, а ягуары охотятся в это время на простых людей. Святой отец, я прошу, чтобы инквизиция занялась достойными ее делами!

Дон Диего слушал и невольно кивал. Мария тоже слушала, привычно восторгаясь мужем. Сейчас они одним ударом убивали двух зайцев. Даже больше, чем двух. Первое – всякая человечья мелочь отправится в колонии, вместо костра. Второе – инквизиция займется знатью, и она, зная, кинуется к дону Хуану. А кто еще сможет их защитить? Не всех, конечно, с большим разбором...

Третье – почистим ряды оппозиции, судьба у нее такая, печальная. И всем будет хорошо. Да и инквизиции – тоже, вон, дон Диего уже кивает головой, соглашаясь, что действительно, не след орлам комаров ловить, мы подостойнее цель выберем, ваша правда, ваше высочество.

Мария думала еще и о другом. В колониях и мужчин, и женщин не хватает. Французский король просто набивает корабли убийцами, ворами, шлюхами – и вся эта сволочь плывет в Колонии. И они вытеснят испанцев оттуда, это уж наверняка. Так что надо укрепляться, обосновываться и самим гнать оттуда англичан и французов. И вообще! За время правления дон Диего осуждено больше шести тысяч человек, не пора ли ... слегка смягчить приговоры? \*

**\* Х.А. Льоренте. История Испанской Инквизиции, прим. авт.**

Дон Диего злился, но больше не спорил. И сложно, и неохота, и... если это официальная политика короля – ругаться не стоит. Он верно сказал – инквизиция дотянется до любого, если захочет...

Понимает ли дон Хуан, что и до него – тоже?

Да, отчетливо понимает. Но не боится. И смотрит серьезно и внимательно, надеется, что Великий инквизитор примет его точку зрения. Но... что теряет инквизиция?

Да в общем-то ничего. Им не запрещали охоту за еретиками, допросы... им вообще ничего не запретили. Просто попросили немного скорректировать свои действия, тем более, в сторону, выгодную для инквизиции, и обещали содействие.

– Ваше высочество, но вы не против аутодафе... в принципе?

Диего Сармиенто де Вальядарес не сдавался, нет. Скорее выяснял границы дозволенного. Не стоило забывать, что Карлос слаб, что после его смерти наследником назван сын Короля Морей... инквизиция может и побороться.

Только вот дураком Великий Инквизитор не был и отчетливо понимал, что кто бы ни победил – проиграет Испания. А свою родину он любил.

– Кто я такой, чтобы вмешиваться в дела инквизиции? Разумеется, все в вашей воле, но хотелось бы, чтобы вы услышали мою просьбу?

Диего склонил голову.

– Я полагаю, что два разумных человека всегда смогут договориться, ваше высочество.

Мужчины обменялись улыбками.

Когда Великий инквизитор покинул покои короля Морей, Мария тоже вылезла из-за ширмы. Потянулась, разгоняя кровь по жилам.

– Он согласен?

Дон Хуан кивнул.

– Разумеется, аутодафе еще будут, но основную часть людей мне удалось спасти. Пусть жгут по три-четыре человека, а не по сто-сто пятьдесят. Действительно, расточительство.

Мария кивнула.

Да уж... она скромно умолчала о том, что инквизицию боялись больше короля, что власти у нее уж всяко побольше, что...

Да много тут чего было. Инквизиция была сильна и не дону Хуану с ней бороться. Тут король нужен, а не регент – и не марионетка, вроде бедняги Карлоса, которого жена гоняет в хвост и в гриву... может, их сын начнет это дело, но закончить и ему не удастся. И все же...

Аутодафе...

Мария поморщилась так, чтобы муж не видел. Мерзость это. Измученные пытками люди, которые готовы покаяться хоть в чем. Хотя под пыткой...

Да проверь так самих инквизиторов – обнаружишь девяносто пять сатанистов из сотни! Наверняка! А теперь надо похвалить мужа. Пусть не сомневается – он самый умный, самый лучший и вообще, цены ему нет...

Мария видела, как сдал ее супруг. И то сказать – ему уж за шестьдесят лет перевалило. А сколько он еще проживет?

Пальцы коснулись крохотного православного крестика, висящего глубоко под одеждой. На виду был католический, изящный, с бриллиантами и сапфирами, но вот этот, простенький, подаренный сестрой на счастье, был дороже всех сокровищ мира.



Господи, прости меня за грешные мысли, но мой супруг должен пережить Карлоса. Чего бы мне это не стоило. Как я ни хорошо отношусь к Карлосу, но... Он слаб, податлив, безволен, болен... это будет даже не убийство, а милосердие.

Пресвятая Богородица, прости мою душу грешную...

\* \* \*

Гедвига Элеонора и королева Мария Шведская смотрели на русского государя с совершенно разными чувствами.

Первую трясло от ненависти, вторую же...

Бывают на свете такие красавцы!? И достаются же кому-то!? И кому!

Нескладной страшненькой Ульрике! А она вынуждена довольствоваться Карлом! Более того, что самое обидное, русский царь и неглуп, и побеждает, и мать у него умерла, и... так много этих «и»! А она...

Очень обидно.

Гедвиге же было обидно по другому поводу.

Стокгольм сдался без боя. Равно как и Грисслегамен. Просто увидели русских солдат, суровых, обмороженных, с гневно горящими глазами – и сдались! Хоть ворота бы закрыли, попробовали выдержать осаду – нет!

Суеверия сыграли со шведами плохую шутку. Если с русскими Бог – кто против них? А без Божьей помощи такого и верно, не сотворишь. Пройти по льду залива! Тут не людьми надо быть, а чем-то... кем-то большим.

– Что вы с нами сделаете?

– Ваше величество, – два поклона, даже скорее склонения головы, – обещаю, вам ничего не угрожает. Особенно если его величество прекратит эту войну.

– Не мы ее начали! – Гедвига вцепилась тонкими пальцами в платочек, который медленно превращался в груды лоскутков. – Вы, русские, первыми вторглись на наши земли!

Алексей только плечами пожал.

– Ту войну я начал, потому что Швеция закрывала мне море и возможность свободно торговать с Европой на Балтике. Да и земли от устья Невы до устья Двины издревле принадлежали моим предшественникам. Финляндия с Лапландией были прежде владениями русских государей. Мы не жаловались на шведов, почему сейчас вы жалуетесь на нас?

Судя по горящим ненавистью глазам вдовствующей королевы – она бы

не жаловалась, а попросту убила. Но не могла. Сила была не на ее стороне.

– Что теперь с нами будет?

– Кусок территории получит Дания, кусок мы. А Швеция все равно останется, просто... меньше.

Платочек окончательно помер смертью храбрых.

– Не бойтесь, ваше величество?

Ответом ей была насмешливая улыбка.

– Ваше величество, я надеюсь, вы понимаете, что сопротивляться не стоит? И подбивать народ к бунту – тоже?

– Мой сын никогда не смирится. И мой внук тоже.

Алексей пожал плечами.

– У меня тоже есть дети, и, надеюсь, будут внуки. Жизнь покажет, кто из нас был более прав.

Ненависть королевы была вполне ощутимой. Но это – ее проблемы. Главное, чтобы Карл подписал капитуляцию.

У него с Копенгагеном не получилось. Что ж, получилось у другого. Не стоит давать людям хорошие идеи, они ими и сами воспользоваться могут. А ты, брат мой венценосный, останешься с носом. Так-то...

Когда Карлу сообщили о захвате его семьи, долго он не думал. Не понадобилось и рейдов по шведским городам – сам сдался и предложил переговоры. Жену он особо не любил, но мать и сына...

\* \* \*

Спустя два месяца Швеция окончательно была поделена на три части.

Собственно Швеция – остаток и огрызок, состоящий из Свеаланда и Норланда. И никакого флота. Шведские верфи были разорены, корабли уведены на Русь, а шведскому флоту на Балтике и не бывать никогда. Так, мелкие сторожевые лоханки...

Дания отгрызла себе весь Гетланд, от Норрчепинга до Бохуслена, и Алексей не возражал. Чего уж там, после пережитого Кристиан имел право на компенсацию.

Карл пытался напасть на его родных – и не заслуга шведа, что у него ничего не получилось. Это заслуга русского флота.

Впрочем, лишая Швецию такого количества портов, Дания отдавала Карлу кусок Норвегии к югу от Нарвика. Там как раз был очень удобный порт – Будё. Был Кьеррингей, что чуть компенсировало Карлу потерю Балтики. Отныне выхода в Балтику у Карла не было, а любой шведский

корабль, который там окажется, будет безжалостно утоплен. И никак иначе. Вот по Атлантике – плавай, а в Балтику – ни ногой.

Карл скрипел зубами, но соглашался.

Кристиану это тоже не слишком нравилось, ведь там-то шведы флот постоят, и опять могут попробовать влезть в Балтику, но Алексей Алексеевич надавил авторитетом, пообещав заодно поддержать «коронованного брата» в диалоге с голштинским герцогом.

Себе русские забирали всю Финляндию, большую часть Лапландии, а так же острова. Под шумок Руси отошла и шведская часть Померании, после чего договориться с прусским курфюрстом было уже делом техники. Фридрих получал Бремен и Верден, а русские – восточную Померанию. Фридрих не возражал. Собственно, ему вообще не было дела до таких пошлостей, как война, а курфюрстина Феодосия, которая и правила сейчас страной, не стала спорить с братом. Она-то отлично понимала, что муженек слаб, глуп... и если что, защитой ей будет лишь Русь.

Алексей собирался прислать в Померанию царевича Федора в качестве наместника, и постепенно заселять ее русскими. Пусть сживаются, срастаются, чтобы спустя сто лет никому и в голову не пришло, что эти территории можно отжать обратно.

Заодно Иван Морозов договорился с Кристианом о выкупе Русью острова Борнхольм, севера Норвегии, Исландии с Фарерскими островами и прав на Шетландские и Оркнейские острова.

Нельзя сказать, что Кристиан был от этого в восторге, но министры зудели, что те мухи, деньги требовались, казна показывала дно, и даже война со Швецией не помогла восполнить дефицит бюджета. Так что родственник согласился, и русские довольно потеряли руки. Если женщина просит...

А царевна Софья просила именно об этом.

Зачем?

Кто ж знает...

Кристиан, правда, намекал, что не худо бы Швеции опять стать датской провинцией, как и раньше, но это не вызвало понимания у Алексея. Ответ был вежливо сформулирован по принципу: «хочешь – делай, но я тебе тут помогать не собираюсь. Вообще».

Кристиан подумал, прикинул и понял, что при таком раскладе долго он не выдержит. Погрязнет в мятежах и внутренних войнах. Не Георг же ему помогать будет?

Да уж, подложил свинью двести лет назад Густав Ваза....

С другой стороны – сейчас Кристиану Швеция и верно, поперек горла

встанет. А вот еще лет через сто – сто пятьдесят... пусть не он сам, пусть внуки-правнуки, но если все правильно спланировать – доделают они с русскими эти земли. Или вообще себе все заберет обратно.

Как удачно, что он решил выдать Ульрику замуж за русского государя, а не за Карла! Да и сестра довольна, пишет – аж пергамент сияет. И муж у нее замечательный, и дети лучшие, и русские ее приняли, как родную – что еще надо? Портрет свой прислала – так Кристиан ее сразу и не узнал, такая красotka.

Все, что ни делает Бог – все к лучшему. Определенно.

\* \* \*

– Сволочи! Твари!

А вот в Польше у ее величества такой уверенности не было. И у его величества – тоже. Письмо от Софьи пришло сестре, та прочитала и показала мужу. А уж потом...

Мягко говоря, Михайла прогневался.

Значит, его убить, его страну поделить, чтобы не мешали рвать на части Венгрию, а его детей... а что – в политике кого-то интересуют дети?

Разве что как инструмент давления на их родителей, так-то. А потому у пятерых юных Корибутов были хорошие шансы не дожить до старости. Особенно у Ежи – зачем Леопольду законный наследник, да еще такой, которого поддержит Русь, и который имеет все шансы удержать от развала Польшу?

Чуть успокоившись, Михайла поглядел на жену.

– Что предлагает Софья?

За эти годы он успел оценить свояченицу. О, еще как успел! Так что...

– Чтобы мы написали письмо императору Леопольду.

– Какое именно письмо?

– Соня просила написать Леопольду о том, что мы поймали неких негодяев, задумавших покушение. И они-де сваливают все на Леопольда. Мы в это не верим, вот и предупреждаем. Ведь ужас-то какой, такую напраслину возводить на человека!

– Мы ведь никого не поймали?

– Вряд ли Леопольд поедет проверять наши тюрьмы и виселицы. А там... может, кого и поймает?

Михайла подумал, пожал плечами – и занялся дипломатической перепиской. Почему бы и не написать, в самом-то деле? Главное посла

проинструктировать, чтобы отдавал письмо не раньше, чем Август помрет, а то неловко получится.

\* \* \*

Леопольд с семьей ехал по улицам Вены. Карета мерно стучала колесами по брусчатке, выезд был вполне парадным...

Был, пока не гроыхнуло... нечто.

В первую минуту Леопольд даже не понял, что происходит.

Гром?

Гроза?

Как оказалось – ни то, и ни другое. Просто выстрел, когда его не ожидаешь... Леопольд не ожидал. Гвардейцы сразу прикрыли карету, но несколько из них успели полечь при выстрелах. А когда оставшиеся бросились в дом, из которого стреляли, там уже убийцы и след простыл. Только валяется на полу несколько мушкетов с гравировкой на польском языке. Леопольду перевели, и император аж затрясся от гнева.

*N ie przyjmij amortyzatora na czyjeś*

Не зарься на чужое.

Кто посмел?!

КТО?!

\* \* \*

Леопольд ругался не хуже Михайлы, разве что не на польском языке. И было, было отчего.

На столе перед ним лежало письмо от польского государя.

В котором он выражал свои искренние соболезнования императору, который даже по Вене проехать спокойно не может! А заодно писал, что и ему тоже тяжело... объявились-де, людишки подлые, которые на Леопольда ссылаются... твари, а не люди!

И вот объясните – откуда он узнал!?

Ладно бы письмо пришло через месяц!

Два!

Тут все понятно и просто. Но... такой короткий срок!?

Считай, намек! Не лезь, куда не надо, а то хуже будет.

Намного хуже.

И ведь уличить негодяя Корибута не удастся! Получается, что кто-то знал о его планах? И... предупреждает?!

Пожалуй, иного толкования у Леопольда и не было.

Что ж, о поляках придется забыть. На время, разумеется. Но есть ведь и другие планы! Венгрия, например...

### *Май 1691 года*

– Кричали женщины «Ура» и в воздух чепчики бросали, – пробормотала Софья. И счастливо улыбнулась.

Возвращаются!

Ее родные, любимые, единственные...

Муж и брат возвращаются домой целые и невредимые! Да разве мало? Кто не ждал, тот не поймет, какое это счастье. Когда вернулись! Живые, невредимые...

– Мам? – Аленка коснулась руки матери, взгляделась в ее лицо. – ты в порядке?

– Да.

– А чего ты тогда плачешь?

– Ох, ребенок... – Софья промокнула глаза кончиком платка, – вот когда ты кого-то родного и близкого с войны дождешься – ты меня поймешь. Ну да ладно, Бог даст, хоть в твоё время лет десять мира у нас будет.

– А Кавказ? Турки?

– Там войны будут некрупные, местные, – отмахнулась Софья. – Казакам работы хватит, а царю туда ехать не обязательно.

– И папе тоже? Мам, а кого ты больше любишь – папу или дядю Алешу?

Софья фыркнула. А ведь неглупый ребенок у нее растёт. Подмечает, что вокруг происходит...

– Малышка, а какая рука тебе дороже? Правая? Левая?

– Обе... поняла.

– А раз поняла, значит – что?

– Держи понимание при себе.

– Умничка. Пойдем?

– Ага...

Да и то сказать – пора было. Уже слышались сдалеке приветственные

книрики, уже виднелась толпа, уже собрались все остальные...

Так что Софья заняла привычное место на Красном крыльце, чтобы через пятнадцать минут повиснуть на шее у спешившегося мужа. Рядом так же, на шее у Алексея висла Ульрика, рыдая в три ручья. Дети не отстали, так что очень торджестуvenной встречи не получилось, но народу оно и не надобно было. Главное – понятно. Что в царской семье царят мир и любовь. А остальное – от Лукавого...

\* \* \*

Пир?

Когда это государь, вернувшийся с победой, не закатывал пир на весь мир? Традиция, однако.

Так что на площадь были выкачены бочки с вином, жарились коровьи и овечьи туши, а в Кремле устроились пировать бояре. Даже те, без кого прекрасно можно было бы обойтись.

Милославские так разве что дворовых слуг с собой не прихватили, пожаловав всем родом, и горделиво оглядываясь по сторонам – вот каков государь нашей-то крови! Впрочем, добрый взгляд и ласковая улыбка Ромодановского изрядно снижали им градус веселья.

Алексей восседал во главе стола, глядя на всех своих родных. Господи, как же хорошо дома! Это по молодости кажется, что ничего лучше подвигов да войн нету, а вот когда у тебя три с половиной десятка лет за плечами – понимать начинаешь, что действительно ценно в этом мире.

Нет уж.

Следующие лет десять – не надобно ему никаких войн! Жить, любить, детей растить... хотя и в войне бывают приятные моменты.

И вспоминается, например, Карл Одиннадцатый, с белым от гнева лицом. Вежливый, даже улыбающийся, но кое-что не спрячешь, никак не спрячешь.

Мужчины смотрят друг на друга. Переговоры идут на высшем уровне – сразу три короля собрались в одной комнате. Алексей и Кристиан там уже находились, когда им доложили о прибытии Карла – и естественно, не стали морить коллегу под дверью. Надо же проявить хоть какое-то уважение к побежденным.

И вот они смотрят друг на друга.

Алексей разглядывает соперника, который так им и не стал – и думает, что Ульрике повезло. И ему с женой – тоже. А вот Карл остался с носом...

длинным. Нельзя сказать, что он страшен ликом, нет. Он обыкновенный. Каштановые волосы, небольшие усы, сильная фигура, чуть кривоватые ноги наездника – ничего особенного. На улице и не обернешься. Видно, что он неплохой боец, но в то же время... с матушкой Карла Алексей уже ознакомился. Если в этой семье и есть голова, так точно – Гедвиги Элеоноры. Улю эта ведьма съела бы с костями.

Карл разглядывает противника – и все более мрачнеет. Так получилось, что ранее государи видели друг друга очень давно, почти десять лет назад, с тех пор успев возмужать, и мужчина понимает, насколько он проигрывает Алексею Алексеевичу. Они примерно ровесники, но...

На Руси в жены брали красивых женщин, а не знатных. Опять же, хорошая кровь, не запятнанная близкородственными браками... Карл походил на волка. Алексей – на льва.

– Я признаю, вы победили.

– Обговорим условия капитуляции?

*Кристиан аж светится. Вот кто счастлив-то! И за Копенгаген, и за Данию... добавил бы шведа, кабы мог, но тут ему Алексей Алексеевич не помощник.*

– Более мне ничего не остается. Могу я увидеть своих родных?

– Разумеется, ваше величество. Вас проводят...

*Алексей едва касается колокольчика – и на пороге тут же появляется лакей. Карл стискивает зубы еще сильнее.*

– Я смотрю, вы уже и прислугу всю поменяли?

– Нет нужды менять прислугу, если сменился хозяин, – Алексей тоже не может отказать себе в удовольствии поиздеваться. Сколько лет ему шведы нервы на кулак мотали? А сколько десятилетий на русских наживались?

– Что ж, вы победили – и можете распоряжаться в моей столице. – Карл понимает, что проиграл, но не может не принять вызов.

– В вашей столице? Боюсь, вас ввели в заблуждение, – Алексей усмехается. – Ваше... величество, Стокгольм останется вашей столицей, если мы договоримся, – на месте многоточия почти повисает в воздухе «пока еще». И уже к слуге. – Проводите его величество к его семье.

*Разумеется, за встречей наблюдают доверенные люди. И видят, как первой повисает на шее Карла его мать, потом подходят жена и сын. Как он успокаивает родных, а потом опять каменеет лицом – и возвращается.*

*Пусть им не делали зла, пусть. Но... его семья в руках врага. И рядом с русским государем Кристиан, который и науськает, и маслица в огонь*



*плеснет с превеликим удовольствием. За Копенгаген.*

*Карл знал, что не причинил бы вреда семье датчанина, но... война. А на войне случается... всякое.*

Ему предстоит долго договариваться с обоими хищниками. Он тоже не овечка, но много ли он сможет с перебитыми лапами? И договор получается кабальным, иначе и не скажешь.

Это он еще не знает, что агентурой Алексея Алексеевича профильтрована большая часть его придворных. Что уже определено, кого и как грабить – и Кристиан даже немного в курсе дела. Ровно настолько, чтобы не нарушить чужих планов.

Шведское дворянство уже условно поделили на две части. Большая – патриоты. Этим предстоит ободрать до нитки. В крайнем случае сделать вид, что они поддерживали русских, пусть их потом бьют, после ухода датско-русской армии.

Меньшая же...

А вот эти – самые интересные и вкусные. Из их особняков уже демонстративно повыносили кучу ящиков, они уже рвали на себе волосы, криком крича о своем разорении... их немного, всего-то человек десять – и они друг о друге даже не знают. Но работать на русских будут истово. И за страх, и за деньги...

А вообще, в Стокгольме взяли много всего интересного. Одно железо чего стоило. Но и по дворцам знати нашлось... да, нашлось...

Победоносная война – неплохое средство пополнения бюджета. Но Алексей отлично знал, как легко увлечься в этом случае.

Нельзя.

Если страна привыкает жить войнами, ее армия превращается в банду. И рано или поздно это плохо закончится. Государство должно быть готово к войне, но настроено на мир.

Хотя Иван доволен. Лично он выгреб для Софьи все библиотеки, которые нашел в Стокгольме – и Алексей предвкушал, как будет прыгать от радости сестрица. Книги до сих пор повергают ее в состояние неконтролируемого восторга. Обязательно все проглядит, а что-то отдаст размножать и распространять. Хорошая вещь – печатный станок, да и число грамотных людей выросло... Бояре, вон, своих чадушек в принудительном порядке учить начали. Даже если в Дьяково их пристроить не удастся, учителей нанимают, иногда и из числа царевичевых воспитанников. А как быть, если глупому да неученому при дворе показаться стыдно? Задаст государь вопрос – и стой, недоросль, глазами хлопай. Еще и поиздевается, мол, отцы-деды твои верой и правдой

служили, а ты чем служить будешь? Глупостью? Так усердный дурак – невелика ценность.

Вот и учат, стараются. Дочерям – и тем наставниц нанимают.

Алексей скользнул взглядом туда, где сидела Соня. Да, кто бы мог подумать, что игра в тавлеи принесет такие плоды? Видел бы сейчас отец, с его польской войной...

Гордился бы? Или позавидовал сыну?

Всякое возможно.

Алексей приобнял жену, сидящую рядом. Да, новшество. Раньше женщины на такие мероприятия не допускались, но стоило ему жениться, как Ульрика получила законное место рядом с супругом. Да и сестрицу Софью поди, выгони. Ворчат долгобородые, ругаются, а все ж примечают. И понимают, что им то выгодно. И дочерей учить начинают, для чего также нанимают не иноземных мамзелей, а девиц из Дьяково. А то доверь воспитание детей иноземцам? Что они хорошего детям-то дать могут? Одно дело ученые, это люди особенные, им бы наукой заниматься без оглядки на деньги да церковь, а там хоть солнце не свети. А гувернеры?

Галантные манеры на Русь нести?!

Не бывать такому! Потому-то и театр не особо уважен был, и книги строгую цензуру у патриарха проходили... перебежкам без европейских мод! Насмотрелись, отворотись не отплюешься.

Как же хорошо дома...

Алексей перехватил взгляд Софьи – и сестренка подмигнула ему. Мол, не вешай нос! Мы все здесь, мы живы и здоровы, что еще надо?! И Алексей почувствовал тепло и стеснение в груди.

Господи, как же он их любит...

И обязательно скажет об этом. Но пока – терпим. Протокольное мероприятие, понимать надобно! И слушать славословия, поздравления, здравницы... а Милославских он точно на Урал загонит. Или лучше в Крым?

Надо подумать, где они меньше украсть смогут. Вот ведь... лупи по рукам, не лупи, а все одно – умудряются. Порода...

\* \* \*

Спокойно поговорить Алексею, Ивану и Софье удалось только на следующее утро, да они и не торопились. Некуда и незачем.

Все дома, все живы-здоровы, а остальное – подождет. Пусть дети всласть потискают вернувшихся родителей, опять же, Ульрика должна быть

уверена, что она – самое важное для супруга...

Так что в царском кабинете троица заперлась ближе к обеду. Иван вольготно раскинулся в кресле и наблюдал, как государь крепко обнимает сестру.

– Спасибо, Сонюшка...

И было, было за что благодарить. Тишина, покой, порядок в государстве – разве мало? Очень много. Алексей внимательно выслушал отчет сестры – и задумался.

– Сонь, ты уверена, что Леопольда остановит такая мелочь, как выстрелы по гвардейцам?

Софья пожала плечами.

– Думаю, намек он понять должен. И стреляли *по нему*. Просто не попали...

– Просто?

– Согласна, это было сложно. Промахнуться на таком расстоянии...

– Он примет это к сведению?

– Ну, если не примет – поговорим иначе, – недобро прищурилась женщина, – а ты что предлагаешь?

– Устранить его. Нет Леопольда – нет проблемы.

Софья всерьез задумалась над этим вопросом.

– Вряд ли получится.

– Кого-то из родных?

– Надо подумать.

И подумает. Например, от первого брака у нашего бракованного котика Леопольда дочь, от второго две дочери, но обе померши, а вот от третьего есть два сына. Иосиф и Карл.

Вот если Иосиф... черт! Мальчишке лет-то всего ничего! Сопляк! Пятнадцати – и то нет! И она обдумывает возможность его устранения?

Хотя... Август был не намного старше. А на Машкиных детей в Испании покушались – они вообще под стол пешком ходили. Если б она не настояла, что царевен обучать надобно, как и остальных девушек – не отбилась бы сестра.

Может, и правда помочь Леопольду встать на путь благочестия? Готовили его в священники, вот и молился бы до упора! А он вместо этого интригами балуется... ничего нет хуже, чем религиозный ханжа. И в сторону Испании поглядывает, кстати. Карл-то болен, а Леопольд был на его сестре женат. Дочка сестры, читай племянка Карла сейчас замужем за Максимилианом Баварским, пусть там и не все ровно в браке, но дети-то есть! И могут создать проблемы детям дона Хуана. Известно же, был бы

престол, желающие найдутся.

– Подумай с Ромодановским. А я пока отпишу Михайле. Пусть усиливает охрану, пусть удваивает число шпионов, если нужно – своих людей ему пришлем....

– Да, рисковать жизнью родных мы не станем. Но есть еще и Ракоци...

– А к Наталье тоже послать людей.

– Пошлю, – согласилась Софья, уже прикидывая, что к Ракоци она направит Протопопа Аввакумовича. Илона его знает, доверяет, ценит, а уж после спасения детей – на руках носить готова. Лично. И его рекомендациям поверит обязательно.

Единственный, о ком они не подумали, был Имре Текели. Но...

Софья как-то полагала, что взрослый самостоятельный мужчина, воин, стратег и тактик может о себе позаботиться. Разве нет?

\* \* \*

– Вы недовольны, сир?

Анна смотрела на супруга глазами невинной лани. Людовик только головой покачал.

– Нет, моя дорогая. Все неплохо, но могло быть намного лучше.

– Вести из Англии, мой король?

– О, да.

Война в Англии продолжалась уже больше года. Тяжелая, изматывающая – и не особо результативная. Впрочем, Анна не собиралась объяснять супругу, что англичане народ крепкий. Где сядешь – там и слезешь, и хорошо, коли целым.

Эдвард Рассел оказался человеком упорным – и сопротивлялся, как дракон, из шкуры которого хотят понашить туфельек, только вот...

Пушки – это хорошо. А финансы – плохо.

Воином он был отменным, да не правителем. И против подкупа часть его людей просто не устояла. Даже не совсем подкупа, просто... у каждого есть свои политические убеждения. Кто-то искренне считает, что малыш Карл не может быть хорошим правителем. А кто-то наоборот – например, шотландцы, которые за законного Стюарта, полагая, что кровь крепче любого воспитания Людовика, и ирландцы, как добрые католики.

Кто-то поддерживает дочерей Карла. Марии ни до чего – Швеция сейчас в таком загоне, что подумать страшно, а вот Анна Датская, вместе с Георгом, пользуется популярностью у англичан. Особенно у лондонцев,

которых разочаровали и незаконные принцы, и Монмут, да и Людовик не вызывал симпатии. Сам Монмут даже не рисковал сунуться обратно и по некоторым данным отплыл в Колонии. Зато Леннокс и Фицрой развернулись на континенте, особенно в Нидерландах.

И всюду кричали, что они не участвовали в заговоре и тем более не хотели травить ребенка – своего двоюродного братика! Это ж преступление!

Смертный грех, за который потом не отмоешься, ни одна церковь грехи не отпустит!

Вовсе даже Людовик их оболгал! Подтасовал факты и решил опорочить истинных англичан! Вот!

В Уэльсе их даже и слушали. И собирались объявить или одного, или второго королем Уэльса. Корнуоллцы, поглядывая на это безобразие, вспоминали, что у них вообще древняя история, а короля нет?

Непорядок!

Надо тоже завести!

Англия медленно, но верно распадалась на составляющие, которые и сопротивления толком не окажут, и на мировую политику сильно влиять не будут. Эдвард бесился, но что он мог поделать? Даже остановить дезертирство у него толком не получалось. Капитаны, привыкнув, что они на кораблях первые после Бога, да еще часто аристократы, с трудом выносили его командование, и часто дезертировали. То есть – уходили и примыкали к войску поддерживаемого претендента. И часто случалось так, что вчерашние друзья встречались в бою.

Датский флот, избавившись от угрозы со стороны шведов, тоже отправился к берегам Англии. Так что Людовик отдал приказ своим адмиралам не ввязываться в конфликт. Откусить то, что удастся – и покамест успокоиться.

Намного проще потом додавить сопротивление с помощью денег и предателей.

Да даже если Анну и коронуют... что-то пока у них с Георгом дети плохо получаются! Есть сын Уильям, но мальчишка настолько болезненный, в отличие от Карла, кстати, что может и до десяти лет не дожить. Да и помочь можно, если что, по-соседски. Он, Людовик, далеко не Фицрой с Ленноксом, если он возьмется за дело, там и концов никто не найдет.

– Я верю в вас, сир. Если можно что-то сделать – то только вы на это способны, – подлила елей Анна. – С вашим талантом, вашим незаурядным умом...

Людювик расплылся в улылке.

– Вполне возможно, милая, что к нам прибудут послы от Шотландии. Разумеется, я приглашу тебя... думаю, у тебя найдутся знакомые среди лэрдов.

Анна кивнула.

Знакомства она приобретала старательно, понимая, что деньги можно растратить, а вот связи никуда не денутся.

– Я сделаю все, чтобы мой сын занял то место, которое ему принадлежит по праву рождения. О, Луи... вы мудрый и сильный, а Яков... он вам и в подметки не годился! Но Карл не виноват, что его отец оказался слаб и глуп...

О том, сколько она сама сделала для подобного результата, Анна скромно промолчала. Она? Да она просто ангел, странно только, что до сих пор жива!

И интересно – почему до сих пор жив Людювик? Как противовес Леопольду Австрийскому? Анна не знала о планах государыни Софьи, но если Руси выгодна война между Англией и Францией, значит Анна будет ее развивать. Пролить слезы рядом с Луи, восхищаться его умом, искать союзников в Шотландии и Ирландии...

Карла жалко, но ведь ему и не обязательно править?

Может, стоит ей родить и бастарда от Людювика? Все-таки дети крепче всего привязывают мужчину к женщине? Да и не бастард это будет, учитывая изх брак, а полноценный претендент на трон Франции... оххх!

Матушка двух королей?

Это явный перебор. А с другой стороны – очень заманчиво. Очень.

Брак у них законный, документы уже не сгорят, они на сохранении в надежном месте. Королевская кровь – это не то, чем стоит раскидываться...

Надо, надо подумать. А лучше...

Надо написать на Русь. Пусть государыня решает, нужно это или нет.

\* \* \*

– Думаешь, Володя справится?

– Неважно. Братья Сирко, Мельин, Ромодановский – там боле чем удачная команда, – Софья пожала плечами. – Володе приказано не лезть, куда не надо и не отдавать глупых указаний. Справится. Да и пора ему приобретать опыт.

– А Любаве – бастардов? Соня, осторожнее надо, ведь белыми

нитками шито...

Алексей не то, чтобы укорял сестру, но семья государя должна быть чище свежесвыпавшего снега. А тут такой афронт...

– Зато скандалов меньше будет. А болтать людям не запретишь.

– Ох, Соня, крутишь ты нами всеми...

Алексей улыбался, но Софья сочла за лучшее развеять такие подозрения сразу.

– Нет, Алеша. Крутить можно тем, кем не дорожишь. А я вас люблю – и очень боюсь потерять. И все, что я буду делать – только для вашего блага. Обещаю. Володе же пора вылетать из гнезда. Не век ему оставаться в твоей тени? Вот с Федей я промедлила – и что?

Алексей поморщился. Да уж, ничего особенно хорошего. Брата он любит, но сколько ж можно изображать страдающего? Давно надо бы его еще раз женить...

– Федьку отправляем в Померанию. Наместником. Пусть там ума набирается.

– Хорошая мысль, – согласилась Софья. – А Володя наберется его в Крыму. Кстати, пока никаких войн и не идет. В основном – переговоры. Мы потихоньку закрепляемся на побережье, строим крепости, заключаем договоры... воевать – можно. Но лучше пока не привлекать к себе внимания – и тут Володя незаменим. Не абы кто – брат государя земли Русской.

– Если справится – там и осядет.

– Не думаю, что он будет против. Он тут грамотку прислал – ему все нравится. Особенно жара.

Алексей усмехнулся.

– Да уж. Ну пусть наслаждается. А там и жену ему подберем...

– Как бы он сам себе ее не подобрал, пока договариваться будет то здесь, то там.

Софья как в воду глядела.

### ***Осень 1691 года***

Имре поцеловал спящую жену. Илона что-то прошептала, не открывая глаз – и мужчина легко коснулся ее щеки.

Господи, как же он ее любит.

Безумно, безудержно, еще тогда, когда она была замужем за Ракоци –

любил. И не за красоту, нет. За ум, силу, свет, который излучала эта женщина. Такая нежная с виду – и невероятно крепкая внутри. Как клинок из дамасской стали. Ножны могут быть украшены безумно дорогими камнями, но то, что скрыто внутри, во много раз ценнее любого золота.

Пусть Илона была старше на четырнадцать лет. Не столь важно.

Больше Имре огорчало, что Бог не дает им детей. Жужанна погибла... при мысли о дочери у мужчины привычно скрипнули зубы.

Даст Бог, поплатится подлец Леопольд за свои прегрешения. А если уж вконец милосердным Господь будет – так и от руки Имре. Хотя Текели отлично понимал, что ему сейчас до горла императора не добраться. А хотелось, безумно хотелось... отговорили.

Русские и отговорили же. Да, русские...

Имре никогда не признался бы даже себе, но он ревновал жену к Прокопию Аввакумовичу. Говори себе, не говори, что Илона любит его, что она его жена, что княгиня просто благодарна русскому за спасение ее детей...

Говорить можно. Но внутри все равно противным червячком в яблоке сидит сомнение.

А вдруг?

Женщины часто любят из благодарности. Вдруг Илона не станет исключением? Хотя пока ничего на это не указывало...

Русские прочно обосновались в замке вместе с супругой Ферека. Наталья была очаровательна, это признавал даже Имре. Неглупая, не спесивая, с милой улыбкой скользящая по замку Паланок и всячески подчеркивающая, что главная здесь Илона. А ей самой еще расти и расти до звания хозяйки.

Сколько уж в этом было игры – Бог вещь, но пока все верили. Илона сначала относилась к девушке насторожено, но потом приняла ее – и учила, как родную. Имре иногда казалось, что Наталья заменила жене уехавшую Юлиану.

А может, Илона вспоминала Софию Батори, отношение которой к невестке вошло в легенды, и старалась не повторять ее ошибок?

Кто знает...

Размышляя, Имре успел одеться, спуститься вниз и даже заседлать коня – сам, не доверяя верного друга конюху.

Вот открылись ворота замка, выехал отряд...

Имре скакал впереди, на черном коне, весь поглощенный размышлениями.

Так они доехали и до Мукачево. Даже успели проехать недолго по



улицам города. Совсем недолго...

Откуда вылетела пуля, Имре так и не понял. Не успел понять даже, что умирает.

Убийцу тоже найти не удалось – ушел, гад. Пока на несколько секунд люди оцепенели, пока бросились к Имре, подняли его с земли... Но пулю всадил метко – сразу насмерть.

Где его было искать?

Конечно, воины рассеялись по близлежащим домам, но не нашли там никого и ничего. Даже брошенного оружия – убийца забрал его с собой. А как его искать – они не знали. Все-таки воин – немного не та специальность.

Разумеется, после такого оставалось только вернуться в Паланок.

\* \* \*

Когда к ногам Илоны опустили тяжелый сверток в плаще, она не заплакала. Нет.

Просто опустилась рядом на колени, откинула угол тяжелой ткани, коснулась лица супруга.

Смерть не изменила Имре, его лицо было спокойным и безмятежным, только между бровями пролегла морщинка. Он не успел ничего осознать. Не было ни боли, ни агонии... хотя бы за это спасибо тебе, Господи.

Любила ли его Илона?

Сложно сказать.

Имре подвернулся в нужный момент. Яркий, красивый, молодой, с горячей кровью, одержимый той же идеей, что и она. И Илона не устояла.

Любила ли она его?

Нет, вряд ли. Любила она Ферека. Да так, что умерла бы на его могиле, если бы не дети. Собакой бы лежала у могильного камня до последнего своего вздоха. С Имре было иначе.

Но все же он был ей дорог...

Кто?

Почему?!

Она не оставит это безнаказанным.

Рядом на колени опустилась Наталья, перекрестила мертвого на православный манер, как привыкла, принялась шептать молитву. Илона, хоть и была иной веры, не останавливала ее. Пусть так...

По щеке Натальи ползла слезинка. Она искренне уважала Имре,

привязалась к нему...

Ох, а Фереку только пятнадцать... сможет ли он встать во главе страны? Удержит ли?

– Вы позволите перенести его в часовню?

Голос был тихим, но внятным. Прокопий Аввакумович присутствовал, не вылезая вперед, но уверенно удерживая вожжи.

Илона наклонила голову.

– Да, прошу вас... я сейчас тоже приду туда.

– Мы пойдем молиться, матушка.

Наталья поднялась с колен и держалась теперь за руку мужа. Ферек смотрел грустно. Имре не то, чтобы заменил ему отца – заменить Ференца Ракоци было невозможно, но отчим неплохо относился к мальчику, не пытался интриговать за его спиной – или, и того лучше, убить наследника, освобождая место для своих детей...

Имре был неплохим человеком.

Был.

А теперь его больше не было.

Илона кивнула управляющему и прошла в свои покои.

Распоряжения отдавались быстро. Один раз она уже хоронила мужа, второй раз... нельзя сказать, что он дался легче, нет. Это уж вовсе окаянство. Но сейчас она не была так ослеплена горем и могла действовать разумно и взвешено.

Она и сама не замечала, как окаменело ее лицо, резко обозначились морщины – сейчас она выглядела на свои года. Впрочем, на это никто не обращал внимания. Спасибо и на том, что в крике не заходится и с собой покончить не пытается.

Второй муж!

И оба – от чужой руки! Выдержи-ка такое, не сломавшись!

Никто не то, что слова не сказал – дурной мысли не подумал, когда Илона, опустившись в высокое кресло, отдавала приказания холодным, мертвенным тоном. И так понятно – ноги не держат.

Наконец она осталась одна, но ненадолго. Дверь приоткрылась.

– Вы позволите, княгиня?

Илона кивнула. Прокопий опустился на колени перед креслом, в котором она сидела. Заглянул в мертвенные черные глаза, коснулся тонкой руки.

– Я разделяю ваше горе...

Илона молчала.

Разделяешь?

Нет ничего бесполезнее соболезнований. И ничего глупее – тоже. Как можно понять человека, у которого вырвали кусок сердца?

– С вашего позволения, я займусь поисками убийцы – и узнаю, кто за ним стоит.

Илона склонила голову.

– Я думаю, мы и так это знаем?

– Разумеется, Леопольд. Но лучше убедиться...

Илона сверкнула глазами.

– Кто же еще?! Ах, Имре, Имре... как же ты не уберегся...

Прокопий вздохнул. И ведь знал Текели, отлично знал, но расслабился. На своей земле, среди своих людей – что могло ему угрожать?

Вот Илона была постоянно настороже, ей одного раза хватило. Ферек тоже, яд – он так просто не забывается, а Имре расслабился.

Глупый...

Слезинка словно из ниоткуда скользнула на гладкую щеку. И еще одна....

– Ферек еще молод. Никто кроме вас, княгиня, ему не поможет. Не время плакать, время показать всем правительницу. Княгиню Ракоци.

Белый платок коснулся щеки, осторожно убирая предательскую влагу. Илона приняла лоскут полотна из рук мужчины, промокнула глаза.

– Я справлюсь. А вы мне поможете, верно?

– Я буду рядом, пока буду нужен, княгиня, – Прокопий обещал спокойно, царица Софья предусматривала и такой вариант.

Илона посмотрела на мужчину, стоящего рядом.

И ведь будет. Поможет, поддержит, подставит плечо – такой вот человек. Незаметный и незаменимый.

– Я хочу, чтобы вы отписали русскому государю.

– Обещаю.

Отписать Прокопий собирался вовсе даже государыне Софье, но какая разница? Все одно она от брата ничего не утаит. А уж что придумает...

Но для начала надо найти убийцу, если тот еще не ушел из Мукачево. Хотя... на его месте, Прокопий и с места бы не тронулся – ни к чему привлекать к себе внимание поспешным отъездом. Это должен быть далеко не дурак – абы кого на такое дело не пошлют...

Ладно.

Посмотрим, чья выучка крепче.

– Сукин сын!

– Да, Леопольд явно зарвался, – Иван перефразировал слова жены на более вежливый лад.

– Что ты предлагаешь?

Алексей предпочитал конкретику – возмущению.

Софья топнула ножкой. Блеснуло золотое шитье на черном сафьяновом башмачке.

– Жизнь за жизнь. Я могу сейчас это осуществить. Год готовили операцию.

– Убить ребенка? – поморщился Иван.

– Леопольда это не остановило? Жужанна умерла, остальные чудом выжили.

– И чем мы будем лучше него? – Иван чуть покривил губы. Не то, чтобы он отговаривал жену, все равно это бесполезно, но совесть иногда покусывала.

– Тем, что первыми мы на него руку не поднимали. Мы отвечаем злом на зло – и только-то.

– А если жену? Хотя бы...

Софья покачала головой.

– Эта у него третья, он и еще четыре раза женится. Самого Леопольда убирать... можно, но намного сложнее. Я не уверена, что мы не обнаружим себя. А лезть в европейскую политику нам не стоит. Рано.

– Старший или младший сын?

– Посмотрим. Лучше старший, – Софья недобро усмехнулась.

Жалко ли ей было ребенка?

Это неправильный вопрос. Она на себя уже столько грязи взяла, что литром больше, литром меньше... все одно ей гореть в аду. Значит, и плакать не о чем.

Политика.

Это не оправдание, нет. Это просто грязь.

– Сроки? – уточнил Алексей.

Ему идея тоже не нравилась, но предупреждения Леопольд не понял. Потянул руки не в ту сторону – получил выстрел из окна. Не понял предупреждения и так пошел в Венгрию.

Теперь надо ответить резко.

Если и еще раз не поймет – тогда придется его ликвидировать. Хотя... не ко времени было бы. Ой, не ко времени, учитывая активность Людовика. Да и на турок его преемника натравить не получится...

Софья уже обдумывала, как обставить акцию. И что оставить на месте

преступления.

Она поступит вежливо – и не заставит Леопольда искать исполнителя по всему городу, потом пытаться, выбивая информацию... нет уж. Улики будут оставлены так, чтобы их все увидели. Но только Леопольд должен понять – кто и за что стрелял в его сына.

Сложно?

А простых задач в политике не бывает. Только разной степени сложности и грязности.

\* \* \*

Что спасло Леопольда?

Уж точно не внезапное обострение милосердия у Софьи или кого-то другого. Просто стало не до мести.

Скончался Пфальцский курфюрст Филипп Вильгельм. И вот тут-то пошли проблемы...\*

***\* в реальной истории курфюрст скончался в 1685 году, но в нашем варианте истории в Европе чуть спокойнее, так что мог и пожить на пару лет подольше. Прим. авт.***

Политика – дело сложное. И предыдущий курфюрст по имени Карл, по порядковому номеру второй сильно подгадил своим последователям. Его сестра, Лизелотта, была замужем за Филиппом Орлеанским. Да-да, тем самым, братом Людовика, короля-солнце. А поскольку Карл не оставил после себя законного наследника по прямой линии – то есть сына или внука, в крайнем случае брата, Людовик решил, что Пфальц не помешает лично ему. И потребовал сию территорию для Лизелотты. То есть – ее супруга, у них же все имущество должно быть общим, правда?

Да и вообще, сестра – это всяко ближе, чем сын кузена.

Правда – или нет, но почему-то в Европе этот финт ушами никому не понравился. Людовик и так надоел всем, хуже чесотки, со своим желанием править всем и вся. Он лез в Нидерланды, лез в Англию, а теперь вот и Пфальц ему подавай?!

Да имейте ж вы совесть, ваше величество! И не в анатомическом смысле!

Первым вызверился как раз Леопольд – и гадить ему тут же стало невыгодно. Мужчина твердо решил поддерживать Виттельсбахов, все-таки не чужие. А вот Людовик... дай ему Пфальц, так он и в другие германские княжества двумя ногами влезет, как уже влез в то же Артуа, Эльзас,

Лотарингию...

Так что Леопольд срочно начал образовывать коалицию против Людовика. Кому тут что не нравится?

А не нравилось многим.

Англия, Испания, Нидерланды – особенно последние! Там бы сейчас и черту поклонились, появись тот и пообещай разогнать французов. Надоели они за эти годы хуже горькой редьки своими налетами и «установлением законной власти». Насилием, грабежами, реквизициями и прочими радостями.

Папа Римский тоже поддержал коалицию против Людовика, для разминки отлучив от церкви его посла – маркиза де Лавардена. Формальным поводом стала отмена «свободной зоны»\*, но так то – формальным! У других-то эту зону давно отменили, а Франция все еще «государство в государстве»? Непорядок.

**\* свободная зона – территория вне юрисдикции папского государства, прим. авт.**

Наглость какая – устраивать в Риме, под носом у Папы убежище для всяких преступников, да еще страже угрожать, прикрываясь замшелыми договорами! Известно же, что на небе Бог, а в Риме – Папа. И выше никого нет и не будет.

Так что маркиз вылетел из Рима впереди собственного визга, а Людовик расстроился.

Вот куда это годится? Ты тут Нантские эдикты отменяешь, стараешься выглядеть (быть уже не получится, так хоть видимость создать) добрым католиком, пытаешься наладить отношения с Церковью, а тебя все провоцируют и провоцируют! То твоего ставленника не утвердят, то права малыша Карла откажутся рассматривать (не то, чтобы сильно отказывались, но дело пошло взятяг, да как бы не на годы), а теперь вот еще и это?!

Вот как тут сдержишься?

Как тут не показать нехорошим людям, что не зря его зовут Король-Солнце? Он ведь не только осветить, но и засветить может!

Так что Филиппу Орлеанскому было отдано распоряжение – и войска числом восемьдесят тысяч человек под командованием Монсеньора перешли Рейн.\*

**\* в реальной истории это сделали войска под командованием дофина, но у нас такового уже нет, а внук Людовика еще маловат. Прим. авт.**

Европа отреагировала резким протестом. Папа Римский потребовал

передать курфюршество Филиппу Вильгельму Нойбургскому и увести войска обратно. Людовик ответил отказом.

Папа Римский пригрозил божьим гневом, но получилось неубедительно. Гнев – потом, а территория вот она, уже здесь и сейчас, так что своих планов Людовик не изменил.

Назревала большая Европейская война.

\* \* \*

– Повесить.

Илона уронила это слово, как камень и отвернулась.

Взгляды людей обратились на Ференца, но тот и бровью не повел. Сидел, смотрел на суд со спокойствием ледяной статуи. Конечно, ему Имре приходился лишь отчимом, но любовь к Венгрии роднила их больше, чем любые другие связи.

Парень лишь чуть опустил ресницы, соглашаясь с материнским распоряжением – и двоих мужчин, измученных настолько, что они едва на ногах стоять могли, поволокли к виселице.

После убийства Имре, Прокопий принялся носом землю рыть.

Виноват был, конечно, Леопольд. Но ведь это – голова, а к ней еще и руки должны прилагаться, разве нет? Кто-то недовольный, кто-то достаточно подлый, чтобы ударить в спину и достаточно глупый, чтобы верить, что император расплатится за свое задание. Хотя каким идиотом тут надо быть, чтобы в это верить?

Понятное дело, что Леопольд с радостью устранил и Текели, и Ракоци, только вот доверять предателю настолько, чтобы сделать его своим наместником в Венгрии... ага, два раза! Вот только помолится – и сразу же!

Да кому нужны Иуды?

Виселицу – и ту, кстати, из осины сколотили. Символично.

Одним словом, русский агент начал рыть. Глубоко и качественно – и быстро нашел заговорщиков. Увы...

Посеял эти семена, хоть и сам того не желая, еще дед Ферека – Дьердь Ракоци, который поддержал некоего Константина Щербана в его притязаниях на трон Валахии и Молдавии. Увы, поддержки оказалось недостаточно. Проправив пару лет, Константин таки вылетел с теплого места и затаил обиду. И сильную.

Не на турок, благодаря которым распрощался с троном, не на Габсбургов, а вот именно, что на Ракоци. А что такого?

Один раз Дьердь помог, второй раз, третий, потом ему, конечно, надоело возиться с бездарем, и этого Константин ему не простил! Мы в ответе за тех, кого приручили! И сын его, Ференц тоже мог бы...

Ан нет.

Ни тот, ни другой не пожелали тащить Константина на своем горбу, так что мужчина сбежал в Польшу, где и жил спокойно. Родил двоих сыновей от некоей паночки из хорошего рода, признал их, воспитал по своему образу и подобию, а главное – внушил, что Ракоци им должны по гроб жизни. Мальчишки и поверили.

Кое-какие связи у Константина оставались, деньгами помогла родня, войска обещал Леопольд, к тому же ему это было так выгодно!

Получалось ведь почти прямое предательство Ракоци со стороны поляков! Подданные польского короля убили его же вассала! Красота! Да после такого поляки и венгры отродясь друг другу рук не подадут!

Не получилось.

Имре хоть и убили, но к Фереку подобраться оказалось значительно сложнее, а русские шпионы рыскали не хуже гончих собак и терять след не собирались. В результате, сыновья Константина были пойманы и приговорены к повешению. Дабы не ссорили две дружественные страны.

Попутно на плаху отправилось еще десятка два человек из знати, но роптать никто не решался. За дело получили, ой, за дело.

И вид Илоны – прямой, гордой, в черном уборе, царапал по сердцу даже самых жестоких. На лице женщины было написано сдержанное страдание, а в сочетании с ее красотой... Как тут не отомстить за причиненное ей горе?

И рядом Ференц и Наталья. Оба во всем блеске юности, он – копия своего отца, она – очаровательная и хрупкая, словно цветок, оба словно созданы, чтобы покорять сердца людей...

Прокопий развернулся на славу, применив все, чему его научили в царевичевой школе. Шпионаж, пропаганда, подготовка общественного мнения, даже основы НЛП-программирования... Незнание правильного названия не спасает от применения технологии.

Благодаря Людовику, Леопольд ненадолго выпустил Венгрию из-под своего орлиного взгляда, а тут много времени и не требовалось. Были бы силы да золото, но это обеспечили русские. Лишаться такого полигона для отработки навыков!?

Ни за что!

И пары месяцев не прошло, а венгры были твердо уверены, что никого, кроме Ракоци им и даром не надо. И с доплатой не возьмут! Вот!



– Вы обязаны, Карлос!!! Вы более чем обязаны прийти на помощь моему брату!!!

Марианна Испанская, в девичестве Пфальц-Нейбургская, просто разрывалась от гневного крика.

Королевы себя так вести не должны!?

Плевать!

Выньте и подайте ей испанскую помощь Пфальцскому курфюршеству! И точка! А то Людовик, человек непорядочный...

Карлос отлично понимал, что стоило бы помочь, чай, не чужие люди, родственники. С другой стороны – родственники откровенно бедные, жадные, да и супруга не вызывает ни малейшей симпатии. Скорее – наоборот. В память о первой и любимой жене хочется добавить этот Пфальц. Но...

– Ваше величество.

Карлос всегда был рад сводному брату. А в этот раз – особенно. Тем более, что тот пришел с женой. Мария (гнусная русская тварь!!!) мило улыбалась – и на ее фоне Марианна казалась особенно неестественной. Парики, краска, мушки – и рядом с тобой сияние естественной красоты. Которую и замажешь – так она прорвется. Обидно же!

Мария тут же присела в реверансе – и Марианна с гневом отметила, что Карлос улыбается жене брата. По-дружески и очень ласково.

– Хуан, ее величество высказала нам свою просьбу. Выслушайте ее – и если будет возможно, способствуйте. Мария, вы не составите мне компанию? Я хотел бы поглядеть на розы.

– Ваше величество, это честь для меня, – молодая женщина еще раз присела.

Нет, ну как ей это удастся!?

Марианна затягивалась в корсет, делала глубокие вырезы и даже клеила мушки на грудь – и все равно так у нее не получалось. Вроде и платье у соперницы скромное, и закрытое чуть ли не до горла, но как-то так оно пошито, что кажется соблазнительнее самого откровенного наряда.

Но важно не что носить, а как носить. Марию этому учили, Марианну – нет.

Карлос бодренько ретировался куда подальше. Марианна прикусила язычок. Князя морей она боялась, уважала и ненавидела. И – завидовала его супруге. Лучше уж быть за мужем, который старше тебя мало не вдвое,

чем за таким, как Карлос. Толку-то с возраста ее супруга, если он не мужчина!?

Дон Хуан уважительно поклонился, как никогда напомнив королеве ястреба. Сильного, стремительного... Ах, если бы он....

Но намеков дон Хуан не понимал, наедине со свояченицей старался не оставаться, а его супруга с некоторых пор смотрела на королеву весьма недобрый взглядом.

– Ваше величество, я готов сделать все, что в моих силах.

Вот дону Хуану Марианна истерик не устраивала – не поможет. Ее просто не станут слушать. Так что ее величество коротко изложила ситуацию, требуя поддержки для брата.

Дон Хуан задумался.

– Возможно. Но что мы от этого получим?

– Это мой брат!

– Для меня первичны интересы Испании, а не курфюршества. И для вас, *ваше величество*, тоже.

Марианна топнула ножкой.

– Неужели вы не вмешаетесь?

– Почему же. Я подумаю. Только не на стороне Леопольда. Слишком уж тот любит использовать союзников...

Крыть было нечем. Любит, любил и будет любить всех, кто не удерет за пределы досягаемости Леопольда. Марианна задумалась.

– Я не знаю. Но...

– Молитвы за мое здоровье предлагать точно не стоит, ваше величество, – дон Хуан насмешливо улыбнулся. – Даю вам слово, что подумаю над этим вопросом.

И удалился из комнаты. Прямой, сухощавый, с гривой черных волос, которым не требовался парик. Серебро едва затронуло виски Князя Морей. Словно брызги пены осели...

Мужчина отлично знал, что как только королева останется одна, она тут же бросится писать брату, Леопольду, да и много кому еще. Все ее письма перлюстрировались, так что опасности не представляли, но мало ли?

Пусть пишет, пусть поволнуется, пусть подумает, что ее братец может предложить взамен. А то посадишь такую родню себе на шею – заречешься потом. При дворе и без Марианниной родни паразитов хватает!

А еще... стоит отписать на Русь. Была у дона Хуана одна идея, которая сулила немалые барыши, но без помощи русского государя о ней и заговаривать не стоило – не получится. Дон Хуан полагался в политике

только на свои решения, но беседовать с русским государем ему было приятно. Двое умных мужчин нашли друг друга – и не собирались прекращать общение. Есть ведь гонцы...

Интересно, что скажет об этой ситуации Алексей Алексеевич?

А еще...

Где-то глубоко в душе у Короля Морей сидело в душе *несбывшееся*.

Он понимал Любаву, не винил женщину за то, что она не променяла своих детей на жизнь с ним, он просто полюбил тогда первый раз в жизни... не сбылось.

Вот и царапало до сих пор острыми краешками.

Мария, наверное, видела, но молчала, она была действительно умна. С женой ему повезло. Но... хоть узнать, как *она* там. Хоть из писем о ней услышать.

*Я тебя никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу...*

Почему дона Хуана одолело лирическое настроение? Он и сам не знал. Старость, наверное.

## Глава 6

– Почему мы не можем так поступить?!

– Турки будут против. Одно дело – пара крепостей, другое – закрепляться здесь всерьез.

Мельин сверкнул глазами. Совещание шло в каюте корабля и на нем присутствовали царевич Владимир, сам адмирал, два его ближайших помощника – оба капитаны кораблей, обоих хоть завтра в адмиралы, братья Сирко – Петр и Роман, Дмитрий Ромодановский и двое его помощников из царевичевой школы.

– И пусть будут против. Мне Черного моря мало, я на простор хочу, – Мельин посмотрел в окно. После Средиземного моря Азовское и Черное действительно были маловаты, хотя турки встречались и там, и тут. Но пока проливы были в их руках, они могли не волноваться.

– А если немного помочь грекам? Вряд ли им нравится жить под турецким владычеством?

Владимир пожал плечами.

– Попробовать можно, но чем это закончится? Бунтовать для них сейчас равносильно самоубийству.

– В Европе назревает война. Так что турки могут перебросить сюда и флот, и армию.

– Армию – не могут, – отмахнулся Роман Сирко. – Сейчас у них и внутренних проблем хватает. Гуссейн-паша умер недавно....

– Мир праху.

Мужчины немного помолчали. Ни для кого не было секретом, что за большинством (практически – 99 %) решений Сулеймана были приняты его визирем, который – вот странности-то бывают! – заботился о своей стране. А сейчас Гуссейн умер.

Кто станет новым визирем и кто будет давать советы, пока было неизвестно. Но сходились все в одном – если такая же сильная фигура и найдется, вряд ли этот некто будет заботиться о Турции в ущерб себе. Такие, как Гуссейн-паша – это исключение, а не правило.

– И? – уточнил один из капитанов. – Умер – и что теперь, армия-то боеспособна?

– Не совсем. Турки начали реформу армии после ухода из Вены. В итоге боеспособность турецкой армии сильно снизилась. Очень сильно.

– Хорошо. Могут флот.

– А флот у них сильный. Как только мы начнем закрепляться на берегах, они обязательно пошлют корабли.

– Первую волну мы разнесем в щепки, – пожал плечами Мельин. – Но не стоит недооценивать противника. Они хорошие воины. Храбрые и умелые.

– То есть рано или поздно они разнесут нас? – уточнил Владимир.

– Может случиться и так – и этак, – дипломатично ответил Петр Сирко.

Володя подумал немного.

Делать – или не делать? Сейчас на их копошение внимания не обращают, но это ненадолго. Что лучше – крепости, которые будут давать отпор – или открытые порты, которые будут использовать и турки?

– Почему мы не можем пройти огнем и мечом по Закавказью? – вмешался вдруг Дмитрий Ромодановский. – Я все понимаю, но честное слово – нам не помешает эта территория, а ей не помешаем – мы.

– Вот даже как?

Дмитрий тряхнул челкой, убирая падающую на глаза прядь.

– Если мы хотим здесь закрепляться – надо быть главными. И – строить. Побольше строить, закрепляться, своими становиться!

– Сил у нас не хватит, – огрызнулся Мельин. – просто – не хватит сил!

– Казаков много, то верно, – Роман Сирко с течением времени становился все больше похож на отца. Даже неспешным говором даже манерой улыбаться, задумчиво глядя вдаль.

– А если государя попросить?

– Помочь силами? Так он же только со шведами отвоевал – и опять в бой?

– А нам тут государь и не надобен, войска нужны, – ухмыльнулся вдруг Мельин. – А так – и сами справимся, чай, не убогие.

– Я отпишу брату, – решил царевич Владимир. – Если он решит, что нам надо помочь, если пришлет войска, порох, пушки – что ж. Тогда надо наступать!

Против этого варианта никто возражать не стал.

\* \* \*

– Я благодарна вам, Прокопий.

Небольшой уютный кабинет, горящий в камине огонь, мужчина и женщина. Илона отлично знала, как производить впечатление, только вот

на этого мужчину ее чары не действовали. И это было даже немного... обидно?

Прокопий поклонился.

– Я делал то, что приказала мне моя честь.

– И ваш государь?

– И Алексей Алексеевич.

– Я надеюсь, что мы с Русью долго будем идти рука об руку.

– Я тоже на это надеюсь, княгиня.

– Будете ли вы рядом со мной?

– Государь просил меня не отлучаться и оказывать содействие, – обтекаемо ответил Прокопий. Илона облегченно выдохнула. Было в этом мужчине нечто такое... надежное. Прокопий не произносил громких речей, ни в чем не клялся, не бил себя кулаком в грудь, он просто был рядом. Все время рядом. И это было дороже золота и бриллиантов.

Молчаливая поддержка, иногда – бумаги, мягко лежащиеся на стол, иногда – золото, а часто просто слова, сказанные в нужный момент. Это дорогого стоило. Не любовь испытывала к этому мужчине Илона, вовсе нет. Скорее...

С Ференцем она смотрела на мужа снизу вверх, восхищаясь и обожая. Искренне и истово любя.

С Имре – там была страсть, причем как в постели, так и страсть одна на двоих, общая. Мечта о свободе родной страны.

Илона привыкла видеть и восхищенные, и ненавидящие взгляды.

Но здесь и сейчас... Этот мужчина признавал ее ум, уважал и ценил ее, как человека. Без страсти, без любви – и это было ново и интересно. И Илона, как и любая женщина, стремилась привязать Прокопия к себе. Узами ли любви, дружбы, симпатии – неважно. Будет ниточка – и клубочек наматается.

– В Европе назревает война....

– Тем лучше. Леопольду будет не до вас, а мой государь обещал содействие и помощь...

– Алексей Алексеевич и так делает для нас многое...

– Наталья – его сестра.

Коротко и по существу. Сестра.

– Мой государь обещал помочь деньгами на строительство укреплений, и пушками.

– Великолепно! – Илона искренне обрадовалась, как девочка, получившая в подарок первое бальное платье.

Прокопий чуть поклонился. Он пока молчал о том, что русские

подумывают ввязаться в Европейскую войну. Хотя и на своих условиях.

Боже упаси их посылать войска или рубиться на чьей-либо стороне, вот еще не хватало, но грех не погреть руки на наглости Людовика!

А именно – пощипать как следует французские колонии. Если все сделать правильно – ни один французский корабль не будет чувствовать себя в безопасности. А это корабли, деньги, грузы....

Почему бы не помочь своим, особенно за чужой счет? А то Илону поддерживаем, проектов, которые из казны финансируются – тоже куча, Урал осваиваем, в Китае войну финансируем... да много где и много чего! А за чей счет-то?

С народа деньгу драть?

Так народ не каменный, он и озвереть может! Чего одно правление Алексей Михайловича стоило! Бунташный век, иначе и не скажешь! Это при Алексее Алексеевиче бунтов не было, так он и государь – какие раз в сто лет на свет родятся. Налоги не повышает, даже понижать умудряется, людишки хоть вольно вздохнули при нем, знают, что завтра никаких бед с ними не случится, а если война и идет где, так их не затронет...

Вот народишко и спокоен. А во Франции – то не их проблема, а Людовика. Пусть сам разбирается со своими фрондами.

Русские точно помогать не станут, еще и разжигать поспособствуют. Вот.

Впрочем, это лирика, а поговорить стоило еще и о конкретном.

– Княгиня, а когда вы собираетесь короновать Ференца?

Илона задумалась.

Да, так вот тоже бывает. О главном-то она и забыла. Для нее все было просто – вот сын, он наследует все, что принадлежало отцу. Вот – мертвый муж. Его жалко до слез. И больно.

А вот коронация...

Из головы вылетело.

– А стоит ведь. И как можно скорее.

– Стоит, – подтвердил Прокопий. – Одно дело причинить зло князю, другое – сестре русского царя. Не думаю, что на последнее отважится даже Леопольд.

Илона хмыкнула.

Не отважится?

Вот уж точно. Столько отваги у него не будет. Русские, как известно, обид не прощают. Только...

– А чем короновать?

Прокопий посмотрел недоуменно, потом джо него дошло, и мужчина

хлопнул себя по лбу.

Ну да!

Корона святого Иштвана! Или Стефана, кому как удобнее. И которая сейчас где-то в закромах у Леопольда, а тот ее не отдаст, не-ет...

Выкрасть или выкупить?

Вариант с коронацией именно старой короной был бы куда как предпочтительнее, да и храниться она должна в родовом замке Ракоци, и почтения к династии было бы куда как больше...

– Княнигя, мы все сделаем, чтобы коронация состоялась по древним обычаям, но это не так быстро. С полгода, не меньше.

Глаза Илоны вспыхнули двумя черными бриллиантами.

– Если это возможно... Если возможно – вернее Ракоци у Романовых союзников не будет!

Прокопий усмехнулся.

Достойная цена, но и задача достойная. Надо отписать государыне Софье, она обязательно что-нибудь придумает. Короновать ребят, а править будет Илона. Она отлично с этим справляется. А ребята будут гарантом стабильности Венгрии. Во всяком случае – пока.

\* \* \*

– Что мы имеем?

Софья прохаживалась по кабинету, загибая пальцы.

– Людовик лезет в Англию – раз.

– Англичане в ответ собираются поддержать Леопольда – два, – Иван невозмутимо глядел на жену.

– Пусть поддерживают. Англия – центральные области, Карла видеть не хотят. А вот Шотландцам он по нраву. Ирландцы – те бунтари прирожденные. Уэльс пока колеблется.

– Думаешь, поддержка так и останется на острове?

– Уверена. Флот может принять участие в общем веселье, но мы от этого только выиграем.

– Испания собирается поддержать Австрию.

– Да там вся Европа, в кого не ткни, собирается дать Людовику укорот.

– А получится? – Алексей Алексеевич был задумчив. Жена ему с утра сообщила, что беременна, так что мысли о политике перемежались с гораздо более приятными. Софья посмотрела на брата и покачала головой. Но ругаться не стала.



Пусть брат отвлекается, для того, чтобы не наделать глупых ошибок – есть она.

– Сложный вопрос. Нам все равно в эту игру лезть не стоит. Пощиплем колонии и корабли – и достаточно.

О чем она умолчала – так это о том, что уже начала подбирать людей, которые отправятся в Австрию, Францию, Англию... ей нужна как можно более долгая и затяжная война. Чтобы лет на десять, чтобы Людовик обессилел, чтобы вся Европа была занята борьбой с ним и только с ним. А Русь под шумок себе что-нибудь приберет – это будет правильно. Просто зачем говорить об этом брату – заранее? Вот людей подготовит... Кстати, и Аленку тоже можно привлечь к этому делу. Пусть учится разбираться и командовать. Если так получится, что дочери принимать нити из ее рук – она должна быть готова. У Аленки не будет ее опыта, ее знаний, пусть и обрывочных... пусть у нее будет хотя бы опыт и решимость. А остальное приложится.

Алексей Алексеевич кивнул.

– Пусть так. Что у нас еще интересного?

– Венгрия. Корона Святого Стефана.

– Подробности? – насторожился Алексей.

Софья кратко пересказала ситуацию со старой короной, увенчанной кривым крестом. Государь задумался.

– Можем мы получить ее мирным путем?

– Вполне. Леопольду нужна сейчас помощь, он за определенную сумму не то, что корону – жену заложит. Хотя и не нам.

– Так подбери кого-нибудь, и пусть едут, – согласился Алексей Алексеевич. – Деньги дадим, любые.

Софья кивнула. Это отвечало и ее планам. Денег одной стороне, денег другой стороне – воюйте, господа. Хорошо воюйте, долго, чтобы не лезть в дела Русские.

– Отправлю. Кстати, Володя пишет.

– О чем?

– Они постепенно укрепляются на том берегу. Стоят кое-где крепости, ищут союзников, показывают силу и зубки.

– Воюют?

– Там же турецкие гарнизоны! Еще б ребята не воевали! И воюют, и долго еще воевать будут, пока из Турции вместо Османской империи не получится курорт для слабых здоровьем, – Софья зло усмехнулась, вспоминая свое время. Вот ведь, что бывает, если у власти абы кто! Была империя... И нет!

– Сам Володя как?

– Ему там нравится. Так что имеет смысл подумать о территории для него. Будет какой-нибудь князь Трапезундский...

– Посмотрим...

Но возражать Алексей не стал. Почему бы – нет?

– Последнее письмо, вот, пришло, – Софья показала конверт, который еще не вскрывала.

– Прочитай? – предложил Алексей.

Сестра кивнула, распечатала письмо и быстро пробежала глазами по строчкам. Потом кашлянула, взгляделась внимательнее, уже как-то иначе потерла лоб, поморщилась.

– Да уж... Алеша, почитай-ка сам?

– Что там такое? Если в двух словах?

– Ну, если в двух словах – Владимир предлагает нам сцепиться с Турцией. Из-за проливов.

– С ума сошел мальчишка?

– Э, нет. Алеша. Он наоборот, не знает, как поступить и просит нас подумать и посчитать. Честно признается, что сам не способен на такое сложное дело. Не знает, чем мы располагаем в точности и не готов решать. А потому полагается на твой опыт.

– И куда хочет пробиться сей отрок? – Иван улыбался откровенно насмешливо. Володю он любил, но относился к нему, как добрый дядюшка к малолетнему племяннику – чуть иронично и с улыбкой.

– В Анатолию. Устроит там суматоху, и пока турки отвлекутся на него, проливы окажутся беззащитны. Почти...

– Турки не обрадуются.

– А мы и не медовые пряники, – отрезал государь. – Соня, садись и прикидывай. Хватит ли у нас сил, сколько надо денег, чем это может грозить...

Софья кивнула.

– Обещаю. Мы подсчитаем все – и решим.

Иван кивнул.

– Да. А потом уже будем говорить о наших шансах.

Но идея была очень заманчивой.

\* \* \*

Софья повертела в пальцах письмо от дона Хуана.

А ведь интересно может получиться... еще как интересно! Пергамент спланировал на карту мира и был нетерпеливо спихнут под стол.

Дон Хуан писал, что будет поддерживать Австрию в ее священной войне против наглого Людовика. Пфальц?

Так это скорее предлог, чем причина. Но вот что можно с него требовать, чтобы не обнаглели и не вообразили, что им всегда помогать обязаны?

Дону Хуану пришла в голову просто гениальная идея, но одна Испания такой проект просто не потянула бы. А вот на пару с Русью, где есть и мастера, и уже наработан опыт, за двадцать-то лет...

Рейн и Дунай.

Если выкупить небольшой кусочек земли в Швабии и соединить их каналом...

Торговля оживится несказанно. Выкупать будет Пфальцский курфюрст, чтобы никто не насторожился раньше времени. А уж как выкупит – тут пожалуйста, господа испанцы, берите территорию под свой патронаж, чтобы никто лишний на ней не бузил, стройте канал, шлюзы, город, торгуйте....

Да тут купцы в очередь выстроятся!

А ведь русским это тоже выгодно. Особенно если Испания аккуратно подберет под себя дельту Рейна. А нам – нам все равно воевать с турками, так что можно отжать у них окончательно дельту Дуная – и контролировать весь водный путь.

Хм-м...

А ведь золотое дно может получиться.

Долгосрочный проект? Дорого?

Так ведь и мы не президенты. Цари мы, а значит – надолго. На всю жизнь. Нам быстро наворовать и удрать не надо, это наша страна. Вот и будем прирастать и строить.

Надо бы к Ване подойти. Пусть попробует посчитать, во сколько это может обойтись.

\* \* \*

Война в Европе полыхнула так, что черти задумчиво почесали затылки – и решили придержать смолу с дровами. Людям и так неплохо доставалось.

Людовик ввел свои войска в Пфальц – и Булфер без особых усилий

занял Шпейер и Кайзерслаутерн. Городаложились под победоносную французскую армию один за другим. Трир, Бонн, Нойштадт, Оппенгейм...

Летучие французские отряды «летали» по всей стране, а уж сколько от них было вреда и убытка?

Казалось, что французы признают лишь одну тактику – выжженной земли. Они грабили, насиловали, жгли, убивали – все, что только может придумать нездоровый разум, опьяненный кровью. И кровь щедро лилась на поля Пфальца.

Курфюрст чуть ли не криком кричал, умоляя о помощи – и его крики были услышаны. Людовик, чей разум затуманили одержанные победы, так и не понял, в какой момент оборона перешла в наступление. Но...

Первый удар нанесли в Англии.

Там, где Людовик высадил войска и держал часть флота.

Совместный голландско-английский флот, под предводительством «сына Вильгельма Оранского» нанес свой удар, выбив французские войска из Лондона. Англичане ликовали. Пошли разговоры о том, что стоит предложить английскую корону сыну Вильгельма Оранского. Пусть незаконный, но пользы от него всяко больше, чем от прямых наследников.

«Сын», понимая, что его родственные связи не выдержат серьезной проверки, благоразумно отказался – и английское общество опять заматалось между бастардами Карла и дочерьми Якова.

В итоге было принято решение предложить трон принцессе Анне Датской, о чем и полетело письмо Кристиану. Его величество порадовался за брата и невестку – и разумеется, пообещал поддержку. Поскольку Швеция сейчас была нейтрализована лет так на десять, датскому флоту надо было чем-то заниматься. Почему бы и не помочь англичанам?

Сэр Эдвард Рассел был тихо счастлив. Французы, поняв, что дело пахнет греческим огнем, готовились принимать бой уже на море. Людовик злился, но что тут поделаешь?

Его злость и вполтину не была такой сильной, как у шведов.

\* \* \*

– Победенных никто не любит, – ядовито парировала выпад супруга ее величество шведская королева Мария. – Если бы вы, Карл, выиграли войну, но вы даже все битвы проиграть умудрились!

Каким чудом его величество сдержался? Он и сам не знал. Но факт остается фактом – супруге не заклепили пощечину. Ее величество осталась

целой и невредимой. А вот дверью его величество так шандарахнул о косяк, что с потолка кусок лепнины оторвался.

Было, было от чего злиться. На минутку, Мария – старшая сестра, Анна – младшая. Только вот пригласить на царство шведов англичане и не подумали. Хотя Карл был готов уступить им сына. Младшего.

Ан нет.

Анна и Георг Датский! Датчане, на которых после неудавшейся войны у Карла клыки отросли в три ряда! Негодяи!

Но что уж на зеркало пенять? Действительно, проигравших никто не любит. Осставалось ругаться – и копить силы для новой войны. И даже это было сложно. Доступ к Балтике Карлу перекрыли полностью, военные шведские суда в заливе просто отлавливались и уничтожались, или того хуже – становились частью вражеских флотилий. Мелочь, конечно, могла ходить и торговать, но что с нее толку?

Если Швеция когда и вернет свое прежнее величие, то при детях Карла. Как бы не при его внуках.

Хотя Карл был готов над этим работать.

Захватить чужую территорию – дело несложное. А вот сможете ли вы ее удержать, господа хорошие?

Да и финансирование бунта обходится намного дешевле, чем война.

А еще...

Карл понимал, что это не по-королевски. Но злоба душила так, что ей-ей, было не до короны.

Он ненавидел.

До глубины души, до стиснутых зубов и судорог, до боли ненавидел русского государя. И собирался отомстить ему.

Кто сказал, что нельзя нанять убийцу?

Одной сестры русский государь уже лишился, кстати говоря. Может, в следующий раз убийцам повезет больше – и сестры лишатся русского государя? Почему нет?

Только надо все хорошо продумать. Чтобы найти нужного человека, чтобы обеспечить ему... да все! От денег, до путей отхода!

Потому как покушаться на коллегу-монарха...

Можно!

Все в этом ручки запачкали.

Только попадаться не рекомендуется. Ибо одно дело – война или случайность, и совсем другое – подлый выстрел из-за угла. Подлость Карла не останавливала, а вот возможность поссориться сразу с Испанией, Португалией, Польшей, Венгрией, Данией...

Да, теперь еще и Англией, потому как Георг Датский, да и Анна – в восторге от русских.

Этого Карлу не хотелось. Так и от него и от Швеции и пятна на карте не останется. В пыль разотрут.

\* \* \*

Людовик, наткнувшись на сопротивление, приказал маршалу Юмьеру занять Динан и Юи. Остальные силы он решил бросить в Нидерланды и окончательно додавить сопротивление голландцев. Людовик искренне рассчитывал, что Леопольд будет сильно занят турками, а все силы голландцев сейчас сосредоточены в Англии.

Увы.

В войну резко вмешалась Испания.

Сам дон Хуан, конечно, войска никуда не повел. Просто дал денег курфюрсту – и тот распорядился ими как нельзя лучше, наняв несколько отрядов испанских и немецких наемников.

Продвижение французов замедлилось, хотя и ненадолго. За это время к коалиции против Людовика подключились малым не все европейские страны. Впрочем, Людовик привычно проигнорировал общественное недовольство и выставил несколько армий – Булфера, Юмьера и Бюсси.

Впрочем, ему это не сильно помогло.

Насмотревшись на зверства французских солдат, союзники выбили французов с правого берега Рейна, а заодно разбили корпус Юмьера вблизи Валькура. Маршал попал в плен и был вынужден платить громадный выкуп.

Людовик двинул войска в Каталонию и Пиренеи, надеясь, по недавнему примеру Карла шведского вынудить Испанию выйти из союза.

За последнее время дон Хуан сильно подправил экономику страны, золото и серебро из колоний лилось в казну пусть и не самым полноводным, но непрерывным ручейком, так что денег у союзников хватало. А вот если отделить Испанию от коалиции, действуя пожестче...

Герцог Вандом как раз подходил для этой цели. Достаточно решительный и жестокий, Луи Жозеф вторгся в Каталонию, но натолкнулся на решительный отпор – и застрял.

Впрочем, Людовику эта позиционная война сильно не мешала. Стычек хватало в Италии, где маршал Катина сцепился с Виктором Савойским. Людовику не помешало даже то, что Виктор был женат на его племяннице.

Французские войска разбили бедного родственника и заняли Савойю и Сузою.

Тут-то Виктор и пожалел, что не женился на Изабелле.

С Педру договориться было реально. К тому же, он не подставлял родню и не бил в спину. Да и внешность у Изабеллы...

Последнее время ее называли самой прекрасной принцессой Европы – и небезосновательно. Поговаривали даже, что если бы не ее неуместная верность супругу, мужчины бы лежали у маленьких ножек штабелями. Но – увы.

Изабелла обожала русского принца, а тот готов был носить жену на руках. Вместе с детских лет, они поженились недавно, но Изабелла уже ждала ребенка. Впрочем, ее красоты и обаяния это не умаляло.

Виктору оставалось только грустно вздыхать. Может, Савойя и не стала бы частью Португалии, если бы он женился на Изабелле? А сейчас Педру попросту отказался ему помогать, мотивируя это обидой, нанесенной бог весть когда его дочери.

Пока Виктор Амадей предавался сожалениям, маршал Катина принялся осаждать Виллафранку и Ниццу. Герцог Савойский вряд ли смог бы противостоять ему, но силы союзников вовремя пришли на помощь и заставили французов отступить за реку По.

Европа была занята делом. Все воевали.

\* \* \*

– Ваше величество, вы великолепны.

Георг поцеловал Анне руку – и наткнулся на рассеянный взгляд.

Впрочем, ему это только показалось, наверняка. Потому что в следующий момент Анна улыбнулась ему.

– Супруг мой, вы также очаровательны сегодня.

Георг приосанился и поправил парик.

Король Англии! Звучит!

Не совсем король, все-таки консорт, но это же лучше, чем какой-то принц Датский? Тем более, с легкой руки Уильяма Шекспира, сие словосочетание стало нарицательным. А потом королем станет его сын. Кстати – тоже Уильям, герцог Глостерский.

Впрочем, титул был изрядно подпорчен проблемами. Шотландия так и не признала Анну. Ирландия взбунтовалась, Уэльс колебался, но ее величество была полна решимости.

*Когда они увидят, что мы – хорошие правители, они опять придут под нашу руку. Как при дяде. При отце.*

Георг был слабым, мягким, но – не глупцом, вовсе нет. И отлично понимал, что правитель из него... он может красоваться на праздниках – и не более того.

Как сказал спустя триста лет один мудрый человек: «Сидеть на троне может, а стоять во главе страны – нет». \*

**\* Михаил Иванович Драгомиров сказал о Николае Втором «Сидеть на троне может, стоять у руля государства не способен». Прим. авт.**

Хватит ли ума и решимости у Анны? У Уильяма?

Георг этого не знал, но надеялся.

Он не замечал, как отрешенно смотрит на него жена.

Анна любила своего супруга. Да, вот такого – слабого, полубеспомощного, бестолкового временами и не способного на многое. Но...

Вспоминалось ей другое.

Глаза русского адмирала. Решительные, ясные, его голос, улыбка... не любовь, нет, даже не увлечение. В жизни принцесса не легла бы с ним в постель, даже не поцеловала.

Анна просто поняла в какой-то момент, как хорошо быть слабой. Когда за тебя заступятся, помогут, поддержат. Все чаще Анна думала, что рядом с ней должен быть такой мужчина.

Георгу об этом знать не обязательно, она все равно будет его любить. Но править должны другие.

Одна она не справится, она не Елизавета.

Что же делать, что делать?

Найти рядом с собой мужчин, на которых может положиться слабая женщина. Попросить Кристиана проверить их.

И – править.

Осторожно, шаг за шагом собирая англию, чтобы Уильяму досталась хорошая страна.

Кстати...

Анна ужаснулась своей мысли, но...

От Георга у нее либо мертворожденные дети, либо дети, которые умирают через год-два. Может, стоит попробовать завести ребенка от кого-то другого?

Или даже нескольких детей?

Анна мечтала о детях, но пока у нее были пара дочерей, которые ни на что не повлияют, а из мальчиков – один Уильям. А это так мало, слишком



мало для престолонаследия.

Но предать мужа? А это предательство...

А может, стоит попробовать? Например, сэр Эдвард Рассел прекрасный моряк, предан своей стране...

\* \* \*

– Черт знает что такое!

Михайла швырнул донесение в угол, и пергамент завернулся там трубочкой. Марфа подобрала его, поморщилась.

– Станислав Лещинский. Откуда они только выползают?

Красивые губы кривились, синие глаза недобро блестели.

Да, польская шляхта далеко не вся смирилась с урезанием вольностей. А где есть недовольные, там возникают и бунты.

– Потоцкие...

Старинный и богатый род Потоцких, известный чуть ли не с тех времен, когда и Москвы-то не было, особенно отрицательно относился к политике Михаила. Но раньше, вроде бы, они терпели? Или просто готовились? Собирали силы?

– Если вспыхнет бунт – соседи не упустят шанса.

– Европе не до нас.

– Но Леопольд нам Венгрию не забудет.

– Думаешь, он помог?

– Уверен.

Михайла провел рукой по волосам, в которых уже поселилась седина и улыбнулся жене.

– Но ты не беспокойся...

– Миша...!

Марфа была так хороша, когда возмущалась, что он не мог отказать себе в удовольствии – и поддразнить ее.

– Да-да, хрупким женщинам не стоит волноваться. А то вы в обморок падать начнете...

Ответом ему было возмущенное шипение. Да, сколько уж лет они вместе, а все равно – оона самая красивая. И умная. И просто – любимая.

– Сам по себе Лещинский – просто сопляк. Он ничего из себя не представляет, но знатности у него на троих хватит. А я – первый король из династии Корибутов. Тот, кто скинет меня, будет таким же законным. Ну, по крайней мере, прав у него будет не меньше. Твоему деду повезло, у него

получилось удержаться. Повезет ли так моим детям? Я боюсь, что если твой брат их не поддержит, от Польши начнут отгрызать куски после моей смерти.

– Алексей поможет. Я знаю.

– И все же мне тревожно.

– Враги будут всегда. Но хватит ли у них сил? Войск? Денег?

– Нет.

– Тогда на что они рассчитывают?

Михайла задумался.

– Сталь? Яд?

– Вполне возможно. Но я надеюсь, что ты будешь осторожен? Ради нас всех?

– Не волнуйся, я понимаю, что Ежи еще слишком молод для трона. И поберегусь.

Марфа кивнула, подумав, что надо бы попросить у сестрички еще людей. Молодец все-таки Соня. Еще тогда сестра поняла, что без специально обученных людей не выжить...

– Поберегись. Имре Текели все-таки достали...

Марфа умолчала, что Имре был намного моложе и лучше подготовлен, но Михайла сам все понял и покачал головой.

– Леопольд сам себе могилу роет. Ему этого не простят, ты же понимаешь. Ни Илона, ни Ферек...

– Пусть не простят. Но и не достанут ведь...

– Я поберегусь.

Время шло.

### 1693 год

– Она не мучилась. Просто закрыла глаза – и все.

Софья вытерла слезы.

Утром ушла из жизни тетушка Анна.\* Ушла, будучи шестидесяти трех лет от роду. Просто заснула – и не проснулась. И Софья думала, что это не худшая смерть. Просто заснуть – и открыть глаза уже там. Где нет ни тревог, ни забот, где ее наверняка встретят брат с сестрой и родители.

**\* В РИ она умерла на год раньше. Прим. авт.**

Воин Афанасьевич смотрел пустыми глазами.

За одну ночь мужчина постарел лет на двадцать – и Софья отчетливо

понимала, что без жены он тоже долго здесь не задержится. Они с Анной срослись, сжились, слились настолько, что временами ей казалось – у них одно сердце на двоих. И вот сейчас половинка этого сердца разбилась.

Софья смотрела на спокойное бледное лицо, в котором уже не было чего-то неуволимого... Кукла. Просто большая восковая кукла.

Уже не та тетушка, которая подхватила на руки маленькую Сонечку – и безоглядно приняла ее сторону. Не та, которая до конца отстаивала ее интересы перед грозным братцем, которая поддерживала, утешала, всегда принимала ее сторону... Любила, черт возьми!

Любила...

Господи, ну почему они уходят!? Не так давно, года не прошло, от воспаления легких умерла боярыня Морозова, но тогда Софье так тяжело не было. Все же отношения свекровь-невестка никогда идеальными не были, будь ты хоть золотой от ушей до пяток, а все одно – сыночку платиновую нужно! Или бриллиантовую! Тогда Софья утешала мужа, а сейчас, вот, страдала сама. И позарез ей нужно было выплакаться... а она царица, ей неуместно...

– Она сейчас там, где всем хорошо, – протопоп Аввакум, на правах и друга и духовника царицы, положил ей руку на плечо. – Царствие небесное...

– Вечный покой, – шепотом откликнулась Соня. И – не выдержала.

Уткнулась в рясу – и безудержно разрыдалась.

Аввакум гладил ее по черным волосам. С другой стороны так же обнимал женщину воин Афанасьевич – и его плечи так же содрогались. Он и не пытался скрывать слез.

Иногда они текут сами...

Софья вспоминала детство, юность, вчерашний вечер...

Как хорошо, что она приехала в Дьяково. Хоть повидались перед... перед...

И навсегда в ее памяти останется этот последний вечер – с неспешной беседой, с золотисто-алым закатом, горячим чаем и материнским поцелуем в лоб.

– Как же мы без нее... Ох, тетушка...

Прошло не меньше часа, прежде, чем Софья успокоилась достаточно, чтобы не срываться в слезы на каждом слове.

– Дядя, где... где она хотела лежать?

– Со мной. Мы думали, что я уйду раньше и...

– Ох, дядя...

– У нас в Опочке есть церковь. Старенькая совсем, отец помогал

священнику, ну и я тоже... сейчас она каменная. Аннушке там нравилось. Там на кладбище все наши лежат...

– Это...

– Псковский уезд.

Софья кивнула.

Как бы ей ни хотелось, чтобы тетушка лежала в Москве, в Архангельском соборе, но если Анна уже все обговорила с мужем... Впрочем, Софья все равно предложила это дядюшке, но Воин Афанасьевич покачал головой.

– Не надо, Сонюшка. Пойми меня правильно, я не хочу, чтобы она после смерти... чтобы она лежала вдали от нас, как царица Романова. Она – моя жена.

Софья могла это понять. Не Романова, нет. Ордина-Нащокина.

Иван, наверное, попросит о том же, когда придет их черед...

– Я прикажу, чтобы ее... вас... отвезли туда. Только задержитесь на пару дней, пожалуйста. Чтобы Алеша и Ваня успели с ней попрощаться.

Воин Афанасьевич кивнул.

– Конечно, Сонюшка. Я люблю тебя, малышка... И Анечка тебя тоже любит... любила.

Следующей ночью не стало и Воина Афанасьевича. Он ушел вслед за женой быстро и решительно, как делал все в этой жизни. Школа в Дьяково осиротела.

Гонец обернулся быстро – и у сдвоенного гроба стояли уже трое.

Алексей, Софья, Иван.

Держались за руки. Никто не плакал, даже Софья уже не рыдала. Она выплакала все слезы ночью – и теперь старалась поддержать брата и мужа. Им сейчас вдвое тяжелее. Она-то хоть рыдать могла, а Алешка стоит весь черный. И Иван... он по матери так не убивался.

Все-таки боярыня Феодосия была слишком неистовым человеком, чтобы быть настоящей хорошей матерью. А тетушка Анна стала такой для всех троих...

Уходил последний кусочек их детства. Была жива тетка Татьяна, но так далеко, слишком далеко... Да и не было ее по-настоящему в их детстве. Так, где-то в Кремле.

– Мальчишки сейчас в Крыму. Пока приедут – их уже увезут.

– Ничего. Доедут до дома, – буркнул Иван.

Малолетних Ординых-Нащокиных он любил, но сейчас у него не было сил ни на что. Только не плакать. Только не сорваться...

– Кто теперь будет заниматься школой?

Алексей чувствовал себя свинтусом, но... кто-то же должен думать и об этом?

Софья вздохнула. Подошел бы кто-то из братьев Разиных, но разве тех из Крыма выдернешь? Был и Ежи Володыевский, сильно обрусевший за это время, но...

Политика, будь она неладна!

Все-таки Дьяково – это кузница кадров. И тут много... разного. А еще – Ежи не может быть директором школы. Дело не только и не столько в доверии, сколько в его личных качествах. Он умный, добрый, надежный, но не лидер. Что уж тут поделаешь – он замечательный второй, но не ведущий. Под руководством того же Яна Собесского он чудеса творил, а сам по себе он воин, а не генерал. Это не хорошо и не плохо, это просто есть.

– Нужен кто-то надежный. Лучше родной. Ваня, а что там с Матвеем?

Ваня подумал.

После смерти Феодосии Морозовой ее любовник затосковал. А ведь пользы от него может быть много, ой как много. И опыт у него подходящий, и родственные связи, опять же...

Да и сводного брата, и сестричку видеть будет постоянно.

– Можно попробовать. Только он уже не юноша...

Софья фыркнула.

– Пусть даже лет пять-десять. Вообще, я хотела бы, чтобы потом это место занял Прокопий.

– Сын Аввакума?

– Да. Он как раз подойдет, но ему хотелось бы еще поработать «в поле».

– Почему бы нет? – согласился Алексей. – тогда... Ваня, ты поговоришь с Матвеем?

– Поговорю.

Им было безумно больно – и все трое цеплялись друг за друга и за привычные повседневные дела. Жизнь продолжается, и есть привычная работа, и есть решения, которые кроме них никто не примет.

Они должны. Этим все сказано.

Да и тетюшка не поняла бы, погрузись они в глубокое горе и брось все дела.

Она их любила.

Ох, тетюшка...

В мире продолжался бардак, иначе и не скажешь.

На море победу одерживали попеременно то Англия, то Франция. Конкретного победителя не было, даже несмотря на помощь Дании. Много кораблей Кристиан выделить не мог, а Людовик активно финансировал каперов под началом некоего Жана Бара. Плавать стало попросту небезопасно, один корабль из четырех точно не доходил до места назначения.

К тому же порядка не было и в самой Англии. Шотландия таки признала малыша Карла своим правителем, но теперь шотландцы требовали, чтобы ребенка вернули им. Или хотя бы воспитывали в соответствии с шотландским духом.

Людовик соглашался допустить к Карлу пару-тройку воспитателей, но кого?

Пока что шли горячие споры.

Ирландия вообще собиралась провозгласить независимость. Софья потихоньку подкидывала туда деньги и оружие. Ей объединенное королевство и даром нужно не было, да и ирландцев было жалко. Чего они, бедолаги, только не натерпелись от англичан за последние пару веков! Недаром же семьями в Колонии уезжали!

В Европе тоже не было порядка. Никакого.

Людовик воевал – и даже достаточно успешно, но и сопротивлялись ему все и сразу.

Пфальц захватить так и не удалось – французские войска оттуда выбивали с завидной регулярностью. Погнали их и из Испании – с приходом к власти дона Хуана испанцы быстро восстановили прежнюю боеспособность.

В Гааге прошел конгресс для всех заинтересованных государств, входящих в Великий Союз – и на нем было решено сопротивляться Франции до конца. Особенно настаивали германские князья.

Так бы они еще подумали, но Людовик с его тактикой «уничтожаю все» убил при этом и надежду на переговоры.

Какой уж тут мир, когда сидишь и думаешь – станешь ты следующим или нет.

Правда, если бы все зависело только от германских князей, Людовик бы там прогуливался уже и вдоль, и поперек. Как ни ненавидели его князьки, между собой им договориться было еще сложнее. Людовик – что? Людовик далеко, а вот сволочь-сосед, это – зло! Мирового масштаба!

Софья, посмеиваясь над германскими княжествами, называла их «еврокоммуналкой». Ссоры и склоки там царили, как на коммунальной

кухне, нравы у князей были не лучше, чем у соседок Мани и Вали, разве что соль в суп друг другу не сыпали. Но хотели бы. Определенно.

Впрочем, с Рейна Людовика выкинули с помощью испанцев и португальцев. А нечего свинячить там, где люди бизнес хотят делать! Землю курфюрст уже выкупил – и строительство уже началось.

Канал – штука хорошая.

А война... а что – война?

Чай, они не золото добывают, а людям надо что-то есть, где-то жить... почему бы и не на строительстве канала? И люди были довольны и благодарны! Не все же могут уйти в разбойники! У кого-то семьи, дети маленькие, их кормить надо! А тут честный способ заработать! Грех не воспользоваться!

Людовик отыгрался на севере Италии – там французская армия действовала вполне успешно, перемежая осады с маневрами. Прошлым летом маршалы Вобан и Люксембург захватили Намюр и одержали победу при Стеенкерке. А еще через пару месяцев голландцы попытались вторгнуться во Фландрию, но были разбиты у Неервиндена и смогли только отбить у французов Юи.

Зато Виктор Савойский, словно мстя за предыдущие неудачи, разорил французскую область Дофине.

Взял Амбрен, пожег все города, до которых дотянулся – и ушел обратно за Альпы. Людовик рвал и метал, но что тут поделаешь?

Поговаривали про мирные переговоры, но Людовик их точно пока вести не собирался. Самое время половить рыбку в мутной воде.

\* \* \*

– Карлос, мне так жаль...

Его величество король Испании рыдал, как дитя. И самый ужас состоял в том, что плакал он, сидя на полу и уткнувшись мокрым лицом в юбку Марии. Жены его старшего сводного брата!

Увидел бы какой-нибудь ревнитель традиций – тут бы ему и кондрашка пришла...

Мария гладила великовозрастного ребенка по голове и думала, что этим должна заниматься его жена. Но дождешься от этой стервы!

Умерла королева Марианна.\*

***\* в РИ она скончалась на три года позже, но там она была полновластным регентом, а не затворницей в монастыре. Здесь могла и***

*пораньше из-за плохих условий жизни. Прим. авт.*

Карлос был в трауре.

Понимая, что мать его гонит в пропасть, что допускать ее к управлению страной нельзя, равно как и выпускать на волю, он все равно любил ее величество. Мать же...

Кстати – и не самая худшая. Про Марианну можно было сказать много нехороших слов, как про правительницу, но сына-то она любила!

Так что утешайте мальчика, Мария. Куда ж деваться?

Карлос самозабвенно рыдал. Маша гладила его по голове и всячески утешала, дон Хуан организовывал приличные похороны, ее величество Марианна-жена наматывала круги по дворцу, чтобы разыскать супруга и закатить ему еще один скандал (лучше – несколько), придворные сплетничали – все были при деле.

– Она меня любила. А я... я просто негодай! Я не должен был...

– Должен, – оборвала его Маша. И в этот момент она была абсолютно похожа на Софью. Выражение лица, тон, сами слова, копия сестры, да и только, – обязан. Когда ты принял корону – ты дал клятву пожертвовать всем – собой, семьей, родными, друзьями – ради блага своей страны. Ее величество была замечательным человеком и хорошей матерью, но она хотела власти. И совершенно для нее не годилась. Ты помнишь – правили фавориты? Хуана... моего мужа едва не убили, просто потому, что он послушал тебя и пытался навести порядок. Тебя отстранили от власти, не давая сделать и шага?

Карлос глубоко и прерывисто вздохнул. Как долго плакавший ребенок.

– Мария, я все помню. Но это была моя мать!

Вместо ответа Маша погладила его по длинным волосам. Черт с ними, со вшами, потом искупаемся лишний раз.

– Бедный мальчик.

И сказано это было так просто и спокойно, что Карлос действительно почувствовал себя ребенком. Рядом с кем-то более сильным, умным – и очень добрым.

Как же хорошо, что есть старший брат. И Мария.

Ему так не повезло. Любимая женщина умерла, мать умерла, вторая жена – кому б это счастье спихнуть, да вроде таких врагов и нету. И детей нет. Зато есть племянники.

Карлос вздохнул, вытирая слезы. Теплая рука гладила его по волосам. Хорошо, когда есть такие родные.



1693-й год ознаменовался мирными переговорами.

Людовику предложили мир, но – напрасно. Король-солнце не сомневался пока в своей победе, да и жена подзуживала.

*«Вы же не можете сдаться, сир? Рано или поздно они поймут, что вы оказываете им честь – и примут ваше мудрое правление...»*

Ага, как же. Примут, догонят и опять примут. На Рейне продолжалось бездействие. Чтобы прикупить оптом всех князей у Людовика денег не хватало, а в розницу – смысла не было. Там же такое лоскутное одеяло...

Основные силы Людовика по-прежнему находились в Нидерландах, часть войск он попытался ввести в Эльзас, но Баденский маркграф встал стеной – и французы попали в патовую ситуацию. Уйти – король не позволяет, вперед идти – не получается.

Голландцы взяли Намюр, а войска Людовика захватили и почти сравняли с землей Брюссель. Обмен любезностями был почти вничью. Но воюя на суше, Людовик упустил из виду море, за что и поплатился.

Жестоко поплатился.

А вместе с ним – и куча французских каперов.

Основной их базой была Тортуга. Милое местечко, которому только «Веселого Роджера», гордо реющего над пристанью не хватало. Пиратов там развелось, как тараканов у нерадивой хозяйки.

Но там-то ладно!

Они же и в море кишмя кишели! С легкой руки Людовика, выходить в море стало попросту опасно! Страдали англичане, испанцы, португальцы... все, кто не французы. Последние тоже страдали, но намного реже. Пираты прекрасно понимали, кто им платит, и предпочитали не кусать кормящую руку. Только вот Испании это надоело очень быстро.

– Мария, я собираюсь покончить с этой ситуацией.

Мария посмотрела на супруга.

Достигнув преклонного возраста, дон Хуан стал еще импозантнее. Этаким гордый испанский ястреб с благородной сединой на висках. Дамы млели – причем все. От пятнадцати до семидесяти пяти.

– С какой именно?

Дона Хуана не устраивали именно пираты. Конечно, Генри Моргана среди них уже не было, но тут еще вопрос – что лучше? Один волк или сорок бродячих собак? Отбиться было сложно в обоих случаях. Дону Хуану надоело постоянно гонять вдоль побережий военные корабли, придавать

конвой любому судну с важным грузом, выслушивать жалобы на разгулявшихся ладронов – терпение Князя Морей лопнуло окончательно, после того, как Жан Бар захватил один из кораблей с серебром. Чтобы казна несла убытки из-за наглости Людовика?

Ну уж – нет!

И дон Хуан отписал португальскому королю. А заодно – русскому государю, предлагая объединиться – и прополоть от сорняков Карибское море.

У него и у португальцев есть корабли, у русских – воины. Что еще надо?

– Думаю, мой брат поддержит эту идею, – согласилась после некоторого раздумья Мария.

Дону Хуану хотелось на это надеяться. И письма полетели в разные стороны.

\* \* \*

– Ваше величество! У вас сын!

– Сын!

Лицо Георга озарилось радостью. И было, было от чего!

Крепкий, здоровый и горластый малыш начал свой путь с того, что обильно описал и придворного медика – и счастливого отца. А орал так, что слушать страшно было.

Этот ребенок ничем не похож был на предыдущих болезненных и достаточно хилых детей.

– Господь услышал мои молитвы! Анна, любовь моя! Я так благодарен тебе за сына!

Георг поцеловал жене руки. Сначала одну, потом вторую. Анна была измучена – сын родился крупным, но это была приятная усталость, смешанная с чувством выполненного долга.

– Я счастлива, мой супруг, что исполнила свой долг перед вами и королевством.

– Как мы его назовем?

– Разумеется, Генрих.

Имя было выбрано заранее. В честь... да-да, того самого Генриха Тюдора. Оставалось только надеяться, что этот окажется более счастлив в браках, не женится шесть раз и оставит после себя крепкое и здоровое потомство.

Вот она – королевская власть с ее побочными эффектами. Уильям, герцог Глостерский, старший и единственный сын Анны и Георга, крепким здоровьем не отличался. Так что запасной вариант никому не повредит.

Мало получить престол! Усесться на трон всяк дурак сумеет!

А вот ты сохрани нажитое! Преумножь, передай детям – тогда и посмотрим, чего ты стоишь.

Георг еще долго рассыпался в благодарностях, потом косяком пошли придворные, но наконец Анна выгнала всех – и осталась в спальне одна. Не считая спящего в колыбельке ребенка.

И тогда произошло нечто странное, что не вошло ни в одну английскую хронику. А может, и вообще нам только показалось.

Анна медленно встала, стараясь не нашуметь, подошла к колыбельке, полюбовалась на малыша и поправила кружево вокруг крохотного личика. Непохожего, увы, на Стюартов. Но это и неважно. Подходящие портреты и подходящие лица найти несложно, она с этим справится.

– Спи, малыш мой, спи, родной... будем надеяться, что кровь Рассела окажется крепче, чем кровь Георга. Ты вырастешь, Бог даст, станешь королем... Жаль, что ты совсем не похож на меня, больше на отца, ну да ладно, справимся. Герцог никогда не узнает правды, это я обещаю.

Разумеется, такого быть не могло.

И королева спала в своей кровати, и никто ничего не говорил, и уж конечно, королева Англии может рожать детей *только* от супруга, и никак иначе.

Сон. Просто сон...

\* \* \*

Обычно коронации венгерских королей происходили в Буде. Ферек туда ехать не собирался.

Мукачево, и только Мукачево. Вам что-то не нравится?

Можете не приезжать.

Но гости ехали и ехали.

Чтобы увидеть последнего из Ракоци, чтобы увидеть его супругу, Илону Зриньи, да и знаменитую корону – тоже.

Корону Святого Стефана все же удалось выкупить у Леопольда, точнее, он думал, что отдает ее, как гарантию займа одному надежному человеку. Бывают времена, когда и императоры не брезгают деньги занимать. А ростовщики, будь они хоть трижды титулованными, народ

такой... всегда требуют деньги под что-то осязаемое.

Императорское слово – хорошо, конечно, но мало, мало...

Так вот и оказалась корона в руках ростовщика, а потом и в Мукачево. Ростовщика, конечно, пришлось убирать, из реки выловили его изуродованное тело, а что на Русь вернулся один боярский сын, который путешествовать ездил – кому какое дело?

Конечно, Леопольд обо всем быстро узнал, и был в гневе, но...

Поздно.

Так что Ферека короновали ясным осенним днем. Сверкали золотом листья, сверкали волосы Натальи, сверкала древняя корона, которая отныне будет храниться в Мукачево...

Но ярче золота блестели глаза Илоны Зриньи.

Сегодня исполнялась ее мечта, места ее мужа, ее предков... на голову ее сына ложилась древняя корона. Значит, она жила не напрасно. Да, теперь и умереть можно. А лучше – жить! Жить долго и увидеть эту же корону на голове своего внука!

Илона подняла голову и послала выразительный взгляд Прокопию Аввакумовичу. Этот мужчина не мог встать рядом с ней, как Ференц, как Имре, но сколь много он сделал для ее страны?

Любовь в темном взгляде мешалась с чувством благодарности. И ответный взгляд Прокопия был исполнен тепла.

Здесь и сейчас мужчина вспоминал долгие дни отцовской ссылки, холод, страх, боль, унижения... стоило ли проходить через это? И глядя в глаза Илоне Зриньи, глядя на коронацию черноволосого юноши, Прокопий отвечал себе – стоило.

Благодарю тебя, господи.

Ты ведь меня из любого храма услышишь, правда?

Всем сердцем спасибо тебе!

\* \* \*

– Соня, тут шуриной помощи просит.

– Который шуриной? – уточнила Софья. Стараниями отца – сестер у них было много. А лично ее стараниями, незамужних среди них ни одной не осталось. Так что гадать можно было долго и упорно.

– Испанский.

– Что не так у дона Хуана?

– Читай.

Письмо пришло Алексею, но чтобы тот не поделился с сестрой?

Софья прочитала письмо от испанца с громадным интересом. И с неменьшим – вложенную туда записочку от Машки. Сестра просила прислушаться к просьбе мужа. Это-то понятно, Испания кучу денег получает от Колоний. Оборви эту пуповину – и проблем не оберешься, а там сейчас и так – проблемно. Мало Людовика, который, гад, нагло лезет в Каталонию, так еще и на море беда?

Надо помочь.

Только вот не без выгоды для себя.

Это Софья и высказала брату. Алексей задумался.

– Какая может быть выгода у нас? Если мы поможем с чисткой моря от пиратов?

– У нас там тоже колонии есть, которые мы получили за Машку – Пинос и Тринидад.

– Это я помню, но нас-то пираты особо и не трогают.

– А кому охота мучительно самоубиться? – ехидно поинтересовался Иван. Алексей ответил приятелю ухмылкой.

Когда русские корабли только-только появились в теплых морях, пираты проявили к ним понятный интерес. Как собака на мусорной куче – сожрать? Пометить? Плюнуть и удрать, поджав хвост? Начали, естественно, с первого варианта.

И – натолкнулись на резкое сопротивление от казаков.

Привыкнув к тому, что пленных не берут, потому как лучше сразу сдохнуть, чем потом мучиться, казаки резались до последнего. Чаше – до последнего пирата.

Выучка, характер, вооружение, мстительность – если казаки узнавали, кто поднял руку на их братьев, пирату проще было быстренько сойти на берег и мчаться в ближайший монастырь. Хотя бы не помрет без исповеди. Карибское море – это та же большая деревня. Рано или поздно проскальзывала информация, кто захватил тот или иной корабль – и начиналась охота.

Казаки не брезговали ничем, объединялись по пять-шесть кораблей, гнали пиратов по морю, как волк – шелудивую дворнягу по степи, а настигнув – обходились весьма сурово.

А именно – захватывали корабль, обрубали пиратам руки-ноги, прижигали раны и бросали искалеченных людей прямо на палубе.

Жестоко?

Так и пираты пленников не пряниками кормили, и часто, те, кто попадал к ним в руки, мечтали о смерти. Недаром в Писании сказано что-то

про око за око. Зато трех кораблей с подобным содержимым по уши хватило пиратам для усвоения урока.

Корабли с русским флагом обходились ими на почтительном расстоянии. Ибо – себе дороже.

– Почему бы не помочь дону Хуану? – пожала плечами Софья, – надо бы вернуть западную часть Эспаньолы испанцам, да и то сказать – они уже раз захватывали Тортугу. Стоит повторить!\*

***\* Софья имеет в виду испанские нападения 1635 и 1654 годов. Оба раза испанцы вышибали пиратов с Тортуги, но закрепиться там и навсегда извести осиное гнездо им мешала Англия. Прим. авт.***

– Что ты предлагаешь?

– Отдать планы в разработку в Школу. Им интересно, а мы выберем лучшее и по результатам посмотрим, чем помочь испанцам. Людьми ли, кораблями...

Алексей нахмурился и кивнул.

Да, школа. Ездить в Дьяково было до сих пор болезненно. Кусочек их детства необратимо изменился, а они – они даже не имели возможности погоревать всласть. Просто сидели после того, как тела Воина Афанасьевича и царевны Анны увезли к месту погребения и разговаривали. Вспоминали детство, смешные истории... первой разрыдалась Софья. Она же не машина, не робот, она живой человек, которому больно. Просто она обязана быть сильной, но рядом с мужем, с братом...

Она плакала, а мужчины ее утешали. И каждый из троих искренне надеялся, что уйдет первым. Слишком уж это тяжело – терять близких. Тем более – таких, в которых ты врос всеми корнями.

Сейчас место директора школы занимал Матвей, которому царь дал титул и земли. Временно. Пока не найдется никого получше. Прокопия рано было отзывать со службы, а царевич Федор осваивался в Померании. После смерти У Шан человек полностью потерял себя. Аввакум вправил ему мозги, Федя перестал топить горе в вине, а потом и вновь почувствовал кус к жизни, даже сыном заниматься начал. Кстати, мальчишка вышел и хороший, и умный – весь в мать, только глаза отцовские, синие, ясные, Романовские. Будет кому Померанией управлять, когда Феде срок придет, жениться-то второй раз царевич явно не собирался, пробавляясь от случая к случаю «девушками». Впрочем, никто и не настаивал. Не хочешь – не женись, меньше наследников, больше порядка.

– Отдавай. Какие сроки?

– Я думаю, три дня. Награда обычная – стажировка по выбору, – решила Софья.

Каждый год воспитанники царевичевой школы разъезжались на практику. По распределению. А трое лучших учеников сами могли выбрать себе место поездки. Поинтереснее. За эту привилегию боролись, ее добивались, выгрызая зубами. Будет справедливо дать шанс и лучшим стратегам.

Через три дня планы были готовы.

Алексей выбрал пять лучших и отписал шурина, соглашаясь помочь. Увы – налет на Тортугу отложился по техническим причинам. Грех было не воспользоваться удобным случаем и не накормить Людовика его же варевом.

\* \* \*

– Государь...

Мужчина склонился перед Станиславом Лещинским – и юноша покачал головой.

– Не надо...

– Вы имеете законные права на престол, государь. А потому я всего лишь восстанавливаю справедливость.

Посланник императора Леопольда улыбался, видя, что наживка проглочена. Да как!

Будь Лещинский рыбой – она бы у него из заднего прохода торчала!

Кому в семнадцать лет не хочется надеть на голову корону? Кому не мечтается о грядущих сражениях, о прекрасных дамах, о подвигах? Это потом уже приходит осознание, что за некоторые подвиги лучше брать вперед, звонкой монетой, а то на прекрасных дам может и не хватить. Да и сражения лучше всего вести в своем воображении – целее будешь.

Но это – потом, потом. А сейчас Станислав Лещинский был обычным сопляком, сыном коронного подскарбия – читай, королевского казначея.

Что самое интересное, его отец, Рафаил Лещинский, был вполне доволен своей участью. Да, он не первое лицо в государстве. И что? Сдалась ему та корона! Его и на своем месте неплохо кормят!

Государь его ценит, уважает, землями жалует, а деньги....

Быть при колодце, да не напиться?

К чести Лещинского, воровал он весьма умеренно и аккуратно, так что Михайла решил оставить его, как зло меньшее. Кто-то другой точно и тащить начнет больше, и наглеть быстрее, а менять подскарбия каждый год – дурная практика. Это ж денежные дела, не розочки на ткани вышивать,

думать надо. Пока новый в курс дела войдет, да пока приспособится... и опять менять?

Нет уж!

Пусть будет один Лещинский. Тем более, что с ним потом можно поступить, как его величество Людовик 14-й. Очень, очень полезный опыт с министром Фуке, есть чему поучиться. Разница в одном – когда Фуке выгнали, Людовик уже знал, кем его заменит. У Михайлы пока такого аналога не было. Не родился Кольбер на земле Польской. Увы...

А вот сынок у Рафала не удался. Или – слишком удался?

Честолюбия у Станислава было хоть на троих дели, а вот талантов...

Тут лучше всего подошла бы поговорка про рога и некую бодливую корову, только вот сам Станислав этого совершенно не осознавал. Он был твердо уверен, что он – самый умный, хороший, ну и, разумеется, достоин короны. На том и подцепили его эмиссары императора Леопольда.

Самым приятным для Станислава было то, что делать ничего не надо было. Просто предоставить себя в качестве знамени. Ну, с визитами поездить, поговорить. А остальное – не его забота.

Войска будут, денег дадут... уж что-что, а нагадить соседям Леопольд всегда был готов. Особенно после коронации венгров, особенно полякам – о русских он не думал, предполагая, что тут все же поляки отметились.

Стоит ли говорить, что Рафал был совершенно не в курсе планов сына, иначе бы лично выпорол и запер у себя в комнатах – до выветривания из головы опасных глупостей. Он-то знал как опасен может быть его величество. А уж если и русские подключатся...

Станислав этого не знал и знать не хотел. Он понимал только, что сейчас его величество Леопольд немного занят, а вот потом...

Восстание среди шляхты, благо, недовольных пока еще хватает – раз!

Михайлу свергают и под шумок слегка закалывают шпагами. Его женушку – тоже, та еще стерва. Станислав становится королем и народ приветствует его радостными криками.

Красота!

Увы, никто не предупредил Станислава, что стоит бояться своих желаний. А то ведь сбудутся только не там и не так, как вы хотели. Но это уж дело житейское.

Медленно назревал чирей с бунтом.

Станислав был бы очень разочарован, обнаружь он, что государь все давно знает. Просто пока сидит тихо, давая заговорщикам возможность сделать хоть какие-то шаги. Не казнить же их за намерения?

Пусть сначала попробуют действовать.



Зима 1693 года выдалась холодной, весна засушливой, а лето и осень – капитально неурожайными. Labelle France грозила реальная опасность положить зубы на полку. Людовик закупил в Польше громадное количество зерна и загрузил его на ганзейские суда, которые спокойно крейсировали по всем заливам, соблюдая нейтралитет. Разумеется, обо всем этом тут же узнали на Руси – и Софья задумалась.

Французов было жаль. Короля-то без утренней плюшки не оставят, так что ее план ударит по простым французам.

С другой стороны – бунты, эмиграция, французское безденежье, и как следствие, прекращение войны, или хотя бы ослабление давления Людовика на страны Лиги – уже плюс. А то ведь давит – и откуда только силы берутся? Может где-то и прорваться, а это уже будет плохо. Софье нужна была измотанная войной Европа и измученная Франция, а не Людовик-победитель. Голод мог ослабить Францию как раз настолько, чтобы умерить амбиции Людовика. Прекратить войну его такие мелочи не заставят, не тот человек, но поумерить аппетиты – вполне.

В Гамбурге собрали хлебный караван – более ста судов, груженных зерном, но везти его по суше не было возможности. Война-с...

Не доехал бы.

По морю?

Сами же флибустьеров развели. Караван имел реальную возможность не доплыть, потому как ганзейские там судна или нет, а грабили пираты всех подряд, не глядя на национальность и руководствуясь принципом: «не пойман – не повешен». Те еще твари.

Кроме того, на море бесчинствовали англичане и голландцы, отыгрываясь на французах за все хорошее и плохое. Гамбург, в котором стояли суда с зерном, был заблокирован намертво.

И тут подвернулся Жан Бар с флотилией из пятнадцати мелких кораблей. Три небольших фрегата и четырех-, десяти- и пятнадцати пушечные шлюпы.

Вывести суда из гавани и провести их до Кале и Гавра, охраняя по дороге?

Сложная задача, учитывая, как насолил Людовик всем окружающим. Английская эскадра просто заблокировала Гамбург. А вот объединенная

испанско-русская курсировала подальше, ожидая удачного момента.

Жан Бар договорился с рыбаками о помощи – и в одну из майских ночей порт покинули рыбацьи барки с зажженными бортовыми огнями. Английский флот, видя это, пустился за ними в погоню. Рыбаки, обнаружив это, вскоре затушили огни – и рассеялись в разные стороны, а караван с хлебом тем временем выбрался из гавани.

Вслед за ним в открытое море вышел и Жан Бар.

Английскую эскадру они обманули и обошли стороной, а вот голландскую так просто миновать не удалось. К утру они столкнулись с флотилией из десяти кораблей, которой командовал адмирал де Вриес.

Жан приказал каравану уходить, а сам сцепился с голландцами неподалеку от Тексея. Развернулась абордажная схватка. Флибустьеры дрались отчаянно, но и у голландцев было за что с ними посчитаться. Уступать никто не собирался.

Вот этим моментом и воспользовался испанский адмирал Мигель Вальдес, подкараулив караван чуть подальше – за Текселем.

Вальдес выстрелил, приказав ложиться в дрейф – и капитан флотилии послушно выполнил приказ. Потому что имел распоряжение от его величества Кристиана.

Сдаваться англичанам или голландцам он не собирался. Но оплатить на французские деньги зерно для Испании и частично – для тех, кто сейчас трудился на строительстве канала в Пфальце, показалось Софье неплохой идеей.

Не самой же тратиться?

Победив голландцев и лично убив адмирала де Вриеса, Жан Бар пустился в погоню за хлебным караваном.

Увы...

Схватку-то он выиграл, а караван с оплаченным его величеством зерном растворился на морских просторах, словно его никогда и не было. Флот был аккуратно отконвоирован мимо французских берегов в Астурию, откуда зерно и развезли по Испании. Что с воза упало, то пропало.

Людовик рвал и метал, но сделать ничего не мог, разве что приказать арестовать Жана Бара. Тот, не будь дурак, не стал швартоваться у французских берегов – и быстро удрал в Колонии, где принялся портить настроение англичанам.

Софья потирала руки и планировала поход на Тортугу.

Летом того же 1694 года в Кайонскую бухту вошел изрядно потрепанный шлюп. Было видно, что он попал в переплет – в бортах зияли наскоро заделанные дыры, паруса тоже были изрядно потрепаны, мачты уцелели не иначе, как чудом, команда тоже могла похвалиться живописными повязками...

Моряки явно вырвались из хорошей переделки – и вряд ли с прибылью.

Ничего нового, ничего удивительного, с тех пор, как на море появились эти ужасные русские – случилось и похуже. Многие джентльмены удачи просто не вернулись, попав в руки к этим ужасным варварам.

Команда выгрузилась на берег и отправилась пить в таверны – тоже дело житейское.

Капитан куда-то ушел?

Ну, наверное, к губернатору. Нет? Тогда к друзьям.

Одним словом – среднестатистическое судно. Чудеса с ним начались ночью.

Оказалось, что на борту у судна есть шлюпки. И что в трюме у него стоят чудом уцелевшие бочки с чем-то... чем?

Непонятно. Но самое интересное началось чуть позднее, часа в два-три ночи, когда вахтенные, даже самые стойкие, начинают придремывать.

Бочки перегрузили в шлюпки – и те поплыли по глади вод Кайонской бухты. За ними тянулся странный след. Масло?

Да, похоже. А что еще это может быть?

Несколько раз шлюпки возвращались на корабль, забирая все новые и новые бочки. А потом настал момент, когда они не вернулись. И на борту корабля никого не осталось.

Шлюпки причалили к берегу – и их команды принялись ожидать чего-то.

Но недолго.

Не прошло и пяти минут, как шлюп вдруг... взорвался изнутри! Послышались крики боли – начинка шлюпа, состоящая из мешков с мелкими камнями, полетела в разные стороны, рая кого-то из вахтенных. Но это было бы полбеды, особо пираты жизни товарищей не ценили.

А вот то, что вся поверхность Кайонской бухты вдруг вспыхнула огнем! Да не в переносном смысле, а в самом, что ни на есть буквальном!

Греческий огонь, погруженный в шлюп в громадных количествах – лишь бы не затонул, прекрасно разливался по воде и не менее прекрасно горел. А с ним – и пиратские корабли, стоящие в гавани. Кому-то досталось

меньше, кому-то больше, но среагировать не успел никто.

Пираты умели топить корабли, драться, сбывать добычу – и еще много разного хорошего, но вот профессии пожарника никто из них не осваивал. Тем более, спьяну, да спросонок, да наспех...

Бухта выгорела очень основательно.

Кое-кто попытался увести судна прочь от опасности, но по храбрецам ударили испанские пушки. Скромный флот из тридцати кораблей под командованием того же адмирала Вальдеса, дождался, пока огонь прогорит, вошел в гавань – и ударил по городу из всех орудий.

А почему бы нет?

Кого там жалеть? Пиратов? Их семьи?

Вот уж что испанцам было совершенно не свойственно. К утру город лежал в развалинах, а испанцы высаживались на берег. Им предстояло еще долго чистить остров от остатков пиратов, но это были такие мелочи, по сравнению со сделанным!

Тортуга вновь принадлежала испанцам – и они намерены были отстаивать ее хоть от Людовика, хоть от самого дьявола, если тому вздумается явиться в гости.

Перебьется!

\* \* \*

Зима 1694 года так же не принесла военных успехов Людовику, зато в городах начали вспыхивать голодные бунты.

Денег в казне не было, к тому же умер Лувуа. И Людовик сдался.

Понимая, что военные действия на континенте можно тянуть не то, что годами – десятилетиями, он-таки пошел на мир с Леопольдом. Все вздохнули с облегчением.

Впрочем, 1694 год ознаменовался не только прекращением войны.

Княгиня Наталья Ракоци родила сына. Тоже Ференца, уже третьего по счету. Илона была счастлива, превратившись в самую любящую бабушку. Ее внук.

Продолжение ее и Ференца! Значит, ее род будет жить!

Счастливая Илона смотрела на невестку. Наталья улыбалась в ответ. Чувствовала она себя отлично, ребенок родился крепким и здоровым, а это давало шанс на будущее. Алексей предупреждал ее, что Ракоци необходимо минимум трое детей – и она обещала постараться. О побочной стороне она не думала. Старалась не думать.

Знала, что на нее охоту не откроют, но ее дети станут мишенью для Леопольда. А значит – нужно предполагать, что кто-то из них погибнет.

Да, именно так. Рожать детей, зная, что кого-то из них у тебя отнимут. Уже заранее предполагая, что не все доживут до взрослых лет...

Хотя... в Османской империи в гаремах так и рожают. Наложниц много, детей прорва, а султанский трон – один. Какие там добрые обычаи – и какой паучатник – горшок с тарантулами позавидует. Там-то яда всяко меньше.

Прокопий Аввакумович тоже поздравил царевну – и пообещал немедля отписать на родину. Государь счастлив будет, хоть и занят сейчас с лихвою.

Что у него?

Да, пустяк.

Война с Турцией.

\* \* \*

Война разразилась не на пустом месте.

Освоение Закавказья проходило спокойно только до поры, до времени. Пока не было толкового великого визиря.

После Гуссейна-паши особо ни один не приживался. То проворовывались, то оказывались откровенными дураками, которых гнать стоило половой тряпкой. И – гнали. Иногда со смертельным исходом.

Сулейман достаточно прочно сидел на троне, опираясь на реформированную гвардию, остатки янычар бунтовать не рисковали, флот успешно самофинансировался за счет кораблей христиан, купцы торговали, но оставалось еще одно «звено»!

Рабы.

Раньше непрерывный их поток шел от татар. Крым поставлял Блистательной Порте львиную долю всех рабов, на любой вкус, цвет и размер. Сейчас же благодаря гнусным русским собакам, источник иссяк. А рабы-то требовались. Потому как товар достаточно активно портящийся.

Потрошить европейцев?

Турки так и делали, но это не удовлетворяло всех их потребностей. А потому усилился их натиск на Закавказье, особенно на Грузию, страдала Персия...

Первому это надоело его величеству Ираклию. Царю Картли.

А еще у него были возможности это пресечь. Как-никак, его жена –

сестра государя московского, сам он жил на Москве долгое время, двое детей его сейчас учились на Руси, в царевичевой школе – и как тут не попросить шурина о ма-аленькой услуге?

Алексей Алексеевич тут же согласился – и дал отмашку царевичу Владимиру. А уж тот принялся обустроиваться на местах.

Официально – для защиты от турецких набегов. Для этого строились крепости, устанавливались пушки и корабли бороздили пространство Большого Театра (простите, Черного моря).

Туркам сие резко не понравилось, и они выразили протест.

Русские на протест вежливо ответили, что родственные связи сильнее всего. Как же родне, да не помочь? Так не будет! И предложили уважаемым туркам не бегать в эту сторону.

Турки, считающие (и не без оснований) все Закавказье своей личной вотчиной, сильно обиделись и не пожелали сносить обиду. Вместо обиды они снесли одну из построенных крепостей.

Тут уже обиделся царевич Владимир – он, понимаешь, строит, а кто-то ломает? А ну брысь из моей песочницы!

И на море начали пропадать турецкие корабли. Плыли – и нету. А где пропали, на кого наткнулись? Незнание. Ну так на то и море – Черное, что все черным-черно в их судьбе.

Султан почему-то (враги наврали, точно!) решил, что в пропаже кораблей виноваты русские – и заявил, что еще раз такое повторится – и он войну объявит. А море есть море...

Как будет писаться в сводках – от неизбежных на море случайностей.

Так что война грянула.

\* \* \*

Конец августа.

– А хорошо, – заметил Алешка, вытягиваясь во весь немаленький рост прямо на чисто выскобленной палубе из золотистых досок.

– А то ж, – согласился второй воспитанник царевичевой школы – Михайла. Он ложиться не стал, резонно полагая, что долго им полежать не дадут. Так уж устроен мир – будь ты хоть семи пядей во лбу, а на корабле, куда попадаешь на практику, сначала все равно: подай-принеси-пошел вон, сопляк – не путайся под ногами! Этого не изменить, пока ты сам не добьешься, чтобы тебя уважали. Это естественно.

Вот Алешка – боярский сын, а Мишку к дверям приюта подбросили.

Добрая царевна Ирина такие по всей стране устроила – там и поесть можно получить, и переночевать, а коли у девки грех приключился, так она и маленького может под дверь подкинуть. Все лучше, чем выкинуть! Стоит ли грех на душу брать?

Вот Мишку и подкинули. Мелкого совсем, двух лет от роду. Это сейчас он вымахал, что та оглобля.

Оба парня хотели связать свою жизнь с морем, оба легко подружились, несмотря на разницу в положении – да та и не имела значения в стенах школы. Все одеты в одно и то же, всех учат одинаково, а подзатыльники могут и княжатам доставаться! Что там!

Государыня царевна Софья (почему-то никому и в голову не приходило назвать ее боярыней Морозовой) вообще могла любого со двора прогнать – и никто ей возражать не смел. Правда, был только один случай, несколько лет назад, с воровством, но...

Мысли Алешки оборвал тычок друга.

– Лешка! Корабли!!

Парень подлетел на палубе, взгляделся вдаль... И побелел на глазах, что та мука.

– Мишка, давай к капитану.

– Что там? – глаза у друга были куда как лучше Мишкиных.

– Турецкие галеры.

– Черт!

Мишка мгновенно исчез с палубы, а Алексей продолжил вглядываться вдаль.

Ох, плохо. У них тут стоят их фрегат на двадцать пушек, да два парусных кораблика поменьше, каждый на восемь пушек. А у турок даже сейчас видно – кораблей пятнадцать, никак не меньше. И половина крупнее их судна.

Галеры, конечно, но доставить неприятности они могут. Что же делать?

Ответ дал капитан Молотов, вылетевший на палубу.

– К бою!!!

Заиграла боцманская дудка, матросы бросились по местам, на мачте взвились флаги – и такие же флажки взмыли на мачтах двух русских кораблей.

Они собирались принять бой.

Они могли бы отойти вверх по Днепру, могли бы пропустить турецкий флот – и остаться в живых.

Могли.

Они принимали бой. \*

**\* В реальности в 1787 г. бой с одиннадцатью галерами приняли фрегат «Скорый» и бот «Битюг». Командиры Оболянинов и Кузнецов сдерживали врага в течение трех часов – и заставили турок отступить. Прим. авт.**

\* \* \*

Турки приближались. Нагло, спокойно, самоуверенно.

На мачте турецкой галеры взметнулись флаги.

Почетная сдача.

Мишка стиснул зубы. Посмотрел на капитана.

Неужели?

Молотов даже не колебался.

– Мы принимаем бой! Того, кто попробует бежать или струсит- я сам расстреляю! Пуля труса всегда найдет!

Матросы ответили согласными криками. Не все, это верно, но стоит ли тратить время на трусов?

– Открыть огонь!

Ядро предупреждающе шлепнулось в воду. Пока еще далеко от галер.

Пока.

Мишка перевел дух. Воспитанный в царевичевой школе, он бы скорее умер, чем сдался. А вот Алексей явно поплыл. Задергался, забежал глазами по сторонам.

– Они же нас...

Звонкий подзатыльник от боцмана оборвал его на полуслове.

– Подбери сопли, селедка! По местам!!!

Мальчишки опрометью бросились на орудийную палубу. К пушкам.

Им найдется забота.

Подносить порох, воду, да много еще чего. А вот на палубе им делать нечего. Малы еще.

Алексей оглянулся на друга.

– Миш, они же нас... шансов нет.

Мишка махнул рукой.

– Двум смертям не бывать, одной не миновать!

– Если что – надо прыгать за борт и плыть. Авось уцелеем.

Мишка только фыркнул. Уцелеем!

Да выловят тебя турки из воды! Еще и поиздеваются! Нет уж, коли



дойдет до abordaja, то надо будет тут и сдохнуть. Только с собой забрать побольше врага.

Высказать это Михаил не успел – корабль застонал, запел, разворачиваясь под ветер. Развернулись и заплескались белые паруса.

Так говорили в их школе – и только сейчас он понял, что это значит.

У галер было преимущество – они не зависели от ветра. У турок было больше кораблей, больше людей, они не жалели рабов, которые сидели на веслах.

У русских было преимущество – в дальноточности пушек. И сдаваться они не собирались.

Корабли маневрировали и стреляли, хрипели раненные люди, лилась кровь, разлеталась картечь...

Турки стремились подойти вплотную и пойти на abordaj. Русские корабли перекрывали путь к крепости, но старались не сблизиться.

В ход шли ядра, шел небольшой запас «греческого огня», бывший на корабле, а потом, когда ядер же почти не осталось, русские подпустили корабль турок поближе – и ударили картечью.

Раз, другой, третий!

И это окончательно уронило турецкий боевой дух. Картечь просто сметала людей с палуб. И турки дрогнули. Легко драться с теми, кто сражается за свой кошелек, с наемниками, с людьми, которые боятся умереть. Были такие и на русских кораблях, но отступить им не дал бы капитан.

Почти четыре часа турецкий флот пытался пройти мимо русских кораблей. Они потеряли две галеры – одна тонула, вторая горела, русские поплатились одним из кораблей и двумя десятками жизней.

В том числе и...

Вечером, когда турки решили отойти, русские хоронили погибших моряков. В море, разумеется, а где же еще?

В море ушел и Алексей.

Михаил знал, что промолчит о его смерти. Знал, потому что Алешка умер по собственной трусости. Когда было особенно жарко, когда турки рвались на них, словно собаки на волка, Алексей решил удрать, выбрался на палубу – и тут его накрыло ядром. То, что осталось...

Ошметки.

Он не расскажет, что один из царевичевых воспитанников едва не предал все, чему его учили. Потом, когда вернется в школу, уже там...

Может, свою роль сыграло и то, что Алексей был из благополучной семьи. Ему было куда уйти, было к кому вернуться. А вот Михаилу –

некуда. Для него школа была всем. И домом, и школой, и единственным шансом в жизни.

Он обязательно расскажет об этом случае наставникам.

А сейчас... А что сейчас?

Армия ли, флот ли – они должны держаться как можно дольше. Обязаны.

Помощь придет, обязательно придет! Ее надо только дождаться!

\* \* \*

– Справятся ли!? Смогут ли!?

Алексей метался по комнате, словно зверь по клетке. Софья наблюдала за ним со спокойствием каменной статуи. Сидела на подоконнике, покачивала ножкой в сафьяновом башмачке, наблюдала за игрой нашитого на сафьян жемчуга. Довольно скоро это надоело венценосному братцу.

– Соня! Да что ж ты молчишь!

– Да, такого мы не планировали. Тут Сулейман нас переиграл. Но если наши люди не смогут отбиться – грош цена и им и нам, – Софья пожала плечами.

Она действительно так считала. Много ли стоит руководитель, который не умеет подобрать людей и делегировать полномочия?

Да ничего не стоит.

Она сделала все, что могла. В Крым направлено оружие. А защитники...

Там есть Ромодановский, Мельин, Разины и Сирко. Хотя последние сейчас в Закавказье.

Но если те, кого Алексей (ладно, она через Алексея) не справятся – грош цена и ей и ее планам. Смерть тетушки резко заставила ее почувствовать свою уязвимость. Она уйдет, а Русь останется. И какой она будет, какой ее сделают дети?

Что может Софья – так это оставить им сплоченную и согласованную команду. Вот и проверка. И команды и ее лично на профпригодность.

– И это все, что ты можешь сказать?!

– Алешенька, а что мы можем еще сделать? Выдвигаться туда со всем войском?

– Мы не успеем до осени.

– Именно. На это турки и рассчитывали, кстати говоря.

– Выбить нас из наших укреплений, перезимовать, закрепиться самим,

а когда мы по весне подойдем, штурмовать их будет намного сложнее.

– Вот. Ты и сам все понимаешь. Злись, не злись – раньше весны мы ничем помочь не сможем. Что отправили – то отправили. Припасов у них хватит с лихвой, корабли есть, армия тоже... что еще?

– Я, я должен был быть там! А я не придавал значения! Проморгал!

– Глупости, Алеша!

Софья отбросила назад тяжелую косу, посмотрела внимательно, холодно, жестко.

– Ты не можешь быть везде. Физически не можешь. Ты уже повоевал со шведами – мало? Дай повоевать другим, иначе на всю Русь останется только один воевода – ты. Довольно!

– Да я...

– Я понимаю, что это нелегко. Но сейчас лучшее, что мы можем сделать – готовиться к весне. Зимой отправим им что сможем, а весной – поможешь. Но я думаю, что еще в этом году кое-что определится.

– Но война-то одним годом не закончится.

Софья только вздохнула.

– С Турцией нам еще не один раз воевать. Хватит и на твою долю, и детям еще останется. Уверена.

Алексей тряхнул головой и уселся за стол, успокаиваясь. Ну, раз Софья уверена...

– Ираклий пишет.

– И что ему надо?

Евдокию Соня не слишком-то любила. А Ираклий ей вообще напоминал о Наталье Нарышкиной и Матвееве. То, что похоронить бы в глубинах разума, забыть и никогда не вспоминать.

– Узнал про турок. Просит защиты и обороны.

– И что ты ему отпишешь?

– Что разумеется у него все будет. А то как же! И защищу, и обороню...

Брат с сестрой переглянулись. Иван Морозов сегодня был занят, так что разговор происходил с глазу на глаз. Некому было съязвить: «и присоединю». Хотя дело обстояло именно так.

Если они начнут осваивать Закавказье, то Картли и Кахети под патронаж взять сам Бог велел. В хозяйстве все пригодится.

И все чаще Софья задумывалась об одном и том же.

Сейчас Русь – многонациональный конгломерат, кое-как скрепленный на живую нитку обычаями и верой. Удержатся ли?

Советский союз распался. Изнутри ли его развалили, снаружи ли –

непринципиально. С этим, как с бесплодием. Внешние ли признаки тому виной, внутренние ли болезни – результат один и тот же. Детей не дождешься.

Если веник развалился – значит, связывали плохо. А вот как получилось у них с Алексеем? Выстоит ли их постройка после их смерти? Часто ведь в истории бывали и великие изобретения, и гениальные правители, но... поколение, максимум – два и пшик. Опять пустота, опять начинай все сначала...

Удалось ли им скрепить постройку так, чтобы она века простояла?

А ведь ей уже не двадцать лет. Четвертый десяток размениваем. Сколько ей еще отмерено в этой жизни? Десять лет? Двадцать? Тридцать?

Хотелось бы пожить подольше, но если завтра она умрет – сделанное ей должно выжить.

Наследники и команда, команда и наследники.

Справятся?

Значит, она живет не напрасно.

\* \* \*

В Черном море тем временем разворачивались боевые действия.

В начале сентября турецкая эскадра атаковала Кинбурн. Фрол Разин смотрел на это, прищурившись. Эх, вот злился он на брата, когда Стенька ушел позвенеть саблями в Закавказье, а выходит, что ему-то тут веселее доля досталась!

– Ишь, палят, – проворчал рядом старый приятель Леско Черкашенин.\* – Чтоб вас, свиньи поганные, приподняло, да прихлопнуло...

**\* названный брат Степана Разина, прим. авт.**

Фрол туркам и не того пожелал бы, но лаяться у всех на виду? Не атаманское это дело, ох, не атаманское!

– Сколько ж у них орудий? – вслух подумал он.

– Пожалуй, сотен пять будет, – Леско щурился на корабли. – Янычар своих хотят высадить.

– Так и пускай высаживают, – Фрол усмехнулся.

Несложно было понять, что турки будут штурмовать с суши. С моря-то только обстреливать у них и получится, это всякому понятно. А вот на суше...

Было несколько удобных мест для высадки десанта. И каждое из этих мест Фрол приказал слегка... обустроить.

И не прогадал.

Для высадки турки выбрали место примерно в двенадцати верстах от Кинбурна, на песчаной косе.

Фрол подумал немного и приказал готовиться к вылазке.

Если дать врагам закрепиться – это не есть хорошо. Лучше дождаться, пока они высадят десант – и сразу атаковать. Сбросить их обратно в море, размазать по песку, напоить желтую пыль алой рудой...

Турки хоть и неплохие вояки, да трусоваты. Если увидят, что тут до конца стоять намерены – отступят. Никуда не денутся.

Шлюпки шли и шли – и в результате на берег высадилось примерно тысяч пять янычар. У Фрола и четверти от того не было, но казаки век числом не воевали, брали умением. Вот и в этот раз...

Не успели турки даже начать рыть укрепления, как на них обрушилась волна огня. Залпового.

Раз, другой, третий... расстреляв елико возможно больше патронов, Фрол махнул рукой, приказывая идти вперед.

Русские бросились вперед, как сумасшедшие.

Тем более, что сам атаман Разин возглавил атаку. С саблей наголо, с горящими глазами – он был страшен. Перед казаками был их исконный враг, который пришел на их, действительно их землю и собирался на ней пакостить. И как такого отпустить неубитым?

Турки заколебались, но тут командующий турецкой эскадрой заметил, наконец, что его солдат бьют – и теперь солоно пришлось уже русским. Потому что турецкие корабли, приблизившись к берегу, прошли огнем по русскому войску. Долетело далеко не все, но и этого хватило.

Фрол почувствовал, что его тоже зацепило, ну да и черт с ней, с раной! Сначала сбросить турок в море – потом все остальное.

В ответ русские артиллеристы развернули пушки – и достойно ответили турецкому флоту. Те приостановились – и Фрол опять повел казаков в атаку.

Тут уж не сплеховали турки – и отсекла полководца с небольшой группой преданных ему людей от основной массы казачьего войска.

Фрол даже и не подумал пробиваться назад.

Им же хуже! Пока рука не устанет – он будет рубить! А коли поляжет – судьба такая!

Впрочем, пробившийся к нему с десятком солдат, Леско Черкашин помог другу выбраться из западни. Воодушевленные его подвигом, казаки опять бросились на врага – и опять отступили под огнем неприятеля.

И – пошли в атаку в третий раз.

Фрол сдаваться и не собирался. Он рубил, колот, бил кинжалом, пока рука не устала, а потом все равно рубил и колот, до того предела, когда красные круги в глазах плывут уже не от ярости, а от усталости. Но не сдаваться же теперь!?

Он сбросит мерзавцев в море, только б рыба не передохла, турок нажравшись!

И турки дрогнули.

Казаки медленно выжимали их с захваченной земли, прижимали к морю, чуть ли не зубами вцеплялись в горло – и турки дрогнули.

Побежали, уже не помышляя о том, чтобы закрепиться на косе.

Войско во главе с Фролом преследовало их так, что только десятой части янычар удалось погрузиться в шлюпки и отчалить к кораблям. На память казакам осталось несколько сотен трупов, множество раненых и два десятка трофейных знамен.

Но это была только первая схватка.

Становилось ясно, что до весны больше нападения ожидать не придется.

Сулейман не надеялся, что так легко справится с русскими, но если бы удалось? Почему бы нет...

Но у него были планы и на весну. Просто сейчас он соберет войско побольше – и будет штурмовать не с наскока. Медленно, расчетливо...

Фрол понимал это. И отлично понимал, что оборона ляжет на его плечи.

Что ж. Они и не такое вынесут!

\* \* \*

Зима ознаменовалась мирными переговорами в Европе.

Не получив зерна, Людовик был весьма и весьма недоволен. Это Софья потирала руки, понимая, что они сильно сэкономят за чужой счет. Швеция, например, то есть те ее провинции, которые достались русским, в этом зерне весьма нуждалась.

После войны-то?

На которой всегда и везде страдают крестьяне. То войско по посевам пройдет, то полк в деревне остановится. А есть и еще такое слово «реквизиция». Причем платить ни одна из сторон не собирается. Пусть спасибо скажет, что жив остался.

Разумеется, просто так раздавать зерно никто не собирался. Все

происходило в обмен на честный труд.

Мужчины восстанавливали разрушенные укрепления шведских городов, женщины кашеварили, стирали, да мало ли работ найдется на стройке?

Так что постепенно все утрясалось. Хотя бы люди с голоду не умирали. Кстати, эти неумирающие бегом бежали из той части Швеции, которая принадлежала шведам. Там-то караван с зерном не отмечался.

Но это – в Швеции.

А вот во Франции вспыхнули бунты.

Один за одним, один за другим... и Людовик вынужден был запросить мира.

Можно воевать, но не тогда же, когда под тобой трон шатается – медленно, но отчетливо! Впрочем, пока мирные переговоры особых результатов не давали, потому что Людовик не собирался уходить просто так – воевали ж! Силы тратил, деньги тратил, а теперь проваливай, несолоно хлебавши? Нет, так дело не пойдет!

В свою очередь объединение, которое получило название Аугсбургской Лиги, не собиралось отдавать Людовику чего-то завоеванного. Извините, но тут и свои хозяева есть. И им не хватает! А еще вы лезете с королевским-то рылом!

Так что в Европе пока установилось хрупкое равновесие без войны. Но надолго ли?

В любом случае, до турок никому дела не было – своих проблем хватало. Что у Людовика, что у всех остальных.

Какую-то помощь втайне обратившийся к Людовику турецкий посол таки получил – людьми, деньгами и прочим, но именно, что какую-то. Кое-как, а можно и вовсе никак. Хотя куда им привередничать?

\* \* \*

Ознаменовалась зима и еще одним событием, на которое мало кто обратил внимание. Да оно почти никого и не касалось, кроме...

– Володя просит разрешения на свадьбу.

– Вот как? – Софья была искренне удивлена. – Братик что – уже нагулялся?

Алексей, который и читал письмо, сидя на столе, небрежно пожал плечами.

– Может, и нагулялся. Возраст-то не детский уже. И верно, женить бы

пора.

– Пора. А на ком?

– Он пишет, что это черкешенка, знатного рода.

– Красавица, разумеется? – Софья покривила губы.

– А что еще требуется от женщины? – подшутил ее супруг, поднимая глаза на Соню – Не ум же!

– Да-да, это так печально, когда жена умнее мужа, – поддакнула Софья.

– Вот видишь, дорогая, ты сам все прекрасно понимаешь.

Царевна фыркнула.

– Ну и пусть женится. Ему что в приданое дадут?

– Он пишет, что ее отцу принадлежат богатые земли. А это – единственная дочь.

– Остальные его дети – что?

– Поумирали. Кто от чего.

– Сыновья есть?

– Есть.

– Потом надо будет посмотреть, что там за семейка, – задумалась Софья. – Да, Алеша, ты по медицине проект смотрел?

– Смотрел.

– И?

– Соня, у нас нет столько денег, – вздохнул Иван.

– А найти их надо.

– Не с неба ж они упадут! Сколько ни молись, а оттуда только один раз упало – и то манна, – огрызнулся Иван. – Только вот что мы с ней делать будем, если допросимся?

– Кушать, – Софья тоже не выбирала выражений. – Большой ложкой. Ребята, мы из-за плохой медицины чуть ни не семь из десяти младенцев теряем – каково?! А все знахарки...

– Так не все ж они плохи!

– Но и хороши далеко не все. Так что хотите, ребята, не хотите, а надо.

Муж и брат переглянулись.

Силу этого коротенького слова в устах царевны Софьи они отлично знали.

Надо?

Будет! И даже не надейтесь отвертеться.



С женитьбой Владимира получилась такая история, что Софья хохотала до слез. Вот уж и верно – свято место пусто не бывает. В этой истории Степан Разин на Лону не бесчинствовал, потому и знатная персиянка осталась неутопленной.

Его заменил Еремей Гвоздь. Сей достойный человек ходил под Мазепой, а когда одного гетмана покритиковали за союз не с теми силами, решил уйти в свободное плавание. Сколотил ватажку и промышлял разбоем там, куда не дотягивались цепкие казачьи руки.

В том числе и в Кабарде и у черкесов.

Там-то ему и попала в руки знатная черкешенка.

По преданиям, род свой ее отец вел чуть ли не от Салтанкула-мурзы, того самого, которого казнил Иван Грозный. Да, вроде бы казнили не только Салтанкула, но и его жену с младенцем, но... младенец же!

Шестимесячный!

Кто их там друг от друга отличит? Особенно если мать уверяет, что это ее чадо?

Вот якобы сего младенца спрятали верные люди, вывезли и вырастили. И получили черкесского князя. Если быть точными – Черкасского. Жили князья, Не тужили, последний сына родил, дочь – которые и попались татам. Вообще, у него было трое сыновей, но один был болен чахоткой, второй собирался в монастырь, а третьего сына, увы, вернуть не удалось, воскрешать из мертвых мог только Христос. А вот дочь...

Каким унижением это оказалось для гордой черкесской княжны – сложно судить.

Факт тот, что Владимир, разогнав ватагу негодяев, получил девчонку в качестве трофея... и едва успел вынуть из петли. Черкешенка с красивым именем Марджанет не желала жить опозоренной.

Ну а Владимир вовсе не хотел видеть висящих в петле красавиц.

К тому же романтика, убитые негодяи, освобожденная княжна, царевич... стоит ли удивляться, что два одиночества нашли друг друга?

Ну а нескромные владения Черкасских стали наградой Владимиру. Хотя женился он не ради приданного. Он-то, сын русского государя!

Безутешный отец получив обратно хотя бы дочь, всем сердцем полюбил и зятя. Он-то смирился, что род его пресекается и все отойдет младшей ветви, а тут такая радость!

Владимир тоже порадовался.

Теперь, обосновавшись в Закавказье на законных основаниях, он собирался укрепиться, значительно расширить свои владения, заключить договор с шахом Аббасом – и дать Турции по рукам уже на законных

основаниях.

Теперь-то русские тут не на правах завоевателей! Теперь тут владения русского царевича, а свое этот народ защищал всегда.

## Глава 7

*1695 год, лето*

В Европе устанавливалось хрупкое равновесие.

Пфальц Людовику не отдали, но еще кусок Нидерландов он под шумок присоединил. Да и пара германских княжеств готовы были упасть ему в руки, измотавшись от военных расходов.

Что было обидно для Людовика – тот самый кусок земли с каналом ему не достался – и явно не достанется. Испания объявила, что берет это строительство под свою руку, курфюрст радостно согласился с этим – и дельта Рейна была объявлена испанским владением.

Тут уж возмутились все остальные, но дон Хуан (вот уж кого черти никак не приберут) сделал вежливое лицо и объявил, что сие даже не его владение. Самому ему не под силу. А вот совместно с русскими...

Откуда русские? Так у него жена с Руси. Вот государь московитов и порадел родственничку.

Курфюрст согласен?

Так он уж давно согласен. И нечего руки тянуть к нашему каналу!

Людовик сильно расстроился, как и все остальные. Канал-то сулил бешеные прибыли, форменное золотое дно получается. Но это – потом. Сейчас его еще достраивать, а достраивать никто кроме русских не будет, просто потому, что не умеет...

Ладно. Пусть пока строятся, а там, случись что – и новую войну затеять можно. Людовик искренне считал, что все хорошее, лучшее и приносящее деньги должно принадлежать ему – и не собирался оставлять такой лакомый кусочек в чьих-то руках. Чужало сердце дона Хуана – не миновать им еще войны. Но это потом, потом... а сейчас – Людовику крепко дали по рукам.

Леопольд порадовался победе и обратил взгляд на Турцию. И тут выяснилось, что Турция удачно занята войной с Русью.

А Польша и Венгрия остались... ну, не практически без присмотра, но! Другого-то случая может и не представиться! И Леопольд с Людовиком потеряли руки.

Друг с другом они планами не делились, а потому и кандидаты на польский престол у них разошлись. У Леопольда это был Лещинский, у

Людовика – Конти. Венгрия?

Людовик на такие мелочи не разменивался, да и не хотел еще раз связываться с Леопольдом, понимая, что не потянет сейчас *такие* военные расходы.

А вот Леопольд был недоволен.

Ракоци не просто укрепились, они еще и продолжились в Ференце Третьем. Вот ведь... проклятое семя! И не изведешь их!

Пробовал – не получилось! Теперь выход один – спровоцировать беспорядки у поляков, а под это дело, пока русские будут заняты там, просто устранить мешающую ему семейку – и посадить в Венгрии кого-нибудь своего.

А вот кого? Ракоци, будь они неладны, за это время так пропололи ряды соперников, что шансов найти кого-то нужного в Венгрии просто не было. Да и не надо!

У себя найдем! А нужные документы сделать несложно! Надо посмотреть, может остался кто-то из Батори...

Но пока – Лещинский.

И Леопольд рьяно взялся за дело.

\* \* \*

– Государь, к нам просит приехать Иоганн Бернулли.

Алексей Алексеевич посмотрел на сэра Ньютона. Пожал плечами.

– Пусть приезжает.

– Он хотел бы жить на Руси и работать с нами. И просил меня...

– Составить протекцию и узнать, возможно ли это? Возможно.

Про Бернулли Алексей не слышал – ему это было неинтересно, но чем больше умных людей приедет на Русь – тем лучше.

– Я сейчас напишу бумагу. Деньги казна выделит, хотя и не очень много. На проезд сюда и первый год хватит, а дальше посмотрим по полезности.

Исаак кивнул.

Государь его особо не контролировал, деньги выделял на исследования по первой просьбе, но и отчета требовал. Получил деньги?

Предоставь полный отчет – на что ты их потратил, какие были проведены опыты, сколько людей нанято... да, и сколько учеников привлечено к твоим опытам? И контролировать тебя будут и твои же коллеги – и люди со стороны. Система строилась так, чтобы избежать

злоупотреблений с обеих сторон. Не допустить и бессмысленного разбазаривания средств – и в то же время не ограничивать полет научной мысли. Часто ведь бывает так, что исследование, сам по себе незначительное, но оно есть. И второе, и пятое, и десятое, а накопится их с полсотни – и кто-то обобщит. И скажет, что земля вертится.

– Кстати, сэр Исаак, прошу вас посмотреть сии чертежи и сказать – достаточно ли вам будет места?

Проект еще одного здания университета Софья чертила сама, вспомнив юность.

– Государь?

– Расширяться вам надобно. Прирастать отделениями. Вот это – будет в Новгороде. А там и еще где пристроимся, благословясь.

– Государь!

– Умные люди – основа любого государства. Коли оно на науке экономить будет, так и долго не продержится.

Исаак был полностью согласен. Жаль, что в его родной Англии так не думали.

– Под силу ли нам это, государь? Война ведь у нас с турками?

– Ну и что? Та война еще лет пять протянется. У них сил неостанет нас выбить, а у нас – чтобы с ними за одну битву разобраться. А потому воевать нам еще долго. А жизнь-то продолжается.

– Да, государь.

Спорить ученый и не собирался. Хочет государь строить Университет – дай-то Бог! Дело сие вельми нужное!

Часа полтора прошло, как Исаак ушел с бумагами, а Алексей все стоял у окна, глядя туда, где плескались волны Азовского моря.

Как же ему хотелось туда. В Крым! Увидеть, как колышется степная трава под конскими копытами, почувствовать сладковатый запах цветов...

Нельзя.

Права Соня, во всем права. И ни к чему он там – сейчас все бои идут на море, и полководцев воспитывать надо. Пусть оперятся, пусть взлетят сами.

Им воевать, ему править.

Куда делась его юность? Взмахнула крылом, поманила голубыми глазами – и исчезла. Нет ее. И любимой женщины тоже нет, и не будет уже. Есть корона, есть семья, есть долг...

На плечо легла маленькая ладошка.

– Алешенька?

Софье не надо было объяснять, в чем тут дело. Одного взгляда

хватило. Хандра у брата, чего уж там. И как ее развеять – вопрос.

– Держись, Алешенька.

– Соня, а ты счастлива?

Софья пожала плечами.

– Да.

– А почему?

– Потому что у меня есть все, что надо для счастья. Я жива и здорова. Мои родные и близкие живы и здоровы. У меня есть дело, на которое и жизни не жалко – и я с ним успешно справляюсь. Разве этого мало, Алешенька?

– Много. Но достаточно ли для счастья?

– Мудрому – достаточно. А дураку и луну с неба достань, все не хватит.

– Мудрая ты у меня, Соня. Только почему мне так тоскливо?

– Потому что ты мужчина. Тебе бы развеяться, на охоту съездить – нет?

– Не хочу.

– Тогда давай плюнем на все. Поедем в Дьяково, по лесу погуляем, в речке искупаемся... хочешь? Как в детстве?

Алексей улыбнулся сестре.

– А семьи?

– А мы только Ваню возьмем. Поехали?

– Поехали.

Ульрике было сказано, что супругу надобно отъехать по **ОЧЕНЬ ВАЖНЫМ ДЕЛАМ**. Государственным. И никак иначе. Не скажешь ведь правду, что затосковал мужчина? Гулять от жены не хочется, а развеяться надо.

Никто бы и не поверил, что эти люди государством управляют. Царь-государь, князь Морозов и княгиня, как в детстве, босоногие, простоволосые, два дня подряд удирали в лес, валяться в утренней росе. Втайне от всех, включая и охрану.

А зачем идти к вершине, если ты даже такой малости себе позволить не можешь?

Смеялись, собирали ягоду и тут же съедали ее, купались в речке, ловили рыбу на самодельную удочку – и хандра отступала. Они же вместе! Они всегда будут вместе, как бы ни повернулась судьба. Смерть – это всего лишь миг, тот, кто уйдет первым, обязательно дождется остальных. А пока – есть только жизнь. И верхушки сосен на фоне прозрачного неба, и дубы, под которыми так приятно прятаться от летнего дождика, и тонкие

стволики белых берез...

Все то, ради чего и жизнь положить не жалко. Не сражаясь, нет. А вот так, день за днем, принимая необходимые решения, вытягивая свою лямку, просто потому, что ты царь, ты должен...

Хорошо, что рядом с тобой есть твои близкие. А то бы и хребет с натуги лопнул.

\* \* \*

– Куда это отец уехал?

Александр был заинтригован. Обычно Алексей Алексеевич привлекал его к государственным делам, хотя бы часика на три-четыре в день. Учил, объяснял, почему именно так, а не иначе, а сейчас вот уехал без сына. Куда бы? И зачем?

Алена поболтала ногами под широкой юбкой. Брат сейчас сидел за столом, учил шведский язык, а она примостилась на подоконнике с книжкой. И рядом, и не отвлекала, да и удобнее так...

– Они в Дьяково поехали. Развезаться.

– Они?

– Мои родители и твой папа.

– Маму не взяли?

Александр был чуть обижен за мать. Но...

– Не сердись на них. Твой отец и твоя мать любят друг друга, я-то вижу, но сейчас родителям нужнее побыть вместе. Тетя Уля ведь с ними в детстве не была, а они сейчас хотят туда вернуться. Хотя бы на пару дней, понимаешь?

Саша задумался – и кивнул.

– Да, пожалуй, понимаю.

– Вот увидишь – твой отец вернется, привезет маме какую-нибудь игрушку и будет особенно ласков. И она будет довольна. Он ведь не изменяет ей, как в той же Европе водится, просто хочет обо всем забыть. Так бывает...

Ревность и недовольство погибли в зародыше. Алена внимательно наблюдала за двоюродным братом. А мама была права – управлять мужчинами можно, и братом в том числе. Хотя управление это другое. Это для своей выгоды, это когда человек не понимает, что с ним делают, а она так с Сашей не поступит. Она брата любит, и все для него сделает. Как сейчас, например, к чему ему переживать по надуманному поводу?

Боярышня Морозова улыбнулась наследнику русского престола.

– Яблочко будешь?

– Пожалуй. Попроси принести.

– Вот еще! Пошли лучше, на кухне стащим?

– Ленка!

– А что – слабо? Совсем наследником стал, да? Яблоки воровать теперь не для нас, мы важные...

В девочку полетела маленькая подушечка с кресла, но та уже спрыгнула с подоконника – и подушка вылетела в сад.

– Пошли-пошли! Хотя развеешься, а то скоро совсем позеленеешь.

– Вредина ты!

– И еще какая!

Но яблоки таскать с кухни она брата уговорила. И подумала, что лет через десять, а то и двадцать, когда они станут совсем старыми, как мама с папой, Сашка будет править, а она будет при нем... было ли в истории Руси такое, чтобы государь яблоки с кухни таскал?

А вдруг?

\* \* \*

Англия молилась за добрую королеву Анну.

Ее величество опять была в тягости. Проведя удачный опыт и получив здорового, крепенького и крикливого мальчугана, ее величество решила повторить опыт. А что?

Один ребенок хорошо, а два лучше – это раз!

Чего Георг не знает, то ему и не повредит – это два.

И вообще, раз у него дети долго не живут... лично ей надоело хоронить своих малышей! Вот!

Хорошо бы в этот раз родилась девочка...

Георг, кстати, думал, что это его ребенок и всю ухаживал за супругой. Приносил цветы, дарил украшения, говорил комплименты – Анна не верила, она отлично знала, что у нее отекают ноги и появляются некрасивые пятна на лице, но было приятно.

Но в этот раз он был грустным.

– Дорогая, пришло письмо от твоей сестры.

Анна помрачнела на глазах. Да, Мэри не повезло так, как ей, и каждое письмо ее величества Марии Шведской было пронизано глубокой грустью. У сестры было уже три ребенка, мальчик и две девочки, в связи с чем ее



поедом грызли свекровь, требуя еще одного мальчика. Муж не любил супругу и устраивал скандалы, а чаще просто не замечал. Придворные были непочтительны, страна разорена войной... было от чего затосковать. И в этом-то письме ничего нового не будет, только она расстроится, но прочитать надо, и ответить тоже...

Ан нет.

Кое-что новое было, от чего Анна расцвела улыбкой.

– Мэри собирается приехать в гости. Я пришлю ей приглашение ближе к рождению ребенка.

– А ее супруг..., – прощупал почву Георг.

– Не против. У него сейчас новая фаворитка, так что Мэри решила временно уехать.

– Неужели он настолько...

Честно говоря, фаворитки были у всех монархов, Георг и сам был не без греха, но не выставляют же их напоказ? Вот еще не хватало! Не будешь уважать жену – быстро окажешься родственником оленя.

– Нет-нет, она не пишет напрямую, кто и что, но, конечно, догадывается. Да и свекровь не устает намекать...

Анна поморщилась. А ведь могла она выйти замуж за Карла. Могла и оказаться на проигравшей стороне, и ее бы сейчас пилила Гедвига Элеонора. Могла. Так что сестру она примет и сделает все возможное, чтобы Мэри было хорошо дома. Хотя возможно ли им дружить сейчас?

Она – в Дании, Мэри в Швеции, две страны долго воевали, пусть война и окончилась, но ненависть из людских сердец так просто не вытравить. И... едет ли Мэри просто так? Или...?

\* \* \*

Ее величество как в воду глядела.

Действительно, пожив в родном Лондоне примерно с десять дней, поплясав на балах и вволю поулыбавшись галантным кавалерам (Анна подозревала, что улыбками дело не ограничилось, но стоит ли в чужом глазу соломинку искать, когда в своем уже целая лесополоса проросла?) Мэри перешла в атаку. И для начала заявила сестре, что той, как королеве Англии, теперь совсем не по пути с Данией. Анна только пожала плечами.

– Мэри, давай не ссориться? Со Швецией мне тем более не по пути. Я не забыла, чьи корабли пришли к Копенгагену. Если бы твоему супругу все удалось...

– Ты просто погостила бы у меня. И все. Карл не причинил бы тебе вреда.

Ее величество и сама с трудом верила, но – вдруг? Анна и не поверила. Пожала плечами, уже начавшими заплывать жирком и теряющими форму.

– Теперь нет смысла об этом говорить. Война окончена. Или...?

– Если ты поддержишь Карла, все еще может поменяться.

– Для начала, я поссорюсь с мужем.

– Но ведь воевать с Данией не обязательно?

– Мэри, не считай меня дурой! – Анна отвечала излишне резко, но она и правда злилась. – Ты всерьез думаешь, что Кристиан останется в стороне, когда речь пойдет о союзниках? Что Георг не поймет ничего? Что я разрушу свою семейную жизнь? Да и если бы я была такой дурой – все равно я бы ничего делать не стала. Просто потому, что не могу. Англия сейчас не та, что во времена нашего отца, даже на этом крохотном кусочке, на котором я правлю, не обходится без бунтов и набегов. Мы разобщены – и я молюсь, чтобы никому не пришло в голову нас завоевать. А уж влезать самим...

– Просто помочь. Не надо никуда лезть, просто поддержи нас, вот и все. Или хотя бы не поддерживай московитов!

– Мэри, ты не видела русских в бою.

– А ты?

– Я видела. Я не хочу, чтобы они были моими врагами. Я и детям это завещаю. Пусть ссорятся хоть с французами, хоть с испанцами, хоть бы и со шведами, но с Русью воевать не надо! Никогда! Это страшные люди.

– И чем они тебя так напугали?

– Тем, что они ничего не боятся.

– Ничего не боятся только глупцы.

– Это верно. И у них, конечно, есть страхи. Но... в бою они другие. Если они решают стоять до последнего, они так и поступают. И стоят, и не кланяются пулям, и неважно – больше их или меньше, чем врага. Они умирать будут, сомкнув зубы у него на горле.

Мария покривила губки.

– А если врагов будет слишком много?

– Они переждут. Отступят, затаятся – и придут, рано или поздно. А не они, так их дети, внуки, правнуки, они не забудут и не простят. И однажды враг услышит «прощай», сказанное русским.

– Но хотя бы нейтралитет ты мне можешь обещать?

– Не могу, Мэри. Если вы решите опять драться с русскими... хотя два раза у вас уже было – и чем это закончилось? Вы потеряли все, что могли.

Так вот, если решитесь – Алексей Алексеевич обратится к Кристиану, тот сообщит Георгу – и мы принуждены будем воевать на их стороне. Я не откажу супругу. Я мечтала бы о нейтралитете, только мне его не дадут.

– Ты меня предаешь?

– Ты не думала обо мне, когда твой супруг нацелил пушки на Копенгаген.

Прозвучало достаточно резко. Анна понимала, что сестра не виновата, но страх остался еще с той поры. Беспомощность так легко не забывается, то страшноватое ощущение, когда другие решают, жить тебе или умереть – и как.

– Энни!

– Мэри, давай прекратим этот разговор. Мы ничего не добьемся, кроме ссоры.

Мария Шведская задрала носик и хмыкнула, но послушно заговорила о погоде. Она говорила мужу, что это бесполезно, но Карл настоял? Вот и отлично. А она повидается с сестрой, развлечется... какими глазами смотрел на нее тот молоденький виконт, вот так и понимаешь, что ты еще очень даже привлекательна для мужчин!

А недовольство мужа?

А ей не привыкать! Пусть хоть с утра до вечера обижается вместе со своей бешеной мамочкой. Она отдыхает от них обоих. Вот!

\* \* \*

Для Григория Ромодановского лето тоже прошло достаточно спокойно. Согласно утвержденному плану, можно сказать.

Поставлялось оружие и боеприпасы, везлись через Азов к казакам, везлись от них военные трофеи, Мельин – тот вообще из моря не вылезал, отправляя на верфи то галеру, то шебеку, то еще что...

Прошлом лето для Сулеймана завершилось не то, чтобы разгромом, но собрать силы ему было затруднительно. Собрать, перебросить, да и полководца найти – насчет своих талантов Сулейман не обольщался. Ему до предка, как от Азова до Индии пешком.\*

**\* *имеется в виду Сулейман Великолепный (Кануни), прим. авт.***

Тот Сулейман водил войска в атаку. Этот же вынужден был искать полководца, да не всякого. Оставить Топкапы он сам сейчас не мог – не на кого. Визирь слаб, остальные просто стервятники. Значит, с войском он не пойдет. И полководец нужен такой, чтобы воевать умел, а вот сесть на трон

не желал. Но где такого найти? Вот ведь сложность...

К тому же и диверсии радости не добавляли. Сулейман не был обучен статистике, но что-то подозревал. То там поставят в армию негодное зерно, да настолько негодное, что съев его, целый полк едва в мучениях не помер. То воду в колодце отравят, то лошади погибнут, то на верфях пожар, то на складе с боеприпасами... совпадение?

Э, нет. Такие совпадения на двух ногах ходят. А вот как их поймать?

О продажности своих чиновников Сулейман догадывался. А значит, пока у шпионов не кончатся деньги, они так и будут находиться среди порядочных людей. И что самое плохое – русским такого же не устроишь. Никак!

Некому потому что! Где они-то своих людей нашли?

Про царевичеву школу Сулейман слышал, но полагал ее аналогом янычарского корпуса и даже слегка сочувствовал русскому государю – не знаешь ты, бедолага, какой хомут сам для себя гнешь, своими же руками. Да и потомкам твоим расхлебывать достанет!

Так что война с Русью грозила перейти в затяжную стадию. Ну и пусть, дело житейское. Это в короткой войне важно, кто победит. А в длинной – кто первый выдохнется, так-то. Хватит ли у Руси сил и средств, чтобы конкурировать с Османской империей?

Ой ли...

\* \* \*

Оспа.

Как много в этом слове...

В двадцатом веке ничего особенно страшного в нем не видят – прививка и никаких забот. А вот в семнадцатом...

Вымирили целые города. Страшно было всем, от нищего до короля. Наверное, на всю Испанию не боялась одна Маша. Ну и ее свита.

Дети тоже могли не бояться, хотя и не догадывались. Метод прививки от оспы на Руси разработали давно, просто не обнародовали. К чему?

Прививали потихонечку народ при монастырях, благо, коровья оспа часто встречалась, говорили всем, что это благословение и обещали помолиться за здравие. Люди переносили прививку – и практически не болели. Или проходила болезнь не тяжелее насморка.\*

**\* вакцинация по типу Джиннера, прим. авт.**

Даже дон Хуан, хоть и не знал, но мог не бояться оспы. Привили его

потихоньку, в бане, посреди процедур и массажа – принц и не заметил царапины на плече. Мало ли где, мало ли как – бывает... Софья не хотела лишиться союзника от разных случайностей.

На Руси это было. А вот в Испании эпидемия свирепствовала вовсю.

Что самое печальное, жертвой оспы стал и его величество Карлос. Болезнь не пощадила монарха, который свалился, когда эпидемия уже шла на убыль.\*

***\* авторский произвол. В РИ Карлос умер в 1700 году, т. е. на пять лет позже и не от оспы, а просто по причине многочисленных генетических дефектов. Прим. авт.***

Самое печальное, что никто особенно и не горевал по этому взрослому ребенку. Понимали, что оспы его величество не вынесет, что это смертный приговор – и все равно не горевали. У людей Карл ассоциировался с закатом Испанского Золотого века, так что умрет – и Бог с ним. Намного большую тревогу вызвал у тех же придворных дон Хуан, который сидел у постели сводного брата, позабыв про сон и еду. Маша просто силой уводила его оттуда, подменяя супруга, за что и получила прозвище Милосердной. Никто, в том числе и дон Хуан, ведь не знал, что она просто не боялась болезни!

А вот супруга Карлоса почему-то не рвалась разделить с ним ложе или поухаживать за больным. Боялась.

Трусила, заперлась у себя в покоях, ежедневно окуривала их ароматными травами, молилась, рыдала – и все равно не убереглась. Свалилась с той же болезнью.

Выжила, но красивое лицо оказалось непоправимо испорчено оспинами. А вот Карлос...

Его величество скончался на пятый день болезни, не приходя в сознание. Испания погрузилась в траур. Наследником был объявлен старший сын дон Хуана, регентом – сам дон Хуан. Все рыдали и страдали – и тут ее величество Мария увидела свой шанс. Заявила, что беременна, и потребовала, чтобы трон наследовал ее ребенок! Вот!

Испания замерла в ужасе. Рыжую немку не любили, и если бы дон Хуан вздумал сажать ее на трон хорошим бы это не кончилось. По счастью, мужчина не был обделен здравым смыслом (да и жена поделилась). Он приказал посадить ее величество под замок, приставить к ней одних женщин и распорядился ждать, не оставляя ее одну ни на минуту. Ни днем, ни ночью... пока не родит!

Якобы – для услуг и помощи. Или чтобы она с горя с собой не покончила. С какого?

Так горе же! Муж умер! А испанская королева и вдова испанского короля, тем более – вдова бездетная это две большие разницы.

Пока бездетная.

Испанские сеньоры и дуэньи восприняли просьбу его величества очень серьезно – и заняли места на страже у покоев королевы и в ее покоях. Кой мужчина! Голубь бы не пролетел для непорочного оплодотворения!

Спустя три месяца стало окончательно ясно, что ее величество не беременна – и дон Хуан с громадным удовольствием отправил ее... нет, не в монастырь. Хотя очень хотелось, для красоты – в тот, где померла мать Карлоса, им к коронованным стервам уже не привыкать. Вместо этого он благородно отправил королеву в Толедский алькасар – некогда резиденцию королей Кастилии и даже назначил ей неплохое содержание. Посылать родственникам что-либо у нее не получится, да и приглядывать за ней будут строго, но это все же не монастырь.

Марианна была в ярости, но на регента это уже совершенно не действовало, равно как и ее истерики, крики, скандалы, шантаж и угрозы. Курфюрст Пфальцский ему и так был по гроб жизни обязан, а чем еще они могут угрожать? Разорвать союз?

Приятного аппетита Людовику.

А в основном для Испании оспа оказалась куда как более заметна, чем смерть короля. Все равно за него, по большому счету, правил дон Хуан, а тот никуда не делся. Пусть теперь правит за сына, пока тот не войдет в возраст. Да и его жена... хоть и русская, а неплохая, вроде как?

Период смены власти прошел бы для Испании нормально и спокойно, если бы не Людовик. Надо же было ему отыграться за поражение при Пфальце?

Надо!

И он заявил свои претензии на трон Испании. Не лично свои, своего внука на том основании, что в его роду были и Анна Австрийская, и Мария-Терезия, а в Испании допускается наследование по женской линии. Все лучше, чем бастард или сын бастарда!

Испанцы такому повороту дел не обрадовались – и это мягко сказано. Да, Филипп был не особо хорошим правителем, Карлос тоже, но последние лет пять были вполне терпимы. В отличие от деда, отца и брата, Хуан понимал, что с дохлой овцы ни шерсти не настрижешь, ни мяса не получишь, а потому решил сначала дать народу нагулять хоть какой-то жирок. Товары и серебро из колоний поступали регулярно, пиратов приструнили, пошлины и налоги снизили, инквизиция перестала зверствовать, появились рабочие места – одним словом в Испании стало

возможным жить, а не выживать, стиснув зубы. И тут – здрасте вам!

О положении дел во Франции испанцы были и наслышаны, и налюбовались на тех, кто сломя голову бежал из под правления Короля-Солнце. Да и скандалов с именем Людовика была уже связано...

Испанцы, так уж вышло, были очень набожными, а у Людовика даже фаворитка черные мессы, говорят, служила. Это ж какой там бардак творится?!

Нет, не надо нам такого правителя. Это на словах его внук править будет, да на бумажке, а на деле – Луи никого из-под своей мягкой лапки не выпустит.

Так что Испания не делилась на два лагеря – тех кто за и против, люди не спорили, не пытались кого-то убедить. Все твердо знали, что Людовик им не нужен.

Ни в каком виде.

Примерно это и заявил дон Хуан французскому послу. Мол, извините, у нас тут законный государь есть, его величество Мигель, король Испании. На четверть Габсбург, наполовину Романов, благородных царских кровей, так что – извините. Уж всяко это больше, чем у вашего Людовика-Солнце. И посмотреть еще надо, кто тут бастард.\*

***\* есть историческая версия, хотя и неподтвержденная, что отцом Людовика 14-го был не Людовик 13-й, а кто-то другой. Как вариант – тот же кардинал Ришелье или Мазарини. Не подтверждено, но – возможно? Прим. авт.***

Французский посол оскорбился и принялся угрожать. Наткнулся на равнодушие со стороны дон Хуана и отступил. Отписал Людовику.

И может быть, даже обошлось бы без войны, может быть...

Но жадность определяла бытие.

\* \* \*

– Будем воевать – или нет?

Людовик не советовался со своей супругой, он, скорее, размышлял вслух. Благо, слушать ее величество умела. Ей-ей, он понимал, почему на ней женился Яков. Красивая, даже после вторых родов (да-да, недавно жена подарила Людовику прелестного сына, названного Жаном Филиппом), неглупая, очаровательная, тактичная, а как она умеет слушать! И не только слушать, но и слышать, что немаловажно.

Анна соединила в себе черты как Атенаис де Монтеспан, так и

Франсуазы Скаррон, взяв от обеих его любовниц самое лучшее. И кроме того – было в ней нечто неуловимое, какая-то загадка, тайна... что-то такое, что Людовик никак не мог разгадать.

– С одной стороны – денег сейчас в казне практически нет. С другой – очень лакомый кусочек. Да и недовольные там наверняка найдутся, если поискать, бунты спровоцировать, опять же, Нидерланды – Испания сейчас откусила себе очень неплохой куш, а к чему им столько земель?

Надо, надо повоевать.

– Стоит ли, сир? Испания не сама по себе, за ними стоит еще и Русь.

– Русь? Московия? Пфффф....

Раздражение в голосе Людовика было ненаигранным. Презрение, кстати, тоже. Памятна ему была попытка выдать дочь за русского принца и наглый отказ этих варваров! Как они вообще смели!? Им такую честь оказали, а эти наглецы...

Гнев вспыхнул с новой силой.

– Они сильны, ваше величество, и опасны. Даже турки опасаются с ними связываться.

Анна говорила не просто так, на днях она получила письмо из Москвы. Царевна просила, если это возможно, отменить или отсрочить войну с Испанией. Не ко времени и не к месту. Вот если бы Людовик опять с Австрией сцепился – пожалуйста, а Испанию пока трогать не надо. Габсбурги ее довели до такого состояния, что соперником она еще долго не будет, а союзник хороший.

– Плевать на этих московских ублюдков! – разъярился Людовик.

– Сестра русского государя – жена дона Хуана. Полагаю, что русский царь не оставит родных без помощи, – раздельно произнесла Анна. До его величества так лучше доходило, когда он был в приступе ярости.

– И на их мнимую принцессу мне тоже... и...! – Людовик расхаживал по кабинету и не заметил, как голубым льдом блеснули глаза ее величества. – Эти русские твари и... – дальнейшая речь его величества была достаточно экспрессивна и потому не попала в исторические хроники.

Чего ему вовсе не стоило делать, так это говорить гадости о русских в присутствии королевы. Но кто же мог знать?

А потому Анна мило улыбнулась супругу, скрывая злость глубоко в душе.

– Вы правы, сир. Вы такой умный! Я счастлива находиться рядом с вами...

И уже про себя, в мыслях: «Надеюсь, государь тебя так под землю



закатает, что всемером не найдут!».

Такой вот выверт сознания. Чем дольше Анна была вдалеке от родины, тем дороже становилась ей Русь. Стирались неприятные воспоминания, приукрашивались приятные, среди интриг и грязи французского королевского двора терем Кремля воспринимался чем-то далеким, чистым и родным. И задевать его грязным языком не стоило.

Тем паче русскую царскую семью. Что-то Луи о своих людях так не заботился, как Алексей Алексеевич о русских!

Анна собиралась жестко поквитаться с супругом. Как минимум, о каждом его чихе, о каждом движении армий будут знать русские.

Как максимум?

Она даже не предполагала. Но точно знала, что обиду не забудет.

Людовик на супругу не смотрел. Он размышлял, что под эту войну надо бы прибрать к рукам канал между Дунаем и Рейном. Довести его до ума смогут и французские инженеры. А ведь золотое дно получится.

Надо, надо воевать с Испанией. Сейчас, когда сил для сопротивления они еще не набрали, а взять с них кое-что уже можно – это будет несложная война.

Небольшая, но победоносная. Вступить за них некому, Лига распалась, у всех своих забот полно, а русские...

Пусть медведей по улицам гоняют! Вот!

\* \* \*

– Дон Хуан просит помощи.

– Какой? Что там случилось?

Алексей и сам мог предположить – что именно и где, но вдруг кто-то в Европе оказался оригинальным?

– Людовик объявил войну Испании.

– Вот ведь... неугомонный.

Алексей Алексеевич выразился резче, но о королях обычно не говорят, что у них шило под хвостом.

– Этот неугомонный ввел войска в Италию. Евгений Савойский с его легкой руки вторгся в Миланское герцогство.

– Надо воевать, – коротко высказался Алексей.

Софья кивнула. И интересы, и родственники – одним словом, надо!

– Дон Хуан сам не вытянет, – заметил Иван. – Он многое сделал, но поддержать его особо некому. Педру поможет, но много он сам сделать не в

состоянии. Австрия в войну не полезет, германские княжества тоже. Нидерландам самим бы отбиться, да и не любят там что французов, что испанцев. Англия? Не смешно. Кроме как на нас ему рассчитывать не на кого. Нет, может, он и справится, а может, и нет. Лучше ему помочь.

– Что мы ему можем дать?

– Не ему. Но есть одна идея, – Иван прищурился. – Надо сделать так, чтобы Людовику стало резко не до Нидерландов.

– И у тебя есть предложения?

– Одно – точно есть.

Предложение было такое, что Софья охнула и схватилась за голову.

– Ванька! Это ж... Оно не остановится! Оно пойдет и дальше косить людей!

– Мы сейчас тоже воевать не можем. Деньгами поможем – факт, но в остальном – некогда. У нас турки. Кстати, и с ними надо бы что-то подобное.

– Не получится. Потери будут намного меньше, чем хотелось бы...

– Так ты согласна?

– А если не получится?

– А чем мы рискуем?

– Мы – ничем. А вот те, кто будет исполнять, рискуют жизнью.

– Они знают, на что идут.

Софья посмотрела на мужа. На брата.

И мысленно схватилась за голову. Им идея нравилась.

Господи, а ведь это ее вина. Во многом – ее. И даже если она сейчас не согласится – все равно ребята сделают, как захотели. Если она не предложит ничего другого, а она попросту не знает, что тут можно предложить!

Это она их такими сделала.

Им ведь действительно плевать на всех, кто не русский, им не важно, сколько человек умрет в ходе этой войны...

– Мальчики, там же и мирные люди! Дети, женщины, старики...

– Мы постараемся выбрать момент. И скотину тоже. И вообще – такое уже было в истории.

Софья только вздохнула.

Да – было. Но...

Такое ни один Бог не простит. Есть вещи, которые делать не стоит, но ребята все равно поступят по-своему.

Только вот она остановить их не сможет.

И самое страшное, что это – Ваня. Ее Ванечка, ее любимый муж. Нет

таких преступлений, на которые не пошел бы капитал...?

Да, примерно так. Ваня сейчас думает о своей стране – и экономит деньги, время, силы. А в итоге – ей страшно. Господи, ей так страшно...

Кто же получился из ее мужа, из ее брата? Какие чудовища живут в их телах? Она старалась воспитать государя и его верного помощника, а что в итоге? И ведь они не осознают, насколько эта идея страшна. Она целесообразна, вот где ужас-то!

– Ребята... не надо. Пожалуйста....

– Соня, мы не выдержим и турок, и французов одновременно. Ты же понимаешь, – Алексей смотрел даже и с удивлением. Как это так – сестра не осознает таких простых вещей? – Казна не настолько богата, а потому – придется играть грязно.

– Это иначе называется, – глухо сказала Софья.

– Неважно. Ты с нами?

Впервые брат и сестра настолько пристально вглядывались друг в друга. Впервые настолько ослабла связь между ними. Впервые.

Но потом Софья решительно тряхнула головой.

– До конца – с вами.

И у мужчин просветлели лица. Подумаешь там – приступ сентиментальности напал на женщину. Бывает даже с самыми лучшими, дело житейское.

Этим вечером она долго разговаривала с протопопом Аввакумом. Постаревший, но не утративший ни сил ни хватки, священник, принял ее, как родную. Исповедь?

Вот уж нет, скорее, обычное чаепитие, с вареньем в блюдечке, с сахаром вприкуску, с уютной вышитой скатертью – и тем страшнее был контраст между этой обыденностью и уютом – и ведущимся за столом разговором.

И Софья не могла сказать, что ушла успокоенная. На душе по-прежнему скреб целый отряд тигров. Но...

– Ты уверена, царица, что другого выхода нет?

– Есть, наверняка. Но это дольше, сложнее, мы затратим куда больше времени и сил, жизней наших солдат...

– И все же, ты бы лучше поискала долгий путь?

– Да.

– Я попробую убедить государя. Но если мне не удастся?

– Я приму его решение. И помогу во всем.

– Царица, ты не боишься на этом пути утратить душу?

– Нет.

Софья не договорила, но и она, и протопоп знали, как будет звучать остаток фразы.

*Я давно уже отдала ее.*

Но есть вещи, которым лучше оставаться недосказанными.

К чести протопопы, он пытался. Пытался долго и упорно, почти десять дней, после чего отступился и махнул рукой. Царь считал, что именно этот вариант надо принять. Точка.

Спустя десять дней Софья начала действовать. Стиснув зубы – начала. Выбора ей не оставили.

\* \* \*

Получив от Софьи письмо, ее высочество Мария задумалась. Но сделала, как приказано – и отдала своей фрейлине указания царевны.

Она верила – та найдет, как выполнить распоряжение сестры. Только вот результат ее пугал. Сильно...

Идея Ивана была чрезвычайно проста.

Армию можно остановить другой армией.

Или – болезнью.

Так поступили монголы, осаждая Кафу, так поступил с индейцами Кортес – ничто не ново под луной.\*

***\* 1346 год – монголы, 1518 – Кортес. Увы... сволочи встречались еще в те времена. А еще до них Ганнибал обстреливал крепости противника горшками с начинкой из гадюк. Прим. авт.***

Все было просто.

Испания перенесла оспу. Даже еще не до конца перенесла.

Все, что требовалось – это найти десятка два больных людей, заплатить им – и перевезти либо их самих, либо тела поближе к французской армии. Разумеется, соблюдая все предосторожности.

Когда вспыхнет эпидемия, Людовику будет не до войны.

Мерзко?

Да еще как!

От предложения коробило не только Софью, но и Марию. Царевна отлично понимала, почему письмо адресовано ей, а не ее мужу – дон Хуан взбесился бы. Для него такой метод ведения войн был неприемлем.

А для Софьи...

Мария не была суеверна, но она долго молилась за сестру. Интуитивно она понимала то же, что и Софья. Только вот...

Будь она проклята, дорога правителя. Когда приходится делать такой выбор и принимать такие решения – чистым остаться не получится. И человеком, наверное, тоже.

\* \* \*

– Я хочу, чтобы ни один испанский корабль не чувствовал себя в безопасности. И русский тоже.

Людовик не собирался щадить врагов. Русские давно стояли ему поперек горла. Полезли помогать испанцам – так пусть получают по заслугам!

– Государь, русские пока еще не вступили в войну.

– Вступят, – отмахнулся его величество. У него были относительно точные сведения. Увы, Эскуриал профильтровать было сложно, а потому...

Слово за слово, весточка долетела до ее величества Марианны, которая грустила в Толедском алькасаре, а оттуда и к Людовику. Конечно, она не любила короля-солнце, но ради того, чтобы насолить дону Хуану, была готова на все.

Ответ на распоряжение короля мог быть только один.

– Да, сир.

Отныне французы будут нападать и на корабли русских. Друг моего врага – мой враг, не так ли?

\* \* \*

Жан Рошен, капитан брига «Стремительный», прищурился на горизонт.

– Русский корабль справа по борту!

Кричал впередсмотрящий – и так, что слышали даже на «Лилии». Матросы резко оживились.

Русский корабль – это хорошо.

Еще месяц назад его величество Луи дал негласное разрешение на охоту за русскими кораблями. Чем уж ему так насолили эти москвиты, Жан не вникал, но разрешению обрадовался. Раньше-то перемирие, да и пушек у москвитов хватало – вот и обходили их стороной. А сейчас...

Он обменялся парой сигналов с «Лилией» – и два корабля полетели за добычей. Ничего нового.

Догнать, обстрелять, потом на abordaj, перегрузить в трюмы все самое ценное и затопить корабль. Или взять как приз, если он того стоит и если не сильно пострадал.

Действительно, почему они раньше не трогали русские корабли? Даже странно как-то.

Голландцев топили, англичан топили, испанцев, венецианцев, а русских – нет.

Надо исправить упущение!

\* \* \*

– Дорогой, мне страшно! Не уходи!

Прасковья вцепилась в рукав мужа. Супруг ласково погладил ее по волосам.

– Не волнуйся, дорогая. Я не дам вас в обиду. И капитан у нас хороший. Мы сейчас потопим француза – и уйдем. А пока побудь в каюте.

– Миша, останься со мной! Пожалуйста! Ты сейчас все равно там ничего не сделаешь!

Миша, он же Михаил Григорьевич Ромодановский, покачал головой.

Они с супругой плыли на Яву, когда их корабль атаковали два француза. Людовик объявил войну Испании, Людовик же спустил с цепи своих пиратов – и теперь морские просторы были небезопасны. Но русский флаг доселе был неприкосновенен. Так отчего же они сорвались именно сейчас?

Хотя о чем может идти речь, когда война?

– Сиди смирно! – рявкнул Михаил.

Силой отстранил жену и вышел из каюты.

Увы...

Капитан был еще жив, команда еще сопротивлялась, но в остальном ситуация была печальна. Тут без расспросов становилось ясно – корабль обречен. Он сам?

Тоже не исключается. Но жену он обязан был сберечь. Хотя бы попытаться. Прасковья красива, если она попадет в лапы к французам... в лучшем случае ее убьют быстро. В худшем – со всей галантностью пустят по кругу. Такого он Паше не желал.

Михаил быстро вернулся в каюту. Сейчас решения стоило принимать быстро.

– Иди за мной!

Пока продолжался обстрел, но один из кораблей уже приближался. Скоро он пойдет на abordаж – и тогда он не сможет даже спрятать жену.

К счастью, на корабле было две шлюпки. Вот в одну из них он и уложил жену, забросав чем попало. Уложил сверху парус.

– Лежи тихо. Если нас убьют – ни в коем случае не показывайся. Ты знаешь, куда добираться.

Прасковья закивала.

Да, и такое бывает. Влюбились друг в друга они еще в царевичевой школе, поженились, детей родили, а сейчас вот... как же хорошо, что хоть дети с дедом и бабушкой остались! А она вот напросилась сопровождать мужа!

Черти б побрали Людовика!

– Постарайся уцелеть, – только и сказала она, стараясь слиться с деревом.

\* \* \*

– Государь! Защити! Прошу!

Мало кто видел Федора Ромодановского в таком состоянии. Борода торчком, волосы растрепаны, кафтан в пятнах....

– Что случилось?

Алексей даже слегка испугался. Но...

– Племянник мой! Мишенька!

Как явствовало из рассказа – Михаил Ромодановский был отправлен на Яву. Дело житейское, царевичевы воспитанники и не туда ездили. Но по дороге на его корабль напали французские каперы.

Михаила убили. Его жена чудом уцелела, она и рассказала, что произошло, и кто в этом виноват.

– Как именно? – зачем-то уточнил Алексей.

– Михаил сказал ей спрятаться в шлюпке. Там не искали. Перегрузили все самое ценное, пробили дыру в днище – и ушли. Ее носило по волнам примерно четыре дня. Потом ее подобрал испанский корабль.

– Французы, значит? – уточнила Софья, входя в кабинет.

Ей доложили о явлении Ромодановского, и она поспешила к брату. Мало ли что!

– Они, гады, – закивал Ромодановский. – Государыня! Не покинь в беде!

– Да уж не покинем. Названия кораблей...

– «Стремительный» и «Белая Лилия».

– Как мило, – усмехнулась Софья, – ладно. Дадим приказ нашим людям. Князь, вам эти люди живыми нужны – или полевого суда хватит?

Ромодановский сверкнул глазами.

– Мне нужно, чтобы они помучились! Я им Мишку не прощу!

– Это можно и на месте.

Софья прищурилась. Задумалась о чем-то...

– Есть возможность? Значит, надо сделать все, как можно более мучительно и страшно, – заметил Алексей. – Сделать их примером.

– Можно, – протянула Софья. – Князь, это на вашей фантазии. Придумайте что-нибудь пострашнее, а я напишу нашим людям. Пусть претворяют в жизнь.

Ромодановский закивал. Это он мог, еще как мог. Дрожать и мелко креститься будут, мерзавцы такие! А уж чтобы напасть на русский корабль!?

Надо постараться сделать так, чтобы это им и в голову не пришло, вот!

\* \* \*

– Чувствую себя последней мразью, – Иван Лапин смотрел вслед удаляющейся по пыльной дороге неказистой телеге. На такую бы даже разбойники не позарились – скорее, на бедность подали бы. Оно и к лучшему, авось, доедет.

– А ты не чувствуй, – огрызнулся его приятель, Петр. – Думаешь, мне легко? Или государю? Но видимо, другого выхода нет.

– А вдруг есть? Не по-людски это!

– А воевать с испанцами сейчас – добро? – огрызнулся Петр. – Страна чуть с колен встала, да в казне все одно шаром покати, едва дыры латать успевают, оспа только что прошла, король умер – им бы лет десять спокойствия, чтобы никто не трогал. А Людовик – сука.

– Это-то верно... Но...

– И людям этим мы заплатили более, чем достаточно. Их семьям. Они сами согласились.

– Деньги – это еще не все.

– Но когда они есть – все равно спокойнее. К тому же, мы и сами рискуем.

– В Университете сказали, что мы заболеть не должны. Или перенести болячку чуть ли не как насморк.



– Ученые люди, оно, конечно, хорошо, – сбился Петр на простонародный говор, – да все одно, риск большой.

– И чего ты тогда согласился? – окрысился Иван.

Парням не нравилось их дело, но куда деваться? Государь приказал – и возражения не предусматривались.

Сап.

Совершенно замечательная вещь. Болеют ей, в основном, лошади, но далеко ли уйдет армия без лошадей, мулов, ослов, таща все вооружение и снаряжение на себе? Да и люди прекрасно заражаются сапом.

Болезнь эта прекрасно передается контактным путем.

Найти несколько сапных лошадей было несложно, в хронической форме эта болезнь может протекать долго, очень долго, а дальше все просто. Обработать корма для лошадей и предложить их интендантам по смешной цене – двумя руками ухватятся. Конечно, сами ребята ничего не предлагали, они нашли людей, которые согласились заработать на войне – и щедро заплатили им.

Европа была истощена, и люди хватались за любую возможность помочь семьям. Они оставляли на всякий случай деньги родным и отправлялись в распоряжение французской армии, везя с собой зараженный овес.

Может, ничего и не произойдет.

А может...

Даже вполне может вспыхнуть эпидемия. В условиях военного лагеря, скученности, тесноты? Будет удивительно, если она не вспыхнет, и не разгорится громадным костром. Это-то Ивану и не нравилось. Он справедливо полагал, что кроме французов заболеет еще уйма посторонних людей.

У Петра таких сомнений не было. Это не его страна, не его земля и не его народ. Этим все сказано. Да и государь попросил...

Этого достаточно.

Телега, и не одна, двигалась по направлению к корпусу маршала Катины. Еще несколько телег двигались по направлению к войскам Савойского.

Где-то да работает.

\* \* \*

– Что вы сказали?!

Людовик был в ярости. Адмирал де Турвиль был бледен, как мраморная колонна, но держался так же стойко.

– Да, сир. Именно так. Два корабля, которые были сцеплены между собой. «Белая Лилия» и...

– Какая разница?!

– На парусе было написано – «За русского князя Ромодановского». И на палубе тоже, и на стене в каюте капитана, чтобы все увидели. А на корабле...

Де Турвиля трясло.

Он многое видел, но такого...

Джек Потрошитель еще не родился, но мог бы поучиться у неизвестных авторов послания. Современная медицина не могла определить до или после смерти поиздевались над телом, но какой резон кромсать трупы? Вот адмирал и предположил, что несчастных пытали еще при жизни.

И как пытали!

Отрезали головы и сложили пирамидкой.

Отдельно на большом блюде выложили носы и уши. Пальцы и половые органы, руки и ноги. Кишки развесили серпантинном на мачтах – и птицы порадовались угощению.

Возможно, адмиралу было бы легче, узнай он, что это проделывали с мертвыми телами, и что исполнителей приказа не раз стошнило в процессе. А, может, и нет.

Людовику точно легче не стало.

Подлые москвиты нашли, как поквитаться.

– Слухи ползут, ваше величество, – выдавил адмирал.

Слухи!

Людовик не знал, что их распускали сами «подлые москвиты», в красках рассказывая по тавернам о предсмертных мучениях несчастных моряков, о коварстве и жестокости русских, которым и Эдвард Тич позавидовал бы...

Получалось неплохо, чай, врать – не кирпичи таскать. Софья не могла отказать Ромодановскому, когда тот попросил расквитаться за родственника, да и помнила она мальчишку. Серьезный такой, из второго выпуска царевичевой школы... сколько их будет – таких мальчишек и девчонок, которые пошли ради своей страны на смерть?

Много, слишком много.

Она еще не знала, что сап собрал свою жертву и среди тех, кто выполнял ее распоряжение. Первым умер Иван. Даже у привитых людей

возможен был смертельный исход. Петр не заразился, но легче ему от этого не было.

Есть вещи, которые лучше не делать.

\* \* \*

Сап вспыхнул среди французских войск легко и непринужденно, словно полежавший месяц на солнце валежник от случайной искры. И последствия были такими же ужасными.

Одной из жертв стал Виктор Савойский. Одной, хотя и не самой важной. Намного страшнее оказались те, кто дезертировал из войска, в надежде избежать страшной болезни.

Сап ушел вместе с ними во Францию.

Пожар заболевания накрыл Италию и Францию. Война захлебнулась, не начавшись, а по дорогам поползли проповедники, которые кричали, что война не угодна Богу!

Король начал войну – и Господь покарал его! А вот если бы король молился, вместо того, чтобы празднества устраивать и бриллиантами обвешиваться...

Пророков ловили и кого-то даже повесили.

Бесполезно.

Слухи шли вслед за сапом – и были куда опаснее. Людовик злился, но что тут можно было поделать? Воевать становилось попросту опасно – еще одно поражение, и страна полыхнет бунтом. Да таким, что Фронда пряниками покажется.

Глупцом Людовик не был. И осознавал, что в этой партии его переиграли, только не понимал пока – кто. Но собирался разобраться и понять.

И – отомстить.

Спускать такое было не в его обычае.

Даже если сап вспыхнул сам (в биологическое оружие Людовик поверить не мог, потому что не знал, как такое возможно), то слухи сами не распускаются. У них есть авторы, а учитывая их обширность и однообразие – автор.

Один.

Которому это выгодно.

А кому бы?

Версий было две. Испанцы и москвиты, кто ж еще? Оставалось

выяснить – кто.

Анна знала об этом – и писала на родину. Софья читала донесения и надеялась лишь, что концы достаточно хорошо упрятаны в воду.

Хотя даже если бы Людовик вздумал им мстить...

Софья честно признавала, что за такое – их повесить мало. И в кои-то веки не оправдывала себя или брата с мужем. Человек – тварь своеобразная, чтобы снять с себя ответственность или избавиться от чувства вины, он что угодно изобретет. Но Софья не могла этого сделать. Фантазии не хватало.

Куда ушли лихие ребята, которые рубились с турками под стенами Каменца?

Когда их сменили политики?

Софья не могла ответить на этот вопрос, и ей было тошно и горько.

Наверное, это естественный процесс. Политика вымывает из души порядочность, только вот когда это произошло с ними? И не получится ли так, что Алексей или Иван сочтут целесообразным разменять на военную удачу или кусок земли жизнь кого-то из близких? Того же Владимира, например?

От выгодного замужества до выгодного убийства один шаг, но когда Софья попыталась поговорить об этом с ребятами, то встретила непонимание.

Что может быть не так? Что ее пугает? Все ведь ради Руси, она должна это понимать!

Софья понимала, но не оставляло ощущение чего-то... подлого.

### *1697 год*

Швеция была в трауре. Умирал Карл XI.

Король уже с год как жаловался на боли в животе, которые не мог облегчить ни один медки. Могли временно заглушить их опиумом, но не унять вовсе, не избавиться от них короля...

Софья сначала подозревала отравление, даже отправила своих людей к шведскому двору, чтобы посмотрели короля, а то мало ли кто его травит и зачем? Такие подарки себе надо делать самостоятельно. Потом она получила донесение и успокоилась.

Рак – вообще штука сложная, а в те года особенно.

Да, именно от рака и умирал сей король. Умирал в особенно обидное

время, в апреле месяце, когда природа начинает просыпаться и расцветать, умирал, не имея возможности даже попрощаться. Последние несколько дней боли были настолько сильны, что государя практически все время держали настойке опия.

Настроения во дворце были самые разные.

Королева Мария была... замкнута. Радоваться ей не хотелось, все же муж, но и печалиться не получалось. Все же супруг ей достался не из лучших, хоть они детей и прижили – любви не было. А значит, и скорби не будет.

Печальны были ее дети, особенно наследник престола, Карл XII. Он искренне любил отца.

Рыдала в своих покоях Гедвига Элеонора. Не дай Бог никому пережить своего ребенка. Только вчера он был младенцем умильная мордяха, крохотные пальчики, которые доверчиво сжимаются на твоей руке, кружевные пеленки – и вот уже он взрослый. И даже женился.

А потом – эта нелепая смерть! Такая... неправильная!

Дети не должны уходить раньше родителей! Не должны!

Ей встать бы сейчас, взять себя в руки, попробовать стать регентом при малолетнем государе или хотя бы поддержать его...

Не получалось.

Самой бы кто помог...

Фрейлины вылетели из ее покоев впереди своего визга. Глупые курицы! Дряни! Лицемерные морды, фальшивые волосы, румянец, и такое же бездарное сочувствие!

Но дверь все же растворилась, чтобы чуть скрипнув, закрыться за посетителем.

– Бабушка...

Юный король сам пришел к Гедвиге. Положил руку на плечо, пытаясь утешить, как мог. Скорбь тянется к такой же скорби, а Мария ее выказать не могла. Старалась, но обмануть сына не вышло.

– Карл...

Как же он похож на отца!

Наверное, не меньше получаса бабушка с внуком обильно поливали друг друга слезами, оплакивая... кого?

Отца и сына – да, безусловно. Но еще и детство Карла, которое закончится слишком быстро. Спокойствие Гедвиги, которому тоже пришел конец. Хорошо если невестка ее не сошлет куда подальше, а ведь может, еще как может...

Любви между ними никогда не наблюдалось, а решительности у

Марии хватит.

– Нам надо поговорить, – наконец решил внук.

Гедвига вскинула брови. От слез белила и румяна на ее лице расплзлись и оно представляло собой жутковатую маску, но внука это не пугало. Сам выглядел не лучше.

– О чем же?

– Сейчас начнется траур по отцу. Я несовершеннолетний, поэтому мне нужен кто-то рядом. Опекун.

– Твоя мать...

– Отец не доверял ей. Он доверял тебе.

Это была высокая оценка для Гедвиги. И правдивая, к тому же. Мария все равно оставалась для народа англичанкой, а для своей семьи – чужой. Как это ни печально.

– И что ты хочешь, чтобы я сделала?

– Я могу настоять, чтобы меня короновали сразу. Это вполне возможно.

– Дворянство нами недовольно, ты знаешь.

– Именно. Поэтому, чтобы избежать народных волнений, я хочу, чтобы ты была моим регентом. Ты умна, тебя любит народ, к тому же, мы сможем договориться.

Гедвига помотала головой.

Черт возьми, а ведь ее кровь! Ее воспитание!

Не дуры Мэри, которая отродясь ничего толкового сделать не могла, а именно ее! И каков характер! В момент смерти отца думать о будущем, готовиться к нему...

– Нас поддержат? Твоя мать ведь...

– Будет против. Но если она будет сильно против – отправится в Англию, к сестре, по решению риксдага.

– Ты сам это придумал?

– Нет. Отец понимал, что умирает, он разговаривал со мной, мы обсуждали и это, в том числе. Ты ведь согласишься?

– Да, конечно. Бедный мой сын, мой несчастный мальчик...

– Это ведь русские виноваты, да?

Гедвига Элеонора вспомнила царя Алексея Алексеевича. Холодные синие глаза, улыбку Романовых, насмешливый голос, цедящий издевательские слова, бледное от гнева лицо сына...

– Да. Это они во всем виноваты.

– Отец это тоже понимал. И хотел отомстить, но не успел.

И тут Гедвига испугалась. Уж сколько раз они пытались прийти за

шерстью, поквитаться с русскими, а уходили... хорошо, если уйти удавалось.

– Не надо, мальчик мой! Нет!

– Что именно, бабушка?

– Мстить не надо! Русские – это страшный противник! Если еще раз воевать с ними – мы все потеряем, вообще все! Они нас уничтожат!

– Отец мне это тоже объяснял, – на лице будущего короля мелькнула усмешка. – Русских действительно можно ударить только в спину. И – нет. Я не считаю это позором. Это варвары, дикие люди, которые не знакомы правилами чести, они не знают истинной веры, они даже крестятся нелепо – справа налево, а значит, и поступать честно с ними – просто нелепость. Они не поймут, что такое истинное рыцарство. Им не место среди нормальных людей – и я очищу Швецию от этой заразы! Не сразу, но очищу.

– Но...

– У меня есть план. У нас с отцом.

На последних словах голос Карла чуть дрогнул, изломался. Все-таки он был еще ребенком, этот бесстрашный мальчик, но во дворце у детей не бывает долгого детства.

Выслушав предложение внука, Гедвига надолго задумалась. Внук не мешал ей, переставляя изящные безделушки на туалетном столике. Наконец Гедвига подняла на него темные глаза.

– Это... может получиться. Но ты понимаешь, что если что-то пойдет не так...?

– Понимаю. Значит, все должно пойти именно так, как надо. Ты со мной, бабушка?

– Да.

Гедвига смотрела прямо в глаза внуку.

С ним. Все равно у нее больше никого не осталось. Внучки малы, Мэри... ну, тут все ясно. Сын умирает. Внук же дал ей точку опоры – и женщина вновь готова была перевернуть всю землю.

Карл, в свою очередь, тоже был доволен. Бабушка была умной и сильной. Где недосмотрит он – увидит и подскажет она. Вместе они справятся с самым сложным планом. И обязательно поквитаются с этими варварами.

Карл XI умер 5 апреля 1697 года. Через несколько дней риксдаг короновал Карла XII – и за тронем его стояла Гедвига Элеонора. А разозленная королева Мария готовилась к отъезду в Англию. К сестре, благо, Анна согласилась ее принять.

Ее попытки повлиять на сына ничего не дали, а потому и ловить в Швеции было нечего. Была она приживалкой при живом муже, теперь будет меньше, чем ничего. Гедвига не даст ей даже подойти к детям, она это понимала. Стоит ли оставаться ради унижений?

Определенно, нет.

Дочерей жалко, ну да ладно. Переживем.

\* \* \*

– Позвольте представить, государь, сие трава никотиана есть! Дым ее разум просветляет, дарует наслаждение...

Купец Пауль ван Меерн кланялся перед тронем государя. Сколько взяток ему пришлось дать, чтобы получить аудиенцию! Скольких подкупить! Все же варвары, эти русские – варвары, а ломают, как в просвещенных странах!

Пауль был бы еще больше задет ситуацией, знай он, что все его взятки скрупулезно записывались и передавались на полезные дела. Царевна Софья распорядилась.

Ясно же, что неподкупных чиновников не бывает. Пусть тогда берут взятки, но отчисляют процент в казну. И берут не со всех дел, и не со всех людей...

Дошло не сразу, но потом дьяки и подьячие разобрались. Вот ежели кто придет кланяться и справедливости просить – с тех ломить грех. За него господь на небе накажет, а Ромодановский на земле. А с заморских гостей, к примеру, али с дворян, которые, обнаглев, барана поделить не в состоянии и родами считаются – тут не грех и кусок шерсти сорвать!

Вот и сорвали.

– И чего тебе надобно, гость заморский? – Алексей Алексеевич развлекался.

– Дозволь, государь, сей травой на Руси Великой торговать?

Пауль долго расписывал, какая полезная эта трава, сколько от нее добра может произойти людям и договорился малым не до того, что все европейские государи по утрам испивают трубочку-другую никотианы, уж перед важными совещаниями так точно.



Договорился бы.

Не дали. Вмешался протопоп Аввакум. Мягко так, ласково.

– Дозволишь ли слово молвить, государь?

– Разумеется, отче, – тут же согласился Алексей. Это заморский гость не обратил внимания, а государь со своего места видел, как Аввакум скрылся за потайной дверкой – и минут через пять вышел обратно. Интересно, что хочет передать сестрица?

Сама Софья старалась присутствовать на таких приемах как можно меньше – разве что понадобится впечатление произвести. А так – ни к чему. И бояре недовольны, и времени отъедает, и этикет, будь он неладен – приходится на себя кучу тряпок наматывать... нет уж! Она из-за занавески послушает, а потом что надо на ушко шепнет. Или просто потом с братом обсудит...

Но в этот раз медлить она не стала. Аввакум добродушно улыбнулся, надвигаясь на Пауля всем своим немаленьким ростом. С возрастом протопоп не утратил боевитости, разве что огрузнел, раздался вширь, но это была мощь не пуховой подушки, а, скорее, матерущего медведя. Ох, не стоит у него попадаться на пути...

– А чтобы рога отращивать, али хвост чертячий – у тебя травок нет, гостюшка заморский?

Дернулись все, включая патриарха. А Аввакум уже гремел на всю залу Кремля.

– Что ж вы – не помните, кто дымом дышит, изо рта его пускает, смраден и черен!?

Бояре ахнули. А ведь и верно... Лукавый?! Ой, не иначе!

Аввакум несколько минут цитировал Священное Писание, перечисляя дымовые привычки Сатаны, а потом вообще предложил голландца отправить на покаяние на Соловки. Ясно же, что мужик не виноват, его бес попутал....

Алексей Алексеевич решил развлекаться до конца – и предложил торговцу самому испробовать свой товар. Вот прямо здесь и сейчас.

Пауль бледнел, краснел, потел и чуть ли не писался, но отказаться не посмел.

От вонючего дыма расчихалась половина присутствующих. Вторая половина брезгливо сморщила носы, когда понюхали, чем пахнет от торговца.

Вывод был прост.

Торговца гнать с Руси, чтоб не тащил пакость на землю православную.

Товар конфисковать и сжечь, лучше – за пределами Москвы, чтобы не

воняло. Компенсацию ему выплатить, хоть и небольшую, все же старался, вез, может, и из лучших побуждений.

Траву никотиану на Руси воспретить отныне и навеки. Кто будет дымоглотствовать – брать в батога и выбивать желание Сатане подражать. А потом, когда после батогов отлежится – в монастырь. На год. На трудовое покаяние.

А нечего!\*

***\* Петр Первый в этом году как раз разрешил торговать табаком на Руси. Прошу прощения у курящих, но все знают, как негативно относятся к этой привычке сттароверы, не говоря уж о реальном вреде для здоровья, прим. авт.***

\* \* \*

– Ты зачем торговца загрызла? – брату и в голову не пришло, что Софья могла ошибиться, он просто ждал объяснений.

– Потому что вредная это трава, и люди от нее мрут. У них внутренности становятся как закопченными, понимаешь? Нам строже надо быть с теми, кто попробует Европе подражать. Много у них там плохого, не тащить же сюда всякое....

– Не тащить. Что у нас с политической обстановкой, кстати?

– По последним данным, – Софья с радостью выбросила из головы торговца. Указ подпишем, покаяние назначим – и пусть только кто попробует табак на Русь завезти! Показать бы тем умникам пульмонологическое отделение – мигом бы поняли, как здоровье ценить надо! – Не возражаешь, если я начну с того, что поближе?

– Соня!

– Так. Ну, в Швеции у нас один Карл умер, второй воцарился. По данным разведки – причина смерти естественная, его сын собирается править самостоятельно. Его мать, Мария, в девичестве Стюарт, собирается домой, в Англию. Сильно разругалась с сыном и свекровью. Окончательно, я думаю. Ее сестра собирается выделить вдовствующей королеве симпатичный домик, возможно Виндзор... что-нибудь из королевских замков, одним словом. Кстати – королева Анна ждет уже третьего ребенка.

– Да вроде как не третьего?

– В том смысле, что троих последних она прижила не от мужа. И получились вполне здоровые, так что нашему Карлуше мало что светит в Лондоне.

– А от кого она...? Ты вроде как говорила, но я не брал в мысли...

– Есть там такой адмирал, сэр Эдвард Рассел...

– Она никого поприличнее не могла найти? Из Стюартов, например? Есть же там какие-то двоюродные, кузены, племянники дяди тестя...

– А зачем ей? Внешность у нее самая типичная, у сэра Рассела тоже, так что дети определенно удадутся в мать, в крайнем случае – в деда или бабу по материнской линии. А что не Стюарт – так в ней королевской крови хватит. Зато мужик умный и надежный, мы это ценим.

– Тогда Карл может это тоже знать, да и Людовик...

– Карл – не может. Уж если даже адмирал не знает...

– Это как?

– Вот так. Наши люди знают, потому что королеву не выпускали из вида, а случилось важное дело наследникозачинания на маскараде, в платье с чужого плеча и с закрытым лицом...

– М-да, английский адмирал – герой. Я бы не решился. Вот так снимешь маску, а там – страшила. Или, того хуже, королева.

– И – все. Не мужчина на всю оставшуюся жизнь, – хмыкнула Софья. – Хрупкий вы народ, мужики.

Алексей мимоходом взъерошил сестре волосы, на миг сбрасывая груз забот. Кто бы сказал, что можно вот так дурачиться, подшучивать над сестрой – и слышать ответное сердитое шипение. Царь ведь, и года немалые...

– А Карлушу тогда куда?

– А в Шотландию или Ирландию. У него там уже вполне крепкие позиции. Наша леди Снегурочка – Софья в свое время прозвала так Анну де Бейль, а потом и сообщила об этом Алексею, – все больше прирастает к Людовику. Ей не жалко венценосного супружника, но о его планах она знает все. Даже то, кому он доверит подать левый носок на следующий день.

– Пф-ф...

– Ты зря смеешься. Людовик гениален. До него интриговали против или за короля, а сейчас воюют из-за права подавать королю носки или трусы.

– Ты это уже говорила.

– А ты забываешь. А ведь человек – глыба. Жаль, что союзником он не станет, но хоть бы не врагом.

Что было – то было. После эпидемии, которая вспыхнула во Франции, Людовик едва удержался. Но смог ведь!

А надо было так немного. Всего лишь распустить слухи, что сап

наслан за грехи его величества на всю Францию. И пока не перестанет он на чужой каравай роток раскрывать, так и будет несчастная страна мучиться. Не знать покоя и отдыха, задыхаться от налогов и эпидемий. И тут еще что хуже....

Смешно?

Французам было не смешно. По отдельности все были людьми адекватными, но толпа...

Людовик мог попробовать набрать новое войско взамен переболевшего, мог опять двинуть его на Испанию, но стоило собрать хотя бы полк, как там тут же начинали звучать эти разговоры. И все чаще, все громче...

Ла Рейни исправно доносил все его величеству, а Людовик... жить ему хотелось больше, чем наживаться за чужой счет. Как-то тяжело получалось для королевства.

Сначала скандал с любовницей и черными мессами – поди, докажи, что ты непричастен. Даже если тебя просто пытались приворожить – ложки-то нашлись, да осадок остался. Неприятная история.

Потом несколько неудачных войн...

Все сложилось один к одному. Эпидемия, военные неудачи на море и на суше, разгром Людовика Аугсбургской лигой, причем злой Леопольд намекал, что Лига как разобралась, так и обратно соберется, если кое-кто берега потеряет, отсутствие поддержки от Турции, которую безумно выматывали конфликты с Русью, скромные намеки Папы Римского, что Людовик загрыз уже всех своей идеей с расширением территории, еще немного и его от церкви отлучат, опять же повальное бегство гугенотов, после которого выяснилось, что эти негодяи держали в своих руках нескромный кусок французской торговли и французских же денег! А поскольку бежали гугеноты очень организованно и согласованно, и большей частью на Русь, то и капиталы они вывезти успели. Так что экономика Франции шаталась, аки больной зуб, скоро бриллиантовые пряжки с туфель придется срезать и продавать...

Людовику пришлось прижать хвост, что не улучшило его характер – и ограничиться действиями в Англии. Эту – ему оставили, потому как континентальной Европе было три раза безразлично, что там на острове происходит. Хоть бы и чудовище из моря вылезло, да всех перекушало. Пока оно не полезет на материк – приятного аппетита.

Так что энергия Людовика сосредоточилась на Англии и колониях.

Больше Софью беспокоил Леопольд. Избыток набожности вовсе не мешал императору воевать...

– Знаешь, у меня такое ощущение, что Польшу они в покое не оставят.  
– Согласен. Слишком лакомый кусочек, но что мы можем сделать?  
– Все что могли – уже сделали. Можем еще отписать Марфе и Михайле, что не бросим их детей и поможем их стране, но это – ветер. Они и так это знают.

– А Венгрия?  
– Илона недавно прислала письмо. Она счастлива. Наталья ее одарила вторым внуком, тоже мальчишка – и не намерена останавливаться на достигнутом. Кажется, это получился очень счастливый брак.

– И почему же?  
– Илона по секрету написала мне, что в покоях князя регулярно приходится чинить кровать, которая страдает в процессе... эммм....

– Я понял. Твоя ведь работа?  
– А хоть бы и моя – кто-то жаловался?  
Софья подняла брови. Алексей помотал головой. Вот уж на что другое, но на технику любви? Уметь надо заниматься, и этим в том числе. Он точно знал, что Ульрика – и та пошепталась с Софьей, а потом и с Лейлой на эту тему. Интересно, могло ли в его жизни быть иначе? Искренне?

Он иногда ловил себя на мысли, что завидует отцу. У Алексея Михайловича были хотя бы иллюзии, а у его сына и этого не осталось. Только тяжелая, грязная и кровавая работа.

Вот и о работе, кстати...  
– Леопольд успокоился?  
– Нет. Но наши люди провели небольшую диверсию и подставили ему еще одного отпрыска рода Батори. Якобы внебрачного, но по мужской линии приходящегося мужу Илоны чуть ли не троюродным братом. Так что Леопольд сейчас занимается этим кадром, а Прокопий подготавливает почву для исчезновения. Так ведь намного лучше – собрать всех заговорщиков в одном месте – и перебить. А потом повторить для закрепления результата.

– Твоя идея или Илоны?  
– Ее мечты, моя идея, и воплощение Прокопия.  
– Главное – результат.  
– Будет. Обещаю. Когда я тебя подводила?  
– Никогда. А датчане?  
– Кристиан писал недавно. Жалеет, что приехать не может, прислал сестре свой портрет, кучу всякого барахла и свою любовь. Ульрика не говорила?

– Упоминала. Она ему тоже что-то такое хотела отправить...

– Меха. И несколько полушубков, какие-то украшения по мелочи. Кристиану хотелось бы повторить поход на шведов, но я думаю – перебьется?

– Да еще как. Пусть живут в мире и согласии.

Софья задумчиво кивнула.

– Долго ли оно продлится?

– Ты что-то знаешь?

Женщина покачала головой. Нет, не знала. Точнее... Карл XII из ее времени был достаточно умным, сильным и самолюбивым молодым человеком. А еще талантливым военным. Хотя сколько тут правды, а сколько лжи?

Но ведь была Полтава, и было много чего еще, и войны были, и Карл был совсем мальчишкой – приближалась уж та пора, которая в ее мире отмечена была русско-шведской войной. Здесь Швеция не та – пообщипали ей перышки, но мало ли?

– Не знаю. Крутится что-то такое, а вот что?

– Пошли. Ванька сейчас у меня в кабинете, попробуем втроем ухватить твой крутящееся.

Алексей привык, что предчувствия сестры сбоев не давали, да и воевать сейчас не хотелось. Лучше уж упреждающие удары.

\* \* \*

– Тетя Соня, можно тебя на минутку?

Александр Алексеевич поразительно напоминал Софья своего отца в этом же возрасте. От матери ему почитай ничего не досталось. Ульрика, кстати, была довольна – мальчишка получился красавец, в папу. В Романовскую породу. Хотя какой там мальчишка – двадцать лет. Взрослый мужик уже, женить скоро надо будет!

– Что случилось, Саша?

– Да со мной тут пытается один иностранец подружиться.

– А почему ты об этом говоришь мне? Пусть им Ромодановский займется.

– Дядя Федя-то? Может, и стоило, но Аленка предложила сначала с тобой посоветоваться.

Софья оценила. Ай да дочка, молодец. Приручает братца...

– Слушаю тебя внимательно, Саша. Мой кабинет для разговора подойдет?

- Вполне.
- Тогда прошу. И как зовут этого иностранца?
- Франц.

Софья остолбенела.

- Погоди-ка. А его фамилия – Лефорт?
- Да. Теть Соня, а ты его знаешь?

Софья знала. Да еще как знала... не понимала только, почему в учебниках истории о нем хорошие отзывы. Один всепьянейший собор чего стоил, а ведь с его подачи основан. И Анна Монс тоже... Вот почитать просто книгу Толстого – так дурно ж станет. Ясно, что ругать государя писатель не мог, воспитание не позволяло, но правду написал – от всей души.

Просто надо уметь читать не восхваления, а между строк. Петр не просто плевал на все традиции, он рушил моральные устои. И ни к чему хорошему это не приводило.

В этом веке девушка, которая живет с мужчиной без венчания, могла проснуться с воротами, вымазанными дегтем, глумление над верой наказывалось не идиотскими процессами в суде, а быстро и качественно – ссылкой в монастырь, или вообще сожжением, а уж растление царского сына...

Было оно или не было, но Софья помнила еще со своего времени – предположения, что Лефорт приобщил юного тогда Петра к однополый любви... черрррт!

Ну, если и тут то же самое, и если Сашку сейчас пытаются растлить...

Софья мысленно пообещала себе, что уроет гадов. Точнее обеспечит им курорт на Соловках – в молитве и посте, лет на сорок, для пущего оздоровления. Или вообще прибьет потихоньку! И принялась выяснять подробности.

– А как он к тебе подкатывает?

– В друзья набивается. Приглашает в Немецкую слободу, книги дарит, разные диковины...

– Ты был у него?

– Один раз. Едва от меда отплевался.

– Какого меда?

– Который мне в уши лили. И такой я, и сякой, и хороший-золотой, и цены мне нет, и государем я буду великим... как еще ничего не слиплось?

– Например, уши?

– Именно! Теть Соня, нам же рассказывали про подходы к человеку! Все, как по науке. Приручить, прихвалить, прикормить...

– Девушку подложить. Не было?

– Обижаешь. К нему тут такая заходила, пока я в гостях был, так глазами стреляла, что окоп вырыть захотелось...

Александр показал на себе. Судя по всему «такая» с трудом жевала – бюст мешал.

– И как зовут сию особу?

– Анхен. Вот фамилию не знаю...

– Спорим – я знаю. Если это не Анна Монс, то я – княжна Тьмутараканская, – прошипела Софья. – Вот ведь... повыползали!

– Тетя, да ты все знаешь. Мы уж и привыкли.

– Но своим-то умом пользоваться не отвыкли, а это главное. Значит, не веришь в дружбу?

– Со стороны Лефорта? Нет!

– А с чьей веришь?

– Той же Аленки. Теть Сонь, а вы ее замуж не выдадите?

– А надо? Замучила она тебя своей любовью?

– Наоборот. Хорошо бы, чтобы она здесь оставалась, неподалеку.

– Я ее неволить не буду, так что в твоих интересах подобрать ей супруга поближе к столице. Да и то... сам-то жениться не собираешься?

– Чего спрашивать, коли вы все знаете. Отец невесту приглядывает.

С подачи Софьи и приглядывал, строго говоря. И выбор был невелик. По германским княжествам шарить никто не собирался, понятно, что девок там будто на грядке, но кому эта свора нужна? У них кроме амбиций и голого зада и нет ничего! А кто оставался?

Людвика вычеркнули из списка, у Педру внебрачная дочь Луиза, а это плохо, нам законные нужны, у Леопольда девок вагон, да только кровь у Габсбургов гнилая, нечего всякую пакость на Русь тащить. С Кристианом не породнишься, слишком близкое родство, разве что в Италии кого-то поискать? Хотя если что – и на Руси невесту найдем. Была бы здоровая и умная, а остальное поправимо. Вон, поглядите на Любаву? Идеальная ведь жена получилась. Отличные дети, и в политику не лезет, что еще надо?

– Ну, тебя-то всегда спросят, сам знаешь.

– Что тут знать или не знать? Надо. Только выбирать с умом будем. Чтобы не дура, а то дети в мать пойдут, чтобы бояре не шумели лишний раз...

– Красивая?

– Это будет приятно, но ночью все кошки серы.

Племянник уклонился от маленькой подушечки, которую запустила в него Софья.



– Тетя, ты что? Я же так, умозрительно.

– Умопостроительно. Ладно. Саша, спасибо, что сказал. Лефортом я займусь сама.

– А я?! Ты не дашь мне поиграться?! Он что – шпион!?

– Думаю, что он – хуже. Шпионить – это вряд ли, а вот повлиять на тебя, приучить к чему-нибудь плохому... он непорядочный человек, Саша.

– Это я и так понял.

– И как же?

– Будь он порядочным, он никогда бы мне об этом не сказал.

Софья фыркнула.

– Ладно. Я сейчас попрошу дядю Федю прийти сюда – и будем разбираться. Если что – ты согласишься поработать живцом?

– Конечно!

– Лучше даже на пару с Аленкой, ей тоже пора зубки пробовать...

– Почему нет? Этот типчик намекал, что мне и моим родным в его доме всегда рады будут...

– Еще бы он попробовал не радоваться. Как вы познакомились?

– Я к Лейле забегал.

– К Лейле? – прищурилась Софья. Племянник даже не подумал покраснеть или смутиться.

– Ну, к Фирузи. И что, нельзя?

– Можно. Сам же знаешь, что можно, если она не против.

Фирузи, одна из воспитанниц Лейлы, недавно попала в поле зрения царевича – и решила пройти с ним курс наук по обольщению мужчины. Парень не возражал, Софья и Лейла – тоже. Ни во что серьезное это не перерастет, а чем мальчишка будет искать кого-то на стороне, еще и с риском подцепить болезнь... нет уж. Тут хотя бы все чисто, аккуратно и красиво.

– Ты повидался с девушкой...

– И на выходе из дома столкнулся с Лефортом.

– Дальше все было делом техники?

– Я так понимаю, что да. Я его толкнул, он уронил книгу в грязь...

– А мимо книги ты пройти не в состоянии.

– Ну да. Слово за слово...

– Понятно.

Софья постукивала пальцами по столу.

Лефорт, Лефорт... плохо то, что о тебе почти ничего не известно. Мне неизвестно. Но есть Ромодановский, которому ты очень дажегодишься – палачей обучать. Это тебе не времена Алексея Михайловича и не начало

царствования, когда нам приходилось скрываться, осторожничать, оглядываться на кого-то. Сейчас страна довольна своим государем настолько, насколько это вообще возможно. Даже если тебя средь бела дня на улице схватят – никто и ухом не поведет. Пропадешь, как и не бывало тебя на Руси.

Софья отпустила племянника, вызвала Ромодановского и принялась отдавать приказы.

\* \* \*

Да, бывает и так.

Выходишь ты от любовницы, садишься в карету, а потом на лицо тебе падает пахнувшая чем-то непонятым тряпка – и ты отключаешься намертво. А когда приходишь в себя...

Ох и неприятное это ощущение – очнуться голым, в подземелье, растянутым на дыбе, да еще в присутствии палачей, которые поглядывают на тебя с таким плотоядным интересом, что племя людоедов позавидует.

И протестовать ты никак не можешь, потому что рот кляпом занят.

А потом из полумрака выходит фигура, при взгляде на которую ты понимаешь – все пропало. И ты сам пропал, и будет ли у тебя будущее – неизвестно. Федор Юрьевич Ромодановский – фигура страшненькая.

И начинаются вопросы. А если ответы его чем-то не устраивают...

Лефорту было очень больно.

\* \* \*

– Да нет, государыня, – докладывал через пару дней Ромодановский Софье. – Мне кажется, что за ним никто не стоит. Сам по себе он честолобец изрядный – вот и хотел пиявкой к будущему государю прилепиться.

– Ему точно никто не поручал растлить Александра, или приучать его к европейским обычаям, или...

Софья смотрела зло и холодно, но Ромодановский не дрогнул.

– Точно. Моим людям не врут.

Софья и не сомневалась. Под плетями, под каленым железом... пытки – европейское изобретение? Э, нет. Не только. Такие специалисты были востребованы в любой державе.

– Он в товарном виде?  
Ромодановский пожал плечами.  
– Суставы вправим, ожоги и раны полечить можно...  
– Вот и ладненько. Оформите ему ссылку куда-нибудь подальше, в один из монастырей, без права выхода за ворота. А что там с Анхен Монс?  
– Исключительно его же инициатива. Он сам пользовался ее услугами и был убежден в опытности женщины. Известно ведь, что часто государством правят фаворитки...  
– Понятно. Выдайте ее замуж.  
– Замуж, государыня?  
– Да. Куда-нибудь подальше. Финляндия, Может быть Швеция – та часть, которая теперь наша. Есть у нас кто-нибудь подходящий, чтобы в Москву эта немка не вернулась в ближайшие лет двадцать?  
– И в пятьдесят не вернется, – Ромодановский уже продумывал варианты. Убить, конечно, было бы надежнее, но вроде как Монсixa еще ничего не сделала? А что дура – так были б все бабы, как государыня Софья, может, и мужики б перевелись на земле. Напугать ее хорошенько, выдать замуж – и пусть катится, да возвращаться не вздумает.

Так и сделали.

Для Александра Алексеевича же история эта имела простые последствия. Вызвал его государь и повелел – жениться.

На ком?

А соберем смотрины, там и невесту выберешь.

Кого?

Найдем. Но лучше, чтобы без клана за ее спиной, а то замучили уже бояре. Одни Милославские чего стоят! Можно, кстати, последовать примеру Владимира – и найти какую-нибудь персиянку или грузинку...

Впрочем, по здравому размышлению, пришли к мысли, что связываться не стоит. И вскоре была найдена Мария Алексеевна Ржевская.

\*

**\* точная дата рождения девушки неизвестна, только род Ржевских, но авторский произвол подвинул ее поближе. Прим. авт.**

Достаточно красивая, неглупая, неизбалованная – род был не слишком богатым и влиятельным, зато многочисленным. А это давало надежду сравнить их с Милославскими – пусть друг другу гадости делают, меньше времени на воровство и кляузы останется. Софья, прочитав фамилию новой царицы, долго хохотала, а потом предложила произвести ее брата Юрия в чин поручика.

Ну да и ладно, пусть будет.

Плюсом было и то, что девушка не оканчивала Софьиной школы. Просто жила, получила домашнее образование – не слишком плохое по этим временам. Так что пусть выходит замуж, детей рождает, а воспитанием их найдется кому заняться. Мальчиков – в царевичеву школы, в Дьяково, девочек тоже обучать...

Главное не допустить таких, как Николай Второй, который в двадцать два года раз и навсегда прекратил свои занятия. А чего учиться, давай жениться – и править! Вот и результат...

Или это закономерно?

Софья не собиралась над этим задумываться. Жизнь шла своим чередом. Женить надобно племянника, да и самой бы мальчишек женить пора, Аленку замуж выдавать, внуков повидать – чай уж не девочка, сорок лет стукнуло. По здешним временам – более чем солидный возраст. Мать всего на пять лет старше была, когда умирала.

Время, Господи, как летит неумолимое время...

\* \* \*

Император Леопольд был недоволен – и сильно. Казалось бы – в чем проблема? Турок выгнали, Вену отстроили, налоги подняли – все прекрасно? Ан нет. Хотелось-то большего. Была Венгрия – и нет ее. Кусочек-то остался, а большую часть сожрали. И не вернут, чуяло его сердце. Ракоци так за это время размножились – говорят, Илона Зриньи третьего внука ждет, что всех не перебеешь. А если и удастся, все равно скажут, что кто-то выжил. Замучаешься от самозванцев отмахиваться. Да и русский государь за плечом Наталии Ракоци – фигура немаловажная. Хотя и безразличны были Европе те варвары, а все же Леопольд отлично знал, что русский государь своих в беде не бросит. Так что покушаться на его сестру – отдача замучает.

Негодяи русские, мерзавцы поляки – все они, они виноваты, а то кто ж еще?!

Леопольд размышлял над ситуацией – и тем неприятнее она ему казалась.

Страна разорена войной, да турки и теперь не угомонились. Несмотря на то, что у них идут постоянные вялотекущие стычки с русскими, они все равно топят корабли, совершают набеги... саранча проклятая!

А Людовик?

То, что он чуть поприших, не значит, что окончательно успокоился.

Грустно, грустно было Леопольду. И на свой стол он смотрел с плохо скрытым отвращением. Можно подумать, там что-то приятное встретится.

Ан нет.

– Ваше величество, вам письмо от его величества Мигеля.

Мигеля?

Ах, ну да, сын Испанского Бастарда. Но род-то продолжен? Габсбурги не вымерли окончательно. А как злобился Людовик...

Что же хочет предложить дон Хуан?

Леопольд не обольщался насчет автора письма – и так понятно, что не сам король его написал, ему еще до ума сколько бы лет доходить, а вот отец-регент может что-то предложить... полезное. Только что?

Леопольд сломал печати и углубился в письмо. По мере прочтения морщины на его лице разглаживались, появлялась улыбка...

Как удачно-то!

Скоро будет достроен канал между Рейном и Дунаем. Создана система шлюзов, да в общем-то все готово, чтобы по нему прошли первые корабли. Но!

Если Леопольд поднимет у себя пошлины, затея окажется бессмысленной – во всяком случае пока. А потому ему предлагают... процент. Небольшой, но приятный. И небольшую скидку для австрийских купцов.

Грех не воспользоваться!

Перо Леопольда заскользило по бумаге. Такое он секретарю не доверит, сам отпишет. Пока – процент, потом, возможно, доля, а со временем, кто знает? Вот Евгений Савойский в ходе войны получил под свое крыло Бельгию, а Леопольд, с течением времени, может получить тот симпатичный кусочек территории с каналом? Всему свое время.

\* \* \*

– Людовик прислал нам письмо, Мария.

– Что нужно этому гаду?

Маша не питала никакой симпатии к Людовику. А с чего бы? Не успел умереть несчастный Карлос, как этот солнечный-подсолнечный гад развязал войну на половину Европы.

– Мария...

Укоризна получилась не вполне искренней – Людовика дон Хуан тоже не переваривал после войны. Это еще спасибо, все так удачно совпало.

Сап вспыхнул, попутно произошло несколько взрывов на пороховых заводах, на море трепали французских каперов в хвост и в гриву, с продовольственными запасами туго, по морю их привезти возможности не было, по суше никто не дал бы, еще пара неурожайных лет – и правил бы Людовик только собой.

– Так что ему нужно?

– Наша Инезилья.

– Что!?

Пальцы Марии сомкнулись на стоящем рядом подсвечнике так, словно рядом была чья-то голова в парике, увенчанном короной. Огреть бы, что есть силы!

– Наша дочь?

– Он предлагает заключить союз между ней и Филиппом Анжуйским.

– Филипп Анжуйский? Эта меланхоличная тряпка?!

Маша отлично знала, о ком идет речь. И Филипп действительно был застенчив, управляем, слаб, податлив, правда, очень набожен, но стоит ли считать это таким достоинством? Верующим человеком легче управлять с помощью страха Божьего, это верно, но ведь королевская семья!? Случись что с Мигелито – и у Людовика появится шанс, а он своего не упустит.

– Зачем нам это нужно?

– Они получают во владение Ломбардию.

Мария задумалась.

Если так – это выгодное вложение. Но – дочь?!

– Я думаю, надо поговорить об этом с Инезильей.

Дон Хуан не выказал особенного удивления. Он понимал, что на Руси у женщин есть определенная свобода, которой лишены знатные испанки. Не у всех, нет, но в царской семье дело обстояло именно так. Он знал, что допрежь их помолвки с Марией, Алексей Алексеевич разговаривал с сестрой. Знал, что изначально было получено ее согласие, иначе свадьба не состоялась бы. И... обожал дочь.

Инес, смуглый синеглазый дьяволенок, как две капли воды похожий на своего отца, была умна, очаровательна, охотно училась и вызывала улыбки на лицах самых отъявленных ревнителей благочестия и благочиния.

И выдать ее замуж насильно?!

Да пусть Людовик катится ко всем чертям! Еще повоюем, если понадобится!

Впрочем Инес отца не разочаровала.

Выслушала предложение, сказала, что хочет подумать, даром, что тринадцать лет соплюшке, а через два дня заявила, что согласна. Но

свадьба и переезд к жениху – только после семнадцати лет. За это время много воды утечет, она многому научиться сможет, да и кто знает? Может, и Людовик помрет за это время...

В любом случае, кровь там не самая плохая, титулы, опять же, хорошие, а дети...

А что – дети?

Где сказано, что их обязательно надо будет рожать от мужа? Неужели на всю Ломбардию ни одного стоящего мужчины не найдется?

Последний довод, впрочем, отцу не приводился, чтобы донна Хуана кондрашка раньше времени нехватила. А то женщины они такие, коварные...

Помолвка была заключена – и в Европе воцарился мир. Относительный, плохонький, но все же мир. А сколько предстояло восстанавливать?

Много, очень много. На это сейчас и были брошены все усилия их величеств. Силы, время, деньги... И что печально – и первого, и второго и третьего почему-то не хватало.

\* \* \*

На Руси тоже не собирались тратить ресурсы впустую. Пока в Европах зализывают раны, мы подгребем колонии. Ну зачем французам Канада? И без Америки англичане обойдутся, пусть сидят у себя на островке и не дергаются. Ишь, нашли, куда всех ссылать!

Нет уж.

Мы так не поступим. Мы поможем индейцам, дадим им ружья, объясним насчет болезней, поддержим знаниями и когда-нибудь это воздастся сторицей. Даешь Америку для коренных американцев!

Может, и в этом мире будут резервации, безжалостное истребление целых племен, война между Севером и Югом... может быть.

А возможно, и нет?

Софья знала, что она не доживет до результата. Даже ее внуки – и те не увидят, что получится. Но действовать все равно стоило. Даже если ее поступки спасут тысячу жизней – может быть, она уже оправдывает свое появление в этом мире? А если уж мечтать всерьез – даст Бог, спасением чьих-то жизней она сможет расплатиться за грех первого из Романовых, Михаила? За убийство ни в чем не повинного трехлетнего ребенка ЛжеДмитрия.

Она бы и сама расплатилась, да вот беда – нигде по таким счетам задолженности не принимали. Разве что *там*. Что-то будет ждать ее детей и внуков?

Но даже если впереди и будет дом купца Ипатьева...

Мы живы. Мы пока еще живы! И будем жить, бороться, любить... будем счастливы, вопреки всему!

Жизнь продолжается, а уж что будет впереди? Время покажет!

А пока стоит сыграть свадьбу! Государь женил сына, а Софья искала невест для своих мальчишек. Иван от этого дела устранился, заявив, что ищи, не ищи, а если мальчишки в него пошли – то сами себе жен выберут. Родители тут разве что помеха.

Софья вспомнила Феодосию Морозову, которая была отличной подругой, но ужасной свекровью – и согласилась. Да, иногда родительское давление может только навредить. Так что пусть мальчишки ищут невест, Аленка – жениха, и плодятся. Хотелось бы до смерти внуков повидать...

Впрочем, молодые Морозовы пошли в родителей, и спешить никуда не собирались. У них еще столько всего не освоено, они еще мир не повидали, и вообще... отпустите нас с молодым государем? Ему хочется по стране поездить, ну и нас тоже тянет. Посмотреть, как народ живет, на Урал наведаться, в Риге побывать... потом-то, когда (Бог даст еще не скоро) Александр Алексеевич на трон воссядет – так и не поездишь?

Родители подумали – и дали добро. Пусть дети посмотрят, как люди на Руси живут. Действительно, успеют еще в Кремле насидеться, а пока пусть учатся. Это ведь тоже опыт...

И когда они вырасти успели?

Вчера еще трехлетняя девочка играла с отцом в тавлеи, а сегодня уже ее дети думают заводить своих. Куда уходит время?



## Глава 8

1700 год

– У меня все готово, бабушка. А у тебя?  
Гедвига одарила внука нежной улыбкой..

– И у меня, малыш.

Только ей позволялось называть так короля. И только наедине. Она нечасто этим пользовалась, но вот в такие моменты, как этот...

– Когда?

– Я думаю, примерно через месяц. У государя как раз годовщина коронации. Все растеряются, а ты не упustiшь момента, так ведь?

– Я сегодня же отбуду к войскам.

– Замечательно.

Гедвига проводила внука взглядом. Да уж...

Он замечательный, ее Карл. Умный, красивый, сильный, отличный воин, но вот беда – честно воевать Швеция сейчас не способна. А потому ей придется взять кое-что на себя.

Неприятное, даже в чем-то подлое, но честную схватку Швеция сейчас не выиграет. Значит, остается бить в спину. Жестко, жестоко, неумолимо. И она это сделает. Ради своей страны, ради своего внука, а может, и ради власти, потому что именно она останется править, когда Карл уйдет воевать – Гедвига была готова на многое.

И все было готово для осуществления ее плана. Человек найден, он уже уехал в Москву, теперь остается только ждать вестей.

Она подождет.

\* \* \*

Троице-Сергиев монастырь готовился к приему государя заранее.

Все начищалось до блеска, мылось, подметалось, заменялось на новое, чай, не каждый день государь приезжает.

А что делать? Патриарх очень просил приехать, помолиться, все же почти четверть века прошло с момента коронации Алексея Алексеевича. Вот и отслужить бы молебен во здравие, чтобы еще столько же ему

править, да так же успешно, чтобы Русь новыми землями прирастала, ширилась...

Все-таки крупнейший монастырь на всей Руси, надобно уважить...

Алексей пожал плечами и согласился. Почему бы нет? Отец, вон, то в один монастырь ездил, то в другой, богомолен и праведен был, а ему все недосуг. Правда и то, что при отце страна из бунтов да изматывающих войн не вылезала, а при нем если что и случается, так Руси от того не слишком тяжко. Потому и некогда ему лбом в храме полы протирать. У Бога кроме его рук – других нету. Никто за Алексея не сделает, что должно.

И разумеется, ехать на богомолье надо было с семьей. А поскольку царевич с супругой были в отъезде, да и вообще Кремль резко опустел после того, как всех старших Романовых повыдавали замуж и переженили, Алексей подумал – и пригласил с собой на богомолье и ближайших друзей.

Князей Морозовых.

После войны со Швецией Алексей почти заставил Ивана принять княжеский титул. Чай, правая рука царская, на царской сестре женат, а все еще простой боярин?

Несолидно!

Иван отмахивался, но потом-таки согласился. Князь... ну, пусть будет князь. Главное, что друг, а остальное не так важно.

Софья подумывала остаться в Кремле, но Алексей все же вытащил ее в поездку.

В этот раз выезд был организован по всем правилам. Кони в пополах, бояре в высоких шапках и парчовых кафтанах, стрельцы... процессия медленно двигалась по улицам Москвы.

Убийца ждал своего момента.

У него будет несколько возможностей выстрелить и уйти, может быть – на пути туда, может – обратно. А может, и когда Алексей Алексеевич куда-нибудь поедет. Но в том и беда, что ездит он по своему желанию, так его, почитай, год дожидаться можно. А вот эта поездка запланирована чуть ли не за полгода, грех не воспользоваться.

Убийца ждал. Выцеливал белый кафтан государя в мельтешении людей, лошадей, карет... и только когда почуял, что пуля полетит точно в цель, спустил курок.

Вот оно...

В шуме и гаме выстрела сначала и не слышали.

Лежать бы Алексею Алексеевичу на мостовой, но буквально за пару секунд до этого...

– Вань, а хорошо бы каменную Москву отстроить?

– Что?

Отвлекся Иван Морозов, задумался о своем, глядя на жену. Словно и не прожили они вместе эти годы – все так же она была для него хороша и любима. И ехала чуть позади, сидя в легкой открытой карете.

– Да, государь?

И чуть тронул коня, двигаясь вперед.

Вот этого «чуть» и хватило, чтобы оказаться на линии выстрела. Сначала никто и не понял, почему князь Морозов оседает, запрокидываясь назад.

Алексей бросил поводья, слетая с коня, подхватывая друга, и понимая, что на его ладонях – кровь!? То есть... покушение!?

Кто-то вскрикнул, стрельцы кинулись на шум, поднялась суматоха... ловили убийцу, загомонили люди, но все перекрыл безумный женский крик.

И на московской площади воцарилась тишина.

Люди молчали, и в полной тишине царица Софья упала на колени перед своим мужем.

В груди князя Морозова алым зияла рана, лилась кровь, и царица, стоя на коленях, зажимала ее, а руки были в крови, и платье...

Синие глаза Ивана гасли, он попытался что-то сказать, но уже не смог.

Только смотрел до последней секунды на жену. Смотрел, жалея, что не сможет пройти с ней до глубокой старости, потому что любит и не хочет оставлять ее одну. И видел в ее глазах то, что знал всегда.

Любовь.

Искреннюю, сильную и безудержную.

Не ту, о которой пишут поэты и поют менестрели. А другую.

Когда человек – часть тебя. Души. Разума, сил, воли – и когда его забирают, остается пустота. А если ее слишком много – человек просто тонет в ней и тоже исчезает. Нельзя же жить в пустоте...

И сейчас эта пустота отражалась на лице проклятой царицы. А окружающие молчали – и было в молчании этом понимание. В единый миг она стала своей. Стала близка и понятна людям, стала родной, страдающей... поздно!

Для нее все было поздно.

Это Алексей Алексеевич распоряжался стражей, это по его указаниям ловили убийцу, а царица все так же стояла на коленях возле мертвого мужа – и никто не смел прикоснуться даже к краешку ее одежды. Настолько кощунственным казалось людям вторгнуться в это тяжелое, неизбывное горе.

Прервал его только Алексей Алексеевич.

– Сонечка... вставай, сестренка.

Царевна чуть качнула головой.

– Нельзя, чтобы Ваня, здесь, вот так... его надо домой. И тебе надо к детям.

– Нет... нет...

Но к чему относилось это «нет», Алексей разбираться не стал. Мягко поднял сестру с колен – и та остановившимися глазами смотрела, как Ивана перекладывают на носилки, как несут во дворец, словно живого – не закрывая лица, на это хватило ума, как намокает алым покрывало на его груди...

На белом кровь – алая...

Только когда увели царевну, народ позволил себе... шевельнуться. Иначе и не скажешь.

– Горе-то какое...

– Бедненькая...

– Проклятая царевна что тут говорить. Вот и настигл... ой!

Оплеуха тоже настигла говоруна быстро и решительно. С той стороны, с которой и предположить нельзя было, от юродивого, из тех, которые всегда трутся около праздников и прочего.

– Помолчи, ирод! Пока язык не вырвали.

Мужичонка, ляпнувший про проклятье, оглянулся, увидел злые глаза людей – и словно съежился. Есть, есть такое горе, в котором неуместны все старые споры. И когда его видишь...

Сейчас каждого по сердцу царапнуло. И любые слова тут были неуместны.

\* \* \*

Ульрика опустила руки.

Софья просто сидела и смотрела в никуда. И ничего не получалось. Никто не мог вывести ее из этого состояния, может быть, дети, так они еще пока придут. А она ведь с ума сойдет, если сейчас не заплачет, знала это царица, еще как знала. Только сделать ничего не могла.

Царевна просто сидела у гроба мужа, держала его за руку и молчала. И увести ее не представлялось возможным. Разве что оглушить...

Царица поднесла руки к вискам. Вышла из залы...

– Государыня?

Десятки глаз тут же впились в ее лицо. Софья и сама не знала, насколько она дорога людям. И сейчас... к ней не лезли в ее горе, но за дверями – ждали. Верили, надеялись, что сейчас их царица встряхнется, выйдет, опять начнет отдавать приказания... а она просто сидела и молчала. И столько боли было в этой тишине.

Ульрика покачала головой, ловя взгляды. Вопросительные, умоляющие... она же сейчас очнется, правда?! Дерзость, да, но сейчас не до дерзостей было что царице, что людям. Алексей Алексеевич распоряжался, приказывал допросить пойманного и чудом не затоптанного убийцу, отдавал указания Ромодановскому, приказывал боярам, а она это время провела с Софьей – и так страшно было видеть, как ломается, рассыпается в осколки кто-то, подобный Софье.

– Не знаю... она так умом тронется, если еще просидит... не знаю...

– Разошлись все!

Царица всхлипнула и бросилась на шею мужу.

– Алешенька! Слава Богу! Может, хоть ты...

– Без изменений?

– Да.

– Уля, последи пожалуйста, чтобы никто не входил, пока не позову.

Ульрика закивала головой. Никого не пускать?!

Да с радостью! Только сделай хоть что-нибудь, Алешенька! Ты же мой муж, ты царь, ты должен!

Страшно это – смотреть, как на твоих глазах ломается и угасает сильный и гордый человек. Очень страшно.

Алексей мягко отстранил жену, прошел внутрь – и только дверь хлопнула. Уля оглянулась вокруг – и подавила совершенно детское желание прижаться ухом к двери.

– Что, ни у кого дел нет? Я вам сейчас найду работу!

Правда, верилось в это плохо.

Можно погнать человека, когда он лезет куда-то по досужему, ненужному и мерзковатенькому любопытству. Но вот так? Искренне сочувствующих?

Рука не поднималась.

Уля вздохнула – и совершенно не по-царски прислушалась к происходящему за дверью. Спаси ее, Алешенька...

Алексей оценил все одним взглядом.

Кровать.

Тело друга под белым покрывалом. И заледеневшую Софью рядом с ним.

И не давая себе ни минуты подумать, ни секунды, рванулся в это ледяное безмолвие. Туда, где пребывала сейчас его сестренка, самый дорогой и родной для него человек.

Друга не уберег, но сестру он смерти не отдаст! Никому не позволит!

– Сонечка!

Сильные руки сгребли легкое женское тело, встряхнули, заставляя выпустить руку мертвого мужа, прижали к теплой груди. Алексей уселся на стул так, чтобы Софья могла видеть только его, не Ивана – и посмотрел ей в глаза.

– Сонечка! Вернись!

Бесполезно.

Два карих озера были холодны и мертвы. Только на дне где-то еще теплился разум... но как же до него добраться?

Царь размахнулся.

От пощечины голова женщины мотнулась вбок, словно тряпичная, на щеке Софьи расцвело алое пятно.

– Соня! Ты нужна мне!! Сестренка!!!

И еще один удар.

Пусть больно, пусть жестоко – это тоже жизнь! Там, в ледяной пустоте не бывает ни боли, ни огня – там вообще ничего нет. Только тьма и холод! Но он не отдаст им сестру! Она вернется! Обязательно вернется, она сильная! Она справится. А Алексей ей просто немножко поможет...

От третьего удара Софья упала на колени. Алексей встряхнул ее, что есть силы.

– Соня!!! Вернись!!!

И дрогнуло что-то в ее глазах. Шевельнулась боль.

– Алеша!?

– Да! Соня, смотри на меня! Я здесь, я с тобой!!!

– Ваня...

Еще одна пощечина обрушилась на царевну.

Жестоко?

Нет, сейчас боль физическая была единственным, что вытаскивало Софью из страданий душевных. И Алексей это понял. Сгреб ее в охапку, прижал к себе.

– Я с тобой, сестренка. Я всегда буду рядом, ты меня никогда не

потеряешь...

– Ваня...

– Мы пока еще живы, сестренка. Мы живы! Он не хотел бы, чтобы ты умирала вслед за ним. Ты сама это знаешь.

Теплая рука погладила темные, с проблемками седых ниточек, волосы. Одни они остались, одни друг у друга... Есть Уля, но это другое. Дети – только они никогда не поймут родителей до конца. Их было трое, с самого детства, а теперь осталось двое. И Алексею тоже было безумно больно. Но если сейчас он замкнется в себе, если не вытащит сестру – то потеряет и ее тоже. И уж точно не переживет этого.

И только сейчас Софья смогла разрыдаться.

Закричала, забилась в руках брата, пытаюсь вырваться, хоть что-то сделать, дозваться мужа...

Она не знала, что за дверью перевели дыхание и царица, и сенные девушки, и стрельцы...

Кричит?

Значит выживет. Не сгрызет ее горе.

А уж кто виновник оного...

Лучше б ему самому под землей схорониться, да поглубже, поглубже. Дознается царевна – горло ему зубами перегрызет, не иначе.

\* \* \*

Софья успокоилась только к утру – и все это время Алексей был рядом.

Не успокаивал, нет. В таком горе не успокоишь и не утетишь. Но – был. Обнимал, когда горе рвалось наружу яростными слезами, поил водой, когда рыдания сменились сухими короткими всхлипываниями, прижимал к себе, когда сестра задыхалась от яростного гнева. Наверное, сейчас он и стал по-настоящему старшим братом. Столько лет Софья была рядом с ним, столько поддерживала, подсказывала, направляла, стоило увидеть ее вот такой, слабой, сломавшейся – и испугаться. Острым приступом ледяного холода.

*Как же я – без нее!?*

И уколом осознания. А ведь она – и есть его сила. Не было бы рядом с ним сестры, никогда не стал бы он государем. Или стал бы чем-то куда худшим, и Руси такой не было бы...

Он знал, что в любой беде, в любом ужасе за его спиной встанет

темная тень, положит руку на плечо: «братик, держись, я с тобой, вместе мы справимся!», а сейчас на миг лишился этой уверенности. Почувствовал себя голым, на ярком свету, и каждый может ткнуть пальцем... и – осознал уже свою силу.

Софья сделала его сильным, а теперь его очередь. Встать рядом, коснуться ее плеча – и она обязательно услышит. Она не одна. У нее есть он, есть дети, есть Русь.

Да, именно так. Ей есть ради кого и ради чего жить! Она обязана справиться, а он просто поможет. Встанет рядом и поддержит в трудную минуту.

Только под утро Софья успокоилась. Не до конца, но женщина уже могла разговаривать. Думать, сопоставлять...

– Это ведь в тебя стреляли, так?

– Да.

Алексей был готов ко всему, в том числе и что Софья обвинит его – так ведь тоже бывает! Неважно, что он не виноват, важно, что это была его пуля. Ему предназначенная.

Он недооценил сестру.

– Ваня был бы счастлив умереть за тебя. Если бы знал – он бы все равно выбрал именно это.

– Соня?

– У него было мало страхов. Но я знала – больше всего он не хотел пережить нас с тобой. Остаться один. Теперь ему это не грозит.

– Я знаю, – Алексей зарылся пальцами в густые волосы, с проблесками седины. – Он ведь подождет нас, правда?

– Говорят, – губы Софьи тронула тень улыбки, – там нет времени. На тех дорогах его либо не замечаешь, либо оно идет как-то иначе. Это нам будет тяжело, а он даже не осознает...

– Патриарх говорит иначе.

Алексей осторожно прощупывал почву, думая, не сошла ли сестра с ума. Слишком уж... своеобразным был этот разговор, рядом с телом мертвого друга.

Софья перехватила его взгляд, покачала головой.

– Это неважно, Алеша. Как ни назови – те, кто любит, обязательно дождутся нас за чертой. Я это знаю. И, – глаза вспыхнули знакомыми огнями. – Я не хочу уходить, не расквитавшись с теми, кто поднял руку на моего мужа. Что сказал убийца?

– Пока не знаю.

Софья потерла лоб.



– Французы, шведы или англичане. Равновероятно. Я хочу знать – кто. Более того, я хочу, чтобы это знал весь мир. И когда этих людей найдут... или не найдут, я также хочу, чтобы об этом знали.

Алексей покачал головой.

– А если это вызовет международные осложнения?

– Если вызовет – их просто не найдут. Кто бы это ни был. Если не вызовет – найдут. В таком виде, чтобы зареклись. Как с теми пиратами, понимаешь?

– Понимаю. Но и ты пойми – нам ведь этого в жизни не простят.

– Слухов?

Алексей задумался.

Да, слухи... это почва зыбкая. То ли он украл, то ли у него украли... Всегда можно будет отпереться, мол, я даже ничего и не знал. И не было меня тут. И моих людей не было.

Софья наблюдала за сменой выражений на лице брата почти с болезненным любопытством. Она бы все равно мстила. Жестко и уверенно, только вот с разрешения Алексея или против его воли – это две большие разницы.

Она не ошиблась в брате.

– Ты же знаешь, что я тебя поддержу. Послушаем, что скажет Ромодановский – и начнем действовать.

– Да. Но сначала... мне надо похоронить мужа.

Алексей вздохнул.

– Соня... я хотел тебе предложить. Я знаю, что у Морозовых есть свое кладбище, но я хотел бы, чтобы Иван, ты, я – мы все были вместе и потом. В Архангельском соборе, если ты не будешь против.

Софья покачала головой.

– Я думаю, Ване это бы понравилось.

– А я думаю, что надо распустить еще один слух. Что князь Морозов принял на себя пулю, которая предназначалась мне – специально.

– Жизнь за царя?

– Да, именно так.

Софья подумала, что надо бы и подходящую оперу написать. Или просто песню. Последнее время ей удалось чуть смягчить непреклонность церкви в отношении светской музыки. Может ведь она быть красивой и без скоморошества, без похабщины. Может. И это важный инструмент влияния на народ, его нельзя упускать из рук. Вот и пусть композиторы отрабатывают свое содержание.

– Давай так и сделаем. Я согласна. Что с нашими детьми? Они успеют

к похоронам?

– Разве что Алёнка. Сыновей ты сама услала набираться опыта.

– Пусть так.

Софья пробежалась пальцами по растрепанной косе.

– Мне надо привести себя в порядок. Я не могу позорить мужа таким видом.

И Алексей перевел дух.

Сестра точно будет жить. Не станет морить себя голодом, делать какие-либо глупости... Ей тяжело, как и ему. Безумно тяжело. Раньше их было трое, сейчас они словно часть себя потеряли, только вот они выживут. И продержатся оставшиеся им годы. Просто потому, что они принадлежат Руси. Не человеку или семье, а всей стране нужны их знания, опыт, руки, нет у них такого права – поддаваться своему горю и умирать. Даже этого права у них нет, будь оно все проклято.

Монарх – это тот, кто живет, дышит, разговаривает, принимает решения всему назло – и он будет жить! И за его спиной так же будет стоять темная тень. Только вот раньше их светом был Ваня, а сейчас его нет. Совсем нет.

И от этого безумно тяжело.

Но сестре он сказал нечто совсем другое.

– Приведи себя в порядок, а я пока поищу Ромодановского.

\* \* \*

Федор Юрьевич выглядел не лучше Алексея. Бледный, под глазами круги, щеки за одну ночь запали.

– Государь, как она?

– Жива. Жить будет.

Ромодановский перевел дух. Он искренне боялся, что хоронить придется не одного, а двоих. А там и... Выдержит ли государь? Все видели, как эти трое привязаны друг к другу, так что опасность была нешуточная. А остаться сейчас без правителя?

Молод еще Александр Алексеевич, слишком молод. Ему бы еще лет десять, опыта поднабраться, зубки наточить. Страну-то он удержит, но слишком тяжко ему будет.

– Расспросили мы этого мерзавца. А там и его хозяев взяли. Немецкая слобода, правда, кипит, пришлось туда ночью вломиться, ну да переживут, чай, не बारे.

– И кто?

– Шведы, государь. Сейчас то доподлинно известно, все причастные у нас в подвале соловьями поют. Старуха Гедвига крутит. Карл к войне готовится, да куда ему супротив тебя, государь. Вот и решила ударить, обезглавить, а там надеялась, что ее щенок справится.

– Сука, – коротко охарактеризовал шведку Алексей.

– Истинно так, государь, – Ромодановский и не спорил. Против факта не попрешь. – Позволишь ли спросить...

– Что делать будем? – Софья стояла в дверях кабинета. Спокойная, словно ледяная. Черное платье только подчеркивало мертвенную белизну лица. словно за ночь ушло с него все живое – и царица стала выглядеть даже старше своих лет. Резко обозначились морщины, побелели губы, ну да от горя и не хорошеют, так что Ромодановский не испугался.

– Да, государыня.

– Мстить. Найдем исполнителей – и нанесем Гедвиге ответный визит. Такое нельзя оставлять без последствий.

И мужчины молчаливо согласились – никак нельзя.

\* \* \*

– Мама, ты разрешишь мне?

– Да, Алёна. Если ты хочешь.

Княжна Морозова, очаровательное, почти эфирное существо с ангельской улыбкой и громадными глазами, пожала плечами.

– Разумеется, хочу. Это мой отец.

И сказано было так жестко и непреклонно, что Софья только головой покачала.

– Сядь.

– Да, мама.

– Если ты хочешь – поедешь. Но дашь мне слово слушаться старшего в группе. Сама понимаешь, у тебя не слишком много опыта.

– Обещаю.

– Это будет... грязно. Ты понимаешь?

– Да. Ты знаешь, я крови не боюсь.

Софья знала. Ни она, ни Александр, ни ее мальчишки – никто не боялся, и в пыточных бывали, и на казнях. Необходимость.

– Хорошо. С дядей я поговорю, он тоже разрешит.

– Спасибо.

Софья несколько минут смотрела на дочь. Сказать? Промолчать?

Выбор был более, чем сложным. То, что она хотела сказать, было неприятным. Жестоким, гадким, но справедливым. И, наверное, дочь должна это знать до того, как запятнает руки кровью.

– Подожди немного. Нам надо поговорить еще об одной вещи.

– Да, мама.

Много чего ожидала княжна. Наставлений, поучений, но не этого обреченного:

– Ты никогда не задумывалась, что существует справедливость? Что сама судьба восстанавливает равновесие в мире?

– Нам рассказывали. А что?

Софья не приняла легкого тона.

– Мои слова, наверное, прозвучат для тебя нелогично. Но я хочу, чтобы ты сейчас запомнила. Осмыслишь потом, если получится.

Елена насторожилась.

– Твой отец умер, это верно. И... справедливо. Алексей, он, я... мы во многом перешагнули границу, которая отделяет правителя от подлеца. Руки у нас в крови не по локоть – пожалуй, что мы в ней по уши.

– Многие правители так же?

– Да. И много среди них счастливых?

Елена задумалась. Потом покачала головой.

– Нет.

– Тогда пойми меня правильно. Александр будет править. Ты, если пожелаешь, стоять за его спиной. Но рано или поздно придется так же платить, как платим сейчас мы с Алексеем. Жизнями и счастьем.

– Этого нельзя избежать?

– Не знаю. Но подозреваю, что если ты сейчас отправишься мстить, то с этой дорожки уже не сойдешь. Привыкнешь брать кровь за кровь, отвечать ударом на удар... рано или поздно судьба возьмет свое. И ты потеряешь близких. Друга, брата, сына, любимого человека – я не знаю. Только уверена, что это цена за власть. Ты готова на это пойти?

Вопрос требовал обдумывания.

Елена замолчала, переваривая слова своей матери. И отнеслась к ним предельно серьезно. Сама видела подтверждение, и если уж мать говорит так...

– Мама, ты уверена?

– В том, что говорю? Да.

– Тогда я согласна.

– Ради власти?

Елена покачала головой.

– Нет. Власть не особенно ценна сама по себе. Просто кроме нас – некому. Но Сашку учил отец, меня учила ты, вместе у нас может получиться хорошая команда, особенно с братцами.

– Может.

– А кто-то другой разрушит все, что вы создавали. И будет плохо всем. И нам, и на Руси... думаешь, за наше бездействие меньше спросится?

А вот об этом Софья не подумала.

– Не знаю, Алена. Не знаю.

А и верно. Судьба жестоко карает за подлости, но пропусти она хоть раз удар – было бы лучше? Тогда погибли бы русские. И спросилось бы за них никак не меньше. Ее ведь сюда и отправили – попытаться развернуть ситуацию. И Софья сделала все, что смогла.

– Тогда надо действовать. А хорошо ли, плохо... только хорошо. Русь должна стоять. А если нам при этом станет плохо... мы переживем. Мы справимся, мама, ты нас хорошо воспитала.

Княжна крепко обняла свою мать – и вышла. А Софья осталась смотреть в окно.

Она хотела как лучше. А что вышло?

Она не знала. Но исправлять уже не получится. Так что – в добрый путь, дети.

\* \* \*

Похороны Ивана Морозова состоялись на следующий день. Царевна шла за гробом, а люди смотрели и сочувствовали. Не все ее любили, но боль царевны была видна невооруженным взглядом. И ее понимали.

– Луша, ты видела? Она аж почернела вся, высохла...

Марфа ткнула в бок подругу. Лукерья поправила платок.

– А ты что думала? Я их как-то с мужем видела – едут рядом в санях, а смотрят только друг на друга. У нее сейчас как половину сердца отрезали – легко ли?

– Да уж не из легких.

– Знаешь, я бы, случись что с Сеней, с ума сошла. Да и твой Петька...

– И то верно. Хоть и дурной он, как выпьет, а люблю я его...

– И она тоже...

– Ох, бедненькая...

– Тут уж никакое богатство не нужно, все отдашь, лишь бы милого

вернуть, да оттуда еще никто не возвращался.

Марфа сочувственно покивала.

– А говорят, он государя собой закрыл, так ли? Что твой Сеня бает?

– Правда это. В государя пуля летела, князь ее на себя принял...

– Ох ты ж... кто ж те ироды, который на царя нашего руку подняли?

– Говорят, немцы, то ли шведы...

– Ух, немтыри поганые!

– Ничего, государь во всем разберется!

– Да их бы сейчас да в батога! Да из Москвы-то повыгонять! – уперла руки в боки Марфа.

– А коли там неповинен кто? – остудила ее пыл подруга. – Ты что, хочешь, чтобы на руках у людей невинная кровь повисла?

Не хотела Марфа такого, вовсе не хотела.

– Выяснит ли?

– Наш-то государь?

Женщины переглянулись. Действительно, странный вопрос. Узнает, иначе и быть не может.

Алексей Алексеевич тоже шел за гробом друга. И царская семья рядом с ним. Это был первый случай на Руси, но никто не удивлялся и не думал осудить государя. Бывают ведь близкие люди, и что с того, что один царь, а второй князь? Есть вещи, которые делать должно, иначе ты даже и человеком себя считать не сможешь.

Ульрика плакала, не скрываясь. Плакали и дети, рыдала в голос Любава, текли слезы по щекам протопопа Аввакума, незаметно смахивал капельки с густой бороды Федор Юрьевич, да и сам Алексей нет-нет, да и промокал глаза. Единственные сухие очи были у царевны Софьи, но столько в них было боли! Столько тоски...

Никто не знал, что уже готовится группа для отъезда в Швецию. Никто не знал, что уже улетели голуби, неся распоряжения – любой ценой затормозить выступление шведских войск. Карл нужен в своей столице, хотя бы этим летом. Рядом с бабкой!

Старая ведьма увидит внука мертвым! Княжна поклялась в этом матери и намеревалась сдержать обещание.

\* \* \*

Карл Двенадцатый прищпорил коня. Где-то позади остались слуги и придворные, здесь и сейчас были только ветер, лес, бешеная скачка – и

впереди волк, которого его величество собирался взять один на один.

Горячий жеребец плясал под королем, настроение было пусть не замечательным, но близко к тому....

Да, убить русского государя не удалось, но ведь он не бессмертен! Найдем и еще убийц! Жаль, выступить не удалось – внезапно, во время грозы, в несколько складов ударили молнии. Да как ударили! Нарочно не подгадаешь!

Конечно, склады загорелись – и потушить их не удалось. Потом пошли разговоры о Божьем гнев... выход войск отложился по техническим причинам. Но это еще впереди. И тогда он, на сером, в яблоках, коне, в синем плаще, поведет полки в битву! Он вернет себе все территории, потерянные отцом, да еще и отнимет многое у Руси. Он это сделает!

Карл не знал, что «знамение господне» чудесно организовывалось русскими агентами. Даже и стараться не пришлось, была бы гроза! А уж незаметно забросить по несколько кусков железа на крыши складов... охрана обычно бережет их, чтобы не подожгли, не стащили чего, а от таких действий не приучены пока. Не знают они пока науку физику.

Конь летел по лесу, волк как сквозь землю провалился, зато...

Откуда она взялась – эта девушка в белом платье?

Она просто сидела на толстом стволе поваленного дерева, вертела в руках кружевной веер – и казалась совершенно неуместной в этом лесу. Очаровательной, но неправильной, как роскошная оранжерейная роза посреди болота.

Карл невольно заинтересовался. Да и сказок он слышал много, про лесных дев, про фей, про прекрасных колдуний...

Натянул поводья, конь встал «свечой», но смирился – и опустил на все четыре копыта. А король прыгнул с седла и пошел к незнакомке.

– Откуда вы, прекрасная дама?

Девушка – это была совсем молодая девушка, подняла ему навстречу удивительные синие глаза. Улыбнулась так трогательно и робко, с такой затаенной надеждой, что у Карла перехватило сердце. Бывают же такие красавицы!

Почему он раньше ее не видел?

Чья-то сестра? Племянница? Жена?!

Последняя мысль неприятно царапнула по сердцу, и Карл подумал, что не хотелось бы. Хотя, окажись красавица чьей-то женой, это все равно неважно. Фаворитки и женами бывают – и их мужья это прекрасно терпят. Никуда не денутся...

Женится он на той, которую выберет вместе с бабушкой, но вот эта

красотка определенно побывает в его постели.

– Ваше величество....

Получилось полувопросительно-полуутвердительно.

– Вы знаете меня, прекрасная госпожа.

– Кто же не знает его величество Карла Двенадцатого.

Девушка поднялась и изящно присела в реверансе, давая возможность рассмотреть глубокое декольте.

– Да... но кто же вы?

Девушка отступила на пару шагов. Синие глаза сияли двумя озерами.

– Я? Я вам привиделась, ваше величество.

– Привиделись?

– Да.

И в следующий миг в живот Карлу вонзилась молния. Во всяком случае, так ему показалось. Раз! И еще раз! И еще!

– Ахххх...

Выстрел в живот – это очень больно, считай, все внутренности разворочены. Сразу от шока и то помереть можно. Будь ты хоть трижды королем, но выдержать такое было выше человеческих сил. Карл согнулся пополам, опускаясь на лесной мох. Хотел, было, крикнуть, но дыхание перехватило – и он просто поднял глаза вверх.

Над ним парило прекрасное женское лицо. Только сейчас никто не назвал бы его спокойным или мирным, отнюдь. Глаза сверкали, губы сложились в торжествующую улыбку.

– Я – княжна Елена Морозова, тварь! Это в мой дом ты принес смерть! Жизнь за жизнь, мое право!

Карл хотел встать, хотел ударить в ответ, хотел... пистолеты остались при седле, в ольстрах, кинжал... его еще надо было вытащить из ножен, а это почему-то не получалось, все плыло... А женщина, недолго думая, ухватила поводья его жеребца – и злой конь пошел за ней, как собачка.

Пара минут – и она растворилась в лесу.

Карл застонал.

Боль от живота распространялась выше. А ведь говорила ему бабушка носить кольчугу! Говорила! Хотя и это не помогло бы – не просто так эта девка приглядывалась к нему. Ударила бы иначе, или отравила. Хотя и так...

Три раны в живот?

Смертельно.

Карл отчетливо понимал, что ему предстоит умирать – и долго. Если его найдут, его последние минуты хотя бы пройдут на руках у бабушки и



сестер, а если нет...

Если он сейчас потеряет сознание, то вполне может умереть даже без покаяния. Боже, какая жуткая смерть!

Карл попробовал крикнуть, но боль так скрутила, что прошло не меньше минуты, прежде, чем в глаза прояснилось. Он еще не знал, что ему предстоит умирать долго. Несколько суток мучиться от загнивших кишок, впадать в бред, опять возвращаться в реальность, заставлять родных переживать вместе с ним – этого он еще не знал.

Зато Елена Морозова отчетливо это знала.

Коня она отпустила, хлопнув по крупу. Ни к чему губить животное.

Сама же быстро скинула платье, надела припрятанный неподалеку мужской костюм, убрала рассыпавшиеся из высокой прически волосы, накинула куртку и, став окончательно похожей на юношу, отправилась к своим.

Ее уговаривали доверить этот удар кому-нибудь другому. Просили.

Она отказалась.

Право мести за отца принадлежало ей и только ей. Хотя...

На миг, когда в глазах мужчины загорелось восхищение, ей стало жалко Карла. Из песни слова не выкинешь. Просто жалко, как человека, как было бы жалко Саньку, или Димку, или... да кого угодно. А потом вспомнилось восковое лицо отца, мать, постаревшая разом на десять лет...

И курок словно сам собой спустился. Как учили – чтобы не сразу умер, чтобы помучился подольше.

Ах, сколько же понадобилось времени, чтобы подготовить операцию, подкупить егерей, проследить лежки волков, вывести Карла в нужное место...

Операция была не слишком сложной. Волк был заранее присмотрен егерями, лежки и тропинки изучены. За несколько сотен монет золотом два егеря продали и короля, и всю информацию об охоте.

Десять минут, не больше.

Месяц подготовки и десять минут на операцию.

И когда Елена посмотрела в глаза руководителя группы, в ней уже не было сожаления. Только злое азартное веселье.

– Сдохнет через пару дней.

– Отлично. Теперь займемся старой гадinouй.

Гедвига поняла сразу, что это конец. Когда во дворец привезли мертвенно-бледного Карла, когда лекари раздели его и уставились на страшные раны в животе, когда смотрели куда угодно, но не на нее...

Она была слишком стара, чтобы себя обманывать.

Ее сын мертв.

Ее внук мертв.

Ее род прерывается. Кто будет править несчастной страной – неизвестно, но ей теперь место только приживалкой у родных, или где-нибудь в старом замке, подальше от людей...

Это была не смерть, это было хуже. Крушение всей жизни.

Следующие два дня Гедвига сидела у постели внука. Карл то приходил в себя, то опять впадал в беспамятство, бредил, звал кого-то, ужасался...

А еще...

Она знала, кого винить за такую судьбу, только вот...

Карл сказал, что его убила княжна Морозова, но никто ему не поверил. Княжна была дома – на свадьбе одного из кузенов, ее видели многие. А даже если и она...

В глубине души все признавали, что княжна имеет право на месть. Кровь пролитая вопиет о крови, не так ли сказано в Писании?

А ненависть?

Гедвига своими руками разорвала бы девчонку, если бы та попалась ей на пути. Только вот не пересекались дорожки. Нет, не пересекались.

Во дворец спешно прибыл Фредерик Гессенский. Его собирались женить на старшей дочери Карла одиннадцатого, Гедвиге Марии и после этого короновать их обоих. Гедвигу-старшую это утешало мало. Вся ее любовь была отдана внуку, девочкам доставались лишь крохи внимания – и они это чувствовали. Так что бабушку ждала опала.

Не пришлось.

Это случилось на третью ночь после смерти Карла. Гедвига, мучившаяся бессонницей, потребовала к себе в опочивальню кувшин с вином и засахаренные фрукты – и тут же получила просимое. Служаночка присела в глубоком реверансе, по приказанию вдовствующей королевы, налила вино в кубок, застыла, согнувшись в глубоком поклоне...

Гедвига сделала несколько глотков. Вино вкусно пахло какими-то травами.

И поймала взгляд отчаянно синих глаз.

Синие глаза у смерти...

Это она еще успела подумать. А больше ничего и не успела, потому что служанка, словно сбросила маску. Улыбнулась, показав хищный оскал,

приблизилась.

– А сейчас ты умрешь. За моего отца.

«Она!!!» – успела подумать Гедвига – и на остатках воли потянулась руками к горлу убийцы. Дотянуться, стиснуть в последнем усилии, задушить или хотя бы задержать... она бы закричала, но голос не повиновался, из горла вырвался слабый сип... яды, наследие покойного ныне евнуха Ибрагима, осечек не давали.

И Гедвига провалилась во тьму, хватаясь руками за горло, и на всем пути в ад ее сопровождал неотступный синий взор.

Тот же взгляд, который проводил к праотцам ее внука.

Княжна Елена с безгливостью посмотрела на тело старухи. Можно бы и не добивать – пусть живет, мучается, сокрушается о внуке каждый день и каждый час... но нет! Если у кого и было мужское сердце в этой династии и мужская воля, так это у Гедвиги Элеоноры. Рано или поздно она бы попробовала снова и снова. А у Елены не так много родни, да и дядюшку жалко. Пусть живет как можно дольше. Им с Санькой еще время нужно на подготовку, чтобы потом править успешно. А они только-только свой Кабинет собирают.

Нет уж.

Стоило бы помучить старуху подольше, как-никак ее идея была, ну да ладно. Мы же христиане, будем милосердны. А в сложившейся суматохе (королевские похороны, как-никак) еще одна служанка и внимания не привлечет. Гессенский козлик с собой их почитай, десяток привез – и не все только пыль вытирали.

Княжна развернулась и навсегда покинула дворец шведского короля.

Ее долг был выполнен. А уж чем ей придется заплатить... а разве важно? Она уже согласилась на все. Она оплатит любые счета, которые ей предъявит жизнь, потому что хочет быть достойна своей матери. Женщины, которая все отдала для процветания своей родины. Жизнь, честь, репутацию, семью... Можно гордиться памятью предков, но куда лучше, чтобы они гордились тобой. Она справится.

\* \* \*

– Вы слышали, дорогая, что произошло в Швеции?

Анна, в девичестве де Бейль, а ныне королева Франции, хоть и некоронованная, лукаво посмотрела на мужа.

– Нет, сир. Развейте же мое невежество, молю вас?

– Эти русские совсем озверели.

– Сир?!!

Анна так хлопала голубыми глазками, что Людовик подался на лесть. И, как всегда, улыбаясь хорошенькому личику жены, принялся посвящать ее в тонкости международной политики.

– По приказу старухи Гедвиги собирались убить русского короля. Не получилось – его заслонил князь Морозов.

– Мой сир, какая преданность!

Анна распахнула небесно-голубые глаза, усиленно затрепетала ресницами. Бедная царевна, такое горе... Бедный боярин. Анна помнила его по школе – его доброту, улыбку, веселый смех. Он всегда сопровождал государя, был тенью за его плечом, а вот теперь его нет...

Да чтоб они провалились, те шведы!

– Да, в наше время верные слуги – редкость.

Слуги!

Да что б ты понимал, чурбан в короне! Это у тебя только ты и слуги. А там все было иначе. И были соратники! Люди, стоящие плечом к плечу! Друзья и родные!

А Людовик тем временем продолжал, не подозревая о чувствах, которые обуревали его королеву.

– Русские ответили ударом на удар.

– И кто же?

– Говорят, что это была княжна Морозова.

– Кто!?

Малышку Анна и вспомнить не сумела бы. Слишком маленькой была Елена, когда Анна уезжала в далекую Англию.

– Да, я тоже думаю, что это ложь. Чтобы знатная дама, принцесса, хорошего воспитания, где-то в лесу..?! Невозможно...

Анна могла бы напомнить королю о маркизе де Бренвилье, например. Но все же маркиза только травил народ. И делала это не выходя из родного дома.

Хотя зная подготовку в государевой школе в Дьяково...

Пусть Людовик остается при своем мнении, а она уверена – все правда. Могла княжна еще и не то сотворить, и была бы в своем праве.

Это – ее отец!

– Да и не видел ее никто, и доказательств нет, мало ли что там могло Карлу в бреду почудиться...

– Как вы правы, сир!

– Надо будет прощупать. Если это русские – они зарвались.

– О, сир! Вы так правы! Но... я могу их понять! За вас, мой любимый, я бы убила, украдала, сделала все, что угодно...

Произнесено было с неподдельным чувством, аж у самой слезы на глаза навернулись. Людовик принял все за чистую монету и потрепал жену по щечке.

– Ангел мой, я ценю ваши чувства...

– Сир, вы мой свет, моя жизнь... я так сочувствую той несчастной, которая лишилась мужа. Если бы я лишилась вас, я бы умерла!

И не лгала. Умерла бы Анна де Бейль и материализовалась на Руси Аннушка. Или Марьюшка, как больше понравится.

Людовик просиял и принялся убеждать жену, что она его еще долго не лишится. О зарвавшихся русских он больше не вспоминал. В конце концов, толку ли ему в той Швеции? В своих делах разобраться бы...

Пусть ослабляют друг друга, а он посмотрит, что можно перехватить у обеих стран. Как разумный монарх, он не полезет в чужую драку.

\* \* \*

Надо сказать, что убийство шведского короля особенного резонанса не вызвало. Вот если бы это коснулось европейских государств, или если бы русские предприняли попытку экспансии – тогда да, а так – сидят они сами по себе, да и пес с ними.

И темно что-то в этой истории со шведами. То ли они убили, то ли у них убили... если Карл начал первым, то русские имели право на месть, если не он, то...

А, все равно – воевать с Русью сейчас не хотел никто. Тяжело, невыгодно, неудобно – пока доберешься, придется через поляков пройти, через венгров, а там и встретят. Уж как эти три государства друг за друга держатся – глядишь, и в одно сольются.

Всем было отлично известно, что веник стоит ломать по пруту. Но сломать этот веник... стоит ли овчинка выделки? Идти далеко, воевать сложно, да еще и не факт, что войну выиграешь. А выиграешь – так захваченные земли не удержишь.

Сами же русские спокойно сидели на своей территории и никуда не лезли.

К чему?

Они и так хороший кусок откусили. Теперь освоить бы.

Периодически возникали то ли стычки, то ли локальные войны с

турками, пираты пробовали на зуб русские корабли, шведы покусывали границы, но это были такие мелочи по сравнению с выигранными войнами.

В остальном же – все складывалось очень удачно для Руси. Теперь надо было развивать производства, поддерживать науку, размножаться и строиться. А дело государя было скорее поддерживать стабильность, чем влезать в новые авантюры. Этим Алексей Алексеевич и собирался заняться.

Обеспечивать государству покой.

После трагической гибели Ивана Морозова ему не хотелось воевать. Не хотелось никуда идти, не хотелось великих свершений. Как-то резко навалился возраст, вспомнилось, что отец в это время уже, считай, развалиной был...

Софья не протестовала. Ей тоже было тоскливо. И как-то незаметно, исподволь, все чаще решения перекладывались на плечи Александра Алексеевича и его команды. Волчата оттачивали зубки, а «старики» играли роль стопора. Не все же проекты надо поддержать, какие и завернуть не грех. Пусть дети учатся, пока живы родители и есть, кому их учить.

Пришло их время расправить крылья.

### 1702 год

– Алеша, поздравляю, – Софья коснулась руки брата, потом крепко обняла Ульрику. – Уля, милая, как замечательно! Первый внук!

Александр мог бы получить детей и пораньше, но решил дать себе и Марии время. Привыкнуть друг к другу, пожить вместе, стать семьей по-настоящему...

А потом уж дети.

Первого внука государя Алексея Алексеевича назвали Иваном.

Сама Софья пока не могла похвастаться внуками, но Елена собиралась вскоре порадовать мать. Кирюшка с Данькой пока еще просили погулять – и Софья с чистой душой отпустила их в Крым. Пусть помогут Ромодановским.

Старый Григорий все еще держал бразды правления в руках, но все чаще ему помогал приемный сын – и Алексей считал, что надо бы дать им владения в Крыму. Дмитрию так точно. Заслужил.

Елена же...

Неожиданно для многих, она вышла замуж за среднего сына пана

Володыевского. Юный Дариуш был настолько влюблен в темноволосую девочку, еще с детства, что не обращал внимания на «маленькие» недостатки княжны. То есть – дружбу с братом и желание заниматься государственными делами. Он даже не возражал взять фамилию жены и перейти в род Морозовых. Почему бы нет?

Он родился в Москве, рос в Дьяково, учился там, жить собирался тоже на Руси – и что еще нужно? Его отец поляк, да, но сам Дариуш ощущал себя только русским. Здесь и жизнь строить собирался, на службе государю. Вот старший сын, Бронислав, тот поедет в Польшу. Там есть земли, там его ждет титул, там давно забылись времена войны с турками – и никто уже не будет мстить пану Володыевскому, заточившему жену в монастырь. Примет наследство, да и для сестер там женихи найдутся – приданое у них богатое.

Сам Ежи тоже уезжать с Руси и не хотел. Разве что в гости к сыну?

Прижились они с Басенькой тут, корнями приросли... поздно.

В Польше тоже было стабильно и спокойно, насколько это было возможно в Польше. После того, как Михайла избавился от большей части взгальной шляхты, оставшиеся чутьприсмирели, и не рисковали лезть под карающую королевскую десницу. В Польше учреждались школы по примеру той, что на Руси, в Дьяково, пополнялся Университет в Кракове, постепенно Михайла старался привести остатки шляхты к покорности, хотя и получалось плохо. На помощь ему пришла самая гневная богиня мира – мода. Среди молодых поляков особым шиком стало поучиться на Руси – таким должность при дворе и хорошая карьера были обеспечены. Медленно, постепенно, в сознание знати, как русской, так и польской и венгерской внедрялась простая мысль, что они рождены не ради развлечений, а для служения отечеству. А чтобы служить, надобно знать, как. И учиться, и работать...

Это был каторжный труд не на одно поколение правителей, но начать его стоило.

\* \* \*

- Даниэль Фо? И что ему здесь нужно?
- Почему бы не дать ему приют?
- А кто он такой? – Алексей Алексеевич смотрел на сына и племянницу не то, чтобы с неодобрением, скорее, с непониманием.
- Англичанин. Публицист, писатель, памфлетист...

– И к чему нам на Руси такое?

– Пап, его в Англии гнобят, – вступил Александр Алексеевич. – К позорному столбу приговорили за памфлет, а он ведь талантлив!

– Нам-то что с его таланта?

– Он англичанин. Пусть пишет плохо о своей стране или хорошо о Руси. На наши деньги, но прислушиваться к нему будут и в Европах.

Алексей Алексеевич пожал плечами.

– Ладно. Пусть поживет, а там посмотрим.

На Руси пора было выпускать газету. И почему бы не доверить ее рукам человека, имеющего опыт. Приставить к нему русских, конечно, пусть учатся, опять же, материалы помогают отбирать... никакой свободы слова он допускать не собирался. Вот еще!

Газета – это и так новаторство, поэтому каждый номер будет подвергаться жестокой цензуре и критике. И никак иначе.

Заметки, новости, объявления...

Для начала этого довольно. А потом, если дело пойдет хорошо, можно будет и расширить список.

Алексей Алексеевич не мог предсказать, что почти двадцать лет спустя, в 1719 году Даниэль, прибавивший к своей фамилии частицу «де» и ставший Даниэлем Дефо будет публиковать в этой газете роман с продолжением.

*Жизнь и странные, удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, описанного им самим.*

<b>1705 год</b>
-----------------

– Леопольд умер.

Алексей Алексеевич посмотрел на сестру и перекрестился, как добрый христианин. Потом подумал – и добавил уже как король.

– Туда и дорога старой сволочи. Это точно?

– Абсолютно.

– Кто ему наследует?

– Его старший сын от третьей жены. Иосиф. Его короновали под именем Иосифа 1-го. Кстати – тот еще правитель будет. Не глупее отца, только более мирно настроен.

– Думаешь, Илона может вздохнуть спокойно?

– Я бы на ее месте расслабляться не стала.



Леопольд до смерти не оставлял мысли о восстановлении своей империи в прежних размерах и присоединении восточной Венгрии обратно, так что в среднем на Ференца покушались два-три раза в год. Просто осадное положение.

По счастью (хотя какое там счастье, просто выучка отменная), ни одна попытка пока не увенчалась успехом, но Леопольд был упорен. Будет ли таким же его наследник?

Сказать сложно, но вроде как Иосиф человек мирный...

– Да ты и на своем никому спуска не даешь, – усмехнулся государь всея Руси. – Сколько у нас за последний год изловлено шпионов?

– Ловить их? Вот еще! Через них намного удобнее сливать нужную нам информацию, – Софья пожала плечами.

– И твои мальчишки жалуются – мол, мать запрягла, вздохнуть некогда. Как отец только все в одиночку успевал? Скоро забудут, как детей делать...

– Забудут эти шалопаи, как же, – Софья фыркнула. Даниил и Кирилл Морозовы уже успели найти себе жен, кстати, из числа «Софьиных девушек» – и активно размножались, подарив Софье по внуку. И останавливаться на этом не собирались.

Мысль об Иване она привычно прогнала. Больно?

А кто сказал, что боль утихает со временем? Поверьте – врут. Это все так же больно, просто за новыми ранами забываешь о старых.

– Внуков в Дьяково когда привезешь?

– Тебе там Аленкиной дочки мало?

Княжна Елена действительно подарила мужу дочку – Сонюшку-младшую, которая сейчас воспитывалась совместно с внуками Алексея. Что-то из этого получится?

– Достаточно. Традиция складывается?

– Ты, я, Алексей, Санька и Аленка, а рядом с ними Кирюшка, Данька, Дариуш, теперь вот Соня и Иван...

Софья пожала плечами.

– Если это на благо Руси?

– Иногда я думаю, что бы случилось, будь ты иной? Я иным?

Софья промолчала. Она точно знала, что могло бы случиться. Смерть Алексея. Петр Первый. Онемеченная Русь. Демократия и гласность, чтоб их...

Но Алексей смотрел пристально, и на лице женщины появилась улыбка.

– Мы не знаем, что бы случилось. Но ведь это не такая плохая жизнь,

верно, братик?

– Верно, сестренка.

Алексей и Софья Романовы стояли у окна Кремля и смотрели на Москву. Родную, златоглавую, белокаменную, невыразимо прекрасную в сиянии солнца... Они ни о чем не жалели.

### 1707 год

Это случилось внезапно, как и любая смерть. Михайло Корибут сидел на пиру, слушал здравницы и думал, что уже стар. Шестьдесят семь лет, не шутки. Пора уж престол сыну передавать, Ежи давно готов. Да и Юлиана у него девочка умненькая...

Рядом что-то сказала жена, положила руку на его локоть. Михайла повернулся к ней.

Марфа...

До сих пор красивая, несмотря на сорок (почти сорок, но разве это так важно?) лет вместе, на шестерых детей, на...

Что она говорит?

Почему он не слышит ее слов?

В ушах стремительно нарастал шум, похожий на рев грозы, стены зала поплыли перед глазами – и только одно оставалось неизменным – синие романовские глаза, в которых он тонул, забывая обо всем на свете.

Они сияли перед ним, заслоняя весь мир, они светились, и Михайла все хотел сказать жене, как он любит ее, а губы почему-то не слушались. Что-то больно стиснуло грудь – на миг, и тут же ушло, оставив ощущение легкости и невесомости. Михайла поднялся – и пошел на источник света. Такой же ясный, как сияние глаз любимой...

– Его величество умер....

Марфа коснулась шейной жилы, уронила пальцы....

Хотя она могла бы этого и не делать. И так видно. Стоит только взглянуть в застывшие темные глаза.

Вот и все. Теперь ты уже не королева польская, ты вдова польского короля. А король...

– Сын мой...

Ежи медленно приблизился. Лицо бледное, глаза – как два темных озера...

Марфа закусила губу.

Даже здесь, даже сейчас... не завывать, не броситься навзничь на тело супруга, не закричать криком, выдирая косы, как девки по деревьям кричали. Даже сейчас – королева.

– Король умер. Да здравствует король.

Никто не услышал этих слов, кроме юного короля. А Ежи коснулся ледяной руки матери, поддерживая ее, встал рядом с телом отца и хриплым, словно чужим голосом провозгласил на весь зал сбор сейма...

\* \* \*

Спустя несколько недель Людовик метался по дворцу, словно зверь, и даже Анна не могла его успокоить.

– Проклятье! Мерзавец!

И было от чего.

В Польше было три претендента на престол. Август от Священной Римской Империи, Станислав Лещинский от самого Людовика, и Георгий Корибут. От Руси.

Людовик все предусмотрел.

Сейм, подкупленных выборных... почти все!

Ежи Корибут (варварские имена!) оказался хитрее.

Войска были верны ему. И состояли они не из шляхты, а из регулярных частей, над которыми стояли верные лично Корибуту офицеры.

Поле, на котором, по старинным традициям, происходил сейм, просто-напросто окружили войсками, а потом Георгий провозгласил свою кандидатуру на роль польского короля единственной и ныне, и присно и во веки веков.

Август полез в драку и был убит на месте. Георгий, по всем правилам благородного поединка, просто обезглавил противника. Дал ему обнажить оружие, даже сделать первый выпад... только вот у Августа была не та фехтовальная школа. Георгия же обучали мастера и с Руси, и из Италии, и с Востока...

Второго выпада уже не состоялось, претендентом на престол стало меньше.

Станислав Лещинский запоздал, и остался жив.

Сейм подумал, и вполне единогласно утвердил кандидатуру Георгия Корибута.

Ежи великодушно соглашался выслушать и другие мнения, но мертвый Август живописно обаграл кровью травку, солдаты были

хмурыми и чем-то недовольными, оружие поблескивало на солнце...

Вольностей хотелось.

Но жить хотелось еще больше.

Русский негодяй!

И плевать, что отец – поляк, мать все равно русская! Твари! Вечно они портят жизнь всей просвещенной Европе, прекрасной Франции и лично Людовику.

Анна смотрела на эти возмущения вполне философски. Ее как раз все устраивало.

А вот когда Людовик Четырнадцатый прекратил метаться, уселся в кресло и принялся размышлять, Анна попыталась подольститься.

– Сир?

Анна де Бейль с тревогой наблюдала за супругом. Черт его знает, что там за мысли под париком бродят. Но ничего хорошего они полякам не принесут, это точно. Супруг у нее на все готов ради расширения территории.

– Не забивайте свою очаровательную головку, дорогая...

Как Анна не пыталась выудить у него хоть что-то, все было бесполезно. Людовик молчал, но по обрывкам сведений она поняла, что готовится что-то неприятное.

Письмо улетело на Русь, но успеет ли оно вовремя? Вот вопрос.

\* \* \*

– Мам... не умирай, пожалуйста...

Марфа посмотрела на сына спокойными глазами.

– Ежи, милый, мне пятьдесят четыре года. Рано или поздно, так или иначе...

– Мам...

Сын уткнулся головой в подол ее платья. Милый, милый...

Сколько бы лет не прошло, а ты все равно видишь перед собой головку, покрытую младенческим пушком, большие глаза – и тонкие пальчики, вцепившиеся в твою руку. Ты – мать, и этим все сказано. Пусть даже у чадушка свои дети подрастают...

Пальцы королевы пригладили растрепавшиеся кудри сына.

– Георгий Корибут, вам должно править. А я... я еще поживу. Мне еще правнуков увидеть хочется.

– Тебе письма. От дяди Алексея, тети Софьи, Илоны, дяди Ивана, дяди

Феди....

– Я уже поняла. От всех Романовых, которых только можно перечислить, верно?

– Да.

– Ну, давай их сюда. Хоть ответы напишу.

Марфа встала с кушетки, откинула назад заплетенную косу – после смерти мужа она оделась нарочито просто, траурно. Ни шитья, ни роскоши, ни даже драгоценностей, простенькое темное платье, стянутые черной лентой волосы – она и не знала, что горе смахнуло с ее лица все признаки возраста. В полумраке Краковского дворца она казалась неземным существом...

Исхудавшие пальцы – она три дня ничего не ела, кусок в горло не лез, сломали знакомую печать, буква «С» на темном воске изогнулась, словно змея, переплетаясь с буквой «Р».

Сестра Софья. А ведь она тоже несколько лет назад...

Марфа решительно раскрыла письмо.

И побежали перед глазами строчки, написанные ровным четким почерком. Сестра не сочувствовала. Она – *понимала*. И писала о детях, о том, что жизнь продолжается...

*«...если сочувствие станет невыносимым – приезжай в гости. Я буду рада тебя видеть. И Алеша тоже. На качелях покачаемся в Кремлевском саду, как раньше...»*

Марфа медленно сложила письмо. Убрала в стол, посмотрела в окно. Может, и правда съездить? Мужа она похоронила, вот побудет месяц с сыном, чтобы он привык – да и в путь? На хороших лошадях... хоть перед смертью русскую речь услышать.

В какой стране ты не живи, а все одно тоска по родине прорывается. Что такого в земле русской, каким ядом она отравлена? Будь ты хоть трижды королевой, но зашелестят рано или поздно за окном березы, пробежит по подолу солнечный зайчик, плеснет знакомой синью река...

Родина там.

Обязательно надо съездить.

\* \* \*

Стучат копыта коней, поскрипывают колеса карет, Марфа вспоминает разговор с сыном.

– *Мам, останься, а?*

– Милый, я должна съездить. Ты меня просто не поймешь, но там моя родина. Хочу повидаться с братом, сестрой... Не так уж и много мне осталось...

– Мама, не говори так!\*

**\* в РИ царевна Марфа Алексеевна как раз и умерла в 1707 году.**

**Прим. авт.**

Ее величество небрежно пожала плечами.

– Ты отдашь распоряжения сынок?

– Да, конечно.

Его величество Георгий готов был на все, лишь бы мама улыбнулась, перестала походить на призрака...

Будь ты хоть трижды королем, но терять родителей всегда тяжело.

Марфа мирно дремала, когда тишину дороги разорвали выстрелы и крики умирающих.

Первым желанием было выскочить из кареты и бежать. Вторым – подумать головой. Бегущая женщина, кто бы ни напал на кортеж, будет только обузой. Своим придется дополнительно защищать ее, а врагам, хватит одного удачного выстрела.

Она, увы, не так проворна, как в семнадцать лет. Да и...

Оружие!

Марфа скользнула рукой в карман на дверце кареты. Рукоятка кинжала пару секунд приятно холодила пальцы, а потом нагрелась от стиснувшей ее ладони. Женщина привычно спрятала лезвие в складках ткани и принялась ждать. Через пару минут дверца распахнулась.

– Ваше величество, будьте так любезны...

Протянувший ей руку дворянин был смутно знаком женщине. Она напряглась и припомнила.

– Ян Яблоновский. Верно?

– Польщен, что вы помните меня, ваше величество.

Марфа не приняла руки. Выскользнула из кареты, огляделась вокруг.

– И зачем вы напали на моих людей? Что происходит?

– Мне поручено проводить вас туда, где вам все объяснят. Вы позволите?

– Не позволю, – Марфа отстранилась от протянутой руки. – Извольте объяснить все здесь и сейчас. Или потащите меня силой?

– Что вы, ваше величество...

А глаза – темные, злые, хищные, сомнений не оставляли. Еще как потащит.

– Будьте любезны объясниться. Вдруг я пойду с вами по своей воле?

Легкая ирония не осталась незамеченной окружающими. Всадники переглядывались. Хотя и схизматичка, но королева оставалась королевой. Да и католичество она давно приняла, и тридцать с лишним лет на троне не могли не сказаться. Большинство из окружающих другой королевы и не помнили, кроме Марфы.

Ян скрипнул зубами, но сказать ничего не успел. Всадники раздвинулись, пропуская юношу на гнедом коне. Хотя... нет, не юноша. Ему уже лет двадцать пять – тридцать, но красив. Возраст на нем совсем не сказался. Развевается голубой плащ, блестят зубы, завиваются тщательно уложенные локоны... она его помнит?

Марфа покопалась в памяти, но – увы.

– Позвольте представиться, ваше величество. Пан Станислав Лещинский.

– И что же вам угодно от вдовствующей королевы, ясновельможный пан? Надеюсь, не руку и сердце?

Всадники засмеялись. Они чувствовали себя безнаказанными. Сильными, храбрыми, неуязвимыми... ну что может сделать пожилая женщина? Пусть потешится, пока ей позволяют!

– Что вы, пани, – в тон ей ответил Станислав. – Намного меньше. Всего лишь пригласить вас в гости.

– Так ради этого вы перестреляли мою охрану?

– Ради того, чтобы они не мешали вашему уединению в одном милом замке. Как раз у вас будет время оплакать мужа...

– Я его и на родине оплачу, – огрызнулась Марфа.

– Верно. Только на родину за вами сын не поедет.

Марфа резко выдохнула.

– Ах, вот оно что. Ясновельможный пан решил посягнуть на польский престол?

А когда ж еще, как не при смене власти? Михайла умер, для Ежи сейчас главное удержаться. А шляхта, недовольная потерей вольностей, может и крикнуть Лещинского, особенно если это будет оплачено.

– Кто стоит за вами?

– Ваше величество...

Марфа резко тряхнула головой. Темная коса с нитками седины метнулась змеей.

– Вы же не рассчитываете, что мой брат оставит это без последствий? Значит, вас кто-то поддерживает. Кто вам что обещал?

Станислав замялся. Марфа окинула взглядом наемников, прищурилась.

– Франция. Я угадала?

И обострившимся чутьем поняла – да! Трижды да!

– Людовик... неужели вы и правда думаете, что он вас поддержит? Что удержитесь?

– Ну, часть-то я точно удержу. Союзников хватит, – раздраженно бросил Станислав. – Да и на брата я бы рассчитывать не стал. У меня найдется, что ему предложить. Вас, например...

Марфа вскинула руку к горлу. Вот теперь ей все стало понятно.

Сам по себе Станислав не удержится. А вот с заложницей вроде нее...

Ежи не рискнет причинить вред матери. Да и... она сильный козырь. Если ей будут шантажировать сына – часть шляхты просто не поймет, если Ежи откажет негодяям. А если согласится...

Ее мальчик окажется между двух огней.

Да и брат.

И как знать, не будет ли выгодно брату развалить и подмять Польшу?

А вот этого Марфа допустить уже не могла.

Она тут прожила долгие годы, она сроднилась с этой страной, она дышала ее воздухом, в этой земле лежит ее муж...

Она русская. Но и полька – тоже. И раздергать эту стану на части, скинуть в мятеж – не даст.

– Что ж, – медленно протянула она. – Кажется, у меня нет другого выхода. Только ехать с вами. Вы сильнее....

– Я рад, что вы не будете сопротивляться, – расплылся в улыбке Станислав.

– Не буду, разумеется, – Марфа улыбнулась. Они так удачно стоят – достаточно далеко для задуманного. Отбиться ей уже не удастся. Но... – Заберите мои вещи из кареты. И извольте не потерять по дороге сундучок с драгоценностями. Он обтянут красной кожей и стоит под сиденьем. Достаньте сейчас, чтобы я была уверена.

Яблонский невольно сделал несколько шагов к карете. Все внимание мужчин приковалось к наемнику, который извлекал сундучок.

Ну да, драгоценности там были. Пара ожерелий и штук пять колец. Не в трауре ж их носить....

Пары секунд ей хватило, чтобы поудобнее перехватить кинжал.

Странно.

Рукоять кинжала теплая, а лезвие ощущается таким холодным....

Софьиная школа не подвела. Кинжал вошел ровно туда, куда Марфа и планировала – под левую грудь. И женщина медленно осела навзничь, запрокидываясь назад.

Кажется, кто-то кричал, кажется, Яблонский бросился к ней, но было



уже поздно, совсем поздно....

А Марфа смотрела в небо и видела там Михайлу. Совсем такого, как тридцать с лишним лет назад. Юного, веселого, улыбающегося. Это видение стирало память о старом мужчине, лежащем в гробу. Разве Михайла мог умереть? Вот же он, живой, настоящий, он протягивает ей руки...

Марфа коснулась его пальцев и легко встала.

– Откуда ты здесь?

– Я тебе все обязательно расскажу, любовь моя. Наконец-то мы вместе...

\* \* \*

На дороге царило похоронное настроение. Увы, труп вдовствующей королевы не годился для шантажа. Вообще.

Можно угрожать, что его не отдадут для погребения, но за такое... За такое потом самого Лещинского погребут за оградой кладбища.

И что получилось?

Королева мертва. И никому они ничего не докажут. Теперь для всех поляков они будут не борцами с тиранией Корибута, а убийцами старой женщины. И кому докажи, что эта бешеная схизматичка сама себя... Ни одна добрая католичка на такое не способна, она бы об адских муках подумала.

А эта....

Гадина!

Впрочем, можно просто уехать. Никто не знает о происшедшем на лесной дороге, его люди промолчат, так что он сможет все переиграть.

Лещинский еще не знал, что один из сопровождающих Марфы не умер. Ему хватит сил и дождаться помощи, и рассказать о том, что произошло.

После такого Станиславу оставалось только бежать во Францию. Ни один поляк не желал ему даже руки подать. Какое уж тут правление?

Удрать бы, пока не прибили.

Людовик не обрадовался неожиданному гостю, но и гнать не стал. Станислав поселился в Нанси, где готовился к следующему раунду борьбы за трон. Пусть пройдет время, все забудется, успокоится, Ежи покажет себя плохим правителем, разумеется, с непосредственной помощью Людовика...

Это, конечно, не польский трон, но Яну Яблонскому и такого не

досталось. Не успел вовремя удрать из страны, вот и попался на сабли к нескольким молодым шляхтичам. Его вызвали на дуэль и дрались по очереди. Первого он убил, а второй проколол Яблонского насквозь.

Впрочем, долго Лещинскому тоже не пришлось наслаждаться уютом и покоем. Чуть меньше года. Это время понадобилось Софье для того, чтобы выяснить, что произошло, списаться с Ежи, списаться с Анной де Бейль – и направить во Францию несколько человек.

А потом Станислава нашли в его постели. Отравленным. Синее лицо и следы рвоты не оставляли сомнений в причинах смерти. Сказала же царевна «Собаке – собачья смерть», вот и обеспечили. И ни минуты не колебались.

Марфу любили.

За красоту, за доброту, за самопожертвование...

Ежи горько оплакивал мать. Тело ее перевезли в Краков и захоронили рядом с супругом.

\* \* \*

– Мы должны это спустить Людовику?

– Нет.

Софья зло прищурилась на пламя свечи. Алексей выглядел... недовольным? Это было не то слово. Показали б ему сейчас Людовика – тот бы и слова «Солнце» сказать не успел. Только бы позвонки под пальцами хрупнули.

– Я понимаю, что убить его не получится, но что-то же мы можем с ним сделать!

– Можем, – Софья потерела косу. М-да, седины в ней становилось все больше и больше. – не сразу, но можем. А убить проще всего, тут ты неправ.

– Так, – заинтересовался Алексей. – А ты что предлагаешь?

– По большому счету, он Марфу не убивал.

– Он дал денег Лещинскому. И вообще – ты предлагаешь его простить?

Софья посмотрела на брата с изумлением.

– Ты что? Ни в коем разе!

– Тогда что? Соня, не тyani!

– Я предлагаю ударить в самое нежное место его величества, – протянула Софья. – В его карман.

– И как же? Пиратами? Так он с турками в дружбе, а кто еще ему может так поперек торговли встать...

Лицо Софьи стало загадочным.

– О, нет, братик. У меня есть идея интереснее. Недавно мне пришло донесение из Шотландии. Там, в окружении герцога Аргайла объявился очень интересный молодой человек по имени Джон Лоу.

– И что? Чем интересен этот человек?

– Своими предложениями по реформированию торговли и денежной системы Шотландии.

– Что в них интересного? – Алексей хоть и не любил финансовые дела, но вдруг?

– Все самое интересное у мальчишек. Даньки, Кирилла...

– Ты не хочешь пригласить его на Русь?

– Что ты, братик. Этот господин из тех, кого не стоит приглашать в свой дом. А вот в чужом он может оказаться весьма и весьма полезен.

– Соня, – Алексей посмотрел на хитро улыбающуюся сестру и покачал головой. – Считаю, что я заинтригован, что мне интересно, что у тебя открытый лист на все действия. Но объясни, наконец, что это за тип!

Софья прошла по комнате. Подумала пару минут, формулируя свою речь наиболее корректным образом. Все-таки мир еще не дорос до такого способа отъема денег у населения.

Или...?

В реальной истории Джон Лоу провернул свой финт ушами лет на десять позже, чем здесь. Но там его поддержал король, а здесь мальчика может поддержать она, ну и помочь снять сливочки. Пусть Людовик думает, что все пойдет в его карман, мы сыграем в свою игру.

Она отлично помнила, как еще там, в девяностые годы двадцатого века, муж рассказывал ей о финансовых пирамидах. Смеялся над «МММ» ами, «РДС» ами и прочими рекламщиками, говоря, что они всего лишь жалкие подражатели. А источник их вдохновения жил еще во времена Людовика Четырнадцатого. Собственно, тогда и прошла финансовая пирамида номер один. В стране короля-солнца, после его смерти.

А тут будет при жизни.

– Алеша, есть такое понятие «финансовая пирамида»...

Алексей выслушал с большим вниманием. Потом попросил повторить. Уточнил несколько деталей – и пришел в восторг.

– Соня, а вам это удастся?

– Ему. И только ему. А я... а русских в этом деле вообще не будет. Ни к чему Людовику такие козыри.

- Дерзай. Что нужно? Люди, деньги...
- Я все найду. Главное у нас уже есть – твое одобрение.
- Даже поощрение. За Марфу я этому венценосному солнышку все лучи пообломаю.
- Поверь, потеря денег для него страшнее.
- Действуй. Верю.

Софья послала брату нежную улыбку. Она в себя тоже верила. Но вот как бы сделать так, чтобы Джонни Лоу не кинул компаньонов? Месть – это прекрасно, но если Франция оплатит некоторые русские проекты, будет вообще великолепно. Кирюшка с Данькой пока вдвоем одного Ивана не стоят, и так виртуозно выкраивать деньги то здесь, то там не умеют. Будет им помощь от мамы...

\* \* \*

### *Два месяца спустя...*

Джон Лоу сидел у камина. Мужчине было грустно.

Кажется, Шотландия тоже не станет местом для приложения его талантов. А ведь хотелось, еще как хотелось! Обрести дом?

Нет, не так.

Хотелось власти и денег, а с рождения у него было только второе. Первое же...

Благовоспитанный еврейский мальчик быстро понял, что всегда будет существом второго сорта – и ударился в гулянки. Прокутил имение, доставшееся от родителей, растратил деньги и был вынужден зарабатывать на жизнь картами. Прилеплялся то к одному сильному мира сего, то к другому, нигде надолго не задерживался...

Хотелось ли?

Нет, не особенно. Но от своего замка, титула, денег он не отказался бы...

Скрипнула дверь. Джон с удивлением посмотрел на вошедшего слугу.

– Что случилось, Джек?

– К вам господин Тэрас, сэр.

– Господин Тэрас? Кто это? Первый раз слышу, – Джон хотел было отказать неизвестному в приеме, но потом передумал. Любопытство глубоко укоренилось в его характере. Джон физически не мог пройти мимо

чего-то интересного... – Пригласи.

И с интересом уставился на дверь.

Вошедший оказался неприметным мужчиной среднего роста, с темно-русыми волосами, в простой черной одежде и длинном плаще.

– Мистер Лоу, рад знакомству.

– Мы с вами ведь не встречались раньше, – Лоу не спешил радоваться. Мало ли... случалось в его жизни разное. От родственников «невинных» девиц до карточных должников.

– Нет. Ни со мной, ни с кем-то из моих родных...

Лоу перевел дух.

– Тогда что привело вас ко мне, мистер Тэрас?

Тарас Иванько, один из выпускников школы в Дьяково, улыбнулся.

– Я прибыл сюда, мистер Лоу, чтобы сделать вам предложение, от которого вы не захотите отказаться.

– Да? И что же это?

– Это власть и деньги. Очень большие деньги и большая власть.

Это так совпадало с недавними мыслями Лоу, что мужчина не удержался. Перекрестился.

– Вы... читаете мысли?

– Нет. Отнюдь. Просто ваши таланты привлекли внимание некоторой группы людей. И я хочу предложить вам отправиться во Францию.

– Может, стаканчик виски? И обсудим?

Тарас кивнул, соглашаясь. Да, и стаканчик, и обсудим...

Держись, старушка Франция. Войны – полбеда, а вот финансисты...

## Глава 9

1709 год

– Как – нет денег!?

Один Джон Лоу сделал больше, чем все французские войны. А именно – умудрился крупно подорвать экономику Франции. Он начал печатать бумажные деньги.

Сначала все было хорошо, но потом, не без скромной русской помощи (Испания и Португалия тоже поучаствовали по мере сил), из Франции начало уходить золото. А бумага, не обеспеченная золотым запасом – это грустно.

Сначала-то все складывалось более чем приятно.

Джон возник при дворе – сначала в свите Филиппа Орлеанского, благо, тот был не столь разборчив по части знакомств, и попасть к нему было несложно. А потом уж и в Лувре.

Благодаря своим способностям, Джон быстро стал незаменим, потеснил стареющего Лувуа – и занял место министра финансов.

Сначала план с бумажными деньгами Людовику понравился. Еще бы, денег-то не хватало! Но когда цены бешено взлетели!

Когда за паршивый пирожок стали платить чуть ли не по пять франков!

Когда су и денье стали просто не нужны – на них ничего невозможно стало купить...

Когда полновесных золотых луидоров вдруг стало не найти днем с огнем...

Одним словом, народ не оценил финансового гения.

А, может, виноваты были и русские шпионы...

Хотя это уже бред – видеть за каждым углом вражеские происки. Поди еще, столько врагов-то набери!

Оголодавший и окончательно озверевший народ разразился целой серией бунтов.

Джон понял, что его назначат крайним (и небезосновательно) – и удрал так быстро, что только хвост за углом мелькнул. Где-то в Испании, кажется. Людовик рвал и метал, но найти бывшего министра не представлялось возможным. И деньги – тоже.

Софья довольно потирала руки.

На ближайшие лет пять, хотя бы, о Франции можно не беспокоиться. Людовику не до внешних дел будет – разобраться бы с тем, что внутри страны творится. А то кошмар – Версаль достраивать не на что!

Эх, хорошо, когда никто не пакостит, хоть пять лет передышки для Руси – и то хлеб. А дальше...

А кто знает, что будет дальше? Будем живы-здоровы – все приложится!

\* \* \*

– Не понял?! У меня воруют, а ты еще и не докладываешь?!

Государь всея земли Русской в изумлении воззрился на сестру. Софья привычным жестом поправила косу.

– Ну да. Юрка проворовался. И что?!

– Как – что!? Да это ж как плесень! Начнется с крохотного пятнышка – и весь дом загниет! – возмутился Алексей Алексеевич.

Возмущался бы он долго и громко, но наткнулся на взгляд сестры. А в нем светилось легкое лукавство.

А значит...

– Рассказывай. Что придумала?

– Почему сразу придумала? Может, я просто хочу...

– Хочешь. Кто бы спорил. Интриганка.

– Я тебя тоже люблю, братик, – Софья послала братцу улыбку. – только хотела, чтобы молодая поросль свои зубки попробовала.

Алексей сощурился.

– И как они должны это сделать?

– Я Ленке все чаще передаю дела. Вот и это тоже... передала. Пусть раскапывает, пусть ищет. А как найдет – доложит Саньке.

– А он придет ко мне. Скорее всего.

– И ты ему предложишь принимать решение самостоятельно.

– А если он его примет... неправильно?

– Тогда подождем передавать им дела.

Алексей Алексеевич вздохнул.

Подождем...

Возраст-то уже какой! Пятьдесят пять лет ему в этом году сравнялось! Не то, что половина жизни позади – отца пережил. И еще пожить бы.

Хотя все тяжелее делается царскими делами заниматься. Все чаще хочется отойти от них – и надо бы. Пока он в силе, да в уме, Саньку

натаскать, а самому рядом побыть, плечо подставить...

Вот Софья это и делает.

– Умничка ты у меня, сестренка.

Софья послала брату воздушный поцелуй.

– Я стараюсь.

\* \* \*

И верно, месяца не прошло, когда Александр Алексеевич посмотрел на отца синими глазами – и рубанул сплеча.

– Беда у нас, батюшка.

– Что, турок войной пошел? Так им, вроде, не до нас? – даже не понял сначала о чем речь, Алексей.

– Нет. То не беда. А вот Юрка ворует...

– Это который?

– Сын дяди Феди...

– Ах, вот что беда? А почему, сынок? Дело, вроде как обычное? Воруют у нас, бывает такое... Ты хоть на Милославских взгляни? Ведь все, все, что плохо лежит...

– Ну да, тетя Соня еще шутит, что это у них фамильное проклятие такое. Но это-то ладно, они нам никто. А Юрка – он же Романов!

Алексей прищурился на сына. Выводы правильные, как насчет обоснования?

– Так что с того?

– Пап, как – что!? Романовы воровать не должны!

– Почему?

– Потому что... потому что воровать у государства – это как себя самого обкрадывать. Свою семью, вот! А если человек у своей матери копейки крадет – пропащая это душа. Разве нет?

– Верно. Тем более, ему только попросить бы и стоило. Неужто ты не дал бы?

Александр задумался.

– Дал бы. Если бы Юрка попросил у меня денег – дал бы, но в разумных пределах.

– В каких? – допытывался любящий родитель, чувствуя себя инквизитором.

– Ну... на дело всегда дал бы. А вот на любовниц уже вряд ли.

– А сейчас ему на что не хватило?



– На баронессу фон Вейден. Катарина фон Вейден, есть там такая. Продажная девица за большие деньги.

Алексей подумал, что у Федора и его сына просто нюх на неподходящих девиц. Но ведь свою голову не приставишь?

– Хорошо. Юрий ворует. Что делать будешь?

– Эммм... Пап, а ты бы что делал?

– Я – это я. А скоро меня и не будет, тебе решения принимать придется. Итак?

– Есть у меня одна идея...

Ровно через месяц Юрий Федорович Романов отправился на три года в монастырь. На послушание. Пусть поживет, поработает на благо обители, ручками что хорошее поделает – кстати, подальше от баб-с. А через три года, если себя хорошо покажет, опять какую-нибудь должность получит, хотя начинать будет с самых низов.

Алексей сына одобрил.

А Софья улыбалась. Она-то знала, какую опасность для трона представляют родственники. И то, что Алексей не собирался никого щадить и не разводил излишних сантиментов, обнадеживало. Авось, и не будет всех этих дядей Ники, дядей Жоржей, дядей Сэмов и прочей шушеры, которая воровала, подхалимничала, жрала в три глотки за царским столом и пилила госбюджет.

А там и без революции обойдется?

Последнее время у Софьи была только одна мысль.

*Господи, сделай так, чтобы мы сами платили за свои прегрешения. Не вваливай их на наших потомков...*

## 1711 год

Время шло.

Завершил строительство Версаля Людовик.

Турция воевала с Египтом, мамелюки отбивались, что есть сил, и с неплохим результатом. С русскими у турок дело шло ни шатко, ни валко, остальные соседи сопротивлялись туркам по мере сил, выбивая османскому льву остатки и без того дряхлых зубов.

В Австрии умер Иосиф I и его место занял младший брат Карл.

На Руси же...

– Потрясающе! Сэр Исаак, это можно будет производить массово?

– Да, государь.

Исааку Ньютону исполнилось уже шестьдесят девять лет, но ученый решительно сопротивлялся возрасту. Был по-прежнему активен, бодр, много занимался наукой, а ученики стонали от его темпа.

– Соня, ты что думаешь?

– Надо изготавливать и активно внедрять на Урале, в Сибири, на рудниках... там, где опасно для людей, их место займут машины. Рано или поздно.

Софья высказывалась не просто так.

В этот прекрасный осенний день Томас Ньюкомен представлял им свою паровую машину. Ну как – свою? Принцип использования пара уже до него запатентовал Севери, но вот приспособить ее для механической работы, поднимать или откачивать воду – это сделал уже сам Томас. И его идея была оценена на Руси по достоинству.

– Я тоже так думаю. Мое благоволение, мастер Томас. Теперь садитесь, описывайте все и предоставляйте документы ко мне в приказ. Будем ставить на поток производство – и применять, – решил государь.

Изобретатель засиял, аки красное солнышко. Еще бы! Если на Руси будут применять построенную по его чертежам машину – это очень большие деньги. А там и поместье, и титул, кто знает?

Для беглеца из Англии это было достаточно важно.

Стабильность, спокойствие...

Это и предоставляла Русь тем, кто приезжал на ее землю. Томасу это было очень важно, в Англии-то покоя так и не было. Анна была неплохой правительницей, народ при ней не бунтовал, но страна лишилась большей части колоний, шотландцы постоянно ходили в набеги, ирландцы не желали сидеть тихо, отыгрываясь за прошлые обиды, Уэльс и Корнуолл вроде бы не мешали, но и не помогали, гордо неся звания королевств. Недавно в Шотландии вообще был коронован Карл III – и чего от него ждать, было решительно непонятно. Сын Якова и какой-то авантюристкой, воспитанный при дворе Людовика, парень был очень «темной лошадкой». Одно было ясно – Людовик, стоящий за его спиной, полумерами довольствоваться не привык, так что, если не желаешь поиграть в войнушку, надо быстро уносить ноги.

Томас и унес. И был рад поработать на благо своей новой родины. Тем паче, у него и невеста была присмотрена, оставалось только домом обзавестись...

Будущее, определенно, было приятным.

Францию лихорадило.

Спора нет, это состояние за последние лат двадцать стало для нее привычным и понятным. Но не на этот раз.

Умирал Людовик Четырнадцатый.

Умирал он плохо и болезненно, несколько дней подряд, от гангрены. Метался в горячке, бредил, гнил заживо – страшная смерть по любым временам. Упал на охоте с лошади, поранил ногу, грязь попала в рану, а поскольку мылся достойный правитель раза два в жизни – никто и не задумался продезинфицировать рану. Запах – и тот не сразу почуяли.

Анна тоже не поняла, что происходит, а потом было поздно. Воспаление пошло по ноге к бедру и спасти короля могла только ампутация, на которую Людовик решительно не согласился.

Мол, если Богу угодно – я и так выздоровею, а если нет...

Одноногого короля не бывает!

Анна могла бы ему возразить, что одноногий – зато живой. Но спорить не стала. Роль королевы сильно ее утомила. Пусть даже она была некоронованной владычицей Версаля, но все равно – надоело!

Наелась по уши!

Власти, блеска, балов...

Женщине хотелось домой. Тихо жить где-нибудь в дальнем поместье, с детьми... Хватит и того, что первенец – в Шотландии жизнью рискует. Этих двоих, рожденных от Людовика, она никому не отдаст, тем паче, не останется на милость бастардов супруга. Ни граф Мэнский, ни герцог Тулузский Анне доверия не внушали. Наоборот, ее бы воля – она б обоих в фонтане утопила.

А Луи еще малыш...

Ну что такое – пять лет? Ему бы в солдатики играть...

Хорошо, что у нее две девочки от Людовика. Не сын. Хотя Людовик и пытался до самого последнего времени зачать ей наследника, но Бог не попустил.

Анна оглядывала всех присутствующих – и слюна во рту становилась горькой от плохих предчувствий. Муж умирает. Кто будет регентом малыша?

Филипп Орлеанский.

Это... ходячее честолубие в кружевах! К тому же страшнейший бабник. Сын кузины Лизелотты не пропускал ни одной юбки, попытавшись

задрать ее даже на тетке, за что был нещадно бит Анной. Не повезло парню – честно влепить ему пощечину, а потом расслабиться и получить удовольствие Анна и не подумала. Вместо этого женщина едва не выбила ему коленную чашечку и серьезно попыталась выдавить глаз. Получилось неплохо – впредь Филипп зарекся хватать ее за грудь в темных коридорах дворца.

Доживет ли маленький Луи до зрелого возраста с таким-то регентом? И если доживет – то каким?!

В одном Анна была уверена – растить будущего великого монарха и конкурента своим амбициям Филипп не станет. А слабый король Францию не удержит. Не сможет.

Что тут начнется?

Неясно.

Но ей с девочками тут не место.

– Ваше величество, его величество хочет попрощаться с вами...

Лекарь коснулся руки Анны – и та проследовала в покои Людовика. Мужчина пришел в себя. Губы его кривила улыбка, глаза были затуманены опиумом, а лицо...

Стоило увидеть его, чтобы понять – не жилец. Нет, не жилец.

Анна привычно опустилась на колени рядом с кроватью, коснулась губами монаршей руки.

– Сир! Какой ужас! Мое сердце рвется на части!

Ага, на две. То ли удирать с девочками на Русь – то ли к Карлу. Все же сын...

– Нам предстоит разлука, любовь моя. И я лишь могу надеяться, что она не будет слишком длительной...

Анна едва удержала ехидное «Конечно, сир. Лет двадцать-тридцать» и нежно улыбнулась.

– Любовь моя, если бы не дети – завтра же мы были бы вместе. Я не смогу жить без вас, но я буду существовать в ожидании нашей встречи – ради наших девочек! Только для них!

Ответ явно понравился государю. Он коснулся белокурых волос авантюристки.

– Я был счастлив с вами, мадам...

Анна ответила в том же духе... развернуться не дал лекарь, скормив венценосному пациенту еще одну порцию опиума. Женщина вышла вон – и наткнулась на взгляды.

Самые разные.

От злобных до вопросительных. И один...

Анна плюнула на все и опустилась на колени перед маленьким дофином Вьеннским.

– Ваше высочество...

– Как себя чувствует дедушка? – Мальчик уже достаточно разобрался в хитросплетениях дворцовой жизни. Понимал, зачем его сюда притащили, и чего ждут все эти одетые в траур люди...

– Плохо, ваше высочество. Очень плохо.

– Он... умирает?

– Да, ваше высочество. Лекари лгут, но я опасюсь худшего. Он умирает, и вы будете королем...

– Я не хочу...

Анна вздохнула про себя. Он был таким симпатичным, этот малыш, с его серыми глазами и кудрявыми золотистыми локонами. Таким добрым и ясным, что даже было странно – как это сокровище выросло в ядовитой дворцовой атмосфере. Она огляделась – и разумеется, Филипп Орлеанский был неподалеку. Беседовал с кардиналом Флери.

– Монсеньор?

– Да, мадам Анна?

Филипп был не в худших отношениях с Анной. Женщина была неглупа, не настраивала против него венценосного дядюшку, а пару раз и смягчила его гнев удачной шуткой. Так что...

– Вы не отпустите со мной мальчика? Ему здесь не место. Пусть побудет с моими девочками, поиграет пока...

– Время ли для игры, мадам?

– Это ребенок, монсеньор. Ему не место у постели умирающего.

Десять минут уговоров – и Анна забрала малыша с собой. Сегодня она накормит его ужином, уложит спать и расскажет добрую сказку. Ему придется очень нелегко в последующие годы, пусть у мальчика останется память хотя бы об этом вечере. Когда рядом с ним играют и смеются. И он – не наследник, а просто Луи...

Самый обычный мальчик.

Потом ему не дадут забыть о короне. Потом, все потом.

Именно глядя на то, как маленький дофин играет с ее дочерьми, Анна уверилась, что надо уезжать. Инсценировать свою смерть – и уезжать прочь. Или просто бежать к сыну – неважно.

Останься она здесь – либо ее заточат в монастырь, либо придумают что похуже. Отравят... хоть и сложно им будет, но могут. Лишь бы она не оказывала на малыша влияния. А она может.

Ее любят при дворе, она фигура, ее слово что-то да значит, и потому –

она обречена. Выход один – побег вскоре после смерти супруга. Тут главное не протянуть слишком долго...

Анна отправила детей спать. А сама позвала доверенную служанку.

– Много из наших в Париже сейчас?

– Четырнадцать человек.

– Людовик умирает. Я хочу уехать отсюда.

– Домой?

– Наверное, нет. К Карлу.

– Хорошо. Я скажу – и пусть готовят побег.

Анна кивнула. На Русь хотелось, но лучше к сыну. Сейчас под его рукой Шотландия и Ирландия. А там, кто знает, и Уэльс или Корнуолл приложится? Там тоже безопасно... относительно, но оставить сына?

Нет, этого она сделать не сможет.

Ох, Русь...

Не видеть мне твоих березок еще очень долгое время.

\* \* \*

Людовик умер первого сентября 1715 года. Торжественные похороны, коронация и передача власти прошли еще в присутствии Анны. А вот потом...

Никто и не понял, как опустели покои в Лувре. Еще до того, как Филипп решил отправить ее в Сен-Сир, в монастырскую школу, Анна бежала, захватив с собой детей, все подарки его величества (тянущие на очень круглую сумму, хватило бы еще один Версаль построить) и даже любимую собаку по кличке Жюли.

Как?

Бог весть!

Расспросить слуг пытались даже в Бастилии, но те, кто остались, ничего не знали. А трое, которых недосчитались вместе с их хозяйкой...

Их просто не было в Париже. Да и во Франции тоже.

Спустя несколько недель, все беглецы объявились в Шотландии.

Карл с радостью принял мать, а уж шотландцы-то... Анна сберегла для них короля, королевскую кровь, вырастила короля и вернула его на родину. Людовик мертв, а Карл жив. Это стоило признания. Да и вообще шотландцы умели ценить сильных и решительных женщин, а если они еще и красивы...

Анна поняла, что вполне может рассчитывать на третьего мужа, но

выбирать не спешила. Лучше быть вдовой двух королей, чем женой шотландского аристократа.

И когда маска стала лицом?

Об этом ее не предупреждали, не говорили, что новая жизнь будет длиннее старой, что она окажется так же важна, что Анна не сможет вернуться, бросив детей...

Мы предполагаем. Бог располагает.

Может быть, кто-то из ее дочерей поедет на Русь, как невесты русских царевичей. Может, кто-то из русских царевен станет невестой ее сына, или внуков? Кто знает, кто знает...

Как же забавно.

Девчонка из грязной канавы – и королевские дома. Ах, государыня Софья, понимаете ли вы всю иронию жизни? Вы сами вытащили меня с помойки, отмыли, выучили, и теперь мои дети могут породниться с вашими. Вы бы смеялись, госпожа, или прогневались?

Но что-то подсказывало авантюристке, что Софья сейчас на Руси смеется над возникшей ситуацией.

Анна молилась за покойных мужей, и думала, что ее бегство то из Шотландии, то в Шотландию, останется в истории. Интересно только, как его назовут? Что-то о ней напишут?

\* \* \*

– Людовик умер.

Алексей Алексеевич помотал головой.

– Серьезно?

– Абсолютно.

– М-да. Считай, эпоха ушла. Сколько он правил?

– Семьдесят два года, – Софья тоже была чуть в шоке. Людовик казался вечным, как закаты и восходы. И возраст ничуть не мешал ему строить придворных, ан поди ж ты!

Умер...

– Кто теперь на троне?

– Людовик Пятнадцатый. Регент – Филипп Орлеанский.

– Хм-м... Что у нас есть на него?

– Честолюбив. Любит женщин, но власть – больше. Обожает свою мать, хороший охотник. Самолюбие болезненное.

– Даже так?

– Да.

– К нему стоит кого-нибудь подводить?

– Вряд ли. Мне кажется, постоянная фаворитка у него не удержится, – пожалала плечами Софья. – Слишком избалован. Да и ни к чему – он сам все развалит в припадке честолюбия.

– Думаешь?

– Почти уверена.

– Франция останется без присмотра?

– Свои люди у нас там есть, без сведений не останемся. А влияние... Алеша, поверь мне – они сами все развалят. Равного Людовику там нет и не будет.

– Да... уходит эпоха.

Софья кивнула, внимательно глядя на брата.

Спорить было сложно. Титаны уходили. Равных Людовику во Франции уже не найти. В Англии смута и дразги. В Австрии – сын Леопольда, Карл, достаточно набожный молодой человек, неплохой, но и в подметки не годящийся своему отцу. В Испании – тишина и покой. Дон Хуан еще держится, но Мигелито уже правит за его спиной, и успешно. В Португалии тоже спокойно. Иван и Белла активно занимаются наукой, благо, у Педру есть наследник. Так что пара может позволить себе разъезжать между Португалией и Русью. Но последнее время они не появляются на Руси. Обосновались с детьми на Мадейре и активно занимаются наукой, строя свой Университет. Конкуренты...

Турция...

Этот зверь еще оставался опасным, но тут главное палкой не тыкать в издыхающего льва, авось и не тяпнет.

Да, эпоха проходит. И они – часть той эпохи.

Софья совсем не удивилась следующему вопросу.

– Не пора ли нам передавать дела молодежи?

Что ж. Вовремя уйти со сцены – это тоже высокое искусство.

\* \* \*

Первого января 1716 года государь всея Малая и Белая и Великая и проч., и проч. Руси, Алексей Алексеевич Романов отрекался от престола в пользу сына.

На трон воссел Александр Алексеевич Романов.

В Успенском соборе Московского Кремля состоялась торжественная



церемония, в ходе которой Алексей Алексеевич сложил с себя шапку Мономаха, а потом патриарх венчал на царство Александра Алексеевича.

Сын умолял отца остаться в Кремле, но Алексей Алексеевич решил, что не стоит провоцировать людей – и удалился в Дьяково. Должность директора царевичевой школы в очередной раз освободилась – и Алексей собирался вплотную заняться ее делами, находя в этом странное удовольствие.

Именно отсюда начался его путь к престолу. Он начал создавать школу в детском возрасте, он будет ей заниматься и сейчас, в старости. Круг замкнулся.

Впрочем, и из Дьяково он отлично мог следить за происходящим в столице, узнавать все новости и давать советы сыну. Точно так же, как Софья могла переписываться с дочерью, постепенно передавая ей своих людей и свою должность. Разве что прозвище «Проклятая царевна» она передать не могла – да и ни к чему это. Пусть у Аленки будет счастливая жизнь – и ей никогда не придется проходить через то, что прошла ее мать.

Вроде бы и рядом – вроде бы и отдельно.

Софья чувствовала, что пора отходить от дел. Пятьдесят восемь лет – не шутка по этим временам. И здоровье не то, и сердце временами стало прихватывать, и голова все чаще болит, и... да много чего!

В этом веке шестьдесят лет – как в двадцатом вся сотня.

И Алешка на здоровье жалуется...

Нет уж. Будут они спокойно жить в Дьяково. По вечерам беседовать о делах Кремлевских и школьных, читать письма, пить чай под яблонями, прогуливаться по саду...

И она даже в это верит! Вдруг получится?! Попытаться же стоит?!

Прогулками, скорее, займутся Алексей с Ульрикой. Любящая жена не собиралась оставаться в Кремле и последовала за Алексеем в деревню. Вот и еще одна измененная судьба на ее счету.

А что дальше? Удалось ли ей повернуть колесо? В том мире победил Петр и насильственная европеизация Руси.

В этом мире... Бог даст, будет постепенная русификация Европы.

Аккуратная, осторожная – и спустя лет двести честью будет породниться с кем-нибудь из русского царского дома, почему нет? И революции не будет. И дурацкой идеи о том, что «отнять и поделить» – тоже. Сколько не пытались, все одно похабщина получилась.

И никто не будет смотреть на русских, как на дикарей. И не будет семидесяти лет атеизма и показного православия – тоже. И староверы не будут гореть в своих скитах, чтобы не попасть в лапы к Антихристу...

Два года назад умер протопоп Аввакум. Умер достойно и спокойно, отошел во сне, даже не заметив прихода смерти. Софья помнила, как разговаривала с ним, недели за две *до того, как...*

Она тогда исповедалась в очередной раз, получила отпущение грехов – и они беседовали о том, что ждет Русь. Их Русь...

Софья, как обычно, пребывала в беспокойстве, то об одном деле, то о другом. Аввакум же наблюдал с улыбкой и успокаивал царевну. Мол, верным путем идешь, чадо. Главное, в себе не сомневаться, а остальное в твоих силах.

Неужели предчувствовал?

Неужели – она справилась?

А если нет?

Где она окажется, когда придет ее срок?

Или... все это бред, просто предсмертный бред? А она до сих пор умирает на холодном камне в старой церкви, и где-то высоко на стропилах каркает ворон?

Софья не могла ответить на свои вопросы. Но вот дожить в мире и спокойствии – вполне могла.

Хотя бы – попытаться. А вдруг получится?

### 1726 год

– И снова война. Будет когда-нибудь мир – или нет?!

Алексей Алексеевич с улыбкой посмотрел на сестру.

– А ты сама-то в это веришь?

Софья не верила. Ульрика, мирно плетущая на коклюшках рядом с ними – тоже. Царица больше любила вышивать, да глаза ослабли последнее время – семьдесят лет не шутки. В это время многие и не живут столько.

А они жили, еще и делами заниматься умудрялись.

Алексей Алексеевич, хоть и насчитал себе уже семьдесят два года, но сдаваться не собирался. Был бодр и крепок, каждое утро начинал с зарядки, а каждый вечер заканчивал длительной прогулкой по школе. Софья и Ульрика часто составляли ему компанию. Так вот и вышло – Алексей занимался делами школьными, Софья курировала обучение девушек, а Ульрике доставались те, кто не был пригоден к тяжелому труду на благо отечества.

Не все же годятся в шпионы, разведчики, не все могут жить чужой

жизнью... такими и занималась добрая царица.

Учила, брала в сенные девушки, выдавала замуж...

Сама Софья наблюдала за правлением Александра Алексеевича, держала руку на пульсе – и все чаще убеждалась, что все сделала правильно. Главное ведь не нажить состояние. Это-то как раз не слишком сложно, она-то знает. В перестройку такие лбы деньги из воздуха делали, что ангелы с облаков от шока падали.

А вот сохранить нажитое!

Передать его наследнику.

И чтобы наследник тоже сохранил, преумножил и передал – вот где беда-то!

Сколько она видела таких историй, сколько семейных трагедий? В одной и сама поучаствовала, недаром же свою фирму завещала не сыну, который размотал бы ее по ниточке на ветер, а человеку, который смог бы принять ношу – и вынести с достоинством. Вот где беда-то!

Ты в делах, в заботах, и вырастить достойного наследника не получается. А то, что выросло...

Оххх...

Но здесь и сейчас, вроде как все было нормально.

Александр справлялся со своей ношей на зависть окружающим – государь спокойно и уверенно вел дела, казнил и миловал, судил и решал...

Да, казнить тоже пришлось. Не бывает ведь без недовольных.

Вот и тесть Александра, Алексей Ржевский, года три тому назад проворовался на своей должности. Пришлось казнить.

Александр пощадил бы его, постарался бы, но...

Если дать слабину сейчас, показать, что близость к царской семье даст индульгенцию, тут такое начнется...

Все растащат, что плохо лежит. А потом и что хорошо – тоже.

Пришлось по всем правилам судить, казнить... Маша так и не простила этого мужу. Чего только не было в тереме. Крики, визги, угрозы самоубийства... не подействовало.

Хочешь – вешайся, – отвечивал государь и приказал запереть царицу, пока не образумится. Что самое интересное, остальные Ржевские словно и не в обиде были. Они-то не воровали, а царский гнев коснулся только виновного. Украл – ответь. Марию не отправили в монастырь, ее братьев не лишили чинов, хотя Петр Федорович Ромодановский, еще один царский воспитанник, сменивший Федора Ромодановского (вот ведь кровь сказала – внешность от Любавы, а характер от отца, этакий кремень с ангельским лицом, дочка там совсем не такая была, куда как мягче, в мать)

на тяжком посту главы Тайного приказа, побеседовал приватно со всеми. Ржевские прониклись и больше глупостей не делали.

Мария дулась на мужа больше года, а потом – увы. Чисто случайно умерла при очередных родах.

Теперь пятеро государевых детей воспитывались в Дьяково, а Александр опять ходил в холостяках. И не жаловался. А зачем ему одна официальная царица, если куча молодых-красивых рядом ходит? Может, он и женится через пару лет. А может, и нет. Наследники есть, а остальное и так приложится.

Софья потом уточнила у дочери, насколько случайно умерла Мария. И получила невинный взгляд и такой же невинный ответ.

Абсолютно случайно.

Не поверила. На что уж Елена была искусна во вранье, но обмануть мать ей не удавалось. Тот разговор Софья до сих пор вспоминала с... неприязнью.

– Мам... Саша ничего не знает. И не узнает никогда, – Аленка смотрела абсолютной невинностью. Софья едва удержалась, чтобы не отвесить подзатыльник любимому детищу.

– Алёна, твой брат – идиот?

– Н-нет...

– Значит, и догадывается, и знает. Может, все же изволишь рассказать мне правду?

Княжна Елена развела руками. И соизволила признаться.

– Сашка догадывался. И не впрямую, но разрешение мне дал.

Мать только за голову схватилась.

– Ален, ты понимаешь, что вы заигрались?

– Мам, мы всего лишь сделали, что должны. Обязаны. Машка занималась не детьми, она свою семью пристраивала. И забыла о том, что она теперь не Ржевская, а Романова. Все хорошо в меру!

– Воровали?

– Брат ее попробовал. Сашка его хотел в монастырь для профилактики, так Машка ему скандал устроила... плоды просвещения!

Софья только фыркнула.

– И это все причины?

– Там и еще были, просто мы не говорили, чтобы тебя не расстраивать. Машка была плохой королевой, плохой матерью... да, и женой тоже плохой. Я же знаю, ни ты, ни тетя Уля, никогда... а эта... стервочка!

Проклятая царевна махнула рукой.

– Алена, дело не в этом. Ты – тень за тронем, а не палач. Понимаешь?

– Я не убивала ее.

– Но ты отдала приказ, а это немногим лучше. Учти, дочка, если ты заиграешься, в один миг Саша начнет бояться тебя. И все, что сделала я, что сделаешь ты – рухнет. Есть границы, которые нельзя переступить.

Дочь слушала, и старалась понять. Софья видела, что урок усвоится, что Елена запомнит. Может, не сейчас, но позднее к ней придет и осознание. Но пока...

Софья все равно одобрила, потому как случись что... Если бы приключилась беда с Алешкой, они бы с Ульрикой детей воспитали, вырастили совместно, на трон усадили... одно слово – королевская дочь. Ульрика ведь родилась принцессой, росла и воспитывалась в убеждении, что все для блага государства. Даже если придется ради этого босиком в огонь и грязь золотой ложечкой кушать. Ее так приучили. А вот Маша...

Кровь она привнесла хорошую. Дети, как на подбор, были здоровыми, умными, некапризными, симпатичными, и что приятно – их детей опять можно было выдавать замуж за границу. Примерно через поколение. Кровь достаточно разбавится, чтобы не допустить генетических аномалий.

А вот в остальном... Мария не смогла превозмочь себя. Ее воспитывали так, что все для семьи, все в семью... это-то неплохо, но теперь ее семьей стало все государство, а к этому она не привыкла.

За что и поплатилась.

Софья могла только молиться за дочь. Молиться, и желать ей удачи. Елена сама это выбрала, сама встала на тяжкую дорогу тени за королевским тронном, сама приняла ответственность... Только вот как она заплатит за свои грехи?

И все чаще вспоминался Софье синий взгляд мужа.

*Ох, Ванечка, Ванечка. Простишь ли ты меня за то, что я сделала с нашей дочкой? Ей бы о цветочках говорить, да вышиванием заниматься, а она чужие судьбы кроит, и сорняки на политической грядке выпалывает.*

Жестоко, да выбора нет. Никто за Аленку этого не сделает.

А еще в школе воспитывалась и маленькая Феодосия – дочка Алены. И очень тянулась к старшему брату Михаилу, названному в честь прадеда. Софья и не сомневалась, что Елена так же поговорила с малышкой, как когда-то говорили с ней самой. Очень уж хитрое выражение бывало иногда на мордашке у девочки...

– Турок додавить надобно. Сама понимаешь, не след такое оставлять.

– Не след, – согласилась Ульрика. – Саша сам на войну едет?

– А кому такое доверить можно? Ничего, проедется, чай, не маленький, в битву не полезет...

– Пуля – она ж не разбирает, кого казнить, а кого миловать.

Ульрика знала, что станет волноваться за сына. И Алеша тоже, и Соня, хоть они этого и не покажут. Железные... все внутри, все в себе и без стона. Неужели могло быть так, что она вышла бы замуж за Карла? Была бы шведской королевой... страшно подумать даже. Нет, здесь и сейчас ее судьба сложилась идеально. И царица, привычно переплетя коклюшки, потерлась щекой о плечо мужа.

Алексей коротко поцеловал ее в лоб.

– Соня, ты сама знаешь, шансы победить очень хороши. Именно сейчас...

Да, именно сейчас, когда образовалась коалиция из Испании, Португалии, Дании, Руси, когда к ним примкнули Польша и Венгрия, когда даже Италия решила вступить в войну, у них появилась возможность додавить турок.

Австрии было не до того, она стремительно распадалась на части – потомки Леопольда просто не могли удержат вожжи в слабых руках. Ручонках.

Франция им сейчас тоже не поможет, от Филиппа Орлеанского толку никакого, он бунты разгребать замучился. Досталось ему нехорошее наследство от Людовика и не тем помянутого Джона Лоу. Страна и так осталась без денег, куда тут балы затевать, а мужчине роскоши хотелось.

Вот и получил – восемь роскошных бунтов, на пол-страны. Успокоился и прижух, как мышь под веником.

А Александр хотел выполнить давнюю мечту русских.

Царьград.

Освободить его, а там и умирать не жалко, ты уже в истории останешься. Да и не опасно – есть, кому удержат власть, есть кому передать ее наследнику.

Поход был объявлен под знаменем возвращения себе Иерусалима. Даже не себе, нет.

Всем верующим христианам мира.

Там же святая земля, там гроб Господень, и там сидят какие-то турки?

Непорядок.

Надо их вышибить, надо создать там государство.... какое? Вопрос. Но точно не русское. Русским там не обосноваться и не закрепиться. И далеко, и ни к чему. Лучше вольный город под патронажем Рима и всех христианских государств, надо только подумать, как это лучше преподнести. А они под шумок пригребут себе проливы. Поставят бастионы, переименуют Стамбул в Царьград, как он и должен был быть – и

успокоятся. Ликвидировав турецкую угрозу, им больше ничего не будет нужно. Развиваться и прирастать землями русские будут в совершенно другом направлении.

А чтобы европейцы не волновались, Александр Алексеевич уже при всех отказался от любых земель. Не нужно ему ничего, ему бы вернуть святыню христианскому миру.

А заодно немножко поправить свои дела. Они и так неплохи, но что ж отказываться от лучшего? Забрать себе, наконец, дельту Дуная, да и Суэцкий канал может быть полезен, а это значит – Крит, Родос, Кипр. И именно сейчас, пока все смотрят в другую сторону, можно обосноваться там, закрепиться, чтобы никому и в голову не пришло отвоевывать их у Руси.

Папа Римский одобрил это дело и даже попытался под шумок пригрести под свою руку православие, объявил, что заблуждаться каждый может, но сейчас русские встали на путь исправления...

Ладно.

Скрипнули зубами, но пообещали попомнить. Придет еще их время.

Пока же, под благословением Папы, поход быстро принял черты Святого и участие в нем стало очень богоугодным. На Францию стали поглядывать с подозрением, так, что Филипп Орлеанский, скрипнув зубами, тоже выделил целый полк солдат.

***\* в Р.И. он умер на три года раньше. Но тут автор, своим произволом решила немножко продлить ему жизнь. Прим. авт.***

Почти целый и даже почти укомплектованный. Но и без него военной силы хватало.

Скоро, очень скоро войска сдвинутся с места. А тем, кто останется дома, стоит ждать и молиться.

Софья видела, что Алексей тоскует по старым временам. Ему бы сейчас да двадцать лет, да на коня, да друга Ваню рядом... он бы! Но Константинополь достанется не ему.

Александрю.

Сын пойдет на войну, зарабатывать себе бессмертие. А Аленка останется дома, работать на благо Руси, пресекать крамолу и вести разъяснительную работу. Может, даже спросят совета у стариков...

– Это ты, Соня, приbedняешься, – Алексей был в курсе мыслей сестры. Да и что там – сам так же думал. – Вовсе мы и не старики. Дождемся еще!

– Жаль, Сашка никакого щита к воротам Царьграда не прибьет.

– Надо ему намекнуть. Пусть возьмет для такого случая.

Брат и сестра весело рассмеялись. Пока еще можно шутить. Пока

война еще не началась. Но уже скоро, скоро...

### 1728 год

– Уля, Улечка... Не смей умирать, слышишь! Держись!

Софья положила руку на плечо брата.

Ульрика-Элеонора умирала. Возраст, здоровье, сквозняк – и мерзкая простуда, разом перешедшая в пневмонию. Они и опомниться не успели.

Еще вчера праздновали возвращение государя из похода, а сегодня в царскую семью пришло горе. Долго ли простудиться на пиру? Да мигом. И не обратить внимание на свое состояние, и радоваться за сына, который вернулся живым, и улыбаться, и не показывать вида – и свалиться, словно подстреленная птица.

Вот и сидел сейчас Алексей у постели жены, звал ее, и понимал – все бесполезно. Софья, Александр, Елена – все они были рядом. Примчались все царские дети, кто смог, но...

– Уля...

Алексей смотрел, как выцветают родные глаза, как становится восковым лицо, как наползает на него тень смерти, а пальцы его до последнего держали руку жены. Хотелось верить – она чувствовала его рядом. И когда Уля успела стать родной, любимой, частью мужа?! Ушли в историю его увлечения, забылись любовницы, а вот Уля... она всегда была рядом, всегда поддерживала, любила... и стала частью сердца Алексея. Частью его души. И сейчас ему душу рвали по живому.

Александр порывисто уткнулся в плечо Аленке. Та погладила двоюродного брата по волосам.

– Сашенька... мы справимся, обязательно справимся.

Но было уже поздно справляться. Зеркало, поднесенное к бледным губам, не запотевало. И лекарь опустил голову.

– Государыня умерла.

Ульрика отошла, не приходя в сознание, и Русь погрузилась в траур.

Уже не радовала никого победа над турками. Добрую царицу любили в народе. Грустил и Алексей.

– Кто из нас следующий будет Сонюшка? Ты, али я?

Софья пожала плечами. Об этом она предпочитала не думать.

– Кто бы ни был – оставшемуся будет плохо. Очень плохо...

Алексей кивнул. Низко опустил голову, и из уголка глаза скатилась



слезинка.

– Даст Бог, я за Улей отойду. Не хочу один оставаться, не смогу без вас. Больно...

И это испугало Софью больше всего остального. Ее брат...

Теперь настало ее время утешать и уговаривать. И она обнимала Алексея, как когда-то обнимал ее брат после смерти мужа, тихо шептала на ухо какие-то глупые слова – и не ведала, что тихо заглянувший в дверь Александр, притворил ее за собой и кивнул Алене.

– Плачут.

– Пусть. Слезами горе вымывается.

Саша кивнул.

– Это верно. Да, я тебе там двух арапов привез в подарок. Вроде как неглупые ребяташки, авось к чему и пригодятся?

– К чему пригодятся?

– Строить они хорошо умеют. Ибрагим и Ахмет. Приглядишься, понравятся, так и при школе оставим. А нет – другое место найдем. Талант у ребят есть, сам видел.

Елена кивнула.

– Посмотрю. Надо бы распорядиться о похоронах...

– Сделаешь?

– Конечно, Саша.

Елена понимала – ей будет легче. Тетку она любила, но не так, как Александр, как его отец, как Софья, кстати говоря. Они выросли друг в друга, и сейчас, Бог даст, чтобы дядюшка, да и мать еще пожилы. Чтобы не свело их в могилу это горе...

Заставлять их заниматься похоронами близкого человека – жестоко.

А она справится. А потом будет время и на мальчишек посмотреть, что же в них такого интересного? Ахмет и Ибрагим, говорите?\*

***\* по некоторым сведениям, у Ибрагима Ганнибала был еще брат, принявший при крещении имя Алексей. Значительными свершениями не отмечен, Пушкина не родил, а потому и знаменитостью не стал. Прим. авт.***

Алена цеплялась мыслями хоть за что, лишь бы не думать, что все люди смертны, и родители тоже. Так-то, ты можешь решать судьбы государств, можешь казнить и миловать, но пока живы родители – ты все одно можешь хотя бы на миг стать ребенком. Хоть ненадолго.

А уйдут они... и умрет часть тебя.

Все. Не думать об этом. Довольно.

Алена откинула за спину длинную косу, которую совершенно

неосознанно теребила, как и ее мать в свое время, и решительным шагом отправилась на поиски патриарха. Надо работать.

А работать было еще над чем. Мать оставила ей хороший задел, но теперь главное – не упустить поводья.

Дядя Федя в Померании и его сын, который вернулся из монастыря, вроде как поумневшим. Надо проверять и контролировать, надо регулярно обновлять «дамский батальон», чтобы не было случаев, как с Катариной фон Вейден.

Дания процветает, покусывая догнивающую Швецию. Если не сын Кристиана, то уж его внук точно довершит процесс, а это не слишком хорошо. Елена ничуть не жалела убитого ей Карла, туда ему и дорога, за отца-то, и мало еще будет, но Швеция нужна была, как противовес Дании. Пока – нужна. Надо бы подбросить туда денег или оружия... посмотрим. Хорошая вещь – риксдаг.

Грузия – Картли, Кахети, и тоже родственники. Дядя Ираклий и тетя Дуняша уже старенькие, царство принял их сын, Давид, и за ним надо приглядывать. Там же, неподалеку, дядя Володя со своей персиянкой, и везде требуется пригляд. И деньги, и военная сила, и оружие, чтобы защищаться от турок и осваивать новые земли. Ничего, постепенно, за три-четыре поколения, они с этим справятся. Тут главное не давить, чтобы не было конфликта религий и поколений, чтобы старики учили детей: «лучше с русскими». Это сложно, но выполнимо, она-то точно знает.

В Польше беспокойно. Не всем понравилось решение его величества Георгия, но после смерти матери мужчина активно взялся давить недобитых «любителей вольностей и свобод». Имеет право. Что ж, они помогут кузену.

Венгрия.

Ференц Ракоци правит мудро и справедливо. Илона Зриньи ушла из жизни на восьмом десятке. Успела увидеть внуков, и даже договориться об их помолвках, успела оставить свой след в истории и в сердцах человеческих. Похоронили ее рядом с первым мужем, как она и просила. Тетка Наталья горько оплакивала свекровь – они с Илоной искренне привязались друг к другу. Сама Елена ее знала только по письмам, но мать рассказывала, что это была редкостная женщина. И умом, и красотой, и силой духа... Ее жизнь прошла не зря. Она могла собой гордиться – при ней произошло то, чего добивалось не одно поколение Ракоци – Венгрия стала свободной. Сейчас Русь, Польша и Венгрия стоят плечом к плечу. Не все еще гладко, и о вере кое-где спорят, и бунты бывают, и рокош иногда объявят, и убийц подсылают...

Что ж, на ее век работы хватит и здесь.

Европа...

Франция постепенно распадается, задыхаясь под гнетом нового Людовика. Увы – даже не тени великого деда, скорее, его... огрызка? Да, это подходящее слово. Людовик Пятнадцатый и в подметки не годится Четырнадцатому. Великий король совершил страшную ошибку – упустил внука. Не занялся, не выучил, как следует, вот и получаем...

Сейчас государством управляет кардинал Флери, а это плохо. Нельзя допускать святош к реальной власти, страной управлять – не молитвы читать. Хотя кому плохо, а кому в самый раз. Пока кардинал монастыри от налогов освобождает, шпионы по Франции, как у себя дома разгуливают. Протестантов сманивают в лучшую жизнь, мастеров вывозят, догрызают остатки начинаний Кольбера – приятно!

Испания – там все в порядке. Дон Хуан давно умер, тетка Мария пока еще живет и здравствует, дает советы сыну, гоняет внуков... Его величество Мигель правит и царствует – в одном лице. Женился на младшей дочери Кристиана Датского, девочка оказалась замечательная, вся в тетку Ульяну, уже пятерых нарожали! Колонии осваивают, Испания опять становится владычицей на море, совместно с Русью, конечно, но это и неплохо. Его сестра сейчас королевой в Бельгии. Вышла замуж за французского принца, неплохо устроилась. Принц кутит, принцесса правит, благо, от матери многому научилась.

Неплохо все и в маленьких немецких княжествах.

Феодосия развернулась в своей Пруссии. Давно уже опочил, предавшись очередным излишествам, ее супруг, но поскольку он оставил ей в наследство Пруссию, троих сыновей и четверых дочек, царевна не возражала. Она завела себе фаворита, по странному совпадению, приехавшего с Руси, управляла своим государством, прислушивалась к советам брата, воспитывала сына и постепенно прирезала соседские земли. Колониями обзавелись, хоть и крохотными, а все же, кораблями...

Сейчас породниться с ее семьей желали все князьки, а Феодосия придирчиво выбирала достойных.

Англия...

Англия окончательно рассыпалась на центральную часть во главе с Лондоном и потомками принцессы Анны, Уэльс и Корнуолл, в которых правили бастарды Якова, и Шотландию с неожиданно примкнувшей к ней Ирландией. Там сейчас правил Карл, порядковым номером третий. С его матерью княжна Морозова переписывалась, и очень активно...

Да, судьба у бывшей девочки из подворотни сложилась интересно. В

последнем письме Анна де Бейль писала, что хочет оставить свои мемуары, конечно, не рассказывая в них о Руси. Официальную версию юности – и неофициальную – зрелости. Почему бы и нет?

Вряд ли эти записки увидят свет, но потомки должны знать о своих предках. Иначе слишком легко превратиться в самое страшное бедствие мира – Иванов, не помнящих родства.

И предков, и их деяния, и за что ответ держать...

Княжна Елена припомнила разговор с кузеном, и грустно вздохнула. Саша как-то спросил, может ли она убить его, если увидит, что его действия несут вред Руси. Елена тогда и не задумалась, ответила, что лучше себя убьет на его глазах, пусть одумается братик, и увидела, какое счастье вспыхнуло в глазах кузена. Правильно, все правильно...

А Русь...

Родная, искренне и неистово любимая, заснежено-колокольная, искристо-снежная, солнечно-березовая, пахнущая медом, цветами и почему-то елочной хвоей...

Русь тоже прирастала землями и союзниками. Строились заводы на Урале, осваивалась переселенцами Сибирь, аккуратно подогревались конфликты в Китае, а пока две династии грызут друг друга, Русь осторожно отгрызала по кусочкам землю в свою пользу.

Со временем они и с Китаем сольются, наверное...

Соседи же...

Когда Елена беседовала с матерью, та высказывала мечту о государстве, в котором будут жить – земляне. Не англичане, французы, русские, шведы и прочая, и прочая, а просто – земляне. И Елена была согласна – замечательная идея. И полететь к звездам – тоже.

Когда-нибудь, когда-нибудь...

Но чтобы это случилось, надо работать. Надо очень-очень много работать.

Елена вспомнила про исписанные мелким бисерным почерком листочки, лежащие у нее в крепко запертом потайном ящике.

Там были имена и сведения. Откуда их взяла мать – Елена не знала, но знала, куда идти. Знала вехи, на которые можно опереться, знала, чего стоит бояться, где отпустить поводья, где придержать, что надо выжигать каленым железом, а чему можно и позволить расцвести, на чем можно заработать деньги, и как не допустить, чтобы их заработали на тебе.

Откуда это у мамы?

Она не знала. И не спрашивала – мать сказала, что ответа не будет. Никогда, смирись, Аленка. Хватит и того, что у тебя есть возможность

заглянуть в будущее.

И княжна Морозова была благодарна матери.

Она будет работать, будет делать все возможное, не щадя ни себя, ни других, она справится...

Зачем?

Этим вопросом княжна никогда не задавалась. Что значит – зачем?

Чтобы ее дети жили, чтобы дарили ей внуков, чтобы видели над собой мирное синее небо, чтобы никогда не плакали матери, чтобы не было на земле очередного Ига...

Любая женщина легко ответит на этот вопрос. Правда, не любая согласится отдать всю жизнь на его решение, не любую будут готовить малым не с колыбели, как она сейчас готовит свою дочь. Медленно, исподволь, как ее саму готовила мать.

Княжна Елена знала, что у нее никогда не будет свободного времени, что ее ждет работа, грязная, черная, каторжная, но все же она была счастлива. И благодарна своей матери за выбор, за воспитание. Когда-нибудь так же е саму поблагодарит дочь. А если нет...

Найдется та, кто встанет за троном, в его тени.

Нельзя мужчинам одним править государством.

Грозная сила должна уравниваться женской хитростью, жестокость – мягкостью, бескомпромиссность – изворотливостью. Но и одна женщина не справится, потому что не знает меры там, где речь идет о любви. И в этом ее сдержит Саша.

А вместе они – сила.

Каблучки княжны стучали по коридорам Кремля, и казалось, что тени разбегаются по углам от уверенного звона серебряных подковок. И кому-то могло показаться, что грустно смотрят на потомков предки, и поднимают благословляющим жестом руки...

Бог в помощь, дети.

Делайте, и не оглядывайтесь, а мы встанем за вашей спиной. Это ведь мы вас сделали – такими. Мы – ваше прошлое, а вы – наше будущее.

Будьте счастливы, родные...

**1729 год**

– Алешка! Ну как тебя так угораздило!

Софья гневно смотрела на брата.

– Не... кха! Кха!!! Поберег... кхся!!!

Алексей кашлял так, что едва мог дышать.

– Бессовестный!

– Уж прости, Сонюшка.

– Думаешь, я не знаю, что это ты нарочно? Чтобы одному не оставаться?!

Алексей кое-как выдавил из себя улыбку. Увы... возраст дал о себе знать.

Возраст, потеря любимой жены, усталость...

Все навалилось вдруг и сразу, и Алексей почувствовал боль в сердце. Укол, второй... и вот беда. Софья вроде бы держалась, но Алексей понимал – она его надолго не переживет. Из Кремля мчался Александр, надеясь застать отца в живых, бушевала за окном буря, а брат и сестра сидели рядом, смотрели друг другу в глаза – и вспоминали. И в этот миг их мысли, чувства, воспоминания – все было общим. Момент беспредельной ясности.

*Вот мальчик слушает сказку. А рядом девочка играет в наперстки.*

*Три наперстка кручу, бусину найти хочу...*

*Мальчик соскакивает с рук няньки – и пристраивается рядом. Некоторое время смотрит, а потом тычет пальцем.*

– Здесь?

*Под наперстком оказывается пусто. И еще раз. И еще. И сколько радости приносит найденная бусина!*

*Вот они играют в «Путешествие вокруг света». К ним присоединяется государь Алексей Михайлович. Смеется, смотрит теплыми синими глазами, а потом сообщает, что их мечта начинает осуществляться. Школе в Дьяково – быть! Не только для мальчиков, но и для девочек.*

*Вот они забирают Ваню у боярыни Морозовой.*

*Вот возвращаются из польского похода – и Софья повисает у него на шее.*

*Вот отвоевывают Крым...*

*Вот...*

– Это была хорошая жизнь, верно, Соня?

– Замечательная.

Софья усилием воли задавила слезы. Заколело сердце, пришлось присесть на край кровати, взять руку брата в свои ладони.

– Бог даст, мы еще встретимся, братик.

– Мы обязательно встретимся, Соня. Если там есть справедливость – мы будем все вместе.

– Скорее бы. Ты еще не ушел, а я уже соскучилась...  
Алексей отозвался улыбкой на эту немудреную шутку.  
– Мы с Ваней подождем. Только не задерживайся.  
– Обещаю...

Что-то творилось с этим миром. Он расплывался, расслаивался, воздух словно бы обретал твердость и плотность...

Слезы?

Боль в груди нарастала, становилась невыносимой. Больше семидесяти лет рядом. Вместе, плечом к плечу, не допуская ссоры... Это уже не два человека. Это одна душа – на двоих.

Сердце билось громовыми раскатами. Или это перекачивалась гроза за окном, ударяя в землю короткими злыми молниями?

– Говорят, легко уходить во время грозы...

Сказала ли это Софья? Или просто показалось, что шевельнулись губы?

Реальностью оставалась только рука Алексея, за которую Софья держалась, что есть сил. Рука – и взгляд синих глаз.

Она и не ведала, что так же за нее держался Алексей. И все прозрачнее становился ее силуэт, все яснее проступало нечто иное...

– Отец!

– Мама!

Голоса они еще слышали. И даже, кажется, успели улыбнуться на прощание, благословляя своих детей. А потом Софья почувствовала чью-то руку на своем плече – и оглянулась.

Они стояли совсем рядом. Держались за руки, улыбались, ждали их...

Такие молодые, яркие, искренние...

Ульрика – совсем такая, как она приехала когда-то в Москву. Юная, испуганная, чуть неуверенная в себе, но улыбающаяся. Мир не должен знать, что принцесса его боится. А рядом – Ваня, Ванечка...

Софья так и не поняла, когда она бросилась на шею мужу. Рядом Алексей так же обнимал Ульрику, не думая ни о чем. И прошло, наверное, немало времени, прежде, чем они позволили себе взглянуть вниз.

Там, над их телами плакали Александр и Аленка. Горько, безутешно, жалобно...

А здесь...

Здесь была абсолютная ясность. Софья смотрела в лица самым своим близким людям, и ждала приговора. Она ведь их использовала. Всех использовала...

Она все сделала, чтобы выполнить свою задачу, чтобы стояла Русь,

чтобы не было войны, и ради этого она предавала, продавала, убивала, шла по головам и не считалась ни с чем и ни с кем. Сколько уж на ней налипло грязи...

Софья понимала, что самым правильным наказанием будет для нее дорога в другой конец. Ребят – в рай, а ей, наверное, место в аду. Самое то...

Можно даже в котле не варить, а можно и варить. Пусть только они будут счастливы, они *будут*...

Софья отчаянно ждала грома с небес, света, голоса, да хоть чего-то, но, не дождавшись, позволила себе поднять голову.

Не мысль, нет, ощущение громадного, невероятного счастья, пронизавшее каждую ее клеточку.

*Глупая.*

*Ты ведь – полюбила. И все отдала ради нас.*

*Мы тебя тоже любим.*

*Ты справилась, Сонюшка. Ты – справилась...*

*И ты не думай, мы не уходим, разве ж это видано, чтобы родители бросали детей без присмотра? Мы остаемся рядом с ними. Это – наша награда.*

Четыре тени бросили прощальный взгляд на землю – и растаяли в солнечной синеве неба.



## Эпилог

1829 год

Кремль, Москва

Сто лет, как в тень ушел великий царь.  
Сто лет, как сердце биться перестало...

Поэма читалась и перечитывалась, обсуждалась во дворцах и в крестьянских избах...

Пушкина любили. А героя его поэмы, царя Алексея Великого, Алексея Ясно Солнышко, Алексея Русского любили еще больше. И не было избы, где не рассказывали бы о нем сказок. И про его походы, и про справедливое правление, и про то, как он детей вырастил – почитай, сто лет Русь горя не знает...

– Александр Сергеевич, рад вас видеть при дворе...

Евгений Изотов, шапочный знакомый поэта, возник рядом. Заулыбался, демонстрируя близость к таланту.

– Говорят, вашу поэму заказали во Францию? В переводе?

– Перевод губит хорошие стихи, – буркнул Пушкин.

– Может, вам продолжить эту тему? – не обратил внимания на недовольство поэта Изотов. – Насколько я помню, ваш предок попал на Русь как раз при государе Алексее Алексеевиче Великом?

– Его царствование уже завершилось, мой предок даже не был знаком с государем, – отрезал поэт.

Изотов смешался, хлопнул глазами, но ненадолго.

– Или написать о ком-нибудь еще? Например, царевна Софья, Проклятая царевна, чем не тема?

– Она не хотела бы, чтобы о ней писали, – шелестнул рядом тихий голос. – Александр Сергеевич, рада вас видеть.

По странному стечению обстоятельств, эту женщину звали так же, как и ее прапрабабку.

Софьей.

Внешне, правда, они были совершенно не похожи. Первая Софья была темноволоса и темноглаза, эта же смотрела на мир громадными карими глазами, а рыжие волосы были небрежно стянуты зеленой лентой. А вот выражение глаз было абсолютно одинаковым.

Жестким, холодным, спокойным.

И должность та же.

Тень за тронном государя.

Младшая дочь от брака государя Алексея Третьего с княжной Морозовой, полностью унаследовала и прабабкин характер, и прабабкину должность, и даже страх, который вызывала Проклятая царевна. Слухи, сплетни... никто не знал, где правда, а где ложь, но боялись искренне – на всякий случай. Изотов резко побледнел – и отклонялся, стремясь раствориться в толпе придворных.

– Я хотела поблагодарить вас, Александр Сергеевич. Вы отлично справились. Поэма великолепна.

Поэт поклонился.

– Государь собирается наградить вас. Насколько я знаю, ваш журнал сейчас испытывает определенные трудности, равно как и вы...

Второй поклон вышел чуть принужденным, но женщина заметила искорку недовольства и успокоила поэта.

– В этом нет ничего удивительного. Властелин Муз не должен опускаться до презренного металла. Это не ваше. Поэтому мы решили помочь вам.

– Ваша светлость...

– Зайдите ко мне завтра. В Кремль. Вас пропустят.

Поэт еще раз поклонился – и не удержался.

– Ваша светлость, может быть, вы все-таки позволите написать поэму о вашей прабабушке?

– Нет. Это вне обсуждений.

– Клянусь, я не выпущу ее без цензуры...

– Дело не в этом. Вы почти ничего не знаете о ее жизни, поэтому поэма будет... неверна.

– Возможно, вы мне расскажете? – набрался храбрости поэт. – Или мне дадут разрешение поработать в архивах?

Софья задумчиво улыбнулась.

– И поэма будет называться «Проклятая царевна»?

– Ваша светлость! Я никогда бы...!

– Я подумаю над этим.

Женщина скользнула прочь, а поэт нервно вытер пот со лба. Да уж.

Впечатление княгиня производила... страшноватое. Если ее прабабушка была такая же... Кошмар! Но поэму он все равно напишет.

Такая личность!

Только бы позволили...

### **Франция, Версаль**

– Ваше величество.

Корона опустилась на голову мужчины плавно, одним движением. И с колен поднялся уже его величество король Франции.

Людовик Деятнадцатый.

Франции не повезло. Она познала и Революцию, и тяжелую длань Наполеона, и безвластие, и даже сто дней вернувшегося правителя.

В конце концов Наполеон был низвергнут и на трон взошел Людовик Восемнадцатый.

Но – увы.

Взойти мало, а вот удержаться он не смог, да еще бездетность. А наследовать ему тоже было почти некому. Революция, подогреваемая откуда-то извне, так славно прополола ряды французских принцев и принцесс, что найти прямого потомка Короля-Солнца было попросту невозможно. Плюс еще бездетность короля.

А трон надо было передавать по наследству.

И тогда Людовику предложили один вариант.

У Людовика Четырнадцатого, как известно, были не только законные, но и внебрачные потомки. И две дочери от его второй жены – Анны де Бейль, леди Винтер. Зимней Королевы, как прозвали ее в конце жизни.

Потомки девочек жили в Шотландии. И у одной из них был сын достаточно знатного происхождения, рожденный в семье ломбардского принца, то есть прямо происходящий от Короля-Солнца. К тому же помолвленный с русской царевной. Две линии от королев Франции, происхождение, воспитание, связи, что немаловажно...

Луис не собирался становиться королем Франции. Но есть предложения, от которых не отказываются. Тем более, что всех так утомила эта война...

Да и...

Луи вздрогнул, словно кто-то бросил ему сосульку за воротник парадной мантии, и подумал, что жизнь складывается весьма причудливо.

Сто лет назад, даже больше, его прабабка бежала из Франции, потому что была королевой и не хотела, чтобы ее дети стали пешками в политической игре. Теперь ее правнук вернулся, чтобы занять трон прадеда.

Сможет ли он справиться с целой страной?

Франция разорена войной, люди голодны и злы, соседи еще злее...

Луи вспомнил портреты прабабки и прадеда, висевшие в Версале. Даже озверелое мужичье не нашло в себе достаточно наглости, чтобы их уничтожить.

Надменный профиль Людовика Четырнадцатого, уверенная осанка, трость с бантом.

И рядом – прабабка.

Светлые волосы взбиты в замысловатую прическу, голова чуть склонена к плечу, на губах играет загадочная улыбка...

О чем она думает? Куда стремится? Чего хочет?

Художник передал все так четко, что Луи видел в синих глазах давно умершей женщины, глубокую тоску. Но о чем думала бабушка?

Кто знает?

Могла ли она предвидеть его возвращение?

И что бы сказала?

Луи вдруг улыбнулся и расправил плечи. Словно во сне, рядом с ним прозвенел бархатистый женский голос.

*Государство – теперь ты. И ты должен!*

Вот уж воистину.

Его величество вскинул голову, увенчанную короной, и повернулся к выходу из церкви.

Да здравствует король!!!

### ***Испания, Эскуриал***

Его величество Хуан Третий сломал печать на письме и быстро пробежал его глазами.

Хм-м.

Письмо было от русского государя. Ответ на его сватовство к царевне Марине.

Положительный ответ.

Испанский трон и русский трон роднились достаточно давно, и новый

союз может быть вполне удачным. Уж генетически – точно. Больше ста лет прошло с тех пор, как королем стал Мигель Первый, сменилось четыре поколения, можно опять свататься.

Хуан бросил взгляд на миниатюру, приложенную к письму.

Темноволосая девушка с синими романовскими глазами, надменно вскинула голову, улыбаясь художнику.

Пора, пора влить свежую кровь в жилы Габсбургов, чтобы не кончить так, как несчастный прадеда Карлос, истории о котором в королевском семействе передают из уст в уста и обязательно показывают детям портрет несчастного. В Европе все перероднились между собой, а вот на Руси государь может хоть на простолюдinке жениться, коли она в список невест попадет. Там у них кровь здоровая...

И прошлый опыт показывает, что родство удачное, Мигелем Первым можно только гордиться, и...

Ах, Русь.

*Я тебя никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу...*

Русским с Эскуриалом породниться тоже не зазорно чай, не последняя страна, не германское княжество какое.

Страна громадная, раскинувшаяся на четыре континента. Испания, Сицилия, Неаполь, Сардиния, вице-королевства Новой Испании, Новой Гранады, Перу, Ла-Платы... Во внутренних делах они самостоятельны, но у них общий монарх, общие союзы, враги, друзья... Благодаря мудрым реформам короля Мигеля Первого, Испания не потеряла ни одной колонии, разве что приросла той же Африкой. Но там еще цивилизовать дикие племена и учить, и учить их...

И все это Хуан надеялся передать своему сыну от русской царевны. Ибо в детях наше будущее.

### ***Русь, Дьяково***

– Сегодня напишите мне сочинение про Алексея Алексеевича Великого.

Учитель прохаживался вдоль столов.

– Я хочу знать, сколько вы усвоили из того, что я рассказал.

Ученики послушно расправили листы. Заскрипели перья.

*«Династия Романовых правит и по сей день...»*

*«При Алексее Алексеевиче был присоединен Крым, а его сын, Александр Алексеевич, присоединил проливы и вернул Руси Царьград...»*

*«При Алексее Алексеевиче начали плавать в колонии. Именно тогда русские установили контакт с американскими индейцами. Сейчас ведется активная торговля...»*

*«При Алексее Алексеевиче началось активное заселение Сибири и освоение Урала, которое продолжается и по сей день...»*

*«В своей работе Алексей Алексеевич опирался на помощь сестры Софьи, а также тетюшек Ирины, Анны и Татьяны. Это был первый случай нарушения традиций, когда царевен выдавали замуж на Руси...»*

*«При Алексее Алексеевиче был основан Университет...»*

*«При государе резко пресекалось казнокрадство и кумовство...»*

Дети писали. Кто-то прикусывал в раздумье кончик языка, один мальчик уже испачкал пальцы и даже лицо в чернилах, кто-то вспоминал, кто-то размышлял, несколько ребят строчили, как заведенные, стремясь выплеснуть все на бумагу, прежде, чем прозвенит звонок.

Они жили в самой могущественной стране мира. И тем страшнее была ее сила, что Русь ни на кого не нападала первой. Русские не искали расширения территории, они методично осваивали то, что было у них, и только потом шли дальше.

Конечно, дети не знали многого, но у них было желание учиться, и было время. И возможность, что самое главное. Школа в Дьяково разрослась, обзавелась филиалами в Польше и Венгрии, которые после нападения Наполеона так образовали единую коалицию с Русью и не собирались из нее выходить. Понравилось работать вместе.

Дети пока об этом не задумывались.

Они учились в лучшей на свете школе – имени Алексея Великого. И точно знали, что кто-то из них в этом году поедет в путешествие – награда для трех лучших учеников.

Крым, Кавказ, Царьград – они обязательно посетят эти места. И в Царьграде придут в храм Святой Софии, покровительницы русских женщин.

Они знают, что там висит совершенно особенная икона.

Говорят, что ее нарисовали по заказу Алексея Алексеевича, и Александр Алексеевич, когда завоевал Царьград, приказал повесить ее в Аийя-София.

Она срисована с реального человека.

С проклятой царевны.

Так ее называют в других странах.

С царевны Софьюшки, как ее называют на Руси. Женщины, которая сама решала свою судьбу, стояла за плечом великого государя, взяла на себя проклятие рода Романовых, чтобы ее брат жил без гнета на душе и совести...

Икона смотрит серьезными темными глазами. Она не улыбается, вовсе нет. Но говорят, что тот, кто помолится перед ней, обретает свою судьбу.

Много это или мало?

Благословение или проклятье?

На это могла бы ответить только сама царевна.

Но история умалчивает, а портреты молчат, предоставляя решать и оценивать потомкам. Ибо их памятью выносятся суждения.

И их памятью Софья признана достойной. Ее не забудут в веках.

Сестра, тень за тронем, государыня... это все о ней. На нее мечтают походить девочки. Ее ставят в пример другим.

Наверное, ее жизнь была прожита не зря.

\* \* \*

Софья так никогда и не узнала, что Весы качнулись и вновь застыли в равновесии, но уже в другом равновесии.

Ее жизнь была оценена, взвешена – и признана достойной. Она исполнила то, для чего ее призвали.

А награда...

Ее жизнь, ее родные и близкие, ее потомки, ее Русь – они жили, радовались, они были счастливы, они просто – были.

Другого счастья ей было и не надобно.